

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО»

На правах рукописи

Клюев Артем Игоревич

ИСТОРИК Н.П. ОТТОКАР И ЕГО КОНЦЕПЦИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО
ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО ГОРОДА

Специальность 5.6.5 – Историография, источниковедение и методы
исторического исследования

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель

д-р ист. наук А.В. Свешников

д-р ист. наук С.Б. Крих

Омск – 2021

Содержание

Введение.....	3
Глава 1. Этапы профессиональной карьеры Н.П. Оттокара.	43
1.1 Санкт-Петербург / Петроград: становление ученого (1884 – 1916 гг.).....	43
1.2. Между научной работой и административной карьерой: пермский период жизни Н.П. Оттокара (1916 – 1921 гг.).....	64
1.3. «Русский классик» итальянской науки: Н.П. Оттокар в период работы во Флорентийском университете (1921 – 1957 гг.).....	89
Глава 2. Историческая концепция Н.П. Оттокара	135
2.1. Научный контекст появления концепции: средневековый европейский город в историографии конца XIX – начала XX вв.	135
2.2. Поиск метода: история средневековых городов Западной Европы в работах Н.П. Оттокара.....	151
2.3. Утверждение метода: история французских средневековых городов в творчестве Н.П. Оттокара	176
2.4. Вершина творчества: история Флоренции эпохи Дуэченто в интерпретации Н.П. Оттокара.....	186
2.5. Попытка исторического синтеза: «Городские коммуны в средние века» ..	207
Заключение	213
Список использованных источников и литературы	217
Список условных обозначений и сокращений.....	258

Введение

Актуальность исследования. На протяжении последних трех десятилетий внимание отечественных историографов оказалось обращено к сюжетам, которые ранее или не привлекали внимание специалистов, или оценивались ими преимущественно в негативном ключе. Одним из таковых оказался феномен русского научного зарубежья, ведущий свою историю от русской революции и связанный с особыми формами научной эмиграции, порожденными политической ситуацией в стране. Эта «утечка мозгов»¹ была характерна для представителей как естественных, так и гуманитарных наук, не сумевших или не пожелавших встроиться в новую советскую действительность. Среди изгнанников оказались и историки, искавшие различные способы отъезда за рубеж и, в дальнейшем, избиравшие столь же различные стратегии построения научной карьеры в рамках «принимающих обществ».

К настоящему моменту история русского научного зарубежья как самостоятельная отрасль историографических поисков прошла значительный путь. Развиваясь первоначально в русле критики работы ученых-эмигрантов, а затем накопления эмпирического материала, исследование данного сюжета постепенно перешло к проблематизации и систематическому анализу, ставя во главу угла вопросы, связанные со стратегиями адаптации ученых-эмигрантов к новой научной среде, механизмами их встраивания в среду стран-реципиентов, вопросами конструирования научного пространства и т.д.² В качестве примера изучения подобных практик истории науки обращались к анализу как

¹ См. подробнее об этом: Аллахвердян А. Причины и масштабы утечки научных кадров из России (на материалах статистики науки) // Люди мира: Русское научное зарубежье / Под ред. Д. Баюка. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. С. 453–478.

² Из последних работ в этом направлении необходимо отметить следующие: Волошина В.Ю. Ученый в эмиграции: проблемы социальной адаптации ученых-эмигрантов сквозь призму «социальной истории». Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010; Ее же. Вырванные из родной почвы: социальная адаптация российских ученых-эмигрантов в 1920–1930-е годы. М.: Форум, 2013; Захаров О.И. Открывая Америку. М.: ИПО «У Никитских ворот», 2019; Ковалев М.В. Русский историки-эмигранты в Праге (1920–1940 гг.). Саратов: Саратов. гос. техн. ун-т, 2012; Сорокина М.Ю. Российское научное зарубежье: новая экспериментальная площадка отечественной гуманитаристики? // Советская гуманитаристика. Мечты и прагматика в 120-1950-е гг. / Отв. ред. Е.А. Долгова. М.: РГГУ, 2020. С. 14–30 и др.

положительного опыта «адаптации» к новым условиям (М.И. Ростовцев, А.В. Флоровский, Г.В. Вернадский, М.М. Карпович и др.), так и «отрицательного», когда ученым не удавалось построить успешную академическую карьеру за пределами России (Г.П. Федотов, Л.П. Карсавин и др.). Признавая весьма серьезные достижения специалистов в изучении заявленных тем и сюжетов, мы, однако, не можем не обратить внимание на тот факт, что из представленного ряда эмигрантов выпадает целый ряд значимых фигур, обращение к которым может позволить существенно расширить наши знания о феномене научной эмиграции. Такой фигурой, в известной степени, оказался Николай Петрович Оттокар (1884 – 1957), ученик И.М. Гревса, приват-доцент Петроградского университета, ректор и профессор Пермского университета, покинувший Россию в начале 1920-х гг. и вскоре получивший кафедру во Флорентийском университете. Его творчество до сих пор слабо изучено в контексте эпохи (первой половины XX в.), притом что речь идет о безусловно своеобразном ученом.

Оригинальность фигуры Н.П. Оттокара обуславливается не только фактом его успешной интеграции в итальянское научное сообщество, но и самим механизмом данного процесса. Последнее было связано тем, что нашему герою предстояло выдержать конкуренцию местных итальянских ученых, специализировавшихся к тому же в области истории средневековой Флоренции, а не более «простых» для ученого-эмигранта русистике, антиковедении и византистике³. И Н.П. Оттокару удалось добиться очевидного успеха: он не

³ Подобные идеи уже были ранее высказаны П.Ю. Уваровым: «Специалист по итальянским городам раннего Средневековья, он сделал карьеру во Флоренции, стал там профессором и заведующим кафедрой. Понимаете, одно дело – карьера М. Ростовцева, ставшего известным ученым в Америке: он занимался античностью, а эта сфера была в начале прошлого века в США не слишком хорошо разработана, и у него не оказалось достойных конкурентов. Совсем другое дело – сделать карьеру в Италии, где своих специалистов по истории итальянских городов немало, и прекрасных специалистов. Но итальянская профессура почти вся была левой и настроенной против фашизма. Когда к власти пришел Муссолини, этих профессоров убрали, искали какую-нибудь фигуру с именем в научном мире и хотя бы нейтральную политически. Нашли Оттокара, который и стал заведовать кафедрой. Он не был членом фашистской партии, но и в Сопротивлении не участвовал. Просто работал». См.: Уваров П.Ю. Читают ли российских историков за границей? // Знание-сила: научно-популярный журнал. URL: http://www.znanie-sila.ru/?r=1&issue=articles/issue_2601.html (дата обращения: 01.08.2014).

только «закрепился» в научной корпорации принимающей страны, но и оставил после себя глубокий след в итальянской историографии. Опубликовав в Италии в 1926 г. фундаментальную монографию, посвященную истории Флоренции эпохи приората⁴, Н.П. Оттокар занял почетное место в «пантеоне» не только итальянской, но и мировой исторической науки. Русскому историку удалось предложить такой ракурс рассмотрения проблемы истории одного из самых неоднозначных периодов в жизни итальянского города, что совершенно логичным видится тот факт, что и сегодня исследования по истории итальянских городов-коммун эпохи Дуэченто не обходятся без обращения к работам этого исследователя⁵.

Однако интерес современных специалистов к фигуре Н.П. Оттокара отнюдь не исчерпывается названными обстоятельствами. Значимость научного наследия отечественного медиевиста определяется и его методологическими поисками. Так, именно Н.П. Оттокар предвосхитил целый ряд выводов, сделанных учеными в конце XX в., обратив внимание коллег на значимость для реконструкции городской истории отдельных деталей, «ускользающих» при попытке проведения широких генерализаций. В результате, его труды позволяют иначе взглянуть на общие принципы позитивистской историографии, традиционно рассматриваемые

⁴ См.: Ottokar N. Il Comune di Firenze alla fine del Dugento. Firenze: Vallecchi, 1926. В дальнейшем, мы будем использовать современную форму термина «XIII век», а именно «Дуэченто» (Duecento).

⁵ См., напр.: Mucciarelli R. Magnati e popolani: un conflitto nell'Italia dei comuni (secoli 13.–14.). Milano: Bruno Mondadori, 2009; Diacciati S. Popolani e magnati: società e politica nella Firenze del Duecento / Presentazione di J.-Cl. Maire Vigueur. Spoleto: Fondazione Centro italiano di studi sull'Alto Medioevo, 2011; Zorzi A. La trasformazione di un quadro politico: ricerche su politica e giustizia a Firenze dal comune allo Stato territoriale. Firenze: Firenze University press, 2008; Gualtieri P. Il Comune di Firenze tra Due e Trecento: partecipazione politica e assetto istituzionale. Firenze: Olschki, 2009; Magnati e popolani nell'Italia comunale: quindicesimo convegno di studi: Pistoia, 15–18 maggio 1995. Pistoia: presso la sede del Centro, 1997; Blanshei S.R. Politics and Justice in Late Medieval Bologna. Leiden: Brill; Biggleswade, 2010; Coss P. The aristocracy in England and Tuscany, 1000–1250. Oxford; New York, NY: Oxford University Press, 2020; Cohn S. Lust for liberty: the politics of social revolt in medieval Europe, 1200–1425: Italy, France, and Flanders. Cambridge, Mass.; London: Harvard University Press, 2006; Lansing C. The Florentine magnates: lineage and faction in a medieval commune. Princeton, N.J.; Oxford: Princeton University Press, 1991; The New Cambridge Medieval History. Vol. V: c. 1198 – c. 1300 // Ed. by D. Abulafia. Cambridge: Cambridge University Press, 2000 и др.

в искаженной перспективе достижений «школы Анналов»⁶. Не оставив после себя «методологических манифестов», Н.П. Оттокар демонстрировал в своих сочинениях приемы исторического анализа, основанного на бережном отношении к отдельным деталям и фактам, осторожно вплетаемым в общую канву повествования, фактически предвосхищая повторное открытие историзма и фактографизма современными историками, особенно в перспективе микроисторических исследований XX в.⁷.

Иными словами, проводимое нами исследование может стать не только шагом к «возвращению» имен историков-эмигрантов и углублению анализа способов их адаптации к новым условиям, но и способом «реабилитации» достижений позитивистской историографии. Все это делает обращение к фигуре Н.П. Оттокара своевременным и актуальным.

Степень изученности темы. Как было сказано выше, жизнь и творчество Н.П. Оттокара не являются вовсе неисследованной темой, напротив, можно говорить об определенной традиции, со своими достижениями и пока не заполненными лакунами. Отечественную литературу, посвященную Н.П. Оттокару с некоторой долей условности можно разделить по хронологическому принципу и выделить три основных этапа в развитии темы.

Первый этап пришелся на 1910–1920-е гг., когда в печати стали появляться первые работы ученого и отклики на них со стороны коллег. В целом, на наш взгляд, это время оказалось периодом «нормальной» научной критики выводов автора, когда специалисты высказывали серьезные замечания как в отношении методов работы, так и выводов историка, что, впрочем, не исключало высоких оценок мастерства медиевиста.

Наиболее ярким подтверждением данного тезиса служат рецензии на работу Н.П. Оттокара о французских городах, принадлежащие таким представителям

⁶ См. об этом: Proste A. Seignobos revisité // Vingtième Siècle. Revue d'histoire. 1994. Vol. 43. № 1. P. 100–118. Трубникова Н.В. Историческое движение Анналов. Институциональные основы: традиции и новации: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2007. С. 35–38.

⁷ Гинзбург К. Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю // Гинзбург К. Мифы – эмблемы – приметы / Пер. с ит., послесл. С.Л. Козлова. М.: НЛО, 2004. С. 287–320.

«старой школы» как И.М. Гревс и А.Г. Вульфius. Первый из названных авторов представил развёрнутую критику попытки индивидуально-синтетического построения истории французских городов в средние века, которая была предпринята его учеником в рамках магистерской диссертации. Отзыв, оставшийся до сих пор неопубликованным, но, вероятно, представленный автором на защите Н.П. Оттокара, представляет собой по сути первую попытку анализа концептуальных построений ученого. Несмотря на то, что И.М. Гревсу казалась неприемлемой чрезмерная критика Н.П. Оттокаром предшествующей традиции, он высоко оценивал достижения своего ученика, полагая, что в них «заключена важная методологическая и фактическая ценность для “реформы” исследования средневековых городов и для “построения” её будущей истории»⁸.

В схожем ключе выдержаны и другие отклики на труды историка, относящиеся к обозначенному этапу. Например, А.Г. Вульфius отмечал, «что подход автора к вопросу коммунального развития помог ему во многом набросать новую картину внутреннего развития городов, но все же полагаем, что в его отношении к коммунальной теории в целом ряд неясностей и неприемлемых выводов»⁹. Солидаризируясь в И.М. Гревсом, автор рецензии отмечал, что теория коммунальных революций сложилась при изучении предшествующими

⁸ Гревс И.М. Отзыв о труде Н.П. Оттокара «Опыты по истории французских городов в средние века» // СПбФ АРАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 143. Л. 11. В качестве дополнения к отзыву И.М. Гревса необходимо также использовать отзыв второго оппонента диссертанта, а именно О.А. Добиаш-Рожественской, чей отзыв, в целом, созвучен тем мыслям, которые были высказаны И.М. Гревсом. О.А. Добиаш-Рожественская так охарактеризовала работу Н.П. Оттокара: «Эта книга, кажется прямо примыкает к последним достижениям западной науки, но она к ним примыкает и понятна только на их фоне. В этом ее достоинство и недостаток. В русской литературе она может оказаться изолированной». См.: Добиаш-Рожественская О.А. Выступление на диспуте по поводу книги Н.П. Оттокара «Опыты по истории французских городов в Средние века» и материалы к выступлению. Черновой автограф. 1919 год // ОР РНБ. Ф. 254. Д. 223. Л. 23об. К сожалению, в отличие от отзыва И.М. Гревса, он не представляет собой цельного текста, а является, в сущности, набросками, ориентиром для оппонирования, и чрезвычайно тяжело поддается обработке и систематизации.

Используя данные неопубликованные отзывы в историографическом обзоре, мы отдаем себе отчет в двусмысленности такой позиции. Тем не менее, мы рассматриваем выступление на диспуте указанных историков как один из видов рецензирования.

⁹ Вульфius А.Г. Рец.: Оттокар Н.П. Опыты по истории французских городов в средние века. Пермь, 1919 // Книга и революция: ежемесячный критико-библиографический журнал. 1921. № 1. С. 50.

исследователями истории конкретных городов, и не является плодом вымыслов историков¹⁰. Вступая в полемику с Н.П. Оттокаром по ряду моментов, А.Г. Вульфius тем не менее подчеркивал, что «следует пожелать книге перевода на иностранные языки, ибо выводы её таковы, что мимо них нельзя пройти при изучении городской истории»¹¹. Критично высказался о работе Н.П. Оттокара П. Клименко, который отмечал, что поставив проблему о взаимоотношениях города и его периферии, автор не предложил её окончательного разрешения¹². Более позитивно высказался в печати и младший коллега историка, Н.С. Цемш, отмечавший, что «если и не разделять пессимистической методологии Оттокара, нельзя не признать, что в своих критических частях она чрезвычайно сильна, основательно подрывая многие устои старых школ»¹³.

Проблемы, поставленные Н.П. Оттокаром, видятся чрезвычайно интересными и актуальными и таким авторам, как М.Н. Покровский¹⁴, Н.И. Кареев¹⁵, Е.А. Косминский¹⁶, В.П. Бузескул¹⁷, в работах которых есть краткие замечания о работах историка.

Однако на рубеже 1920–1930-х гг. оценки творчества Н.П. Оттокара начинают серьезно меняться. С одной стороны, его имя стараются предать «вынужденному забвению» и вычеркнуть из истории советской науки. Отметим, что в советское время так и не появилось специальных исследований, посвященных изучению жизненного пути Оттокара или разбору его работ. Более того, имя историка не фигурировало даже в общих историографических обзорах

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Клименко П. Рец.: Н.П. Оттокар. Опыты по истории французских городов в средние века. Записки Пермского Университета. Т. 1. Стр. 258. Пермь, 1919 // Украина. 1926. № 4. С. 143.

¹³ Цемш Н.С. Проблема происхождения французского города в научной литературе // Россия и Запад. Пг.: Accademia, 1923. Вып. 1. С. 183. См. также: С. 181–182.

¹⁴ Покровский М.Н. Общественные науки в России за четыре года // Наука в советской России. М.: Гос. изд-во, 1922. С. 12.

¹⁵ Кареев Н.И. Отчет о русской исторической науке за 50 лет (1876–1926) / Публ. В.П. Золотарева, пер. с фр. А.Н. Лобовикова и В.П. Золотарева // Отечественная история. 1994. № 2. С. 149–150.

¹⁶ Косминский Е.А. Средние века и Новое время // Общественные науки СССР. 1917–1927 / Под ред. В.П. Волгина, Г.О. Гордона, И.К. Луппола. М.: Работник просвещения, 1928. С. 107–115.

¹⁷ См.: Бузескул В.П. Всеобщая история и её представители в России в XIX и начале XX века. М.: Индрик, 2008. С. 223.

данного периода¹⁸. Однако это «забвение» никогда не было абсолютным. Отечественные специалисты по истории Флоренции или истории средневековых городов не могли совсем не упоминать работы ученого, но следуя устоявшейся практике того времени, советские историки не столько анализировали труды Оттокара, сколько клеймили и обличали этого «врага» марксизма.

Весьма показательна в этом отношении оценка творчества историка, данная О.Л. Вайнштейном. Советский историограф видел в Н.П. Оттокаре «русского белоэмигранта, натурализовавшегося в Италии», ставшего инициатором пересмотра частично принятой в марксистской науке теории происхождения городов как торгово-промышленных центров¹⁹. В последующих работах О.Л. Вайнштейна обвинения Н.П. Оттокара в антимарксистских устремлениях его трудов приняли более явный характер. «Советская критика, – писал О.Л. Вайнштейн, – отметившая это большое и оригинальное исследование («Опыты по истории французских городов в средние века» – А.К.), не сразу, однако, распознала, что Оттокар воюет не столько с либерально-буржуазной схемой истории средневековых городов, сколько с концепцией Маркса и Энгельса»²⁰.

Очень близкую трактовку творчества мы можем наблюдать и в работе другого советского исследователя В.В. Стоклицкой-Терешкович «Основные проблемы истории средневекового города». Н.П. Оттокар здесь – «русский белоэмигрант, ярый реакционер и откровенный идеалист», который совершенно отрицает роль экономики в истории городской жизни²¹. Вторит ей и саратовский исследователь С.М. Стам. В одной из своих статей, посвященной критике

¹⁸ Гутнова Е.В. Историография истории средних веков. М.: «Высшая школа», 1974. С. 236–316, 373–378. Не фигурирует автор также и среди учеников И.М. Гревса в соответствующем отделе академического издания «Очерков по истории исторической науки в СССР». См.: Очерки истории исторической науки в СССР: в 4 т. М.: Москва: Изд-во Акад. Наук СССР, 1955–1966. Т. 3.

¹⁹ Вайнштейн О.Л. Историография средних веков в связи с развитием исторической мысли от начала средних веков до наших дней. М.; Л.: Соцэкгиз, 1940. С. 284.

²⁰ Его же. История советской медиевистики. 1917–1966. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1968. С. 67.

²¹ Стоклицкая-Терешкович В.В. Основные проблемы истории средневекового города. М.: Соцэкгиз, 1960. С. 43.

концепции французского исследователя А. Лестокуа, историк не смог обойти вниманием выводы Н.П. Оттокара, использованные французским историком-урбанистом. По мнению советского исследователя, Н.П. Оттокар один из тех авторов, которые попытались нанести удар по либеральной концепции средневекового города, и особенно по концепции коммунального движения²². С.М. Стам повторял тезис О.Л. Вайнштейна о том, что книга Н.П. Оттокара «в сущности [...] была идейной атакой против марксистского учения о классовой борьбе как важнейшей движущей силе исторического развития»²³.

К схожим выводам пришел Л.М. Баткин, в 1960-е гг. утверждавший, что Н.П. Оттокар «открыл поход против марксизма, а заодно и против «так называемой юридико-экономической школы, целиком пропитанной идеями марксизма (а на деле попросту против достижений и заветов классического буржуазного позитивизма)»²⁴. По мнению Л.М. Баткина, историк усматривал во Флоренции конца XIII в. медленный и гармоничный прогресс государственности, основанной на цеховой системе, а увенчавшие этот процесс «Установления Справедливости» были лишены революционного и классового содержания²⁵. В заключение Л.М. Баткин утверждал: «Однако борьба с фактами – вещь всё же утомительная. И Оттокар в конце концов проговаривается: во Флоренции “существовали материальные интересы и различия политических и социальных

²² Стам С.М. Об одном реакционном течении в современной французской историографии средневекового города и о проблеме городского патрициата // СВ. М., 1964. Вып. 25. С. 303.

²³ Там же. С. 303. См. также работу С.М. Стама о Тулузе XI–XIII вв.: Его же. Экономическое и социально развитие раннего города (Тулуза XI–XIII веков). Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1969. С. 11. С.М. Стам также является автором статьи «Коммунальное движение» для «Советской исторической энциклопедии», где Оттокар и некоторые его последователи фигурируют как историки, отрицающие «противоречия между городами и феодальным строем» и определяющее значение классовой борьбы в развитии средневековых городов. См.: Его же. Коммунальное движение // Советская историческая энциклопедия: в 16 т. / Под ред. Е.М. Жукова. М.: Советская энциклопедия, 1965. Т. 7. С. 577–580.

²⁴ Баткин Л.М. Флорентийские гранды и поправки 6 июля 1295 г. к «Установлениям правосудия» // СВ. М., 1961. Вып. 20. С. 81.

²⁵ Там же. С. 81–83. В кандидатской диссертации, посвящённой фигуре Данте и политической борьбе во Флоренции эпохи Дуэченто, Л.М. Баткин, хоть и заочно, но тоже ведёт дискуссию с идеями Н.П. Оттокара. См.: Его же. Данте и политическая борьба во Флоренции конца XIII – начала XIV веков: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1959. С. 5–10. См. также: Его же. Данте и его время. М.: Наука, 1965. С. 79–86.

тенденций»²⁶. Позднее, Л.М. Баткин постарается отказаться от радикальных оценок, отзываясь об Н.П. Оттокаре по-прежнему в полемическом тоне, но акцентируя внимание на влиянии критикуемой концепции на развитие западной историографии²⁷.

Во второй половине 1980-х – 1990-е гг. начинается новый этап в развитии историографического осмысления творческого наследия медиевиста. На смену критике с идеологических позиций²⁸ пришло стремление представить портрет исследователя, оценить его вклад в мировую историческую науку. Первые шаги в данном направлении были сделаны Б.С. Кагановичем и А.Л. Ястребицкой. Выводы Б.С. Кагановича, впервые в отечественной историографии поставившего вопрос о принадлежности Н.П. Оттокара к петербургской школе медиевистов, еще отличаются определенным сходством с оценками советских историков. Так, в кандидатской диссертации (1986 г.) ученый подчёркивал, что «концепция Оттокара несомненно представляет собой реакцию как на классическую буржуазную (восходящую к сочинениям О. Тьерри), так и на марксистскую интерпретацию западноевропейского средневекового города и слишком противоречит многим фактам, чтобы быть принятой в науке»²⁹. В дальнейшем

²⁶ Его же. Флорентийские гранды и поправки 6 июля 1295 г. к «Установлениям правосудия». С. 83. В одной из рецензий Л.М. Баткин пишет о хронике Дино Компаньи следующее: «И все же богатейшее содержание хроники осталось по-настоящему не использованным всей буржуазной наукой. Особенно неохотно обращаются к нему Оттокар и его последователи. Их пренебрежение к Компаньи, очевидно, объясняется той самой особенностью хроники, которая требует усиленного внимания историка-марксиста: отчетливым изображением в ней классовой борьбы». См.: Его же. Хроника Дино Компаньи или притча Данте Алигьери? // СВ. М., 1960. Вып. 17. С. 374. В статье о создании Приората во Флоренции Л.М. Баткин ведет полемику с «некоторыми западными историками» (по контексту видно, что главным представителем западной науки является все тот же Н.П. Оттокар), которые пытаются оспорить то, что «безбоязненно вскрывала прогрессивная буржуазная мысль ещё в XVI в.». См.: Его же. Подготовка и создание Приората во Флоренции // Исторические науки. 1961. № 2. С. 213, 217–218.

²⁷ Его же. Период городских коммун // История Италии: в 3-х т. М.: Наука, 1970. Т. 1. С. 227–229.

²⁸ В качестве примера такой трансформации можно упомянуть работы Л.А. Котельниковой о феодализме и городе в Италии, где полемика с Н.П. Оттокаром ведется корректно. См.: Котельникова Л.А. Феодализм и город в Италии в VIII–XV веках: по материалам центральных и северных областей. М.: Наука, 1987. С. 58.

²⁹ Каганович Б.С. Петербургская школа медиевистики в конце XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1986. С. 12. Раздел диссертации Б.С. Кагановича, посвященный

автор возвращался к фигуре Н.П. Оттокара лишь однажды, сохранив, в общем и целом, верность сделанным ранее выводам об условной принадлежности историка к школе И.М. Гревса³⁰.

Иной характер носили оценки А.Л. Ястребицкой. Указывая на некоторые характерные черты работ Н.П. Оттокара, она не без некоторого пафоса писала о том, что в них были предвосхищены многие современные проблемы и подходы. Для отечественного автора творчество Н.П. Оттокара «это – призыв к обновлению истории, к реконструкции на новых, научных основах европейской истории и истории средневекового города как её части»³¹. Более того, по мысли А.Л. Ястребицкой, многие идеи дореволюционного историка, как глобальные, так и конкретно-исторические, получили дальнейшее развитие в работах историков школы «Анналов»³².

В схожем позитивном ключе творчество Н.П. Оттокара оценивает и А.З. Нюркаева. Автор статьи попыталась выделить основные моменты творчества медиевиста и пришла к выводу о том, что творчество историка, это синтез достижений мировой исторической науки того периода, прежде всего веберизма, риккертизма и основных принципов школы Анналов³³. «В целом монография Н.П. Оттокара, несмотря на перегруженность фактическим материалом, не утратила научного значения, ее основные положения способствовали развитию теории возникновения городов. Методологическая

Н.П. Оттокару, впоследствии не вошел в монографию о школе И.М. Гревса. См.: Его же. Русские медиевисты первой половины XX века. СПб.: Гиперион, 2007. См. об этой книге: Горфункель А.Х. Рец.: Каганович Б.С. Русские медиевисты первой половины XX века. СПб.: Гиперион, 244 с. // СВ. 2010. Т. 71. № 3–4. С. 436–446.

³⁰ Kaganovič B. Nikolaj Ottokar nel circolo dei medievisti di Pietroburgo // Nicola Ottokar storico del Medioevo. Da Pietroburgo a Firenze / A cura di L. Pubblici, R. Risaliti, Presentazione di G. Cherubini. Firenze: L.S. Olschki, 2008. P. 47–54.

³¹ Ястребицкая А.Л. Европейский город (Средние века – раннее Новое Время). Введение в современную урбанистику. М.: ИНИОН, 1993. С. 249; Её же. Средневековая культура и город в новой исторической науке. М.: Фирма «Интерпракс», 1995. С. 117–129. Авторству А.Л. Ястребицкой также принадлежит словарная статья, посвящённая Н.П. Оттокару, которая повторяет сказанное выше. См.: Её же. Оттокар Николай Петрович // Культурология. XX век: Энциклопедия: в 2 т. / Гл. ред. и сост. С.Я. Левит. СПб.: Унив. кн., 1999. Т. 2. С. 111–112.

³² Ястребицкая А.Л. Европейский город. С. 249.

³³ Нюркаева А.З. Исследования проблем древности, средневековья и славяноведения в Пермском университете (к 75-летию университета) // Античность Европы / Под ред. И.Л. Маяк, А.З. Нюркаевой. Пермь: ПГУ, 1992. С. 125.

рефлексия ученого, постулат непредвзятости к концептуальным стереотипам актуальны для сегодняшнего дня истории»³⁴.

Всплеск интереса к творчеству Н.П. Оттокара пришелся на 2000-е гг., когда историографы обратились как к изучению творческого наследия автора, так и анализу его жизненного пути. Среди исследований первой группы стоит обратить внимание на работы А.А. Морозова, И.В. Дубровского.

Рассматривая проблемы средневековой культуры в творчестве петербургских медиевистов, А.А. Морозов ряд работ посвятил жизни и творчеству Н.П. Оттокара³⁵. Автор стремится показать линии преемственности в творчестве Л.П. Карсавина, П.М. Бицилли и Н.П. Оттокара, находя в их научной работе «оригинальное развитие петербургской историко-культурной школы медиевистики»³⁶. Заявляя данный тезис, он исходит из того, что есть определённые черты сходства как методологического, так и методического свойства³⁷. При этом ценность работам А.А. Морозова добавляет тот факт, что историограф привлек корпус работ итальянского периода жизни автора, которые до того в большинстве своём оставались неиспользованными отечественными историками науки. Впрочем, они играют «подсобную» роль в его исследовании, например, в одной из статей А.А. Морозов использует лишь одну работу

³⁴ Там же. С. 126.

³⁵ Морозов А.А. Историки западноевропейского средневековья в исторической науке российской эмиграции (к постановке вопроса) // Вестник Омского университета. 2001 № 3. С. 63–66; Его же. Некоторые вопросы методологии истории средневекового города в работах Н.П. Оттокара // Вестник Омского университета. 1999. № 4. С. 77–80; Его же. Проблема становления средневекового города в трактовке Н.П. Оттокара // Социальные институты в истории: ретроспекция и реальность: материалы межвузовской региональной научной конференции. Омск: Изд-во ОмГУ, 2001. С. 19–23; Его же. Русская медиевистика в эмиграции (Л.П. Карсавин, П.М. Бицилли, Н.П. Оттокар): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2001; Его же. Социальные институты в составе культуры: методологический аспект (в связи с работами П.М. Бицилли и Н.П. Оттокара) // Социальные институты в истории: ретроспекция и реальность: материалы V межвузовской региональной научной конференции. 1–2 ноября 2001 г. Омск: Изд. ОмГУ, 2003. С. 51–55. Схожие мысли о преемственности доэмигрантского творчества Н.П. Оттокара, Л.П. Карсавина и других историков, высказывал Ю.И. Арутюнян, см.: Арутюнян Ю.И. Человек средний – человек типичный – человек идеальный: историки русского зарубежья о западном средневековье // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2008. Т. 178. С. 8–14.

³⁶ Морозов А.А. Русская медиевистика в эмиграции. С. 3.

³⁷ Там же.

Н.П. Оттокара, что характерно и для многих других современных историографических работ³⁸. Тем не менее, ряд ошибочных трактовок (о некоторых будет сказано в ходе нашего исследования) не должен повлиять на признание вклада А.А. Морозова в изучение вопроса.

И.В. Дубровский использовал работы Н.П. Оттокара в полемике, например, с О.Г. Эксле, стремясь подчеркнуть значение методологических поисков историка для современной науки³⁹. При этом надо отметить, что И.В. Дубровский проблематизирует ряд моментов, неизбежно возникающих в связи с творчеством Н.П. Оттокара, таких как восприятие историка итальянцами в условиях фашизации итальянского общества и в последующем, взаимоотношения историка с режимом, проблема «школы Н.П. Оттокара», взгляд историка на антропологический поворот, связанный с деятельностью представителей школы «Анналов» и др. Часть выводов при этом следует признать спорными, а некоторые трактовки просто грешат передергиваниями взглядов самого Н.П. Оттокара, его современников, а равно и современных историков.

К данному этапу относится и первый опыт написания биографии Н.П. Оттокара, который принадлежит Н.П. Комоловой. Автор, опираясь в основном на воспоминания близких друзей и очевидцев, реконструирует общие линии жизненного пути историка. При этом в работах Н.П. Комоловой достаточно неточностей и ошибок, к числу которых можно отнести неправильное указание на дату эмиграции историка в Италию⁴⁰. Статьи

³⁸ Его же. Некоторые вопросы методологии истории средневекового города в работах Н.П. Оттокара. С. 77–80.

³⁹ Дубровский И.В. Работать историком. Корпоративный строй // Дубровский И.В. Очерки социальной истории средних веков. М.: Regnum, 2010. С. 91–94. «Исторические исследования Николая Оттокара показывают идеальный пример работы в истории. Сделанное им так надежно, что не устарело ни в чем. Его разборы исторических материалов до сих пор выглядят безупречными. Мы слишком просто соглашаемся с тем, что в исторической работе одни прочтения источников с течением лет послушно сменяются другими. Так бывает не всегда, и дело историка, чтобы так не было. Имея перед глазами пример Оттокара, поневоле задумаешься о судьбе нашей науки». См.: Его же. Оттокар и другие // Дубровский И.В. Там же. С. 99.

⁴⁰ Комолова Н.П. Профессор Флорентийского университета Н.П. Оттокар // Россия и Италия. Вып. 5: Русская эмиграция в Италии в XX веке. М.: Наука, 2003. С. 157–164; Её же. Страницы итальянской истории по Н.П. Оттокару // Её же. Италия в русской культуре Серебряного века: времена и судьбы. М.: Наука, 2005. С. 396–403. Об этом издании см.: Степанова Л. Ещё раз о

А.К. и В.А. Клементьевых, основанные на большом корпусе архивных материалов, отличаются точностью в изложении русского этапа жизни Н.П. Оттокара. Вместе с тем, флорентийский период жизни историка, реконструированный без опоры на архивные источники⁴¹, характеризуется некоторой схематичностью и остается *terra incognita*. Особую ценность данным работам придает привлечение историками неопубликованного эпистолярного наследия, большей частью хранящегося в частных архивах⁴². Отдельные сведения о биографии Н.П. Оттокара есть также и в работах специалиста по «русской» Италии М.Г. Талалая⁴³.

Отдельные сведения о жизненном пути Н.П. Оттокара представлены в работе историка исторической науки А.В. Свешникова. Полемизируя с Б.С. Кагановичем, автор стремится доказать принадлежность интересующего нас ученого к школе И.М. Гревса. Выстраивая антропологическую модель «научной школы», омский историк настаивает не столько на анализе линий идейной преемственности, сколько на внимании к «поведенческим практикам» историка⁴⁴. В итоге

«серебряном веке»: как у нас исследуют культурные влияния // Вопросы литературы. 2006. № 2. С. 328–354; Яковлев М.В. «На Адриатику широкое окно». Размышления о книге: Комолова Н.П. «Италия в русской культуре Серебряного века: времена и судьбы» // Культурология. 2006. № 4. С. 147–159.

⁴¹ В качестве источниковой базы для реконструкции флорентийского этапа жизни Н.П. Оттокара авторы используют переписку историка с В.В. Вейдле и Г.В. Вернадским, ссылаясь при этом на некое «частное собрание», хотя в действительности, речь идет о документах, хранящихся в Бахметьевском фонде в США.

⁴² Несмотря на то, что А.К. Клементьев издал три статьи, посвященных Н.П. Оттокару (одна в соавторстве), речь идет об одной и той же статье, опубликованной трижды с незначительными изменениями. См.: Клементьев А.К. Николай Петрович Оттокар (Путь русского историка: Санкт-Петербург – Пермь – Петроград – Флоренция) // Исторические записки / Отв. ред. Б.В. Ананьич. М.: Наука, 2004. № 7. С. 323–338; Его же. Николай Петрович Оттокар (русский исследователь политического устройства средневековой Европы) // Зарубежная Россия 1917–1945. СПб.: Лики России, 2004. С. 79–104; Клементьев А.К., Клементьева В.А. Три университета Николая Петровича Оттокара. Санкт-Петербург – Петроград – Пермь – Флоренция // Русские в Италии: Культурное наследие эмиграции: Международная научная конференция / Сост., науч. ред. М.Г. Талалай. М.: Русский путь, 2006. С. 377–404.

⁴³ См.: Талалай М.Г. Российский некрополь в Италии. М.: ООО «Старая Басманная», 2014. С. 103, 534–535, 601. См. также интересную, но местами спорную статью того же автора: Его же. Профессор Николай Оттокар: русская академическая традиция и историческая науки в Италии // Гуманитарная наука в России и перелом 1917 года: экзистенциальное измерение / Ред. О.А. Довгополова, А.А. Каменских. СПб.: Алетейя, 2017. С. 135–147.

⁴⁴ Свешников А.В. Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. С. 3–40.

«сохранение определённых профессиональных связей с коллегами (в частности, с тем же Л.П. Карсавиным), причастность к ряду школообразующих практик и чёткая ориентация в пермский период на Петроград» позволяют А.В. Свешникову говорить об Н.П. Оттокаре как о представителе петербургской школы медиевистов⁴⁵. Нельзя не отметить и стремление историографа представить анализ концептуальных построений Н.П. Оттокара, который, однако, проводится на материале русскоязычных работ, что неизбежно облекает его на фрагментарность.

Продолжается в современной историографии и рецепция концептуальных построений историка. Заслуги Н.П. Оттокара в поле изучения средневекового города Западной Европы и значение его выводов и методики для современной науки отмечает А.А. Сванидзе, ответственный редактор коллективного издания «Город в средневековой цивилизации Западной Европы»⁴⁶. Проблемы средневековых европейских городов и истории Флоренции в творчестве Н.П. Оттокара, а также методов исторического исследования, применяемых историков, были подняты в целом ряде современных диссертационных исследований. Т.Ф. Хайдаров, считает, что «исследование Н.П. Оттокара «Опыты по истории французских городов в средние века» [...] открывало новый путь к изучению средневековых городов»⁴⁷. Т.А. Мельникова пишет об А.К. Дживелегове и Н.П. Оттокаре как об историках, которые применяли к «предмету своего исследования отличные от позитивистских и марксистских подходы», а основная заслуга этих историков видится ею в их новаторском обращении к социальной повседневности средневековой городской жизни⁴⁸.

См. также переработанное переиздание данной работы: Его же. Иван Михайлович Гревс и петербургская школа медиевистов начала XX в. Судьба научного сообщества. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016.

⁴⁵ Свешников А.В. Петербургская школа медиевистов начала XX века. С. 128.

⁴⁶ Сванидзе А.А. Средневековые города Западной Европы: некоторые общие проблемы // Город в средневековой цивилизации Западной Европы: в 4-х т. Т. 1: Феномен средневекового урбанизма. М.: Наука, 1999. С. 12.

⁴⁷ Хайдаров Т.Ф. Средневековый Данциг в немецкой историографии: XIX – 30-е годы XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2008. С. 5.

⁴⁸ Мельникова Т.А. Новое и традиционное в культурной жизни флорентийского городского общества XIV – начала XV вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2006. С. 4.

Говоря о развитии исторической мысли по вопросу о сущности итальянской коммуны, в частности коммуны Сиены, М.И. Дмитриева отмечает наличие в историографии коммуны точки зрения, принадлежащей Н.П. Оттокару, которая расходится с традиционной трактовкой в русле «экономико-юридической школы» коммуны, согласно которой пополаны рассматривались как условие прогрессивного развития коммун и коммунальной демократии⁴⁹. В.В. Тимченко отмечает попытку Н.П. Оттокара преодолеть подход к взаимоотношениям между знатью и пополанами с точки зрения классовой борьбы, при этом констатирует, что сам автор «не всегда свободен от предвзятых оценок», а «концепция правящего слоя итальянских городов отличается неопределенностью»⁵⁰. Е.Ю. Полховская отмечает, что работы Н.П. Оттокара, наряду с работами таких ученых, как А.К. Дживелегов, Н.П. Грацианский, Д.М. Петрушевский, «положили начало складыванию традиций урбановедения как научного направления в рамках отечественной медиевистики»⁵¹.

Отдельно стоит упомянуть о ряде работ И.А. Красновой, в частности недавно изданную монографию «Флорентийское общество во второй половине XIII–XIV в.: гранды и пополаны, “добрые” купцы и рыцари». Фактически со времен трудов Л.М. Баткина по истории Флоренции эпохи приората, это первое исследование, посвященное специальному изучению указанного периода в отечественной историографии. Разумеется, автор книги не могла пройти мимо творческого наследия Н.П. Оттокара, и, помещая его в контекст развития флорентинистики на всем протяжении XX столетия, И.А. Краснова, вслед за А. Цорци отмечает, что фактически начало дискуссии о политических событиях

⁴⁹ Дмитриева М.И. Особенности социально-политического развития Сиены в XIV веке: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007. С. 6–7. См. также: Её же. Сиенская коммуна в XII–XIV вв.: особенности развития итальянского города в эпоху средневековья: учебно-методическое пособие. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013. С. 3–6.

⁵⁰ Тимченко В.В. Место знати и рыцарства в городской среде Флоренции XIII–XV вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2013. С. 4–5.

⁵¹ Полховская Е.Ю. Основные теоретические и методологические подходы к истории европейского города в отечественной медиевистике XX века: дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2002. С. 6. См. также: Её же. Становление отечественной средневековой урбанистики // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2007. № 1 (137). С. 41–44.

эпохи Дуэченто во Флоренции положили Гаэтано Сальвемини и Николай Оттокар⁵² и в этой системе координат, вопрос о магнатах и пополанах фактически и существовал до недавних пор. И.А. Краснова отмечает, что только с недавнего времени отмечается отказ от полярности во мнениях⁵³. Хотя, как нам представляется, этот антагонизм до сих пор не преодолён, о чем, кстати сказать, говорит и сама автор исследования, указывая на то, что во многом современная историография сейчас соглашается с суждениями Г. Сальвемини, хотя «отход от схематично-классовых дефиниций [...], обнаруживает известную правоту суждений Н. Оттокара»⁵⁴. Конечно, данное исследование не является исчерпывающим в части рецепции творческого наследия Н.П. Оттокара: в нём оставлены без внимания многие проблемные вопросы, такие как влияние итальянской историографии на концепцию Оттокара, влияние концепции элит Г. Моска и В. Парето, вопрос о ценности концепции для современной науки и многие другие. Тем не менее, данное исследование бесспорно полезно для понимания контекста творчества историка⁵⁵.

При этом любопытно, что до недавнего времени личность Н.П. Оттокара практически не упоминалась в работах по русской эмиграции в Европе. Не

⁵² Краснова И.А. Флорентийское общество во второй половине XIII–XVI в.: гранды и пополаны, «добрые» купцы и рыцари. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. С. 7. См. также и другие статьи автора: Её же. Основное социальное противоречие коммунального общества Флоренции XIII–XIV вв.: историографические версии // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2014. № 1. С. 144–148; Краснова И.А., Величко Л.Н. Борьба политических фракций или фэйда: истоки возникновения партий гвельфов и гибеллинов во Флоренции // Гуманитарные и юридические исследования. 2014. № 1. С. 18–25.

⁵³ Краснова И.А. Флорентийское общество во второй половине XIII–XVI в. С. 10.

⁵⁴ Там же. 179.

⁵⁵ В другой работе И.А. Красновой, Н.П. Оттокар, наряду с другими итальянскими историками эпохи начала XX в., такими как Н. Родолико, А. Дорена, Г. Сальвемини, стоит у истоков традиции изучения ментальных особенностей общества на примере Флоренции. «Хотя указанные авторы не ставили перед собой задачу специально изучать категории повседневности, формы менталитета и обыденного сознания, эти вопросы отдельными фрагментами, «примерами», догадками оказывались затронутыми на страницах их трудов, посвящённых экономическим проблемам, социальной структуре, вопросам устройства государства». См.: Её же. Исследование форм повседневности жизни и менталитета флорентийского общества в средневековье первой половины XX в. // Средневековый город: межвузовский научный сборник. Саратов: Изд-во Саратовского государственного университета, 2006. Вып. 17. С. 118.

вспомнил о нём В.Т. Пашуто⁵⁶, не фигурирует он и в одной из последних работ, посвящённой эмиграции – в исследовании Ю.Н. Емельянова⁵⁷. Составляя справочник ученых-эмигрантов, В.Ю. Волошина также упускает из виду фигуру Н.П. Оттокара⁵⁸. Впрочем, несмотря на то, что имя Н.П. Оттокара чаще всего выпадает из общего исследовательского пространства русской эмиграции, стоит отметить, что имя историка довольно часто появляется на полях узкоспециальной исследовательской литературы, в которой исследователи пытаются включить историка в проблемное исследовательское поле – чаще всего, обращаясь только к отдельным деталям⁵⁹. Таким образом, отечественные исследования, хотя и позволяют многое узнать о творчестве крупного медиевиста, очень далеки от того, чтобы дать их читателю полную его картину.

Обращаясь к западной историографии, можно также выделить несколько этапов развития историографической мысли в отношении Н.П. Оттокара.

Первое знакомство западного научного мира с творчеством Н.П. Оттокара состоялось на V Конгрессе историков в Брюсселе в 1923 г.⁶⁰, где исследователем были представлены соображения по поводу истории и типологии французских городов. Уже тогда, на обсуждении, были отмечены новаторские подходы к проблеме, однако при этом отмечались некоторые ошибки историка.

⁵⁶ Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М.: Наука, 1992.

⁵⁷ Емельянов Ю.Н. История в изгнании: историческая периодика русской эмиграции (1920–1940-е годы). М.: Русская панорама, 2008.

⁵⁸ Волошина В.Ю. Вырванные из родной почвы. Социальная адаптация российских ученых-эмигрантов в 1920–1930-е годы. М.: Форум, 2013. Хотя, разумеется, нужно отметить, что в справочных изданиях, посвященных феномену русской эмиграции в Италии, Оттокар чаще всего фигурирует. См.: Талалай М.Г. Российский некрополь в Италии. С. 12, 534–535; Гардзонио С. Оттокар Николай Петрович // Русское присутствие в Италии в первой половине XX века / ред.-сост. А. д'Амелия и Д. Рицци. М.: РОССПЭН, 2019. С. 496–497.

⁵⁹ См. напр. работы Е.А. Булучевской: Булучевская Е.А. Эмиграция деятелей русской культуры в Италию (1918–1939): к вопросу о статистике и типологизации // Вестник Костромского государственного университета. 2016. Т. 22. № 3. С. 43–46; Её же. Социальное положение русских эмигрантов в Италии (1918–1939) // Вестник Костромского государственного университета. 2016. Т. 22. № 5. С. 37–41; Её же. Особенности русской эмиграции в Италию в начале 1920-х гг. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2016. № 3 (39). С. 20–29.

⁶⁰ Erdmann K.D. Toward a Global Community of Historians. The International Congresses and the International Committee of Historical Sciences 1898–2000. New York; Oxford: Berghahn Books, 2005. P. 81. См. также: *Compte Rendu Du Ve Congres International Des Sciences Historiques / Publié par G. Des Marez, F.L. Ganshof. Bruxelles: M. Weissenbruch, 1923.*

Первые печатные рецензии на работы Оттокара появились в итальянской историографии в конце 1920-х гг., после публикации автором книги «Флорентийская коммуна в конце Дуэченто». Один из первых отзывов принадлежал видному итальянскому философу Б. Кроче, интересовавшемуся вопросами исторического познания. Работа историка привлекла внимание Б. Кроче преимущественно с методологической точки зрения. Подвергая серьезной критике выводы марксистской историографии, рецензент подчеркивал значимость стремления Н.П. Оттокара отказаться от рассмотрения истории Флоренции с позиций классовой борьбы. «Политикам, руководствовавшимся классовыми интересами, он (Оттокар – А. К.) противопоставил политиков, опиравшихся на политические причины, связанные с общей жизнью флорентийского общества, как во внешних так и во внутренних сношениях: политика правящего класса подчинялась или старалась приспособиться к потребностям государства и переступала интересы того или иного класса, перешагивала экономические притязания отдельных слоев в угоду удовлетворения экономических нужд всего государства»⁶¹.

Новизну подходов и выводов Н.П. Оттокара отмечали также авторы обзорных статей в итальянских научных журналах. П. Ландонья акцентировал внимание на стремлении историка отмежеваться от концептуальных построений видного итальянского исследователя флорентийской истории Г. Сальвемини⁶². Вместе с тем, автор обзора отмечал, что многие положения Н.П. Оттокара представляют собой ни что иное, как развитие итальянской позитивистской исторической мысли: О. Хартвиг, П. Виллари и ряд других авторов заложили основы прочтения истории средневековых городов Италии, став опорой для выводов историка.

Положительный отзыв о книге был дан в рецензии немецкого историка А. Грунцвайга. Автор стремился противопоставить концепцию Н.П. Оттокара

⁶¹ Croce B. Rec.: Ottokar N. Il Comune di Firenze alla fine del Dugento. Firenze, 1926 // La Critica. Rivista di Letteratura, Storia e Filosofia. 1927. № 25. P. 239.

⁶² Landogna P. Rec.: Ottokar N. Il Comune di Firenze alla fine del Dugento. Firenze, 1926 // Nuova Rivista Storica. 1926. Fasc. I. P. 599–601.

выводам Г. Сальвемини. По его мнению, работа последнего безнадежно устарела, тогда как книга Н.П. Оттокара отличалась известной новизной, связанной с тем, что она противостояла отнюдь небесспорным, но весьма актуальным в 1920-е гг. марксистским и фашистским трактовкам исторического процесса. «Это огромная ценность исторической работы – пытаться опровергнуть то, что казалось более чем солидно установленным», – писал автор рецензии⁶³. Более того, А. Грунцвайг настаивал на том, что наиболее значимой и весомой монографию Н.П. Оттокара делает стремление отказаться от исключительной объективности экономической истории, также подверженной различного рода ошибкам. Особенно актуальным данное утверждение становится в отношении итальянского материала, отличавшегося значительным своеобразием и требующего особого методологического инструментария, ориентировавшего исследователя на анализ антропологической составляющей исторического процесса.

Любопытный обзор был представлен В. Матури в «Новом историческом журнале» за 1928 г. Обращаясь преимущественно к материалу переведенного на французский язык сочинения «Опыты по истории французских городов в средние века», автор обзора стремился поместить Н.П. Оттокара в пространство современной исторической мысли. В. Матури писал, что для исторической науки второй половины XIX – начала XX вв. было характерно «чувство пресыщенности собранным филологическим материалом и признание необходимости появления новых теорий»⁶⁴. Н.П. Оттокар стремился решить данную проблему, критически осмысливая опыт предшественников и стремясь отыскать новые пути для развития исторических исследований. «Каждая его (Оттокара – А. К.) книга – это уничтожение своих предшественников [...], никакого уважения по отношению к ним; они воспринимаются без пиетета и часто критика граничит с гиперкритикой, что вызывает резкое неприятие со стороны оппонентов»⁶⁵. При этом автор

⁶³ Grunzweig A. Rec.: Ottokar N. Il Comune di Firenze alla fine del Dugento. Firenze, 1926 // *Revue belge de philologie et d'histoire*. 1928. Vol. 7. № 7. P. 113.

⁶⁴ Maturi W. Rec.: Ottokar N. Le città francesi nel Medio nel Medio Evo. Firenze, 1927 // *Nuova Rivista Storica*. 1928. Fasc. IV. P. 651.

⁶⁵ *Op. cit.*

рецензии подчеркивал, что историк часто не оригинален в своих умозаклЮчениях. Так, «выводы, которые он (Оттокар – А. К.) представил относительно французских коммун в 1919 г., были сформулированы на материале итальянских коммун Дж. Вольпе в 1904 г. и с тем же успехом были приложены к истории синьорий и принципатов»⁶⁶. Несмотря на общий критический посыл, автор обзора видит, тем не менее, серьезную научную значимость работы Н.П. Оттокара, которая «возможно, расширит горизонты нашей историографической культуры»⁶⁷.

Французский исследователь Ж. Эспина также подверг критическому разбору работу о французских городах Н.П. Оттокара⁶⁸. Отмечая положительно стремление Н.П. Оттокара к пересмотру устоявшихся концепций, и отмечая эвристическую ценность наблюдений историка о коммунальных хартиях, французский историк при этом считает, что общие выводы, сделанные Н.П. Оттокаром, идут вразрез с привлекаемым им для доказательства своего мнения источниковым материалом. Так, Ж. Эспина ставит под сомнение само название работы Н. П. Оттокара, полагая, что в сущности ее содержание касается лишь нескольких городов нескольких регионов Франции⁶⁹.

В течение долгого периода времени эти работы оставались единственными трудами, в которых была сделана попытка проанализировать основные достижения трудов историка. Фактически, до начала 2000-х гг. в Италии вся итальянская историография историка исчерпывалась несколькими некрологами⁷⁰ и рядом небольших (порою с большим количеством ошибок в них) словарных статей. Особое внимание стоит обратить на некролог Э. Сестана, ближайшего соратника Н.П. Оттокара, который приобрел статус «классического» исследования об историке. Внимание итальянского историка было приковано к

⁶⁶ Op. cit. P. 652.

⁶⁷ Op. cit.

⁶⁸ Espinas G. Rec.: Ottokar N. Le città francesi nel medio evo // *Annales d'histoire économique et sociale*. 1929. Vol. 1. № 1. P. 111–113.

⁶⁹ Espinas G. Op. cit. P. 113.

⁷⁰ D'Addario A. Nicola Ottokar (1884–1957) // *ASI*. 1957. Vol. 115. Disp. III. P. 379–381; Sestan E. Nicola Ottokar // *Rivista storica italiana*. 1959. Fasc. I. P. 178–184.

исторической концепции автора, оцениваемой Э. Сестаном очень высоко. Для него труд Н.П. Оттокара по истории Флоренции не просто пережил время, в которое был написан, но «содержит нечто важное и для следующего поколения», так как «нет другой работы по истории итальянских коммун, которую по новизне, методу исследования и интерпретации можно поставить рядом с этой книгой»⁷¹.

При этом, несмотря на отсутствие специальных исследований, посвященных жизни и творчеству историка, имя его не исчезало со страниц специальных исследований по истории городов, особенно Флоренции. Уже в момент появления первых рецензий на работы русского историка в историографии наметился определенный раскол по линии Г. Сальвемини – Н.П. Оттокар⁷². Часть историков, признавая значение работ Г. Сальвемини, пыталась развить выводы этого историка, при этом подвергая сомнению концепцию Н.П. Оттокара. К примеру, коллективная работа «Гибеллины, гвельфы и “жирный” народ» подвергает критическому анализу концепцию Н.П. Оттокара, считая, что общество Флоренции конца XIII в. не было обществом гомогенным, характеризовавшимся общностью целей и намерений⁷³. С другой стороны, мы

⁷¹ Говоря о некрологах, как об определенном показателе значимости историка, мы прекрасно понимаем их особенности, как стилистические, так и содержательные. В данном случае, некролог Э. Сестана, перепечатывался трижды, и лишь за незначительными изменениями, оставался прежним. См.: Ibid. Introduzione // Ottokar N. Il Comune di Firemze alla fine del Dugento. Torino, Einaudi, 1962. IX–XVIII; Ibid. Nicola Ottokar // Scritti vari. Vol. 1–5. Firenze: Le Lettere, 1991. Vol. III. Storiografia dell’Otto e Novecento / A cura di G. Pinto. P. 345–354.

⁷² Эта дихотомия была, как мы покажем далее, естественным следствием полемического характера работы самого Н.П. Оттокара. И в дальнейшем, уже первые рецензии, о которых мы упоминали выше, как раз-такими оценивали работу Н.П. Оттокара «с оглядкой» на работу Г. Сальвемини. См., напр.: Pieri P. Rec.: Nicola Ottokar. Il Comune di Firenze alla fine del Dugento. Firenze, Valecchi, 1926, pp. 292 // Archivio storico italiano. 1927. Vol. VIII. P. 90–96. В дальнейшем, эта тенденция только развивалась. Если сильно упрощать ситуацию, то фактически везде, где встречается анализ работы Г. Сальвемини, сразу же возникает оппозиция с работой Н.П. Оттокара. См. напр.: Green L. Historiography // Medieval Italy: an encyclopedia / Ed. C. Kleinhenz. New York: Routledge, 2003. Vol. 1. P. 1024–1026; Ibid. Florence // The New Cambridge Medieval History. P. 490–493; Blanshei S.R. Politics and Justice in Late Medieval Bologna. P. 2–5; Storia d'Italia / Diretta da Giuseppe Galasso. Torino: UTET, 1981. Vol. 4. Comuni e signorie: istituzioni, società e lotte per l'egemonia / Capitani O. ed altri. P. 486 и др.; Viguer Maire J.-Cl. Il problema storiografico: Firenze come modello (e mito) di regime popolare // Magnati e popolani nell'Italia comunale. P. 6–13 и др. работы.

⁷³ Medici D., Parenti P., Ravaggi S., Tarassi M. Ghibellini, guelfi e popolo grasso: i denetori del potere politica a Firenze nella seconda metà del Dugento. Firenze: La Nuova Italia, 1978. Обращает на себя изначальный посыл авторов данного коллективного труда: «Находясь на дистанции в полвека с

можем констатировать развитие идей Н.П. Оттокара, что находит свое воплощение в работах Й. Плеснера, Э. Фиуми, Э. Кристиани, Н. Рубинштейна, которые пытались исследовать как взаимоотношения города и контадо, так и сосредоточить свои исследования на истории отдельных семей, фракций, и на связях между ними⁷⁴.

Иными словами, как и отечественная историография, итальянская историческая наука XX в. уделяла в целом стабильное, но не слишком пристальное внимание фигуре Н.П. Оттокара. В качестве объяснения данного феномена мы считаем необходимым отметить обстоятельства, связанные с положением историка в научном сообществе Италии 1920–1940-х гг. Эмигрировав в Италию, бывший профессор Пермского университета получил кафедру истории средних веков в университете г. Флоренции, занимаемую ранее антифашистски настроенным Г. Сальвемини. В отличие от своего предшественника, Н.П. Оттокар был лоялен фашистскому режиму, что не могло не повлиять на формирование у итальянских коллег образа русского «приспособленца», удачно воспользовавшегося ситуацией для восхождения по карьерной лестнице⁷⁵.

Это обстоятельство в конечном счете не оказалось решающим, и для западных ученых был очевиден вклад русского урбаниста в исследование социально-политических структур итальянского города. Недаром современный историк Флоренции А. Цорци даже отмечает, что теоретический абрис изучения истории средневековой истории Флоренции был заложен в начале XX в., и в

момента выходя книги Николая Оттокара, *Il Comune di Firenze alla fine del Duecento*, которая тщательностью анализа представляет собой последний цельный вклад в изучение столь узловой точки флорентийской истории, что мы решили вновь обратиться к такому способу исследования». См.: *Op. cit.* P. X.

⁷⁴ Green L. *Historiography*. P. 1024. Кстати сказать, работа Й. Плеснера вызвала довольно резкую реакции со стороны самого М. Блока. См.: Bloch M. *Rec.: Johan Plesner. L'emigration de la campagne à la ville libre de Florence au XIIIe siècle*. Copenhagen, 1934 // *Le Moyen age. Revue trimestrielle d'histoire et de philology*. 1936. № 3. P. 194–195.

⁷⁵ Замечательна в это плане оценка дихотомии и самоопределения, данная Дж. Керубини, в предисловии к сборнику «Николай Оттокар – историк-медиевист». См.: Cherubini G. *Presentazione* // *Nicola Ottokar storico del medio evo. Da Pietroburgo a Firenze*. P. 6. См. об этом: Дубровский И.В. Оттокар и другие.

сущности, развивается либо в постсальвеминианском, либо в постоттокаровском ключе⁷⁶. Эта дихотомия неизменно присутствует во всей литературе, в которой говорится о событиях флорентийской истории, начиная с XIII в. и заканчивая проблемами ренессансной культуры. Причем, вероятно, для современных авторов такое противопоставление выполняет очень важную эвристическую функцию – оно обеспечивает поиск «своего места» в поле методологических и конкретно-исторических исследований⁷⁷.

В 2000–2010-е гг. интерес к фигуре Н.П. Оттокара со стороны итальянских историков возрос. На протяжении последних двадцати лет на итальянском языке появились работы, касающиеся биографии русского историка, его взаимоотношениям с фашистским режимом и с русской эмиграцией. И вероятно, наиболее показателен в этом отношении сборник «Николай Оттокар – историк-медиевист», увидевший свет в 2008 г.⁷⁸. Это издание носит обзорный и подготовительный характер. Акцентируя внимание во введении на двух основополагающих моментах, а именно на анализе жизненного пути историка и рассмотрении его исторической концепции, авторы сосредоточили свое внимание преимущественно на первом, не представив целостной реконструкции концептуальных построений Н.П. Оттокара. Авторы стараются поднять многочисленные проблемы, связанные с биографией и творческой деятельностью Н.П. Оттокара, однако, поставив проблемы, авторы сборника не предлагают их решений. Столь же предварительными в отношении фигуры Н.П. Оттокара оказываются и результаты работы исследовательского коллектива «Russi in Italia»,

⁷⁶ Zorzi A. La trasformazione di un quadro politico: ricerche su politica e giustizia a Firenze dal comune allo Stato territoriale. Firenze: Firenze University press, 2008. P. 132.

⁷⁷ См. ряд работ современных историков: Ricciardelli F. The Politics of Exclusion in Early Renaissance Florence. Turnhout: Brepols, 2007. P. 85; Cohn S.K. Lust for Liberty: The politics of Social Revolt in Medieval Europe, 1200–1425. P. 10; Ibid. Creating the Florentine State: Peasants and Rebellion, 1348–1434. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 105; Najemy J. A History of Florence. 1200–1575. Oxford: Blackwell, 2006. P. 39.

⁷⁸ Nicola Ottokar storico del Medioevo. Da Pietroburgo a Firenze. Данный сборник уже стал предметом рецензии, довольно резкой (порою необоснованно), автором которой является И.В. Дубровский. См.: Дубровский И.В. Оттокар и другие. С. 97–131. См. также: Ключев А.И. Неизвестный известный медиевист. Размышления над страницами книги «Николай Оттокар – историк-медиевист» // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2011. Вып. 37. С. 366–375.

который в течение десяти лет занимался сбором и публикацией источников, связанных с феноменом русской эмиграции в Италии. Собранные ими материалы связаны и с именем Н.П. Оттокара, они нашли свое отражение в некоторых изданиях, на страницах которых фигурируют краткие сведения о флорентийском медиевисте⁷⁹.

Наряду с конкретно-историческими и историографическими работами, имя Н.П. Оттокара фигурирует и в зарубежных изданиях, связанных с изучением феномена элит. Так, Дж. Керубини подчеркнул близость идей Н.П. Оттокара выводам представителей макиавеллистской школы в социологии и прежде всего Г. Моска⁸⁰. О влиянии идей социологической школы на изучение проблем истории Флоренции говорит и Е. Инглиш, автор главы, посвященной обществу и элитам в позднеитальянских городах в коллективной работе «A companion to the Medieval World»⁸¹. В качестве примера уместно привести работы Дж. Найджеми об истории средневековой Флоренции⁸², и даже работу о генезисе капитализма Р. Лахмана⁸³. Хотя исследования элит ушли далеко вперед, все же стоит признать определенное значение, которое играют идеи Н.П. Оттокара в современном научном мире.

При этом современный историк Ф. Кент замечает, что многие историки, которые продолжают подчеркивать конфликт классов во Флоренции, теперь признают особую роль социальных горизонтальных социальных связей: родства,

⁷⁹ Как своеобразный промежуточный итог данных разысканий стоит рассматривать сборник итальянских авторов С. Гардзонио и Б. Сульпассо «Осколки русской Италии». См: Гардзонио С., Сульпассо Б. Осколки русской Италии: Исследования и материалы. Кн. 1 / науч. ред. О.А. Коростелева, М.А. Васильева. М.: Викмо-М и др., 2011; Гардзонио С. Оттокар Николай Петрович // Русское присутствие в Италии в первой половине XX века. С. 496–497.

⁸⁰ Cherubini G. Gaetano Salvemini – Testimonianza // L'Universita degli Studi di Firenze fra istituzioni e cultura nel decennale della scomparsa di Giovanni Spadolini / A cura di S. Rogari. Firenze: Firenze university press, 2005. P. 56. На самом деле, впервые эту проблему поставил еще Эрнесто Сестан в своем некрологе, см.: Sestan E. Nicola Ottokar. P. 183.

⁸¹ English E. Society, Elite Families, and Politics in Late Medieval Italian Cities // A companion to the Medieval World / Ed. by C. Lansing, E. English. Chichester: Wiley-Blackwell, 2009. P. 185–208.

⁸² Najemy J. A history of Florence 1200–1575.

⁸³ Лахман Р. Капиталисты поневоле: конфликт элит и экономические преобразования в Европе раннего Нового времени / Пер. с англ. А. Лазарева. М.: Территория будущего, 2010.

соседства и дружбы⁸⁴. Д. Абулафия называет Г. Сальвемини не иначе как «догматиком», который использовал марксистскую теорию и теорию борьбы классов в качестве объясняющей широкий исторический контекст теории, за что получил серьёзную и справедливую критику со стороны русского эмигранта Н.П. Оттокара. Д. Абулафия отмечает также негативный характер заочных дебатов Г. Сальвемини и Н.П. Оттокара, связанный с консервацией проблемы и замыканием на флорентийском материале, в то время как Флоренция политически и экономически развивалась позднее Лукки, Сиены и Пизы⁸⁵.

Подводя итоги анализу степени изученности темы, стоит отметить ряд характерных черт, присущих как западной, так и отечественной историографии интересующего нас вопроса. Несмотря на то, что мы можем представить читателю довольно внушительный список изданий, где так или иначе рассматривается фигура Н.П. Оттокара, нужно подчеркнуть, что зачастую речь идет об исследованиях, реконструирующих биографию или взгляды нашего героя преимущественно в качестве дополнительного материала при решении других исследовательских задач. Но даже исследования, посвященные непосредственно Н.П. Оттокару, основаны на преимущественно фрагментарном материале, а их результаты требуют дальнейшего уточнения. Можно отметить и ряд более важных исследовательских проблем. Так, сбор материалов не привел к «проблематизации» жизненного пути историка, реконструкции его научной биографии, удовлетворительному решению вопроса о влиянии «поворотов» биографии на развитие научной концепции, а также на определение места концепции в истории отечественной и зарубежной урбанистики. Именно на решение этих проблем и направлено настоящее исследование.

Объектом данного исследования является научное творчество Н.П. Оттокара в контексте эпохи, что предполагает взаимосвязанность биографии

⁸⁴ Kent F.W. «Be rather loved than feared»: class relations in Quattrocento Florence // *Society and Individual in Renaissance Florence* / Ed. by W.J. Connell. Berkeley; London: University of California Press, 2002. P. 14.

⁸⁵ *Italy in the central Middle Ages: 1000–1300* / Ed. by D. Abulafia. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 3-4

ученого и его концепции. **Предметом** – концепция истории средневекового западноевропейского города в её конкретно-историческом и теоретико-методологическом аспектах.

Целью данного исследования является определение истоков, сущности рецепции и научного влияния исторической концепции Н.П. Оттокара (выраженной прежде всего в его концепции западноевропейских городов), с учетом антропологического, политического, социокультурного и историографического факторов.

Для достижения заявленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- выделить основные этапы научной карьеры историка;
- выявить методологические принципы научной работы Н.П. Оттокара;
- раскрыть содержание исторической концепции западноевропейских средневековых городов Н.П. Оттокара, соотнеся ее с этапами научной биографии;
- обосновать влияние исторической концепции Н.П. Оттокара на формирование и развитие историографической традиции западноевропейских средневековых городов в России и Западной Европе.

Хронологические рамки данного диссертационного исследования условно определяются концом XIX – серединой XX в., т.е. периодом жизни и творческой деятельности Н.П. Оттокара. Стремясь вписать историка в развитие отечественной и западноевропейской исторической науки, мы должны были в ходе исследования иногда обращаться как к анализу исторической науки предшествующего периода (вторая половина XIX в.), так и к выводам последующей историографической традиции.

Методология. Методологической основой проводимого исследования являются принципы интеллектуальной истории, позволяющие изучить процесс «движения идей» с учетом антропологического и интеллектуального контекста и провести «анализ видов, типов и способов интеллектуальной коммуникации, конкретных механизмов распространения идей (как в социокультурном пространстве, так и во времени), процессов обращения идей в виде знаний, мнений,

различного рода информации в многослойном пространстве культуры»⁸⁶. Такой подход позволяет отказаться от крайностей биографизма (описания творчества историка преимущественно через историю его жизни) и абсолютизации идейной составляющей историографического процесса (сводящей анализ концепции к анализу высказанных идей) и показать процесс формирования конкретной исторической концепции через взаимодействие историка-творца с интеллектуальным полем, включающим в себя идеи, созданные предшественниками и современниками изучаемого автора, и находящимся под постоянным воздействием современной историке повседневной, политической, научной и культурной жизни.

Следовательно, фигура Н.П. Оттокара привлекает наше внимание в качестве «производителя научного знания», а отдельные этапы и сюжеты его биографии, анализируемые в контексте современной «персональной истории», позволяют проникнуть в «лабораторию» исследователя, представить сложный процесс генезиса его идей. Наше внимание оказывается прикованным к фигуре ученого-историка, связанной с его концептуальными построениями (и ни одна из этих «составляющих» не может рассматриваться нами без учета другой). Тем не менее, коль скоро мы постарались достичь необходимого баланса между анализом научной биографии и концептуальных построений через переосмысление (по сравнению с предшествующей традицией изучения) научной биографии историка, то в этом смысле слова мы считаем возможным говорить об антропологическом анализе как исходной точке нашей методологии. Слово «антропологический» отсылает здесь не к антропологической науке как таковой, а к антропологическому повороту в гуманитарных науках⁸⁷, который предполагает в нашем случае неизбежность анализа личности исследователя в контексте эпохи для того, чтобы адекватно оценить ценность созданных им научных текстов. При таком подходе контекст эпохи представляется не внешней констатируемой рамкой, а проникающими запросами/вызовами к профессии историка, и естественно

⁸⁶ См., напр.: Репина Л.Р. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. С. 375.

⁸⁷ См., напр.: Там же. С. 71–72.

сопряжен с личностным выбором соответствующих ответов и поведенческих моделей акторами этого процесса⁸⁸.

Методические инструменты работы прямо вытекают из состояния источниковой базы исследования, обосновывая тем самым и антропологический акцент нашего исследования. В связи с тем, что не существует личного архива Н.П. Оттокара, в основу исследования нами была положена *карта коммуникаций* историка, основанная на реконструкции его возможных контактов. Основным методом, используемым в данном диссертационном исследовании, является *метод реконструкции*, предполагающий восстановление на основе разрозненных данных целостного полотна – жизненного пути и творческого наследия Н.П. Оттокара. Далее мы обращаемся к *биографическому методу*, традиционно используемому учеными в работах подобного характера и являющемуся «инструментом познания и различных социальных и социокультурных проблем», дающим «возможность изучить также социокультурные коды, игры, связи, отношения, и противоречия, т.к. люди несут в себе черты как своей личной и семейной истории, так и истории слоев, страт общества в целом, а также и всю паутину значений, смыслов и противоречий, которые ориентируют человеческие существа по отношению друг к другу и окружающему миру»⁸⁹. Следующим по значимости для нас является *историко-генетический метод*, который позволяет проследить процесс формирования концепции и её последующие трансформации. Мы полагаем, что концепция автора сложилась ещё до эмиграции в Италию. Недаром работу «Опыты по истории средневековых французских городов» он

⁸⁸ См.: Репина Л.П. Интеллектуальная история в человеческом измерении // Человек второго плана в истории. Ростов н/Д: Логос, 2006. Вып. 3. С. 19.

⁸⁹ Гай-Воронская А.Л. Биографический метод и его эвристические возможности в социологических исследованиях // Философия и социальные науки: научный журнал. 2008. № 1. С. 50. См. также: Логунова Л.Ю. Биографический метод в исследовании личности: методология и архитектура // Вестник КемГУ. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2016. № 1. С. 17–22. См. также: Репина Л.П. Историческая биография и «новая биографическая история» // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. М., 2001. Спец. вып. Историческая биография и персональная история. С. 5–11 и другие работы автора.

называл «методологическим введением в изучение города»⁹⁰. Впоследствии её положения нашли своё отражение в работах по истории города в итальянский период жизни. Поэтому мы изучаем концепцию историка в связи с его работами по истории Франции, а в равной степени и с работами по истории Италии, стараясь сохранить баланс, чтобы по возможности полно оценить творчество историка и его наследие. Не меньшее значение для нас имеет *историко-сравнительный метод*, позволяющий рассмотреть концепцию Н.П. Оттокара на общем фоне эволюции отечественной и западноевропейской медиевистики указанного временного периода. Сравнение и сопоставление его взглядов с выводами таких учёных, как И.М. Гревс, Л.П. Карсавин, В.В. Вейдле – его коллег по петербургской школе медиевистики – позволит нам найти и вычленить те факты, которые повлияли на его мировоззрение как «русского» историка, а изучение истории итальянской медиевистики позволит найти в творчестве нашего героя те черты, которые характеризуют его как «историка-итальянца». Наконец, для воссоздания непротиворечивой историографической картины нами был использован *метод логического анализа*, который, по мысли И.А. Зевелёва, необходимо проводить на двух уровнях: единичных явлений и событий и развития исторической науки в пределах определённого периода, в рамках некоторой научной общности⁹¹.

Источниковая база исследования. Используемые в настоящем исследовании источники можно разделить на несколько групп⁹²:

I. Источники личного происхождения. В эту группу источников мы включаем переписку Н.П. Оттокара с историками, общественными деятелями, политиками и др., сохранившуюся в разных архивных коллекциях. Данные документы имеют для нас первостепенное значение с учётом того, что не существует собственного архива историка. Материалы его домашнего архива

⁹⁰ Оттокар Н.П. Опыты по истории средневековых французских городов. Пермь: Типография губернского земства, 1919. С. 255.

⁹¹ Зевелёв А.И. Историографическое исследование: учебное пособие для студентов ВУЗов, обучающихся по специальности «История». М.: Высшая школа, 1987. С. 38–39.

⁹² Выделяя группы источников и ранжируя их в определенном порядке, мы прекрасно отдаем себе отчет в том, что ранжирование носит условный характер.

были переданы в Архив Флорентийского университета второй супругой историка – Корнелией Ронделли (Cornellia Rondelli). Большая часть материалов погибла при наводнении во Флоренции в 1966 г., часть же, вероятно определенных как малоценные, была выброшена еще в момент приемки документов. С целью расширения источниковой базы нами была составлена карта коммуникаций историка. С ее помощью удалось обнаружить до сих пор неизвестные и не введенные в оборот материалы переписки с такими известными итальянскими историками, как Н. Родолико, Дж. Вольпе, Г. Сальвемини, П. Сильвой, Э. и Т. Кодиньолами, Р. Мурри, а также русскими историками Г.В. Вернадским и А.В. Флоровским. и др. Удалось обнаружить переписку историка с рядом институтов, в проектах которых он принимал участие (например, переписка с Институтом Треккани), переписку с издательствами (например, издательство «Новая Италия»). Нужно отметить, что за редкими исключениями, письма историка односторонние, т.е. не имеют ответного письма, что, конечно, затрудняет реконструкцию тех или иных событий. Вместе с тем, это не отменяет и принципиальной их значимости, что, конечно, связано, в том числе и самим характером писем как исторического источника. Как правило, письмо – это документы, которые создаются историком в контексте текущих событий и вызовов, фиксируют мнение, возникшее в качестве первой реакции на ту или иную ситуацию, пока еще не получившую достаточного осмысления в контексте построения общей биографии автора (как это происходит в случае с мемуарами). Большинство из используемых источников данной группы также вводятся в исследовательский оборот впервые.

К данной группе источников, кроме того, мы относим дневники и воспоминания коллег и друзей историка. Среди них особое значение имеют воспоминания В.В. Вейдле,⁹³ Н.П. Анциферова⁹⁴, а также письма и воспоминания

⁹³ Вейдле В.В. Воспоминания / Публ. и прим. И. Дороченкова // Диаспора: новые материалы. Т. 2. СПб.: Феникс, 2002. С. 24–153; Т. 3. С. 7–159.

⁹⁴ Анциферов Н.П. Из дум о былом: Воспоминания / Вступ. статья, примеч., указ. имен А.И. Дубкина. М.: Феликс; Культурная инициатива, 1992. См. также новое издание: Анциферов Н.П. Отчизна души моей. Воспоминания о путешествиях в Италию. М.: Старая Басманная,

И.М. Гревса⁹⁵ и др. Как и любому источнику личного происхождения, им свойственен субъективный характер, чем они для нас и особенно ценны. Писались эти воспоминания гораздо позднее описываемых событий. Эти факторы мы, разумеется, должны учитывать. Кроме того, заметим, что за исключением воспоминаний Н.П. Анциферова, эти источники опубликованы лишь частично.

II. Архивная делопроизводственная документация. В данную группу источников отнесена формальная документация, связанная с теми или иными этапами деятельности историка, сохранившаяся по преимуществу в личных делах историка, в тех организациях, в которых ему довелось учиться или работать. К таковым относятся, например, личное дело студента Н.П. Оттокара (ЦГИА СПб), личное дело профессора Пермского университета Н.П. Оттокара (ГАПК), личное дело профессора Н.П. Оттокара, хранящееся в Историческом архиве (Archivio storico e deposito) в Исследовательском университете Флоренции (Università degli Studi di Firenze), личное дело, хранящееся в архивах Министерства иностранных дел Италии в Центральном государственном архиве в Риме (Archivio centrale di Stato) и др. Кроме того, в исследовании нами используется разнообразная делопроизводственная переписка с инстанциями, например, связанная с заграничными командировками историка (РГИА и др.) или участием в подготовке и издании знаменитой «Итальянской энциклопедии» (Archivio storico di Istituto Treccani и др.). Сюда же мы относим материалы, которые опосредованно

2016; Анциферов Н.П. «Такова наша жизнь в письмах». Письма родным и друзьям (1900–1950-е годы) / Отв. ред.-сост., предисл. Д.С. Московская. М.: НЛЮ, 2021.

⁹⁵ Бамбизова К.В., Свешников А.В. «Страничка из научной автобиографии» И.М. Гревса // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2008. Вып. 22. С. 274–308; Человек с открытым сердцем. Автобиографическое и эпистолярное наследие Ивана Михайловича Гревса (1860–1941) / Сост. О.Б. Вахромеева. СПб., 2004. Работая с данным изданием, мы понимаем все минусы и недоработки данного издания. См. об этом: Горфункель А.Х. Плоды безответственности и невежества. Человек с открытым сердцем: автобиографическое и эпистолярное наследие Ивана Михайловича Гревса (1860–1941) / Автор-составитель О.Б. Вахромеева. СПб., 2004. 372 с. // СВ. М., 2006. Вып. 67. С. 326–340. Также в работе использованы: Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники. 1889–1927 / Отв. ред. А.Н. Цамутали. СПб., 2005; Русская историческая мысль. Из эпистолярного наследия Л.П. Карсавина. Письма И.М. Гревсу (1906–1916). М., 1994; Греков Б.Д. Письма (1950–1952) / Сост. В.Г. Бухерт. М.: Памятники исторической мысли, 2019; Платонова Н.Н. Дневник (1889–1921) / Подг. текста В.В. Андреевой, А.Н. Одинокова, И.П. Потехиной, Е.А. Ростовцева, П.А. Трибунского; коммент. Т.Н. Жуковской, В.И. Мусаева, П.А. Трибунского; вступ. ст. Е.А. Ростовцева, А.Н. Цамутали. Рязань: б.и., 2021 и др.

касаются Н.П. Оттокара, но важны для реконструкции контекста того или иного этапа жизни историка, например, личные дела коллег историка. При этом, используя данную группу источников, мы прекрасно понимаем ограниченность их эвристического потенциала, дающего сухую, делопроизводственную информацию. Тем не менее, данная группа источников позволяет мысленно реконструировать основные этапы биографии историка. Большинство из используемых источников данной группы ранее не использовались исследователями и вводятся в настоящее исследование в исследовательский оборот впервые.

III. Опубликованные и неопубликованные научные и научно-популярные работы Н.П. Оттокара⁹⁶ и других историков. Если говорить о трудах Н.П. Оттокара, то их можно разделить на монографические издания, научные статьи в сборниках и журналах, справочные статьи и лекционные курсы. Подчеркнем, что вопреки укоренившейся в мировой историографии практике искусственного разделения работ, опубликованных в России и в Италии, мы настаиваем на необходимости их изучения в качестве целостного комплекса, отдельные фрагменты которого не могут быть поняты вне общего идейного контекста. Кроме того, нельзя не отметить, что при изучении творчества историка нами были использованы как работы, посвященные истории и культуре средневековых городов Италии и Франции, так и научно-популярные труды Оттокара, затрагивающие проблемы отечественной истории, ранее не привлекавшиеся исследователями.

К числу монографических изданий историка должны быть отнесены следующие знаковые сочинения: «Опыты по истории французских городов» и «Коммуна во Флоренции в эпоху Дуэченто»⁹⁷. Первая из названных монографий,

⁹⁶ Нужно отметить, что пока существует только один опыт составления библиографии Н.П. Оттокара. См.: Nicola Ottokar storico del Medioevo. Р. 135–137. К сожалению, сейчас необходимо признать, что он устарел и не учитывает большого количества работ, написанных Н.П. Оттокар для разных изданий.

⁹⁷ Оттокар Н.П. Опыты по истории французских городов в средние века. Пермь: Тип. Губ. земства, 1919; Ottokar N. Il Comune di Firenze alla fine del Duecento. В работе также использованы все известные переиздания данных работ.

опубликованная в 1919 г. в Перми, представляет наиболее важные черты «русского» этапа в развитии концепции историка. Вторая из указанных работ, опубликованная в 1926 г. во Флоренции, напротив, характеризует «итальянский» этап жизни исследователя. В историографии сложилось убеждение, что «Флорентийская коммуна в конце Дуэченто» была написана еще до первой мировой войны и лишь трудности военного времени не позволили ей увидеть свет в России⁹⁸. Однако источники не позволяют полностью согласиться с данной точкой зрения. Так, у нас нет информации ни об уровне готовности труда к 1914 г., ни о степени аутентичности первоначального текста тому, который был опубликован в Италии в 1926 г. Об этом же позволяет думать и фраза И.М. Гревса, присутствующая в его отзыве на магистерскую диссертацию Оттокара: «Так Н[иколай] П[етрович] вернулся в Россию с *disiecta membra* своей диссертации и вынужден был отложить ее обработку до лучших времен»⁹⁹. Также в работе нами использованы и изданные Н.П. Оттокарм научно-популярные работы, которые, чаще всего, являются квинтэссенцией уже проделанных историком работ¹⁰⁰.

Наряду с монографическими изданиями, необходимо отметить ряд статей Оттокара, опубликованных автором в научных периодических журналах и сборниках¹⁰¹. Названные работы посвящены отдельным узким сюжетам, специфика которых не могла быть в полной мере раскрыта в монографиях.

⁹⁸ Дубровский И.В. Оттокар и другие. С. 106.

⁹⁹ Гревс И.М. Отзыв о труде Н.П. Оттокара «Опыты по истории французских городов в средние века». Л. 2.

¹⁰⁰ Ottokar N. Venezia. Cenni di cultura e storia veneziane. Firenze: Tipografia S.S. Tyszkiewicz, 1938; Ibid. Firenze. Cenni di storia e cultura fiorentina. Firenze: La Nuova Italia, 1940; Ibid. Siena. Cenni di storia e cultura senesi. Firenze: La Nuova Italia, 1944. В работе использованы также и все известные переиздания данных работ историка.

¹⁰¹ Оттокар Н.П. К истории взаимоотношения церкви и города в итальянском средневековье (Opera ecclesiae во Флоренции и ее роль в процессе перехода церквей в заведывание коммуны) // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1909. Т. XXIII. С. 1–23. Его же. Культурные центры старой Италии. I. Венеция // Хожение по Руси и за рубеж. Экскурсионный вестник. 1915. № 4. С. 62–90. Его же. Цехи и коммуна во Флоренции в XIII–XIV вв. // К двадцатилетию учёно-педагогической деятельности Ивана Михайловича Гревса: Сб. статей его учеников. СПб.: Общественная польза, 1911. С. 241–271; Ottokar N. Osservazioni sulle condizioni presenti della storiografia in Italia // Civiltà moderna. 1930. Ottobre. P. 927–939; Ibid. Studi fiorentini. I. A proposito della presunta riforma costituzionale adottata il 6 luglio dell'anno 1295 // ASI. 1933. № 346.

В самостоятельную группу выделены статьи, подготовленные Оттокаротом для энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, опубликованные в 1911–1916 гг.¹⁰². Одновременно были использованы словарные статьи, опубликованные в «Итальянской энциклопедии»¹⁰³. Этим работам присущи характерные черты энциклопедических изданий.

Наконец, мы обращались к публикациям стенографий лекций, читанных Оттокаротом во Флорентийском университете. Несмотря неизбежный отпечаток схематизма, характерный для учебных изданий, названные лекции представляют значительную ценность для историографа, позволяя восстановить общие взгляды исследователя на исторический процесс¹⁰⁴.

Также в данной работе мы постарались учесть весь корпус работ Н.П. Оттокара по истории России¹⁰⁵.

Мы отдаем себе отчет, что мы использовали не все возможные материалы, касающиеся жизни и творчества историка, которые могут храниться в архивохранилищах России и Италии, прежде всего, и которые еще ждут своего исследователя. И возможно, найденные в будущем материалы, определенным образом могут скорректировать наши наблюдения и выводы. Вместе с

P. 173–180; Ibid. La storia di Firenze di Roberto Davidsohn (Firenze ai tempi di Dante) // L'Italia letteraria. 1929. Ottobre. P. 105–111 и др.

¹⁰² Статьи помещены в Т. IV. Стлб. 838–843; VII. Стлб. 395–399; XXII. Стлб. 383–388; XXIV. Стлб. 870–871, 871–873 соответственно.

¹⁰³ По нашей информации, для этого издания Н.П. Оттокаротом была подготовлена 31 словарная статья. См. об этом: Ключев А.И. «Русский след» в истории Италии: к истории создания «Enciclopedia italiana» // Мавродинские чтения 2018: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения профессора Владимира Васильевича Мавродина // Под ред. А.Ю. Дворниченко. СПб.: Нестор-История, 2018. С. 580–583. См. Также материалы в личном деле историка в Архиве Итальянской энциклопедии: Fasc. 1909 Ottokar Nicola // IEI, AS, Fondo EI.

¹⁰⁴ См. основные: Corso di storia medioevale (facoltà Lettere) delle Lezioni di N. O. / Raccolto da Ettore Falconi, Anno accademico 1939–40. Firenze: S.A. Ed. Universitaria, 1940, 268 p.; Corso di storia medioevale: dalle Lezioni di N. O.: appunti redatti da D. Frosini riordinati e ampliati da Sergio Gensini. Parte 1., Firenze dalle origini alla Signoria dei Medici. Parte 2., Critica alle fonti narrative. Anno accademico 1952–53. Firenze: Cam, Copisteria A Macchina, 1953. 184 p.; Corso di storia medioevale: Dalle Lezioni di N. O. / Raccolte da Giovanni Grazzini. Firenze: Ed. Universitaria, 1947. 76 p.; Corso di storia medioevale: dalle Lezioni di N. O. / Raccolto da A.M. Catelani. Firenze: Soc. An. Ed. Universitaria. 756 p.; Corso di storia medioevale: dalle Lezioni di N. O. / Raccolto da D. Fabroni e L. Barocas. Firenze: Casa Ed. Poligraf. Universitaria C. Cya, 1936. 109 p. и др.

¹⁰⁵ Ottokar N. Breve storia di Russia: line generali. Bari: Laterza, 1936; Ibid. Compendio di storia della Russia. Firenze: Vallecchi, 1950.

тем, представляется, что привлеченная нами источниковая база является вполне репрезентативной для достижения поставленных в исследовании целей и задач. Материалы делопроизводственной документации позволили нам обосновать как основные этапы биографии Н.П. Оттокара, так и этапы развития его карьеры в качестве администратора и ученого, и связать их с эволюцией его методологии и концепции. Материалы личной переписки историка, так же как и воспоминания коллег и современников об Н.П. Оттокаре не только дополнили информацию, полученную из делопроизводственной документации, но способствовали выявлению коммуникативных стратегий историка, кроме того, они существенно дополнили сюжеты, связанные с попыткой целостного изложения (фактически, ментальной реконструкции) его концепции. Исследовательские тексты Н.П. Оттокара, написанные как в академическом, так и в научно-популярном стиле, помогли нам в нашем изучении методологического кредо историка, а равно и основных элементов его концепции. Максимально полно использованные работы историка позволили, вкупе с источниками личного происхождения, представить творчество Н.П. Оттокара в единстве экзистенциальных факторов, а также логики и практики исторических исследований первой половины XX века.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые в отечественной историографии был проведен анализ исторической концепции западноевропейских средневековых городов Н.П. Оттокара, выполненный с учетом антропологического, политического, социокультурного и иных факторов, оказывающих влияние на историографический процесс при методологическом акценте на антропологическом подходе, который предопределил последовательность анализа от «человека» к «концепции». В результате, на основании широкого комплекса источников, нередко впервые вводимых автором в научный оборот, были установлены основные этапы эволюции указанной концепции (нигде не сформулированной самим историком в тезисном или законченном виде), оказавшиеся нелинейным образом генетически связанными с петербургским, пермским и флорентийским периодами в жизни Н.П. Оттокара. Кроме того, в рамках настоящего диссертационного исследования на примере

фигуры Н.П. Оттокара были представлены механизмы адаптации российских ученых-эмигрантов первой волны к реалиям принимающих обществ и показаны варианты взаимодействия историков и представителей властных структур в России и в Италии в первой половине XX в.

Теоретическая значимость работы. Полученные автором результаты имеют значение для развития биографических исследований в современной отечественной историографии. Опираясь на основные достижения антропологического подхода, получившего импульс к развитию в российской историографии 1990–2000-е гг., автор предлагает новые варианты решения проблемы анализа научной карьеры ученого-историка, рассматривая фигуру последнего как в рамках научной повседневности отечественных и итальянских ученых первой половины XX в., так и в контексте эволюции исследовательских практик историков-урбанистов указанного временного периода.

Практическая значимость диссертации связана с возможностью использования введенных в оборот исторических источников и выводов автора в учебных курсах по истории исторической науки, а также применения их для подготовки учебной литературы и научных трудов по истории отечественной и итальянской науки конца XIX – первой половины XX вв.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования были обсуждены на кафедре всеобщей истории ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, а также на всероссийских и международных научных конференциях, таких как «Историк и его эпоха» (Тюмень, 2009), «История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII - начала XX века» (Челябинск, 2011), «Русское научное наследие за рубежами России» (Брянск, 2013), «Историк в историческом и историографическом времени» (Казань, 2013), «Мавродинские чтения 2018» (Санкт-Петербург, 2018), «Всеобщая история и историческая наука в XX – начале XXI века» (Казань, 2020), «Научные миры русского зарубежья» (Москва, 2019), «Италия и русские медиевисты» (Москва, 2014). Основные результаты диссертационного исследования нашли отражение в 18 публикациях,

восемь из которых изданы в ведущих рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК.

Положения, выносимые на защиту:

1. Состояние источниковой базы, связанной с отсутствием личного архива Н.П. Оттокара, подталкивает исследователя к поиску новых инструментов поиска документов. Составленная на основании прямых и косвенных свидетельств карта коммуникаций Н.П. Оттокара, позволила, во-первых, обнаружить новые и до сих пор не использовавшиеся в исследовании материалы. Во-вторых, составление такой карты позволило реконструировать разные уровни связей русского историка, что в конечном счете привело нас к обнаружению довольно интересной стратегии адаптации историка в Италии.

2. Н.П. Оттокар являлся одним из представителей петербургской школы медиевистики. Ученик И.М. Гревса, он испытал на себе влияние учителя как в выборе темы научных изысканий, так и в использовании методологического инструментария. При этом, Н.П. Оттокар довольно рано начинает отдаляться от школы Гревса, особенно под влиянием знакомства с достижениями итальянской историографии. Именно в петербургский период формируется историческое кредо Н.П. Оттокара и его концепция, которая будет им реализована в Перми и во Флоренции.

3. Переезд Н.П. Оттокара из Петрограда в 1916 г. в Пермь носил вынужденный характер и был связан с возможностью для молодого приват-доцента построить успешную карьеру в провинциальном университете. Это была типичная «карьерная траектория» для молодых отечественных ученых того времени. Пермь дала Н.П. Оттокару возможность завершить первую свою фундаментальную работу, посвященную французским городам, в которой нашли отражение некоторые характерные черты ремесла историка. Вместе с тем, быстро проявилась ограниченность возможностей провинциального центра для научной карьеры, в связи с чем обозначился «западный» вектор в жизни Н.П. Оттокара.

4. В отличие от многих историков-эмигрантов, мало связанных с научным сообществом принимающих стран, Н.П. Оттокар смог быстро

инкорпорироваться в сообщество итальянских историков начала 1920-х гг. Это стало возможным в силу нескольких причин: а) Н.П. Оттокар был тесно связан с ключевыми итальянскими историками Флоренции еще до начала Первой мировой войны, зарекомендовал себя в глазах коллег как серьезный специалист по указанной проблеме; б) он изначально стремился к включению в научное сообщество итальянских исследователей, в чем свою роль сыграла и тематика его трудов, которая хотя и создавала для него определенные сложности (необходимость конкурировать с местными специалистами в изучении местного прошлого), одновременно открывала широкие перспективы; в) стоит принять в расчет и общую политическую атмосферу, сложившуюся в Италии в 1920-е гг., позволившую русскому эмигранту занять место своего коллеги Г. Сальвемини.

5. Методологические поиски Н.П. Оттокара были связаны с «кризисом историзма» рубежа XIX–XX вв. Оставаясь на почве позитивизма, историк, однако, испытал на себе воздействие романтизма, «философии жизни» и других интеллектуальных течений того времени; это привело его к использованию индивидуально-синтетического метода (близкого к методологическим поискам И.М. Гревса и А.С. Лаппо-Данилевского). На практике эти методологические ориентации Н.П. Оттокара, оформившиеся у него еще в период работы над магистерской диссертацией и определявшие работу автора на протяжении последующих десятилетий, нашли свое выражение в преимущественном внимании к отдельным фактам, которые, по словам ученого, надлежало кропотливо собирать и изучать в архивах, все глубже погружаясь в «ткань прошлого». Для петербургского медиевиста любые генерализации должны были стать итогом творческой деятельности конкретного автора и получить свое выражение в специальных монографиях.

6. Основное внимание Н.П. Оттокара как исследователя было приковано к истории Флоренции эпохи Дуэченто. Стремясь «идти от источника» и одновременно улавливая основные интеллектуальные тренды первой половины XX в., исследователь постарался показать, что столкновение различных общественных групп во Флоренции в конце XIII в. являлось не отражением

классовой борьбы, а представляло собой столкновение интересов представителей различных групп городского общества. К схожим выводам он пришел и при работе с французским материалом, также демонстрирующим на примере так называемого «коммунального» периода истории Бовэ, Санлиса, Камбрэ, Лаона и др., что конкретные эпизоды социальных столкновений требуют индивидуального анализа, проводимого с учетом выяснения интересов определенных противоборствующих групп, а не абстрактных «классов».

7. Хотя Н.П. Оттокар не создал целостной концепции западноевропейского средневекового города, в его отдельных работах мы можем найти положения, позволяющие нам эксплицировать общие взгляды ученого на интересующий нас предмет. Убедительность этих тезисов, основанных на полноценной обработке материала исторических источников, определила влияние оттокаровских трудов на исторические исследования европейских городов, которое особенно проявилось в итальянской историографии, принявшей труды эмигранта в качестве органической части собственной научной традиции.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, основной части, заключения, списка источников и литературы. Основная часть исследования состоит из двух глав, в рамках которых был дан последовательный анализ антропологического (первая глава) и концептуального (вторая глава) измерений деятельности Н.П. Оттокара, что позволило нам найти точки взаимной зависимости и совпадений жизненных перемен с идейной эволюцией. Подобная структуризация нарратива была обусловлена тем, что мы стремились уйти от манипулятивного построения материала, при котором либо внутренняя логика повседневности ученого-историка подводится под искусственное обоснование его научной эволюции, либо, наоборот, изменения в концепции подгоняются под основные этапы жизненного пути. Проведя в каждой из глав независимый друг от друга анализ (независимый в том смысле слова, что научные результаты первой главы не предопределяли структуру второй главы, как и наоборот), мы обнаружили точки соприкосновения между двумя вариантами рассмотрения

научного творчества историка и попытались показать эти точки имеют объективную природу (не зависящую от манипуляций историографа).

Этим объясняется и внутренняя структура каждой из глав. Первая глава посвящена исследованию биографии Н.П. Оттокара и состоит из трех параграфов, выделенных по местам основного пребывания историка: Санкт-Петербург/Петроград, затем Пермь и Флоренция. Вторая глава посвящена исследованию концепции историка и состоит из пяти разделов, в которых мы постарались проследить эволюцию идей историка. Первый параграф освещает основные направления развития историографии средневекового города рубежа XIX–XX вв., второй параграф затрагивает проблему методологических основ творчества отечественного историка, третий и четвертый параграфы посвящены взглядам Н.П. Оттокара на историю средневековых французских городов и историю Флоренции конца XIII в. Пятый параграф посвящен анализу труда Н.П. Оттокара «Городские коммуны в средние века», призванному подвести некоторый итог работе автора в изучении средневековой городской истории. В заключении изложены основные выводы.

Глава 1. Этапы профессиональной карьеры Н.П. Оттокара

1.1 Санкт-Петербург / Петроград: становление ученого (1884 – 1916 гг.)

Николай Петрович Оттокар родился 12 марта 1884 г., в семье Петра Александровича Оттокара¹⁰⁶, «купца второй гильдии», личного почетного гражданина Санкт-Петербурга, исповедовавшего протестантизм, и Цецилии Яковлевны Оттокара¹⁰⁷, о личности которой нам практически ничего не известно. Как отмечал близкий друг Н.П. Оттокара В.В. Вейдле, у него была чешская фамилия и «в нем четыре было разных (крови – А.К.), но русской ни капли не было»¹⁰⁸. Сведения о детстве будущего историка немногочисленны. Известно, что в 1902 г. он окончил с золотой медалью 6-ю гимназию Санкт-Петербурга, преуспев за время учебы в изучении словесных наук¹⁰⁹, и в том же году поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета¹¹⁰.

В стенах Императорского Санкт-Петербургского университета в те годы, в соответствии с принципами и идеями В. Гумбольта, не только велась преподавательская деятельность, но и осуществлялась исследовательская работа¹¹¹. К моменту поступления Н.П. Оттокара на историко-филологический факультет здесь преподавали такие маститые историки, как М.И. Ростовцев, читавший курс древней истории, С.Ф. Платонов, преподававший студентам русскую историю, Г.В. Форстен, специализировавшийся в области

¹⁰⁶ См. воспоминания В.В. Вейдле об отце Н.П. Оттокара: «коммерсант (торговец зеркалами), разорился и рано умер». См.: Вейдле В.В. Указ. соч. Вып. 3. С. 13.

¹⁰⁷ Оттокар Николай Петрович // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 39677. Л. 10. Общие сведения об Н.П. Оттокаре см. также: Оттокар Николай Петрович. URL: <http://bioslovhist.history.spbu.ru/component/fabrik/details/1/914-ottokar.html> (дата обращения: 27.07.2016). О проекте «Биографика СПбГУ» см.: Потехина И.П. Портал «Биографика СПбГУ» и новые возможности в изучении петербургской медиевистики // СВ. 2018. Т. 79. № 3. С. 180–195.

¹⁰⁸ Вейдле В.В. Указ. соч. Вып. 3. С. 12.

¹⁰⁹ Оттокар Николай Петрович // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 39677. Л. 4.

¹¹⁰ Профессора и приват-доценты Петроградского ун-та, о замещении вакантных кафедр, пенсиях и проч. // РГИА. Ф. 733. Оп. 156. Д. 108. Л. 112.

¹¹¹ Об истории университета в Санкт-Петербурге существует обширная библиография. Из последних исследований необходимо отметить фундаментальное исследование Е.А. Ростовцева. См.: Ростовцев Е.А. Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: РОССПЭН, 2017. Здесь же собрана обширная библиография по истории университета.

истории нового времени. Средневековую историю в то время читал И.М. Гревс¹¹², специализацию у которого и выбрал Н.П. Оттокар и которого он позднее называл своим учителем.

Иван Михайлович Гревс (1860–1941), автор ряда работ по истории аграрных отношений в эпоху ранней Римской империи, а также истории Флоренции, вошел в историю отечественной науки не столько как крупный ученый, сколько как основатель петербургской школы медиевистики¹¹³. Данную особенность отмечали уже современники, полагавшие, что именно преподавание было главным призванием ученого. Так, Н.П. Анциферов в одном из писем Г.А. Штерну писал, что И.М. Гревс смысл жизни видел в ее полноте, а одним из путей к полноте жизни для padre – «был путь учительства, и он всегда черпал большое удовлетворение, следя за творческой работой своих учеников»¹¹⁴. Для многих своих учеников И.М. Гревс старался стать не просто учителем в науке, а подлинным наставником в жизни. «В студенческие годы И.М. Гревс стал тем учителем-другом, с которым меня связала сыновья любовь. Иван Михайлович стал моим padre», – вспоминал Н.П. Анциферов¹¹⁵.

¹¹² Об И.М. Гревсе имеется обширная библиография, мы приведем лишь основные труды. См.: Вахромеева О.Б. Духовное единение. К изучению творческой биографии И.М. Гревса. СПб.: Издательский Центр «Академия», 2005; Каганович Б.С. Русские медиевисты первой половины XX века. СПб.: Гиперион, 2007. С. 13–83; Свешников А.В. Иван Михайлович Гревс (1860–1941) // Портреты историков. Время и судьбы. М.: Унив. кн.; Иерусалим: Gesharim, 2004. Т. 3. С. 336–360; Его же. Иван Михайлович Гревс и петербургская школа медиевистов начала XX в. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016.

¹¹³ Вопросы scholarly проблематики привлекают большое внимание исследователей. См. напр.: Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2000; Его же. «Русская историческая школа»: методологические и идейно-политические позиции. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1988; Цыганков Д.А. Профессор В.И. Герье и его ученики. М.: РОССПЭН, 2010.

¹¹⁴ Анциферов Н.П. «Такова наша жизнь в письмах»: Письма родным и друзьям (1900–1950-е годы) / Отв. ред.-сост., предисл. Д.С. Московская. М.: НЛО, 2021. С. 473.

¹¹⁵ Анциферов Н.П. Из дум о былом: Воспоминания / Вступ. ст., сост., прим. и указатель имен А.И. Добкина М., 1992. С. 166. См. также проникновенные страницы описания взаимоотношений И.М. Гревса и Н.П. Анциферова в период второй итальянской экскурсии: Анциферов Н.П. Отчизна моей души. Воспоминания о путешествиях в Италию / Научн. ред. М.Г. Талалая. М., 2016. С. 47–115. См. также рецензию на это издание: Клюев А.И., Свешников А.В. Новое издание воспоминаний Николая Петровича Анциферова // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. 2017. № 59. С. 352–357. См. воспоминания об И.М. Гревсе, выдержанные в том же ключе: Вейдле В.В. Указ. соч. Вып. 2. С. 115.

С ролью учителя «по жизни» соглашался и сам И.М. Гревс. В одной из своих работ он писал, что «по своему научному темпераменту я был более профессор, чем кабинетный ученый; исследовательское дело во мне горело больше, но я, по страсти к преподаванию, почти всегда подчинял целям и интересам последнего и исследовательские задания»¹¹⁶. Вероятно, такая «педагогическая» ориентация карьеры И.М. Гревса, а также сильный крен его исследовательских интересов в область средневековой истории Италии, не в последнюю очередь, были связаны с обстоятельствами подготовки его докторской диссертации. Известный в историографии сюжет: в 1901 г. в журнале «Клио» немецкий историк О. Гиршфельд опубликовал важный статистический материал по истории аграрных отношений в Римской империи, который ранее был собран И.М. Гревсом и должен был стать основой его диссертации¹¹⁷. После этого потрясения ученый избрал не только новую область научных изысканий (средневековую Италию), но и погрузился в преподавательскую деятельность¹¹⁸.

Сделав выбор в пользу педагогической работы, И.М. Гревс вполне сознательно стремился к формированию собственной научной школы. Как полагает А.В. Свешников, он использовал целый ряд специальных «школообразующих практик», благодаря которым стремился конструировать «школьную» принадлежность своих учеников¹¹⁹. Важнейшими из подобных практик стали знаменитые семинарии И.М. Гревса, игравшие ключевую роль в формировании коллективной идентичности учеников профессора¹²⁰. Безусловно,

¹¹⁶ Гревс И.М. «Страничка из научной автобиографии И.М. Гревса». Средневековая история в Петербурге в первую четверть XX века // Подг. текста, предисл., примеч. Е.В. Бамбизовой, А.В. Свешникова // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. М., 2008. Вып. 22. С. 285.

¹¹⁷ Об этом см.: Каганович Б.С. Вокруг «Очерков из истории римского землевладения» И.М. Гревса // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI–XVII вв.) // Под ред. В.И. Рутенбурга, И.П. Медведева. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1990. С. 211–212; Свешников А.В. Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества. С. 46–51; Его же. Иван Михайлович Гревс и петербургская школа медиевистов начала XX в. С. 50–52.

¹¹⁸ Свешников А.В. Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества. С. 48–51.

¹¹⁹ Там же. С. 228–349.

¹²⁰ Там же. С. 248–283.

петербургский медиевист не был «изобретателем» данной формы учебно-исследовательской работы со студентами. Семинарии И.М. Гревса выполняли принципиально иную роль¹²¹.

О семинарской практике И.М. Гревса оставлено очень много воспоминаний, а также уделено значительное внимание в исследовательской литературе, поэтому мы считаем возможным ограничиться лишь некоторыми замечаниями. В частности, стоит напомнить, что работа в семинариях И.М. Гревса строилась на работе с историческими документами. Петербургский профессор пытался привить ученикам практику работы с источником, используя для этих целей как собственно критику источника, так и чтение рефератов по отдельным узким сюжетам. Стоит также отметить, что наряду с традиционными учебными функциями, семинарии выполняли особую роль для учеников И.М. Гревса, став культурной практикой, обеспечивавшей формирование «школьной идентичности» будущих исследователей¹²².

Семинарии И.М. Гревса не могли не оказать влияние на Н.П. Оттокара, в первую очередь, определив предмет будущих научных изысканий автора. Именно Флоренции, история которой, активно изучалась участниками семинариев, были посвящены первые работы начинающего историка и первоначальный вариант его магистерской диссертации, которому, однако, не дано было увидеть свет на

¹²¹ См.: Антощенко А.В. Das Seminar: немецкие корни и русская корона (о применении немецкого опыта «семинариев» московскими профессорами во второй половине XIX в.) // «Быть русским по духу европейцем по образованию»: университеты Российской империи в общеобразовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII-начала XX в. / отв. сост. А.Ю. Андреев. М.: РОССПЭН, 2009. С. 263–278; Антощенко А.В., Свешников А.В. Исторический семинарий как место знания // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом / Отв. ред. А.Н. Дмитриев. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2012. С. 138–160.

¹²² Свешников А.В. Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества. С. 270.

русском языке¹²³. Сам И.М. Гревс придавал своим семинариям значительную роль в процессе становления профессиональных интересов своих учеников¹²⁴.

Вторым важнейшим элементом в профессиональном становлении будущих историков И.М. Гревс считал экскурсионную практику¹²⁵. «“Экскурсия – просветительное путешествие”, образ, занимающий мою душу с давней поры моей ранней преподавательской деятельности, со времен моего первого самостоятельного путешествия за границу в 1889 г. Тогда в странствиях на Запад от нас пускалось вообще гораздо меньше людей, особенно из среды учащейся молодежи. Экскурсии же коллективные не устраивались совсем»¹²⁶. Экскурсия для И.М. Гревса являлась ни чем иным как «одним из непререкаемых принципов научно-исторического исследования: требованием документального (монументального) изучения, обращения к источникам, подлинным следам

¹²³ Ключев А.И. Из истории одной книги. Н.П. Оттокар и его книга «Флорентийская коммуна в конце Дудженто» в контексте эпохи // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. М., 2011. Вып. 34. С. 249–255.

¹²⁴ См. напр.: «Последний ряд лет (В.Э. Крушман – А. К.) деятельно участвовал в руководившем мною средневековом семинарии, работах, сюжеты которых часто вращались в кругу истории Италии; посвящались они, например, францисканству, флорентийским хронистам Дино Компаньи и Виллани, вопросам коммунального строя и городского быта. Соприкосновение с почвою Италии и близкой эпохи происходило нередко и в семинариях покойного Г.В. Форстена, по Данте, Оттону Фрейзингенскому и др. Из моего семинария тех времен выросли первые работы Л.П. Карсавина и Н.П. Оттокара, также Г.П. Федотова». См.: Гревс И.М. Отзыв о книге П.М. Бицилли «Салимбене (Очерки итальянской жизни XIII века)». Одесса, 1913 г. // СПбФ АРАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 161. Л. 1. Документ теперь опубликован. См.: Гревс И.М. Отзыв о книге П.М. Бицилли «Салимбене (Очерки итальянской жизни XIII века)». Одесса, 1913 г. // Подг. текста, публ. и коммент. А.И. Ключева, А.В. Свешникова // СВ. 2014. Вып. 75. С. 394–405.

¹²⁵ Первоначально экскурсии рассматривались И.М. Гревсом как средство самообразования учителей и лишь позднее они приобрели характер инструмента, необходимого для обучения студентов. См. об этом: Голубева И.А. И.М. Гревс и Н.П. Анциферов: от Италии к Петербургу // Историографический сборник. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2008. Вып. 23. С. 27–28. Об институте экскурсий см.: Свешников А.В. Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества. С. 283–309; Степанов Б.Е. Знание о прошлом в теории экскурсии И.М. Гревса и Н.П. Анциферова // Феномен прошлого / Под ред. И.М. Савельева, А.В. Полетаев. М.: Издательский дом ГУ–ВШЭ, 2005. С. 419–475; Его же. Навстречу прошлому: экскурсионная практика и философия памяти в творчестве И.М. Гревса и Н.П. Анциферова // Отечественные записки. 2008. № 43. С. 311–339; Вахромеева О.Б. Преподавание наук на Высших женских (Бестужевских) курсах (1878–1918). М.: РОССПЭН, 2018. С. 749–758; Сизинцева Л.И. Гуманитарные экскурсии нач. XX века. От памяти к истории, от истории к памяти // Международный журнал исследований культуры. 2015. № 2. С. 36–46.

¹²⁶ Человек с открытым сердцем. С. 282.

старины»¹²⁷. Именно здесь, в атмосфере итальянских городов, студенты могли прикоснуться к прошлому, воочию увидеть объекты своих научных штудий, проникнуть в атмосферу прошлого, тем самым реализуя одну из важнейших методологических установок историка-романтика – ориентацию на «вживание в прошлое»¹²⁸.

Первая экскурсия подобного рода по городам Италии была организована петербургским профессором для своих учеников, в числе которых был и Н.П. Оттокар, в 1907 г. Гвоздём экскурсионной программы должна была стать Флоренция – «жемчужина первой величины»¹²⁹, «один из прекраснейших источников «самообразования по памятникам» и едва ли не самое лучшее поле для первого ознакомления со всем, что дает Италия»¹³⁰. Думается, данное событие также не могло не оказать влияние на Н.П. Оттокара, позволив ему «на практике» познакомиться с объектом своих «кабинетных» изысканий¹³¹.

¹²⁷ Гревс И.М. К теории и практике "экскурсий", как орудия научного изучения истории в университетах. СПб., 1910. С. 9. См. также обоснование необходимости путешествий и экскурсий, в частности: Гревс И.М. Научные прогулки по историческим центрам Италии // Научное слово. 1903. Кн. I. С. 50–56.

¹²⁸ Об этом см.: Бамбизова К.В. Историческая концепция Ивана Михайловича Гревса – основоположника петербургской школы медиевистики: дис. ... канд. ист. наук Томск, 2008. С. 15–24; Свешников А.В. Иван Михайлович Гревс (1860–1941). С. 345–348; Его же. Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества. С. 61–67.

¹²⁹ Об экскурсии 1907 года см.: Гревс И.М. К теории и практике «экскурсий» как орудие научного изучения истории в университетах. С. 9.

¹³⁰ Гревс И.М. Научные прогулки по историческим центрам Италии // Научное слово. 1903. Кн. 4. С. 55.

¹³¹ В одном из писем М.С. Гревс от 8/27 июня 1907 г. есть следующая характеристика Н.П. Оттокара: «Оттокар, насколько я наблюдаю, совсем чужд элемента “фи”, и трудится также с упорством и увлечением». См.: Человек с открытым сердцем. С. 281. По сообщениям Н.П. Комоловой, Оттокар бывал во Флоренции ранее: в 1906 г. он с семьей Л.П. Карсавина путешествовал по Италии. Документальных подтверждений этого факта нами не найдено. См.: Комолова Н.П. Профессор флорентийского университета Н.П. Оттокар // Россия и Италия. Вып. 5: Русская эмиграция в Италии в XX веке / Отв. ред. Н.П. Комолова. М.: Наука, 2003. С. 158; См. также практически идентичный раздел монографии: Комолова Н.П. Страницы итальянской истории по Н.П. Оттокару // Комолова Н.П. Италия в русской культуре Серебряного века: времена и судьбы. М.: Наука, 2005. С. 396. Л.П. Карсавин, кстати сказать, действительно находился в 1906 г. во Флоренции, о чем свидетельствуют его письма, адресованные И.М. Гревсу, но Оттокар в них упоминается за 1906 г. только один раз и в таком контексте, который явно свидетельствует о том, что Оттокара в тот момент во Флоренции не было. См.: Письма Л.П. Карсавина И.М. Гревсу (1906–1916) / Сост. С.А. Клементова, А.К. Клементов //

Весной 1908 г. Н.П. Оттокар окончил университет с дипломом первой степени, и в этом же году был оставлен при кафедре для приготовления к профессорскому званию¹³², первоначально без стипендии¹³³. И.М. Гревс очень высоко оценивал своего ученика: «В лице Н.П. Оттокара историко-филологический факультет Императорского С[анкт-]П[етер]б[ургского] Университета поддерживает выдающийся научный талант. Уже и теперь он являет собою богатую умственную силу. В будущем же обещает определенно замечательного ученого деятеля»¹³⁴.

Русская историческая мысль. Из эпистолярного наследия Л.П. Карсавина, письма И.М. Гревсу (1906–1916). М.: ИНИОН РАН, 1994. С. 23–43, и особенно: Там же. С. 27.

¹³² Оттокар Николай Петрович // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 39677. Л. 21; Профессора и приват-доценты Петроградского ун-та, о замещении вакантных кафедр, пенсиях и проч. // РГИА. Ф. 733. Оп. 156. Д. 108. Л. 112; Оттокар Н.П. // ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 257. Л. 89.

Об институте оставления при кафедре см.: Свешников А.В. Социальный статус и поведенческие стратегии «дореволюционных аспирантов-историков» // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI веков: сборник статей / Под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной, Ю.В. Красновой. Челябинск: Энциклопедия, 2011. С. 165–171; Гришина Н.В. От «оставленных для подготовки к профессорскому званию» к советским аспирантам: трансформация системы воспроизводства научных кадров в 1860–1920-е гг. // Мир историка: историографический сборник / Отв. ред. В.П. Корзун, С.П. Бычков. Омск: Изд.-во Ом. гос. ун-та, 2014. Вып. 9. С. 122–145; Иванов А.Е. Ученые степени в Российской империи. XVIII в. – 1917 г. М.: ИРИ РАН, 1994; Иванов А.Е. Ученое достоинство в Российской Империи. XVIII – начало XX века. Подготовка и научная аттестация профессоров и преподавателей в высшей школе. М.: Новый хронограф, 2016.

¹³³ Бытует мнение, что первоначально Оттокар был оставлен по кафедре философии, с дальнейшим переводом на кафедру всеобщей истории. Чаще всего ссылаются на титул личного дела историка об оставлении при университете, где слова «кафедра философии» карандашом изменены на «кафедра всеобщей истории». См.: Оттокар Николай Петрович. Об оставлении его при Университете по кафедре всеобщей истории // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10205. Титул. Думается, что в данном случае имеет место быть либо неаккуратность делопроизводителя, либо ошибка. При работе в архивах Санкт-Петербурга нам лишь один раз встретилось упоминание об этом. См.: О командировании за границу, оставлении при высших учебных заведениях, высылка содержания, отчёты профессорских стипендиатов / РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Д. 436. Л. 29. Нигде более не упоминается о «философской истории» Н.П. Оттокара. В curriculum vitae он не говорит об этом. См.: Профессора и приват-доценты Петроградского ун-та, о замещении вакантных кафедр, пенсиях и проч. // РГИА. Ф. 733. Оп. 156. Д. 108. Л. 112. Не упоминается об этом и в личном деле историка в Пермском университете. См.: Формулярный список о службе // ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 257. Л. 89. Правда в одном из писем И.М. Гревсу Л.П. Карсавин несколько загадочно пишет: «Не последовать ли примеру Н.П. и не заняться ли философией истории?». См.: Письма Л.П. Карсавина И.М. Гревсу (1906–1916). С. 79.

¹³⁴ Ходатайства об оставлении при высших учебных заведениях и о командировании за границу // РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Д. 132. Л. 331. И далее: «При разработке всех указанных сюжетов г. Оттокар обнаружил превосходные научные данные и редкую способность к постоянному и напряжённому усилию учёного искания. Многочисленные самостоятельные ответы, которые он представлял, ярко воплощали особенности оригинальной и твердой методы и всегда приводили

К тому моменту, оставшись без отца, и вероятно, оказавшись в тяжёлом финансовом положении, Н.П. Оттокар, проживавший с матерью и сестрами¹³⁵, столкнулся с необходимостью кормить семью. Уже в студенческие годы Н.П. Оттокар начал активно заниматься частными уроками¹³⁶, писал заметки в различные газеты о культурных явлениях, прежде всего о балете¹³⁷, теперь же, нуждаясь в постоянном доходе, он начал преподавать историю, русский и латинский языки в гимназии Т.К. Штемберга, историю в Тенишевском училище,

к разным и новым выводам. Деятельно участвуя в 1909–10 г. в организованном мною семинарии повышенного типа (по ранней истории средневекового Кельна), в который входили по преимуществу оставленные при университете и наилучшим образом подготовленные старшие студенты. Г. Оттокар, несомненно, занимал в нём первое место. Многие его (еще студенческие) доклады (и тем более работы последних лет, когда он был оставлен при Университете) могли бы быть с пользою для дела напечатаны; но он сам, с большой страстью отнёсся к своим начинаниям, воздержался от этого. Во время научно-исторической экскурсии в Италию, устроенной мною для группы студентов учеников в 1907 г., я мог непосредственно наблюдать его прекрасное искусство в пользовании монументальными памятниками старины, как за семинарским столом я убедился в чутком и зрелом умении его обращаться с документами». Там же.

¹³⁵ О сестрах Н.П. Оттокара практически ничего не известно. Одна из них – Жанетта Петровна Оттокар (1878–?), в замужестве Эбберт, училась на Бестужевских курсах у И.М. Гревса и принимала участие, как и ее брат, в исторической экскурсии в Италию 1912 г. Краткие сведения о ней имеются в воспоминаниях Н.П. Анциферова. См.: Анциферов Н.П. Из дум о былом. С. 280, 493. О второй сестре – Софии Петровне (1880–?) – известно еще меньше. Впервые ее имя появляется после 1930 г., после отравления Н.П. Оттокара, в переписке между ним и В.В. Вейдле: «Через несколько дней после моего заболевания были по телеграфу вызваны моя сестра из Парижа и жена из Нью-Йорка». См.: Письмо Николая Оттокара Владимиру Вейдле, 22-IV 1932 г. // Weidle papers, Rare Book & Manuscript Library, Columbia University in the City of New York. В дальнейшем имя Софии Оттокар часто фигурирует в делопроизводственной документации, связанной с Н.П. Оттокаром, в качестве проживающей с ним. См.: *Stato di famiglia del sig. prof. Ottokar Nicola (15-VII 1941)* // *Fascicolo Ottokar Nicola* // *Archivio di Deposito e Storico, Università degli studi di Firenze, Firenze*; *Indennità di carovita (19–IX 1952)* // *Ibid*; и др.; *Certifica (7–I 1947)* // *MPI B. 346 Ottokar Nicola* // *ACS, Rome*.

¹³⁶ Создатель первой в России печатной машинки, которая печатала на татарском языке, Аскар Шейх-Али, преуспевая в технических науках, отставал по гуманитарным дисциплинам, ввиду чего его мать вынуждена была нанять репетитора, в роли которого выступил Н.П. Оттокар. См.: Бадрутдинова М., Галимуллина Г. Трагедия изобретателя // *Татарский мир*. 2010. № 4. С. 13.

¹³⁷ Оттокар Н.П. Русский балет в Париже // *Слово*. 1909. 13 июня. С. 5. Александр Бенуа вспоминает об Н.П. Оттокаре как о своем сотруднике в «Речи» по балетной части. См.: Бенуа А. *Дневник. 1916–1918 годов*. М., 2006. С. 61. О глубоком пристрастии Н.П. Оттокара к балету говорит и письмо, адресованное барону Н.В. Дризену, хранящееся в ОР РНБ, опубликованное А.В. Свешниковым. См.: Письмо Н.В. Дризену. 10 сент. 1910 г. // ОР РНБ. Ф. 263. Оп. Д. 231. Л. 1–2; Свешников А.В. *Медиевистика и модерн. О восприятии влияния внешних факторов на развитие исторической науки в русской историографии начала XX века* // *Преемственность и разрывы в интеллектуальной истории. Материалы научной конференции*. М.: Ин-т всеобщ. истории РАН, 2000. С. 210–214.

политическую экономию в женском коммерческом училище Э.Ф. Грюнталь¹³⁸. К этому же времени относится публикация Н.П. Оттокар о первых научных работах, посвященных истории Флоренции¹³⁹. Кроме того, И.М. Гревс активно привлекал своих учеников к участию в издании словаря Брокгауза и Ефрона, и Н.П. Оттокар было написано несколько статей, затрагивающих самый широкий круг вопросов¹⁴⁰. Одновременно, по инициативе учителя, Н.П. Оттокар начал преподавать на Петербургских Высших женских (Бестужевских) курсах (далее – ПВЖК – *А.К.*)¹⁴¹. В 1910/11 учебном году он вел семинарий «Социальный строй Флоренции XIII в.» и просеминарий «Анализ теорий о происхождении городского строя средневековой Германии»¹⁴². А в следующем, 1911/12 учебном году,

¹³⁸ Профессора и приват-доценты Петроградского ун-та, о замещении вакантных кафедр, пенсиях и проч. // РГИА. Ф. 733. Оп. 156. Д. 108. Л. 112.

¹³⁹ Оттокар Н.П. Флорентийский дом в XIV–XV столетии. Рец. на кн.: Schiaparelli. La casa fiorentina e i suoi nei secoli XIV e XV. Firenze, 1908. V. 1. // Историческое обозрение. 1909. Т. XV. С. 23–32. Его же. К истории взаимоотношения церкви и города в итальянском средневековье (Opera ecclesiae во Флоренции и ее роль в процессе перехода церквей в заведывание коммуны) // ЖМНП. 1909. Т. XXIII. С. 1–23. Также Н.П. Оттокар была написана и статья в «коллективный текст», посвященный 25-летию учено-педагогической деятельности И.М. Гревса, что тоже рассматривается как проявление школьной принадлежности. См.: Его же. Цехи и коммуна во Флоренции в XIII–XIV вв. // К 25-летию учено-педагогической деятельности И.М. Гревса. Сборник статей его учеников. СПб.: [б.и.], 1911. С. 241–271.

¹⁴⁰ Издание «Нового энциклопедического словаря» началось в 1911 г., а закончилось в 1916 г. в связи с военными действиями, в связи с чем издание оборвалось на 29-м томе. И.М. Гревс активно привлекал своих учеников к написанию статей, по руководимому им разделу западной средневековой истории. А.В. Свешников рассматривает привлечение учеников, как инструмент конструирования школьной идентичности, т.н. «школообразующие тексты». См.: Свешников А.В. Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества. С. 309–315. Н.П. Оттокар написаны следующие статьи: Балет (Т. IV. Стлб. 838–843); Болонья (Т. VII. Стлб. 395–399); Коммуны средневековые (Т. XXII. Стлб. 383–388); Лангобарды (Т. XXIV. Стлб. 870–871); Лангобардское право (Т. XXIV. Стлб. 871–873). В письме от 14 августа 1912 г. Л.П. Карсавин пишет И.М. Гревсу: «От «Оттокарчика» же по-прежнему нет ни слова. Из редакции же Словаря знаю, что Венеция все еще не прислана». См.: Русская историческая мысль. С. 88. Комментаторы писем указывают, что в т. 10 Словаря была опубликована статья без указания автора. См.: Там же. С. 129. Статья «Венеция» в т. 10 действительно вышла без подписи автора. См.: Т. X. Стлб. 128–135. Но фамилия Н.П. Оттокара значится в списке сотрудников, писавших статьи для 10 тома. См.: Там же.

¹⁴¹ О Петербургских Высших женских (Бестужевских) курсах см.: Вахромеева О.Б. Преподавание наук на Высших женских (Бестужевских) курсах (1878–1918). О работе на ПВЖК учеников И.М. Гревса см.: Там же. С. 744–770.

¹⁴² Справочная книжка ПВЖК на 1910–1911 уч. г. СПб., 1910. С. 42. И.М. Гревс в воспоминаниях об экскурсии 1912 г. указывает, что в рамках подготовки к данной поездке, Оттокар вел «один год о средневековом городе вообще (памятники и теории), другой – специально о Флоренции в XIII–XIV вв. (хроники, законы, мифы)». См.: Человек с открытым сердцем. С. 282.

обратился к темам «Древности средневекового итальянского города» и «Чтению Lex Salica и других сборников германского права в связи с ранними юридическими памятниками других народов»¹⁴³.

В рамках сложившейся до революции системы подготовки ученых кадров после сдачи магистерских экзаменов магистрант имел право на предоставление ему заграничной командировки¹⁴⁴. 12 февраля 1911 г. факультетом было подано ходатайство «о командировании с ученой целью за границу оставленного при университете по кафедре всеобщей истории Н.П. Оттокара сроком на два года, со стипендией из сумм Министерства Народного Просвещения»¹⁴⁵. По итогам рассмотрения обращения, для работы в библиотеках, архивах и музеях Италии магистрант был командирован на меньший срок, чем предполагалось: с 1 сентября 1911 г. по 1 января 1912 г. с финансированием из капиталов имени В.А. Бильбасова¹⁴⁶. Сроки командировки постоянно менялись и возвращение постоянно откладывалось. Так, первоначально, командировка была продлена с 1 января по 1 июня 1912 г.¹⁴⁷; затем еще на год, с 1 июля 1912 г. по 1 июля 1913 г. с назначением соответствующих сумм; и потом еще раз, с 1 июля 1913 г. по 1 июля 1914 г.¹⁴⁸.

¹⁴³ Справочная книжка ПВЖК на 1911–1912 уч. г. СПб., 1911. С. 43.

¹⁴⁴ Дмитриев А.Н. Заграничная подготовка будущих российских профессоров накануне Первой мировой войны // Профессорско-преподавательский конкурс российских университетов. 1884–1917 гг.: Исследования и документы / Под науч. ред. Н.В. Грибовский, С.Ф. Фоминых. Томск: Издательство Томского университета, 2012. С. 65–75; Свешников А.В. Правительственная политика в сфере зарубежных командировок русских ученых второй половины XIX – начала XX века // Расписание перемен: Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы). М.: НЛЮ, 2012. С. 849–887 и др.

¹⁴⁵ Оттокар Николай Петрович. Об оставлении его при Университете по кафедре всеобщей истории // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10205. Л. 19.

¹⁴⁶ Там же. Л. 21, 22, 24, 25, 26.

¹⁴⁷ Историко-филологический факультет первоначально, в октябре 1911 года, ходатайствовал перед ректором университета о командировке и назначении соответствующих сумм сразу на два года: с 1 января 1912 года по 1 января 1914 года. См.: Там же. Л. 28. Однако дело, видимо, не имело успеха, и 25 января 1912 года факультет ходатайствует уже о предоставлении командировки с 1 января по 1 июня 1912 года, с содержанием из сумм капитала В.А. Бильбасова. См.: Там же. Л. 29, 30, 32. О проблемах с получением финансирования командировки Н.П. Оттокара вспоминает также Л.П. Карсавин в письмах к И.М. Гревсу. См.: Письма Л.П. Карсавина И.М. Гревсу (1906–1916). С. 88–94.

¹⁴⁸ Дело Оттокар Николай Петрович об оставлении при университете // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10205. Л. 34, 35.

Пребывание во Флоренции оказало огромное влияние на молодого ученого¹⁴⁹, к тому моменту уже четко определившегося с основным направлением своих научных поисков. «Очень рано наметилась у Н.П. Оттокара основная задача самостоятельного разыскания, именно внутренний строй позднесредневековой Флоренции и преимущественно исследование жизни магнатских миров и их отношений к другим слоям или группам населения. Такое умение, так сказать, быстро найти себя, создать собственный центр ученых усилий – всегда составляет признак сильно и оригинально пробуждающегося ученого призвания», – вспоминает в отзыве на магистерскую диссертацию своего ученика по истории французских городов И.М. Гревс¹⁵⁰. Н.П. Оттокар много работал в Национальной библиотеке Флоренции, а также в Государственном архиве Флоренции, восстанавливая отдельные детали прошлого изучаемого города.

Подробные сведения об итальянских штудиях Н.П. Оттокара представлены в его отчете о проводимых исследованиях¹⁵¹. Об источниковедческих особенностях данного текста уже сказано в исследовательской литературе¹⁵², при этом особо важно подчеркнуть его важность, ведь он проливает свет на «лабораторию историка», представляя постепенный процесс оттачивания методологического инструментария. Начало своей работы во Флоренции Н.П. Оттокар связывал с изучением «материала, содержащегося в печатных изданиях, в России недоступных», к которым должны быть отнесены публикации

¹⁴⁹ Как правило молодые ученые уезжали в командировку начинающими исследователями, а возвращались уже сложившимися специалистами. О влиянии института командировок на становление ученых см.: Свешников А.В. В Париж в поисках себя // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. М., 2004. Вып. 11. С. 376; Его же. Итальянские путешествия русских историков начала XX века // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. М., 2005. Вып. 14. С. 190–206.

¹⁵⁰ Гревс И.М. Отзыв о труде Н.П. Оттокара «Опыты по истории французских городов в средние века» // СПбФ АРАН. Оп. 1. Д. 143. Л. 1–1об. См. также: Вейдле В.В. Указ. соч. Вып. 2. С. 76.

¹⁵¹ Первоначально, это было письмо, адресованное И.М. Гревсу, которое последний использовал в качестве отчета в Министерство. См.: Оттокар Николай Петрович. Об оставлении его при Университете по кафедре всеобщей истории // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10205. Л. 36–41об. См. подробнее об этом: Ключев А.И. Из истории одной книги. Н.П. Оттокар и его книга «Флорентийская коммуна в конце Дудженто» в контексте эпохи. С. 257–261.

¹⁵² См.: Ключев А.И. Из истории одной книги. Н.П. Оттокар и его книга «Флорентийская коммуна в конце Дудженто» в контексте эпохи. С. 255–256.

протоколов заседаний флорентийских советов XIII в., хроники и семейные записи, списки должностных лиц, материалы, освещающие историю важнейших итальянских фамилий. Лишь ознакомившись с опубликованными текстами, Н.П. Оттокар обратился к архивным материалам и в первую очередь, к антимагнатскому законодательству. Далее, он работал с актовыми материалами, затрагивающими самые разные стороны жизни коммуны, фамильными записями и протоколами нотариев.

Портрет историка той поры оставил в своих воспоминаниях В.В. Вейдле, который познакомился с ним, будучи в путешествии по Италии. «Николаю Петровичу было двадцать восемь лет. Широкий в плечах он был, но не мускулист. Темные волосы, небольшие усы. Матовое белое лицо, порой розовевшее очень нежно. Прекрасные глаза, лоб, также как и руки, а нижняя часть лица менее удалась; позже, в России, он похорошел, когда отпустил себе бородку Henri IV. Похож в целом больше на итальянца, чем на русского»¹⁵³.

В 1912 г., когда Н.П. Оттокар находился в командировке, И.М. Гревс осуществил вторую экскурсию с участниками своего семинария по Италии, в которой историк должен был помогать своему учителю, читая лекции о Флоренции и совершая с ними пешеходные экскурсии по городу. Как вспоминал Анциферов, «исключительно скромный Иван Михайлович не хотел взять на себя целиком руководство экскурсией. Он рассчитывал во Флоренции и Сиене на помощь своего ученика, урбаниста Н.П. Оттокара, молодого талантливого ученого. С нами должны были ехать два искусствоведа: знаток иконописи А.И. Анисимов (москвич) и специалист по Ренессансу В.А. Головань (сотрудник Эрмитажа)»¹⁵⁴.

¹⁵³ Вейдле В.В. Указ. соч. Вып. 2. С. 75. Именно во Флоренции происходит сближение Н.П. Оттокара и В.В. Вейдле, в дальнейшем переросшее в дружбу: См.: Кара-Мурза А.А. Флоренция Владимира Вейдле (Опыт философского краеведения) // Философские науки. 2015. № 7. С. 47–49. См. также: Письма Н.П. Оттокара В.В. Вейдле // Weidle papers, Rare Book & Manuscript Library, Columbia University in the City of New York.

¹⁵⁴ Анциферов Н.П. Из дум о былом. С. 280; Его же. Отчизна моей души. С. 52. См. также о подготовке И.М. Гревсом плана экскурсии: Человек с открытым сердцем. С. 282–283.

Однако планы И.М. Гревса были существенно скорректированы. Развитие исторических штудий любимыми учениками петербургского профессора способствовало их размежеванию с учителем. И хотя фактический разрыв И.М. Гревса с Л.П. Карсавиным и Н.П. Оттокарсом состоялся гораздо позднее¹⁵⁵, уже в 1912 г. «старшие» ученики профессора выражали весьма скептическое отношение к его методике организации экскурсионной работы. Так, Л.П. Карсавин вовсе считал для себя невозможным отправиться в Италию¹⁵⁶, а Н.П. Оттокар, хотя и принимал в экскурсии участие, тем не менее критически отзывался о методике проведения экскурсий¹⁵⁷. Накануне отъезда группы в Италию он отправил своему учителю письмо, в котором излагал свои соображения относительно программы пребывания студентов за границей, существенно изменив мнение о наполнении экскурсионной программы¹⁵⁸.

¹⁵⁵ См. переписку И.М. Гревса и Л.П. Карсавина: Письма Л.П. Карсавина И.М. Гревсу (1906–1916). С. 96–109. Подробнее о конфликте И.М. Гревса и Л.П. Карсавина см.: Свешников А.В. Как поссорился Лев Платонович с Иваном Михайловичем (История одного профессорского конфликта) // Новое литературное обозрение. 2009. № 96. С. 42–72.

¹⁵⁶ Так, Л.П. Карсавин по просьбе Гревса только встретился с экскурсантами. Н.П. Анциферову запомнилось на той встрече «что-то затаенное и недобро насмешливое» в лице ученика И.М. Гревса. Анциферов Н.П. Отчизна души моей. С. 53. Работая с воспоминаниями Н.П. Анциферова, мы отдаем себе отчет в том, что Анциферов является «ортодоксальным» учеником И.М. Гревса, и, следовательно, занимал его позицию в данном конфликте.

¹⁵⁷ «Н.П. Оттокар, хотя и не собирался дальше сопровождать нас, резко обрушился на план Ивана Михайловича пешком идти из Перуджии в Ассизи. “Все это лунатизм – говорил он, скандируя, растягивая слова. – Это вредный дух нашей группы этот лунатизм. Он мешает видеть вещи такими, какие они есть. Совершенно лишнее пешком тащиться усталым людям 25–30 километров. Нужно ехать прямо в Ассизи. А если есть тут такие любители – то им никто не мешает сесть в поезд, доехать обратно до Перуджии и оттуда пропутешествовать пешком в Ассизи. Я решительно осуждаю этот вредный лунатизм!”. Анциферов Н.П. Отчизна моей души. С. 102. А уже после возвращения группы на родину, в письме к учителю и вовсе раскритиковал того за руководство и организацию экскурсии. См.: Там же. С. 103. Кстати сказать, о письме, которое поступило после поездки, И.М. Гревс ничего не пишет, а наоборот говорит о том, что таковое было до экскурсии. См.: Человек с открытым сердцем. С. 284. Н.П. Анциферов несколько раз описывает ситуации с нарушением дисциплины и установленных правил, одним из основных действующих лиц которых был, в том числе и Н.П. Оттокар. «Головань, Оттокар и Анисимов уводили некоторых наших девушек “развратничать”. Так назывались самые невинные походы в *café* “Гамбринус”, где было вкусное мороженое (джелатти). См.: Анциферов Н.П. Указ. соч. С. 85. «Тогда заговорил Головань. И смысл его речи поразил нас всех. Он напал на нашего *padre* за аскетический дух нашего *caravano russo* и вызываяще предложил тост “За вино!”. Ивану Михайловичу было тяжело». См.: Там же. С. 87.

¹⁵⁸ «Я надеялся на обширную помощь Н.П. Оттокара, – писал впоследствии И.М. Гревс, – но тут я получил от него из Флоренции смутившее меня послание: “Не хорошо, что не налаживается дело с искусством для экскурсии. Если не будет руководителя по искусству, пропадет

Н.П. Оттокар провел со студентами весьма содержательные и глубокие экскурсии по Флоренции, наотрез отказываясь подчинять строгий рассказ требованиям «лунатизма», свойственного, по его словам, И.М. Гревсу, – эмоциональному проникновению в события прошлого. «Это историк-реалист, – писал Н.П. Анциферов, – и притом реалист, который не ищет в исторических фактах ничего для себя желанного, им любимого, для которого существует одно – познать действительность, скрытую за покровом времени. [...] При всем том Н.П. Оттокар – историк-художник, с замечательным мастерством воссоздающий суровую картину средневековья, со всеми ее деталями, выписанными с тщательностью Кватрочентиста»¹⁵⁹. По всей видимости, в течение этой экскурсии, Оттокар отточил и свое видение исторической экскурсии, которое в будущем будет воплощено в серии очерков об итальянских городах, таких как Венеция, Флоренция и Сиена¹⁶⁰.

Думается, именно во время заграничной командировки Н.П. Оттокар окончательно формируется как историк: оказавшись вне поля непосредственного влияния И.М. Гревса, он получил возможность найти собственный исследовательский стиль, верность которому будет сохранять всю жизнь. Вероятно также, что здесь он познакомился с основными достижениями новейшей итальянской исторической мысли и обзавелся знакомствами с наиболее выдающимися историками итальянских городов, что сыграет позднее свою

экскурсионный характер поездки. Ведь исторического материала у нас будет недостаточно; содержания экскурсии он не составит и трудно поставить из него конкретные задачи и осуществить нечто вроде практических занятий на месте”. При нашем зимнем свидании он высказывал обратное мнение: экскурсия должна быть исторической, а художественные задачи станут вспомогательными. [...]. Хотя письмо Оттокара оставило неприятный осадок не солидарности, разногласия, но оппозиции я еще не чувствовал, только на время колебался в правильности задуманного плана». См.: Человек с открытым сердцем. С. 284.

¹⁵⁹ Анциферов Н.П. Из дум о былом. С. 291.

¹⁶⁰ См.: Ключев А.И. Опыт исторических экскурсий Николая Оттокара // Всеобщая история и историческая наука в XX – начале XXI века: сборник статей и сообщений: В 2 т. / Сост. и отв. ред. Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинец. Казань: Издательство Казанского университета, 2020. Т. 1. С. 181–184. Кстати, сказать, судя по одному из писем Г.П. Федотова, Н.П. Оттокар любил водить экскурсии еще до поездки 1912 г. См.: Письма Г.П. Федотова и письма различных лиц к нему. М.: Издательство «Тэтис Публишн», 2008. С. 168.

роль¹⁶¹. Современникам он запомнился прежде всего человеком с пронизательным складом ума. В.В. Вейдле писал: «у Оттокара был ум совсем другого рода – к анализу склонный, скептический, и во всяком случае критический»¹⁶². «Н.П. Оттокар с острым, трезвым, критическим умом был много реальнее в науке, чем его коллега (речь идет о Л.П. Карсавине – А. К.). Его прежде всего влекло к точности, конкретности»,¹⁶³ – пишет Н.П. Анциферов.

Противоречия, возникшие между И.М. Гревсом и Н.П. Оттокаром в период заграничной командировки последнего, позволили целому ряду авторов усматривать в них истоки конфликта внутри «школы И.М. Гревса».

Сама ситуация конфликта в научном сообществе в последнее время привлекает пристальное внимание исследователей¹⁶⁴. Применительно к петербургской школе данный вопрос был весьма подробно рассмотрен А.В. Свешниковым, который понимает ситуацию как «конфликт между молодым, амбициозным, стремящимся к признанию и самореализации ученым, выдвигающим некие “новые” идеи, и его “немолодым” учителем, отстаивающим традиционные теории и связанное с ними видение науки»¹⁶⁵. Причем, если «казус Карсавина» выглядит довольно очевидно, то роль Н.П. Оттокара в конфликте внутри школы вызывает много вопросов. Б.С. Каганович рассматривает

¹⁶¹ На это прямо указывает сам Н.П. Оттокар в своем отзыве о научно-исследовательской деятельности во время командировки, где он упоминает Н. Родолико и А. Анцилотти, авторитетнейших специалистов в области флорентийской истории. См.: Оттокар Николай Петрович. Об оставлении его при Университете по кафедре всеобщей истории // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10205. Л. 36-41об. См. также: Ключев А.И. Из истории одной книги. Н.П. Оттокар и его книга «Флорентийская коммуна в конце Дудженто» в контексте эпохи. С. 257-261. По ряду косвенных свидетельств флорентийского периода жизни Н.П. Оттокара можно предположить, что в эти же годы историк мог познакомиться с Г. Сальвемини, Дж. Вольпе и многими другими итальянскими историками.

¹⁶² Вейдле В.В. Указ. соч. Вып. 2. С. 116.

¹⁶³ Анциферов Н.П. Из дум о былом. С. 178.

¹⁶⁴ См., к примеру: Антощенко А.В., Свешников А.В. Конфликт без скандала в университетской среде // Мир Клио. Т. 2. М.: ИВИ РАН, 2007. С. 115–134; Ермичев А.А. Как поссорились два ученых мужа // Вопросы философии. 2003. № 2. С. 124–134; Свешников А.В. «Вот Вам история нашей истории»: К проблеме типологии научных скандалов второй половины XIX – начала XX в. // Мир историка: Историографический сборник. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2005. Вып. 1. С. 231–261.

¹⁶⁵ Свешников А.В. Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества. С. 398.

магистерский диспут Н.П. Оттокара как некоторую завершающую фазу данного конфликта¹⁶⁶. Однако сама атмосфера конфликта видится нам несколько преувеличенной, а упомянутый ранее диспут не может быть утвержден в качестве «кульминационного момента» данных событий. Безусловно, мы не вправе отрицать факт ухудшения отношений между учителем и учеником. Уже в письме от 4(22) марта 1910 г. Л.П. Карсавин¹⁶⁷ пишет И.М. Гревсу: «Боюсь, что Вы расходитесь с ним (Оттокар – *А.К.*) во взглядах, еще более боюсь, чтобы это не мешало отношениям сердечным: так трудно уберечься от смешения того и другого»¹⁶⁸. Л.П. Карсавину вторит и В.В. Вейдле: «Он (Оттокар – *А.К.*) и учителя своего порою не щадил, сохраняя к нему уважение и благодарность»¹⁶⁹. Уже в этих воспоминаниях историков видно, что противоречия между И.М. Гревсом и Н.П. Оттокар в некотором смысле были всегда, но при этом не носили характер открытого конфликта.

Очередной виток недопонимания между учителем и учеником произошел во время экскурсии по Флоренции, яркие страницы о чем оставил нам Н.П. Анциферов. «Мне тогда вспомнились первые крестоносцы перед Иерусалимом. Это было проявление той экзальтации, на которое так нападал Николай Петрович Оттокар, обвиняя нас, а особенно Ивана Михайловича, в “лунатизме”»¹⁷⁰. Еще более показательно пишет об этом Н.Н. Платонова: «Тогда в Италии были Оттокар и Головань, и Гревс сам просил их показать эк[скур]сии город. Они и начали делать это, как специалисты, с строго научной точки зрения,

¹⁶⁶ Каганович Б.С. Петербургская школа медиевистов в конце XIX – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Л., 1986. См.: также: Kaganovič B. S. Nicolaj Ottokar nel circolo dei medievisti di Pietroburgo // Nicola Ottokar storico del Medioevo. Da Pietroburgo a Firenze / A cura di L. Pubblici e R. Risaliti. Firenze: Olschki, 2008. P. 47–54.

¹⁶⁷ Вопрос о взаимоотношениях и взаимовлиянии между Л.П. Карсавиным и Н.П. Оттокар практически не ставился в литературе. Единственная попытка такого рода – публикация Р. Ризалити. См.: Risaliti R. Lev Karsavin e la religiosità popolare. Alle origini del pensiero critico di Ottokar // Nicola Ottokar storico del medioevo. P. 55–63. Данную попытку можно признать не вполне удачной, прежде всего ввиду скудости источниковой базы. См.: Ключев А.И. Известный неизвестный медиевист. Размышления над страницами книги «Николай Оттокар – историк-медиевист» // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. М., 2011. Вып. 37. С. 369–370.

¹⁶⁸ Письма Л.П. Карсавина И.М. Гревсу (1906–1916). С. 54.

¹⁶⁹ Вейдле В.В. Указ. соч. Вып. 2. С. 116.

¹⁷⁰ Анциферов Н.П. Из дум о былом. С. 290.

отметая все то легендарное, над чем Гревс с экскурсией уже успел пролить несколько слез умиления. Их объяснения до такой степени шли в разрез с настроениями Гревса, что напр., на гору Альверно Гревс повел экскурсию один, тихонько от Отт[окара] и Г[олова]ня, читал там по-итальянски *fioretti*»¹⁷¹. Несправедливую критику ставит в укор своим ученикам и сам И.М. Гревс в письме от 21 августа 1915 г.: «Вы любите критиковать, Вашу душу поднимает спор, опровержение, развенчание, победа за счет поражения других»¹⁷².

Итак, четко видно напряжение в отношениях между И.М. Гревсом и Н.П. Оттокаром (а также и с Л.П. Карсавиным). В то же время, складывается ощущение, что Оттокар в источниках упоминается скорее по инерции, как близкий друг опального Карсавина¹⁷³. Отметим также, что для Л.П. Карсавина очевиден смысл демонстративного манкирования И.М. Гревса как учителя, а также его вызывающего поведения – Карсавин уже защитил докторскую диссертацию, следовательно, «перерос Гревса». Н.П. Оттокар же к моменту начала открытого конфликта был лишь оставленным при кафедре, а по возвращении из Флоренции не имел текста магистерской диссертации. Разумеется, нужно учитывать и «географический» фактор: по возвращении из своей командировки Оттокар практически сразу отбыл в Пермь, в Санкт-Петербурге бывал только наездами. Таким образом, пути учителя и ученика разошлись, и в прямом смысле более не пересекались.

Представляется, что ситуацию с обострением отношений между Н.П. Оттокаром и И.М. Гревсом во время второй итальянской экскурсии уместно

¹⁷¹ Платонова Н.Н. Дневник (1889–1921) / Подг. текста В.В. Андреевой, А.Н. Одиноква, И.П. Потехиной, Е.А. Ростовцева, П.А. Трибунского; коммент. Т.Н. Жуковской, В.И. Мусаева, П.А. Трибунского; вступ. Ст. Е.А. Ростовцева, А.Н. Цамутали. Рязань: б.и., 2021. С. 249–250.

¹⁷² Письма Л.П. Карсавина И.М. Гревсу (1906–1916). С. 104.

¹⁷³ Интересно, что А.Е. Пресняков, один из друзей Л.П. Карсавина, применительно к конфликту ни разу не упоминает Н.П. Оттокара. См.: Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники, 1889–1927. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. Применительно к конфликту внутри школы один раз упоминает Н.П. Оттокара и Н.Н. Платонова, см.: Платонова Н.Н. Дневник (1889–1921). С. 249–250.

трактовать как недопонимание, но никак не открытый конфликт или разрыв¹⁷⁴. Корни недопонимания следует искать не только и не столько в сложившемся к тому моменту представлении о научном исследовании у молодого историка, сколько в конкретном видении Оттокаром того, как должна проходить историческая экскурсия.

Другое дело, что на волне открытого конфликта с Л.П. Карсавиным именно И.М. Гревс весьма болезненно реагировал на любые проявления и формы девиации внутри школы¹⁷⁵. Мы весьма плохо информированы о том, что происходило в отношениях между Гревсом и Оттокаром в период с переезда первого в Пермь, и еще хуже представляем контекст, в котором проходила подготовка к магистерскому диспуту Оттокара и сам диспут. Если скандал и окончательный разрыв и имел место¹⁷⁶, то он возник скорее по вине И.М. Гревса: именно он трактовал монографию Н.П. Оттокара как «пощечину» своему историческому мировоззрению. Нам кажется сомнительным утверждение, что Н.П. Оттокар резко критиковал предшествующих ему историков-урбанистов лишь с целью выступить против воззрений учителя.

¹⁷⁴ Об этом пишет и сам И.М. Гревс. См.: Человек с открытым сердцем. С. 284. Об этом же вспоминает и Н.П. Анциферов: «Впоследствии они объяснились, и тяжелый осадок, видимо, был изжит». См.: Анциферов Н.П. Отчизна души моей. С. 103.

¹⁷⁵ О том, что И.М. Гревс довольно болезненно реагировал на разные формы несогласия с его позицией, пишет, например, Н.П. Анциферов: «Он очень грустит, что его ученики, не только ценящие его, но и любящие, не так уже понимают Данте, как в былые годы». См.: Анциферов Н.П. «Такова наша жизнь в письмах». С. 472.

¹⁷⁶ «Мне отрадно высказаться именно так о труде Н.П. Оттокара в целом с самого начала (субъективно ещё и потому, что я некогда мог называть его своим учеником), и это даёт мне свободу спокойно оспаривать некоторые его положения и критиковать частности, не затемняя его достоинств и заслуг». См.: Отзыв о труде Н.П. Оттокара «Опыты по истории французских городов в средние века» // СПбФ АРАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 143. Л. 2об.

Косвенным, хотя и не абсолютным подтверждением нашей мысли о том, что диспут Н.П. Оттокара нельзя рассматривать как финальную стадию давно зревшего конфликта, может служить наша находка в личном фонде И.М. Гревса оттиска первой итальянской статьи Н.П. Оттокара, где рукой автора, который к моменту присылки оттиска вероятно уже находился в Италии, написано: «Дорогому Ивану Михайловичу от одного из его «итальянцев» первого призыва». См.: По истории средневековья. Италия. Лекции, заметки, выписки // СПбФ АРАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 131. Л. 359.

Вернуться в Россию Н.П. Оттокар планировал к началу 1914/15 учебного года. Об этом нам говорит тот факт, что на ПВЖК были заявлены его курсы¹⁷⁷. Книга, которая должна была стать логичным завершением проделанной в командировке работы, а именно магистерской диссертацией автора, была уже почти готова. «Н.П. Оттокар вез с собой назад систематически подобранные до конца материалы и готовый до деталей план и результаты обширного исследования по истории флорентийского средневекового общественного строя»¹⁷⁸, – вспоминал И.М. Гревс. Первая мировая война не позволила Н.П. Оттокару доставить материалы в Санкт-Петербург. События тех лет иллюстрирует В.В. Вейдле: «Вернулся через Германию, в самую последнюю минуту, когда поезда шли только до Эйдкунена, откуда Николаю Петровичу пришлось пешком нести свои два чемодана в Вержболово. Надорвался, получил грыжу, которую пришлось оперировать через некоторое время, и донес только один чемодан, второго донести не смог. Все материалы, однако, для своей диссертации по истории Флоренции в XIII веке, архивные выписки, заметки, наброски текста он оставил, уложив их в сундук, хозяину своего флорентийского пансиона»¹⁷⁹.

Несмотря на заверения близких знакомых Н.П. Оттокара касательно того, что текст магистерской диссертации был практически закончен, все же источники не дают нам оценить его готовность на тот момент. Если бы текст был действительно готов, то автору, даже в условиях военного времени, ничто не

¹⁷⁷ В загодя печатавшейся справочной книжке для слушательниц ПВЖК были объявлены его курс «История Италии в позднем средневековье» и просеминарий «Анализ сочинения В. Зомбарта «Современный капитализм»». См.: Справочная книжка ПВЖК на 1914–1915 уч. г. СПб., 1914. С. 44.

¹⁷⁸ Гревс И.М. Отзыв о труде Н.П. Оттокара «Опыты по истории французских городов в средние века» // СПбФ АРАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 143. Л. 1об.–2. «Н[иколаю] П[етровичу] пришлось спешить на родину летом 1914 г[ода] под напором разразившейся войны; неизбежно было оставить в Италии собранную богатую коллекцию изданий, источников и редких книг; еле-еле удалось спасти, перетаскив их на собственных плечах через уже закрывавшуюся границу в Вержболове главные свои рукописи и материалы. Так Н[иколай] П[етрович] вернулся в Россию с *disiecta membra* своей диссертации и вынужден был отложить её обработку до лучших времен». См.: Там же. С. 172.

¹⁷⁹ Цит. по: Клементьев А.К. Николай Петрович Оттокар (Путь русского историка: Санкт-Петербург – Пермь – Петроград – Флоренция). С. 325.

мешало привезти с собою текст рукописи для окончательно обработки. Мы полагаем, что готового текста не существовало. В голове у автора был абрис, план, концепция, наполненная отдельными фактами, возможно, были написаны отдельные главы, но, вероятно, исследование ещё не приобрело законченной формы. Черновые записи и собранные документы историк предпочел оставить в Италии. В подтверждение этого соображения можно указать на то, что в России Н.П. Оттокар так ничего и не опубликовал по заявленной тематике магистерской диссертации. Еще одним аргументом в пользу нашей версии служит тот факт, что уже после эмиграции историк доделывал текст: между датой переезда в Италию и выходом книги в издательстве прошло пять лет. Более того, в одном из первых писем в Институт Треккани, адресованном, очевидно, Джоаккино Вольпе и датированном 10 августа 1925 г., Оттокар пишет о том, что он «наконец закончил книгу о флорентийской истории»¹⁸⁰. В этой связи далеко не очевидным выглядит утверждение И.В. Дубровского о том, что «все творчество ученого, таким образом, укладывается в “русский период”, не оставляя ничего для “итальянского”»¹⁸¹.

По возвращении Н.П. Оттокар был допущен «к чтению лекций в Императорском Петроградском университете по кафедре всеобщей истории, с осеннего полугодия [...] с зачислением его, с того же времени, в состав приват-доцентов названного университета»¹⁸².

В 1915 г. им была опубликована статья по истории и культуре Венеции¹⁸³, которая, очевидно, являлась лишь первой в ряду очерков о городах Италии. Н.П. Оттокар продолжил активно работать и на ПВЖК, а также в

¹⁸⁰ «Ho terminato definitivamente il mio libro sulla storia fiorentina». Lettera di Nicola Ottokar a [Giacchino Volpe] da 10–VIII 1925 // Fasc. 1005, Ottokar Nicola / IEI, AS, Fondo EI.

¹⁸¹ Дубровский И.В. Оттокар и другие. С. 106.

¹⁸² Дело Оттокар Николай Петрович об оставлении при университете // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10205. Л. 55; Профессора и приват-доценты Петроградского ун-та, о замещении вакантных кафедр, пенсиях и проч. // РГИА. Ф. 733. Оп. 156. Д. 108. Л. 111.

¹⁸³ Оттокар Н.П. Культурные центры старой Италии. I. Венеция // Хождение по Руси и зарубеж: экскурсионный вестник. 1915. № 4. С.62–90.

Психоневрологическом институте и на Курсах имени П.Ф. Лесгафта¹⁸⁴. В 1915/16 учебном году были заявлены курс «Города Бельгии в Средние века», семинарий «Чтение и анализ «Lex Salica» в связи с другими памятниками германского права»¹⁸⁵. Были заявлены курсы и на следующий учебный год¹⁸⁶, однако читать в Петрограде ему их не довелось.

Подводя итоги данному разделу диссертации, мы должны отметить несколько принципиальных моментов, которые будут играть в дальнейшем исследовании важную роль. Во-первых, бесспорно, что Н.П. Оттокар формировался в среде петербургских медиевистов, «группировавшихся» вокруг И.М. Гревса. Под непосредственным влиянием последнего определилась тематика исследований молодого историка, и именно у него Н.П. Оттокар взял основные принципы исторической работы. Вместе с тем, он довольно рано проявил признаки самостоятельности в исследовательском процессе, что в конце концов стало причиной его недопонимания с И.М. Гревсом. Важную роль в становлении исследовательского «крело» Н.П. Оттокара сыграла поездка в Италию 1912 г. С нашей точки зрения, именно во Флоренции сложились основы исторической концепции Н.П. Оттокара, которые в дальнейшем, фактически, не претерпели никаких изменений.

¹⁸⁴ Профессора и приват-доценты Петроградского ун-та, о замещении вакантных кафедр, пенсиях и проч. // РГИА. Ф. 733. Оп. 156. Д. 108. Л. 112.

¹⁸⁵ Справочная книжка ПВЖК на 1915–1916 уч. г. СПб., 1915. С. 44–45. В фондах РГИА нам удалось найти краткую программу предполагаемого курса по истории городов Бельгии. «Особенности территории будущей Бельгии: географическое положение, рынки, торговые пути и роль их в истории возникновения отдельных городов этой области. Поселение купцов, как основа бельгийского города в топографическом и правовом смысле. Portus. Отношение его к прежнему поселению и к сеньору. Возникновение городской автономии. Два основных типа городских конституций: фламандский и льежский, в связи с историческими и реальными особенностями этих областей. Роль купеческой гильдии в первоначальном строе бельгийского города. Возникновение патрициата. Промышленное процветание городов Фландрии и Брабанта в 11-14 веках. Влияние бельгийского сукноделия на социальную структуру городов. Социальные движения 13 и 14 веков. «Век Артевельде». Победа городской демократии. Связь внутренних движений городов 13-14 вв. с внутренними судьбами а также с политическими и экономическими конъюнктурами. Упадок городов к концу 14 в. и исследование условий явления». См.: Профессора и приват-доценты Петроградского ун-та, о замещении вакантных кафедр, пенсиях и проч. // РГИА. Ф. 733. Оп. 156. Д. 108. Л. 113.

¹⁸⁶ Были объявлены курс «История Венеции», а также семинарий «Средневековые коммуны северной Франции и Бельгии. См.: Оттокар Н.П. // ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 257. Л. 19.

1.2. Между научной работой и административной карьерой: пермский период жизни Н.П. Оттокара (1916 – 1921 гг.)

Возможность учреждения университета на Урале дебатировалась в обществе давно, еще в конце XIX в. за эту идею высказывались научные и литературные деятели империи, среди которых были Д.И. Менделеев, Д.Н. Мамин-Сибиряк и многие другие. Пермская общественность, особенно в 1909–1914 гг., регулярно направляла в столицу записки и прошения с обоснованиями необходимости учреждения университета в их городе¹⁸⁷. Однако политика, проводимая министрами народного просвещения А.Н. Шварцем и Л.А. Кассо, не способствовала реализации этих намерений¹⁸⁸. Ситуация изменилась с началом Первой мировой войны, когда, по мнению А.Е. Иванова, «следование карательной стилистике управления университетским “населением”, завещанной Кассо, уже никоим образом не сопрягалось бы с острейшими оборонными нуждами плохо подготовленного к войне государства»¹⁸⁹. В чрезвычайных условиях войны сотрудничество с учебным корпусом выпало реализовывать министру П.Н. Игнатьеву.

Летом 1915 г. перед созданным кабинетом П.Н. Игнатьева чрезвычайным Советом по делам высших ученых заведений был поставлен вопрос об эвакуации Юрьевского (Тартусского) университета подальше от границ России, ввиду вероятной угрозы оккупации Прибалтики. В результате командировки профессора Юрьевского университета К.Д. Покровского в Пермь, который увидел здесь не только все условия, как материальные, так и денежные, но также горячую поддержку общественности, совет университета принял решение о выборе

¹⁸⁷ Об этом см.: Васильева Н.Е., Кертман Л.Е., Шустов С.Г. Первый на Урале. Пермский государственный университет. 1916–1986. Пермь: Кн. изд-во, 1987. С. 4–5. См. также: Пермский государственный университет им. А.М. Горького: Исторический очерк 1916–1966 / Общ. ред. Ф.С. Горового. Пермь: Пермское книжное издательство, 1966. С. 3–5; Пермь / Ред.-сост. М.Г. Гуревич. Пермь: Кн. изд-во, 1957. С. 305–306.

¹⁸⁸ О деятельности кабинетов А.Н. Шварца и Л.А. Кассо см.: Иванов А.Е. Российские императорские университеты под управлением Министерства народного просвещения (1880-е годы – начало XX века) // Расписание перемен: Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы). М.: НЛО, 2012. С. 65–75.

¹⁸⁹ Там же. С. 75.

уральского города. В итоге, однако, более предпочтительным для профессуры оказалось предложение об эвакуации в Воронеж из-за лучших климатических условий, а также близости к центру страны¹⁹⁰.

Тем не менее, проводимая кабинетом П.Н. Игнатьева, реформа системы высшего образования, а также подготовительная работа, проведенная пермской общественностью, сыграли свою роль, и Совет по делам высших учебных заведений принял решение об открытии в Перми отделения Петроградского университета – по мнению А.Е. Иванова, на случай сдачи столицы германскими войсками¹⁹¹. В соответствии с министерским актом от 1(14) октября 1916 г. за № 2773 было учреждено Пермское отделение Императорского Петроградского университета, в составе трех факультетов: физико-математического, юридического и историко-филологического¹⁹². Пермский предприниматель Н.В. Мешков отдал ряд принадлежавших ему зданий, а также оказал материальную поддержку¹⁹³.

Для преподавания в новом учебном заведении были привлечены приват-доценты Петроградского университета, в числе которых были Б.Д. Греков, А.П. Дьяконов, Б.Л. Богаевский и многие другие¹⁹⁴. Среди них был и Н.П. Оттокар. Распоряжением Министерства народного просвещения от 29 сентября 1916 г. № 10863, ему было поручено «чтение лекций и ведение семинарских занятий в отделении Петроградского университета в городе Пермь в 1916–1917 учебном году»¹⁹⁵.

¹⁹⁰ См. об этом: Васильева Н.Е., Кертман Л.Е., Шустов С.Г. Указ. соч. С. 6.

¹⁹¹ Иванов А.Е. Российские императорские университеты под управлением Министерства народного просвещения (1880-е годы – начало XX века). С. 78.

¹⁹² См.: Костицын В.И. Ректоры Пермского университета. 1919–2006. Изд. 2-е, перераб. и доп. Пермь: Пермский гос. ун-т, 2006. С. 7.

¹⁹³ См.: Два письма о Николае Васильевиче Мешкове – активном организаторе Пермского университета // Костицын В.И. Указ. соч. С. 15–21.

¹⁹⁴ О причинах переездов ученых см.: Ключев А.И., Свешников А.В. Миграция или эмиграция. О причинах и основных тенденциях географической мобильности советских медиевистов в 1920–1930-е гг. // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. М., 2013. Вып. 45. С. 131–143. Об условиях работы в Перми, материальной базе университета и т.д. см.: Греков Б.Д. Письма (1905–1952 гг.) / Сост. В.Г. Бухерт. М.: Памятники исторической мысли, 2019. С. 164–188.

¹⁹⁵ Оттокар Н.П. // ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 257. Л. 92.

Поскольку не сохранилось источников личного происхождения, мы не можем с твердой уверенностью сказать, что двигало Н.П. Оттокаром, когда он решался на переезд в Пермь, однако общее положение дел в системе высшего образования позволяет сделать несколько наблюдений.

Как справедливо отмечает М.В. Лоскутова, в начале XX вв. переезд столичных приват-доцентов из столицы в провинцию был практически рядовым событием¹⁹⁶. Особенно это явление характерно было для медиевистов, которые в силу своей специализации имели крайне узкий спектр возможностей для профессиональной реализации за пределами университетов и научных учреждений. Определенные сложности были и с трудоустройством в университеты, где кафедры были довольно прочно заняты учеными так называемого «старшего поколения», т.е. тех, чей пик научной работы пришелся на начало XX вв.¹⁹⁷ И фактически вакантные кафедры в уже существующих провинциальных университетах или только открывающихся учебных учреждениях давали возможность столичным приват-доцентам построить более или менее успешную научную карьеру, предоставляли возможность профессиональной реализации, но уже в провинциальных институтах. Так, сдав магистерские экзамены в Санкт-Петербурге, В.Э. Крусман перешел на вакантную кафедру в Одессе, получив после защиты магистерской диссертации должность экстраординарного профессора¹⁹⁸. Таким же образом поступил медиевист

¹⁹⁶ Лоскутова М.В. Географическая мобильность профессоров и преподавателей российских университетов второй половины XIX в.: постановка проблемы и предварительные результаты исследования // «Быть русским по духу и европейцем по образованию». С. 183–221.

¹⁹⁷ Свешников А.В. Петербургская школа медиевистики начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества. С. 370–375.

¹⁹⁸ Там же. С. 134; Попова Т.Н. Историография в лицах, проблемах, дисциплинах. Из истории Новороссийского университета. Одесса: Астропринт, 2007. С. 327–452; Ее же. Біцїллі Петро Михайлович. 1879–1953 // Одеські історики. Енциклопедичне видання. Том. 1 (початок XIX – середина XX ст.). Одеса: Друкарський дім, 2009. С. 49–52.

А.А. Васильев, который отправился в Дерпт¹⁹⁹. Надо полагать, те же надежды должен был испытывать и Н.П. Оттокар²⁰⁰.

Командированный в качестве приват-доцента по кафедре всеобщей истории, молодой преподаватель получил право чтения общего курса по истории средних веков. Из зачетной книжки студента Пермского отделения Д.П. Романова мы узнаем, что курс истории Западной Европы в средние века в 1915–1916 гг. читался в количестве двух часов в неделю²⁰¹. Помимо этого, в силу нехватки преподавательских кадров, Н.П. Оттокару пришлось взять на себя «лектуру» новых языков. Уже распоряжением Министерства народного просвещения от 30 сентября 1916 г. он был допущен к исполнению обязанностей лектора немецкого языка²⁰². А 25 октября 1916 г. историко-филологический факультет постановил: «по немецкому языку лектуру предоставить Н.П. Оттокару»²⁰³; с весеннего семестра 1917 г. к немецкому языку прибавился итальянский²⁰⁴. Министр народного просвещения 22 сентября 1917 г. утвердил Н.П. Оттокара «профессором, исполняющим должность экстраординарного профессора по кафедре всеобщей истории»²⁰⁵, а вскоре, 1(14) мая 1918 г., советом факультета было постановлено, что Н.П. Оттокар «имеет право числить по кафедре всеобщей истории и. д. ординарного профессора»²⁰⁶.

В осеннем семестре 1918 г. Н.П. Оттокар предложил руководству университета следующий перечень курсов и практических занятий. По кафедре

¹⁹⁹ Дубьева Л.В. Профессор всеобщей истории Юрьевского университета 1904–1912 гг. А.А. Васильев // Биографика. I. Русские деятели в Эстонии XX века / Сост. и отв. ред. С. Исаков. Тарту: ТУ, 2005. С. 84–85.

²⁰⁰ В качестве интересного примера индивидуальной траектории переезжающего в Пермь приват-доцента, см.: Рихтер Я.А., Рихтер Т.Я. «Теперь работа, прежде всего работа особенно нужна для России...» (А.А. Рихтер в 1917–1923 годы в Пермском университете) // Историко-биологические исследования. 2020. Т. 12. № 1. С. 9–34. В истории А.А. Рихтера явно прослеживаются ряд схожих с переездом Н.П. Оттокара и других ученых тенденций.

²⁰¹ Зачет экзаменов занятий и выдача справок и удостоверений студентам историко-филологического факультета // ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 527а. Л. 2.

²⁰² Оттокар Н.П. // ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 257. Л. 92.

²⁰³ Журналы историко-филологического Пермского отделения Петроградского Университета // ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 521. Л. 2.

²⁰⁴ Обозрение преподавания // ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 55. Л. 64.

²⁰⁵ Греков Б.Д. // ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 105. Л. 13.

²⁰⁶ Оттокар Н.П. // ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 257. Л. 25.

всеобщей истории им читался общий курс истории средних веков (2 ч.), а также им был предложен специальный курс по средневековому городу (2 ч.) и объявлен просеминарий по истории городов в средние века (2 ч.). По кафедре истории и теории искусств в объеме 2 часов в неделю читался курс по истории итальянской живописи XV в. Кроме того, историк продолжал вести занятия по итальянскому языку²⁰⁷. В дальнейшем, вероятно, вследствие значительного объема учебной нагрузки, дополнявшейся иными обязанностями, о которых будет сказано ниже, Н.П. Оттокар начинает отдавать основные курсы своим коллегам В.Э. Крусману, затем А.П. Дьяконову и, наконец, В.В. Вейдле, оставив себе только специальные курсы, которые старался каждый раз объявлять новые²⁰⁸.

При этом, как уже было отмечено в современной литературе, переезжая из столичных университетов в провинциальные, молодые ученые переносили с собой на местную почву и университетские традиции²⁰⁹, выступая своеобразной элитой и формируя элиту на местах. В.В. Вейдле вспоминал: «А студенты и студентки ведь пермяками и пермячками были в большинстве. Столичные, однако, наставники их (и я в том числе, когда стал заниматься ими) вполне были ими довольны. И все мы, со своей стороны, не испорченной пищей их питали, не перемешивали никакой заранее припасенной и не нами состряпанной идеологии к тем наукам, в которые мы их вводили»²¹⁰. Профессора олицетворяли идеалы научной и духовной жизни. «Случалось, поговорим с Николаем Петровичем о

²⁰⁷ Дела, обозрение преподавания наук на историко-филологическом факультете ПГУ в 1918–1919 учебный год // ГАПК. Ф. Р.-180. Оп. 1. Д. 98а. Л. 52 и др.

²⁰⁸ См.: Отчеты о деятельности, списки преподавателей, программы обучения // ГАПК. Ф. Р.-180. Оп. 1. Д. 535а. Л. 19; Журналы заседаний президиума педфака, определение штатов наличного состава, о начале занятий учебных планов и др. // ГАПК. Ф. Р.-180. Оп. 1. Д. 662. Л. 17.

²⁰⁹ Корзун В.П. Профессорская культура в провинции (элемент устойчивости) // Культура и интеллигенция сибирской провинции в XX веке: теория, история, практика. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2000. С. 210. Об этом же см.: Ключев А.И., Свешников А.В. Представители петербургской школы медиевистики в Пермском университете в 1916–1922 гг. // Санкт-Петербургский университет в XVIII–XX вв.: европейские традиции и российский контекст: Труды международной научной конференции. 23–25 июня 2009 г. / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко, И.Л. Тихонов. СПб.: Ист. фак. Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2009. С. 350.

²¹⁰ Цит. по: Кара-Мурза А.А. Интеллектуальные портреты: Очерки о русских политических мыслителях XIX–XX вв. М.: ИФ РАН, 2006. С. 108–109.

Флоренции и осоловеем немного от этого разговора, а потом опомнимся: она ведь за тридевять земель»,²¹¹ – пишет В.В. Вейдле.

Ряд документов из архивов Пермского университета дают в этом отношении весьма характерную и любопытную информацию о преподавании Н.П. Оттокаром курсов в Перми²¹². Бросается в глаза, что многие рекомендованные пособия к истории средних веков касаются преимущественно социально-культурной жизни средневекового общества, что является характерной чертой петербургских историков-медиевистов. Нельзя не обратить внимание на весьма внушительный список литературы на иностранных языках, что говорит о высоком уровне преподавания дисциплин в университете. Также характерны попытки привлечь к преподаванию в Перми преподавателей из столиц, например, И.М. Гревса²¹³. Известно о попытке пригласить в Пермь историка Б.А. Романова,

²¹¹ Вейдле В.В. Указ. соч. Вып. 2. С. 77. См. также: Кара-Мурза А.А. Проблема «саморазрушения цивилизации» в работах мыслителей русского серебряного века // Россия в архитектуре глобального мира: цивилизационное измерение / Отв. ред. А.В. Смирнов. М.: Языки славянской культуры (ЯСК): Знак, 2015. С. 113–165.

²¹² «б. всеобщая история... И.д. экстраординарного профессора Н.П. Оттокара (4)

1 – общий курс истории средних веков – 2 часа оба полугодия.

2 – просеминарий по истории средних веков – 2 часа оба полугодия. Пособия: 1. Корелин М.С. Важные моменты в развитии средневекового папства. СПб., 1901; 2. Карсавин Л.П. Монашество в средние века. СПб., 1912; 3. Фюстель де Куланж. История общественного строя древней Франции. Т. 1-6. СПб., 1901–1916; 4. Общая история европейской культуры, изданная Брокгаузом и Ефроном. Т. VII. СПб., 1912.

Tacitus, Germania. Geffchen, Lex Salica. Flach, Les origines le l'ancienne France I. Brunner, Deutsche Rechtsgeschichte. Thomssen, L'organisation judiciaire et le droit penal di la loi salique. Fustel de Coulanges, Histoire des institutions politiques de la ancienne France III-VI. Его же, Recherches sur quelques problemes d'histoire. Егоров, Салическая правда.

7. история и теория искусств

и.д. экстраординарного профессора Н.П. Оттокара (3)

1 – история искусства эпохи Возрождения – 3 часа оба полугодия. Пособия: 1. Вельфин Классическое искусство СПб. 1912; 2. Мутер История живописи до 19 века; 3. Бенуа А. История живописи; 4. Andre Michel, Histoire de l'art, III.

8. новые языки

И.д. экстраординарного профессора Н. П. Оттокара (4)

1 – итальянский язык. Элементарный курс для начинающих – 4 часа оба полугодия» См.: Дела, обозрение преподавания наук на историко-филологическом факультете ПГУ в 1918–1919 учебный год // ГАПК. Ф. Р.-180. Оп. 1. Д. 98а. Л. 3, 4, 5, 17.

²¹³ Ключев А.И., Свешников А.В. Представители петербургской школы медиевистики в Пермском университете в 1916–1922 гг. С. 360. См. также размышления А.В. Свешникова по поводу письма В.В. Вейдле И.М. Гревсу, датированное 1920 г.: Письмо В.В. Вейдле И.М. Гревсу 1920 г. / Полг. к публ., предисл. и коммент. А.В. Свешников // Археографический ежегодник. 1999. М.: Наука, 2000. С. 365–367.

о чем Н.П. Оттокар справлялся у С.Ф. Платонова²¹⁴. Кроме того, Н.П. Оттокару удалось привлечь к преподаванию, уже в 1920-е гг., в Пермь, в будущем известного геолога П.И. Преображенского²¹⁵.

С целью создания в городе «интеллектуальной среды», преподавателями университета было создано Общество исторических, философских и социальных наук²¹⁶. К лету 1918 г. в состав Общества входило 48 действительных членов, оно стало площадкой для апробации новых идей и обмена опытом. Историк Г.В. Вернадский так вспоминал об этом: «При университете образовалось «Общество исторических, философских и социальных знаний», в котором принимали участие, кроме профессоров и городская интеллигенция (учителя гимназий, судебные деятели, члены Пермской ученой архивной комиссии и др.) Общество устраивало заседания, на которых читались доклады»²¹⁷.

Помимо преподавательской работы Н.П. Оттокар активно вел административную работу в университете. Понятно, что в определенной степени, административная деятельность связана, особенно на раннем этапе, с нехваткой кадров. Однако, по материалам, собранным нами, очевидно, что до определенного этапа ученый сознательно принимал в ней участие, и более того, активно продвигался по карьерной лестнице. Вероятно, не в последнюю очередь

²¹⁴ Письмо Николаю Петровичу Оттокару // ОР РНБ. Ф. 585. Д. 1866. Л. 1. См. также: Н.П. Оттокару // Академик С.Ф. Платонов: Переписка с историками: В 2 т. / Отв. ред. С.О. Шмидт. М.: Наука, 2003. Т. 1. С. 238–239. См. также: Митрофанов В.В. О несостоявшихся лекциях С.Ф. Платонова в Пермском университете // Вестник Пермского университета. История. 2017. № 2 (37). С. 166–171. По некоторым сведениям, подобное предложение получил и Б.В. Александров. См. также: Панеях В.М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб.: Буланин, 2000. С. 50. См. также: Греков Б.Д. Письма (1905–1952 гг.). С. 175–176.

²¹⁵ Биккель Л. Авторский знак профессора Преображенского. URL: <http://dp.perm.ru/article.php?id=4371> (дата обращения: 31.10.2014). См. также: Рихтер Я.А., Рихтер Т.Я. Указ. соч. С. 17.

²¹⁶ Подр. об этом обществе см.: Селянинова Г.Д. Общество исторических, философских и социальных наук при Пермском университете в 1917–1918 годах // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. М., 2008. Вып. 25/2. С. 233–270. См. также: Её же. Деятельность общества исторических, философских и социальных наук при Пермском университете в 1918 году // Гражданская война на Востоке России: новые подходы, открытия, находки. Материалы научной конференции в Челябинске 19–20 апреля 2002 г. М.: Посев, 2003. С. 113–119; Её же. Г.В. Вернадский в Пермском университете: 1917–1918 гг. // Вестник Пермского университета. История. 2012. № 2 (19). С. 118–119.

²¹⁷ Вернадский Г.В. Из воспоминаний // Вопросы истории. 1995. № 1. С. 143.

подобный выбор объяснялся причинами материального толка: по университетскому уставу 1884 г. административная работа предполагала весьма солидное денежное вознаграждение.

Так, например, согласно записи от 27 октября 1916 г. в журнале заседаний историко-филологического факультета, проводились выборы членов факультета в библиотечную комиссию, которая должна была заниматься комплектацией библиотечных фондов. Записками были намечены три кандидатуры: Н.П. Оттокар (4 записки), А.А. Смирнов и С.П. Обнорский (15 записок). За отказом последнего, баллотированием избраны Н.П. Оттокар и А.А. Смирнов (по 6 избирательных шаров и 2 неизбирательных)²¹⁸. Также известно, что Н.П. Оттокар, в ряду других преподавателей вуза, вошел в состав Пермской губернской ученой архивной комиссии, которая занималась отбором наиболее ценных в научном плане документов, хранящихся в местных государственных учреждениях, описании их и дальнейшем хранении в историческом архиве²¹⁹.

Как уже было выше отмечено, в течение первого года университет в Перми существовал в качестве отделения Петроградского университета, а с 1 июля 1917 г. был учрежден как самостоятельный университет²²⁰. Этот переход сопровождался рядом мероприятий по устройству жизни учебного заведения, в которых Н.П. Оттокар сыграл не последнюю роль: 30 января 1917 г. он был отправлен в качестве члена депутации в Петроград для «ходат[ойствования] об утверждении смет по содерж[анию] и оборуд[ованию] Пермск[ого] Отд[еления] Петр[оградского] Ун[иверситета]»²²¹. В уведомлении для пермской городской управы от 10 мая 1917 г. говорится, что и.о. ректора К.Д. Покровский, профессор

²¹⁸ Журналы историко-филологического Пермского отделения Петроградского Университета // ГАПК. Ф. Р.-180. Оп. 1. Д. 521. Л.6. См. о работе библиотечной комиссии любопытный эпизод, который описывает в своих письмах Б.Д. Греков. Интересно, что Оттокар в них фигурирует в качестве «прокурора». См.: Греков Б.Д. Письма (1905–1952 гг.). С. 180–181.

²¹⁹ Шилов А.В., Шумилов Е.Н. Пермская губернская ученая архивная комиссии (ПУАК). URL: <http://enc.permculture.ru/showObject.do?object=1803701032&idParentObject=1804113850> (дата обращения: 02.08.2016).

²²⁰ Костицын В.И. Указ. соч. С. 5. Здесь же см. постановление Временного Правительства об учреждении университета в городе Перми. См.: Там же. С. 8–11. См. также: Пермский государственный университет им. А.М. Горького. С. 10–11.

²²¹ См.: Оттокар Н.П. // ГАПК. Ф. Р.-180. Оп. 2. Д. 257. Л. 9.

А.А. Добиаш, приват-доцент В.К. Шмидт и приват-доцент Н.П. Оттокар являются представителями от университета в «комитете для устройства Пермского университета»²²².

Осенью 1917 г. Н.П. Оттокар некоторое время исполнял обязанности декана историко-филологического факультета²²³, а 24 октября 1917 г. двадцатью шарами против одиннадцати он был избран проректором университета²²⁴. 8 декабря 1918 г. последовала записка в Министерство народного просвещения с просьбой утвердить Оттокара «в должности проректора П[ермского] У[ниверситета] на 3 года, считая со дня избрания»²²⁵. Принять должность он должен был после утверждения отделом высших учебных заведений Комнарпроса, которое по утверждению А.К. Клементьева, состоялось 11 января 1918 г.²²⁶. Но к исполнению новых должностных полномочий он приступил раньше. Об этом нам говорит официальная записка на имя Н.П. Оттокара от 19 ноября 1917 года с просьбой «вступить в исполнение обязанностей проректора университета, не ожидая утверждения Министерства народного просвещения»²²⁷.

В мае 1918 г. состоялось новое избрание Н.П. Оттокара на должность проректора Пермского университета²²⁸. В этот момент историк пытается сложить с себя исполнение обязанностей проректора: видимо, сказывалась педагогическая нагрузка и желание продолжить научные изыскания²²⁹. Эта просьба ни к чему не привела, он остался в должности еще на пять месяцев.

Политические события в стране 1917–1918 гг. внесли коррективы в повседневную жизнь университета. Очевидно, что университету, как центру притяжения общественной жизни Перми, приходилось также находить пути

²²² Списки личного состава научных работников и преподавателей ПГУ // ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 1028. Л. 263.

²²³ Журнал заседаний историко-филологического факультета Пермского университета // ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 522а. Л. 4.

²²⁴ Оттокар Н.П. // ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 257. Л. 13.

²²⁵ Там же. Л. 16.

²²⁶ Клементьев А.К., Клементьева В.А. Три университета Николая Петровича Оттокара: Санкт-Петербург – Петроград – Пермь – Флоренция. С. 381.

²²⁷ Оттокар Н.П. // ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 257. Л. 12.

²²⁸ Там же. Л. 26.

²²⁹ Там же. Л. 32.

взаимодействия с новыми органами власти²³⁰. 12 (25) мая 1918 г. на заседании слушали предложение ректора университета К.Д. Покровского о необходимости «выработать нормы более тесного общения с местными органами власти»²³¹. Совет университета постановил «просить профессоров Н.П. Оттокара и А.А. Фридмана защищать в местных органах Советской власти интересы университета»²³².

С первого летнего месяца Н. П. Оттокар являлся также и членом комиссии по приспособлению временных помещений для университета от историко-филологического факультета²³³, в связи с постановлением Местного совета Народного хозяйства о достройке и ремонте переходящих университету зданий. На заседании совета факультета 6 сентября он сделал доклад о состоянии строительных работ в отведённых под университетские учреждения помещениях²³⁴.

20 сентября 1918 г. Н.П. Оттокар сделал новую попытку сложить с себя полномочия проректора, «вследствие желания полнее отдаться академической деятельности»²³⁵. Видимо, эта попытка увенчалась успехом. В деле по личному составу университета на 1917–1918 гг. указывается в графе проректор фамилия Н.П. Оттокара, а также указано время убытия – 5 октября 1918 г.²³⁶. С этого же числа А.И. Сырцов оказался временно назначенным проректором²³⁷.

Дальнейший ход событий показывает, что заняться вплотную научной работой Н.П. Оттокару все же не удалось. За отсутствием источников личного

²³⁰ Об университете, как коммуникативном пространстве, в поле которого есть несколько уровней коммуникативного взаимодействия см.: Краснова Ю.В. Университет как коммуникативное пространство (на примере столичных университетов России конца XIX – начала XX в.) // Мир историка: историографический сборник. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2008. Вып. 4. С. 285–288.

²³¹ Оттокар Н.П. // ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 257. Л. 47.

²³² Там же.

²³³ Там же. Л. 28.

²³⁴ В деле указано, что познакомиться с докладом можно в приложении к журналу, но, к сожалению, найти его не удалось. См.: Протоколы заседаний историко-филологического факультета // ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 522. Л. 18.

²³⁵ Оттокар Н.П. // ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 257. Л. 40.

²³⁶ Личный состав на 1917–1918 гг. // ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 1025. Л. 5.

²³⁷ Там же. Л. 5.

происхождения, сложно говорить о том, почему историк полностью не оставил административную работу. Но если помнить о том, что занятие административных должностей давало профессуре важный ресурс в виде возможности командировок в столицу, то это могло быть дополнительным аргументом в условиях отсутствия укомплектованных библиотек и архивов на местах²³⁸.

Поскольку прежний декан А.И. Сырцов сложил с себя полномочия, то 1 октября 1918 г. проходили выборы декана факультета. Поданными записками намечены были следующие кандидатуры: А.П. Дьяконов (1 записка), Н.П. Оттокар (5 записок) и А.И. Сырцов (5 записок). А.П. Дьяконов и А.И. Сырцов баллотироваться отказались, в то время как Н.П. Оттокар выразил своё согласие. В результате закрытой баллотировки шарами единогласно он был избран деканом историко-филологического факультета²³⁹. 2 октября 1918 г. об этом был извещен ректор, а 5 октября 1918 г. решение было утверждено советом Пермского университета²⁴⁰. В этой должности профессор Н.П. Оттокар проработал недолго, отбыв 12 ноября в командировку в Петроград по делам службы»²⁴¹.

Довольно быстро продвигаясь по административной лестнице, Н.П. Оттокар все еще не имел ученой степени. Поэтому, несмотря на педагогическую нагрузку и административную работу, именно в Перми в 1919 г. он опубликовал свою первую монографию, посвященную истории французских городов в эпоху средневековья. Именно эту работу он защитит в 1921 г. в Петрограде в качестве магистерской диссертации.

Обстоятельства провинциальной Перми, думается, неизбежно оставили отпечаток на данной книге. Невозможность обратиться к оставленным во Флоренции материалам магистерской диссертации вынудила историка писать

²³⁸ См. об этом: Греков Б.Д. Письма (1905–1952 гг.). С. 164–180. Об этом также: Вейдле В.В. Указ. соч. Вып. 3. С. 28.

²³⁹ Оттокар Н.П. // ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 257. Л. 46.

²⁴⁰ Там же. Л. 45.

²⁴¹ Там же. Л. 54.

новую работу. Именно поэтому Н.П. Оттокар избирает сюжетом для своей будущей диссертации тему близкую для него, которую он мог бы написать при существующем состоянии библиотек Перми, и отсюда, как нам кажется, проистекает ее методологическая направленность, на что указывает и очерковая структура²⁴². «Опыты по истории французских городов в средние века» были завершены автором осенью 1918 г. и заявлялись им в качестве «методологического введения» в городскую историю²⁴³. Близкий друг Н.П. Оттокара В.В. Вейдле предпослал книжке несколько строк: «Настоящая книга, законченная автором в ноябре 1918 года, к сожалению выходит в свет в его отсутствие. Два последних листа не могли быть им прокорректированы²⁴⁴, и предисловие не было написано. Позволяю себе, согласно неоднократно высказанным автором намерениям, принести от своего имени глубокую благодарность Совету Пермского университета, предоставившему ему честь открыть своим трудом серию университетских «Записок»²⁴⁵. По всей видимости, именно эти несколько строк позволили Н.П. Комоловой говорить о факте эмиграции Н.П. Оттокара, случившемся, по её мнению, в 1919 г.²⁴⁶

Между тем, в стране уже несколько лет шла гражданская война. При этом, как отмечает пермский исследователь Л.А. Обухов в Перми «до конца мая 1918 г.

²⁴² Ключев А.И. О стратегии написания исторической диссертации: «Опыты...» Н.П. Оттокара // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII – начала XX века. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 23–25.

²⁴³ Оттокар Н.П. Опыты по истории французских городов в средние века. С. 255.

²⁴⁴ Существует два варианта книги Н.П. Оттокара: они напечатаны на разной бумаге, и на некоторых экземплярах, на стр. 256, имеется дополнение, где от руки внесена запись: «Всем известный материал остаётся в сущности неиспользованным». Видимо этот факт дал основания И. Дороченкову полагать о том, что книга Н.П. Оттокара вышла двумя разными тиражами. См.: Дороченков И. Примечания // Вейдле В.В. Указ. соч. Вып. 3. С. 128. Нам не удалось найти подтверждений этого факта. Думается, что данную ситуацию можно объяснить трудностями военного времени.

²⁴⁵ Вейдле В.В. Предупреждение // Оттокар Н.П. Опыты по истории французских городов в средние века. С. VI.

²⁴⁶ В момент опубликования книги Н.П. Оттокар находился в командировке в Петрограде, а не в Италии на положении эмигранта, как утверждает Н.П. Комолова. См.: Комолова Н.П. Страницы итальянской истории по Н.П. Оттокару. С. 397. Ту же ошибку повторяет и З.В. Нюркаева. См.: Нюркаева З.В. Указ. соч. С. 122.

гражданская война носила локальный, очаговый характер»²⁴⁷. Об относительно спокойной атмосфере в Перми вспоминает и приехавший сюда через год после Н.П. Оттокара его друг В.В Вейдле: «С чего же это? – вспоминал позднее Вейдле – Или для чего? Прокормиться? Отчасти, в самом деле, и для этого. В Петербурге была дороговизна, недостаток продуктов, длинные хвосты; а в Перми, когда мы прибыли туда, пара рябчиков стоила пять копеек, жарилось все на топленном масле, в котором все жареное – к ужасу моему – плавало, а пельмени, звавшиеся тут, как и сами пермяки, солеными ушами, изготавливались по-прежнему из трех сортов мяса, плавали в жирнейшем бульоне и три часа подряд обновлялись в кастрюльке, подававшийся к столу, – «горяченькие, свеженькие, отведайте, водочку не забудьте». Молоко тут зимой продавалось на вес, его рубили топором. Хлеб выпекали расчудесный. Снедь была на базаре в изобилии, казавшемся нам сказочным»²⁴⁸.

Мы не будем останавливаться здесь специально на перипетиях военного времени в Перми, о чем имеется значительная библиография. Тем не менее, применительно к судьбам университета в Перми, отметим, что пермская профессура не осталась в стороне от политических пертурбаций, происходящих в городе, и, в частности, абсолютное большинство, как утверждает современный исследователь Л.А. Обухов, поддержало колчаковский режим в Перми²⁴⁹. Отступление же войск А.В. Колчака, последовавшее в 1919 г., обернулось

²⁴⁷ Обухов Л.А. Прикамье в годы гражданской войны. URL: <http://www.permgani.ru/publikatsii/konferentsii/grazhdanskaya-vojna-na-vostoke-rossii/l-a-obuhov-prikame-v-gody-grazhdanskoj-vojny.html> (дата обращения: 30.10.2014).

²⁴⁸ Вейдле В.В. Указ. соч. Вып. 2. С. 27. См. подробнее о пребывании В.В. Вейдле в Перми: Братухина Л.В. Владимир Васильевич Вейдле: пермская нота в судьбе ученого // Мировая литература в контексте культуры. 2018. № 7 (13). С. 188–200. См. также воспоминания А.А. Рихтера: «сравнительно с Петроградом жить еще очень и очень можно <...>, можно достать поросенка и наестся до отвала <...>, хлеб есть в свободной продаже...». См.: Рихтер Я.А., Рихтер Т.Я. Указ. соч. 13. См. также: Обухов Л.А. Пермский университет в условиях военной диктатуры адмирала А.В. Колчака // Гражданская война на востоке России (ноябрь 1917 – декабрь 1922 г.): сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием, (18–20 ноября 2019 г.) / Отв. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск: Издательство СО РАН, 2019. С. 290–298.

²⁴⁹ См.: Обухов Л.А. Пермский университет в условиях военной диктатуры адмирала А.В. Колчака. С. 297–298; Его же. Власть и профессура (из истории Пермского университета 1917–1931 гг.) // Вестник Пермского университета. История. 2011. № 2. С. 146–147. См. также: Рихтер Я.А., Рихтер Т.Я. Указ. соч. С. 18 и далее.

фактически прекращением деятельности университета. Многие помещения университета оказались занятыми войсками, а сами сотрудники были эвакуированы в Томск и Иркутск, в том числе и В.В. Вейдле²⁵⁰. Решение об отступлении вместе с колчаковцами было принято в университете практически единогласно, в качестве хранителей университетского имущества остались всего два преподавателя²⁵¹.

Н.П. Оттокар в Томск не поехал. Трудно определенно сказать, что было причиной этого решения. Вероятно, уже в этот момент историк понимал, что дальнейшая его судьба с Пермью не связана, и взял курс на возвращение в Петроград или вовсе на эмиграцию за рубеж.

В целом же можно сказать, что в это время четко обозначается тенденция обратной миграции ученых из провинциальных университетов в столицы. В первую очередь, причиной этого процесса стала реорганизация системы высшего образования, начало которой было положено в 1919 г., в связи с созданием ФОНов, что предполагало, помимо всего прочего, значительное сокращение исторических курсов в системе подготовки в высших учебных заведениях²⁵². Многие специалисты остались не у дел, поскольку часть институций была либо реорганизована, либо закрыта. Столицы же все равно предлагали больше возможностей найти работу благодаря широко развитой сети библиотек, музеев, архивов, различных научно-исследовательских учреждений, таких как ГАИМК²⁵³.

²⁵⁰ Об этих фактах подробнее см.: Пермский государственный университет им. А.М. Горького: Исторический очерк 1916–1966. С. 22–23; Васильева Н.Е., Кертман Л.Е., Шустов С.Г. Указ. соч. С. 20–21. См. также сведения о поездке в Томск, которые содержатся в воспоминаниях В.В. Вейдле: Вейдле В.В. Указ. соч. Вып. 3. С.48–58.

²⁵¹ Пропп О.В. О политических взглядах пермской профессуры в годы гражданской войны. URL: <http://www.permgani.ru/publikatsii/konferentsii/grazhdanskaya-vojna-na-vostoke-rossii/o-v-propp-o-politicheskikh-vzglyadah-permskoj-professury-v-gody-grazhdanskoj-vojny.html> (дата обращения: 30.10.2014)

²⁵² См. об этом, в частности: Ключев А.И., Метель О.В. Этапы становления институциональной структуры советской исторической науки (конец 1910-х – 1930-е гг. // Груздинская В.С., Ключев А.И., Метель О.В. Очерки истории институциональной структуры советской исторической науки 1920–1930-х гг. Омск: Полиграфический центр КАН, 2018. С. 10–22.

²⁵³ См.: Вольфцун Л.Б. От Корбийского скриптория до века Просвещения. Из истории изучения западноевропейской культуры в России. СПб.: Феникс, 2008. С. 7–17; Свешников А.В. Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества. С. 198–227; Ключев А.И., Свешников А.В. Миграция или эмиграция. О

Так, например, в 1920-е гг. центром медиевистики в Ленинграде, благодаря усилиям О.А. Добиаш-Рождественской, стал Отдел рукописей Публичной библиотеки. В результате переезжали как бывшие выпускники столичных университетов, так и те, кто в свое время получил образование в провинции²⁵⁴.

Конечно, все более начинает обретать черты и становится гораздо более массовой эмиграция из России в принципе. Уезжали по разным причинам, в том числе и по политическим. Но такой отъезд создавал в дальнейшем серьезные проблемы в плане профессиональной реализации. Многим медиевистам пришлось уйти из профессии, как например В.В. Вейдле или Г.П. Федотову. Часть оказалась связана с академическими учреждениями русской эмиграции, лишь немногим удалось интегрироваться в мир западной науки.

Некоторое время Н.П. Оттокар продолжает работать в Перми. В 1919 г. он был избран сначала исполняющим обязанности ректора, в связи с отъездом ректора А.С. Безиковича²⁵⁵, затем получил должность ректора университета²⁵⁶. В.Э. Крусман пишет в Петроград И.М. Гревсу следующее: «Весь год и до сих пор все административные дела ... надо было с Н.П. вместе создавать факультет ... отвоевать помещение, перевозить имущество <...> с места на место»²⁵⁷. Несмотря на то, что это письмо написано спустя год после описываемых событий, тем не менее, думается оно точно дает характеристику всей последующей деятельности Н.П. Оттокара в Перми. Во многом именно его стараниями университет смог вернуться к нормальному режиму функционирования, восстановить разрушенную материально-техническую базу. А.К. Клементьев замечает по этому поводу следующее: «полагаем, что неучастие Николая Петровича в составлении принятого 13 мая 1919 г. корпорацией Пермского университета антибольшевистского обращения «Профессорам и преподавателям иностранных

причинах и основных тенденциях географической мобильности советских медиевистов в 1920–1930-е гг. С. 136.

²⁵⁴ Там же. С. 136–137.

²⁵⁵ Костицын В.И. Указ. соч. С. 35–44

²⁵⁶ Оттокар Н.П. // ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 257. Л. 69.

²⁵⁷ Цит. по: Ключев А.И., Свешников А.В. Представители петербургской школы медиевистики в Пермском университете в 1916–1922 гг. С. 360.

университетов по поводу бедствий большевизма, переживаемого Россией», в значительной мере предопределило одобрение его избрания властями»²⁵⁸. Представляется также, что и внепартийная принадлежность²⁵⁹ сыграла свою роль в этом деле.

Необходимо также сказать несколько слов о политических взглядах историка. Оговоримся, что Н.П. Оттокар свидетельств на этот счёт не оставил, поэтому мы опираемся на воспоминания В.В. Вейдле, отсюда следует предположительный характер нашей реконструкции. По-видимому, историк был ближе всего той части общества, которая скептически относилась к будущему царского режима, а войну воспринял как ненужную и бесполезную затею. Не принял он и Октября. В.В. Вейдле вспоминал, что «в отличие от русской интеллигенции недавних ещё времён, все наши профессора, которых я знал [...], придерживались умеренно-либеральных взглядов и от политики держались вдалеке. Октябрю, когда о нём узнали, не порадовался среди них никто; обеспокоены были им; на будущее смотрели мрачно или надежды возлагали не на те силы, которые отныне делали, защищали и «углубляли» революцию. Но какой-нибудь контрреволюционной активности не проявляли. Считали, что университет при любом режиме — ах, какими оптимистами были! — останется университетом»²⁶⁰.

При этом, по всей видимости, серьезных проблем с советской властью Н.П. Оттокар не испытывал. Правда, позднее В.В. Вейдле вспоминал: «К нам на квартиру, Николая Петровича и мою, явились двое косопалых новичков с ордером на обыск. Отобрали рукописи и блокноты Оттокара, моих не тронув, а затем был и он арестован, но в тюрьме просидел всего два дня. Рукопись, однако, диссертации своей и записки получил, после усердных хлопот, лишь через два

²⁵⁸ Клементьев А.К., Клементьева В.А. Три университета Николая Петровича Оттокара. Санкт-Петербург – Петроград – Пермь – Флоренция С. 383. Подробнее об этом обращении см.: Обухов Л.А. Власть и профессура (из истории Пермского университета 1917–1931 гг.). С. 147; Пропп О.В. О политических взглядах пермской профессуры в годы гражданской войны.

²⁵⁹ См., напр.: Списки личного состава Пермского педфака, профессорско-преподавательский состав, ноябрь 1922г. // ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 1082. Л. 33.

²⁶⁰ Вейдле В.В. Указ. соч. Вып. 3. С. 31.

месяца. На его беду, часто в ней встречалось слово «коммуна», хоть совсем не встречалось слова «коммунизм»²⁶¹. Об этом же происшествии пишет современный историк Л.А. Обухов. «В том же году 11 октября были арестованы ректор университета Н.В. Култашев и ряд сотрудников правления. Для выяснения ситуации с ректором в губернскую чрезвычайную комиссию отправились декан историко-филологического факультета проф. Н.П. Оттокар и исполняющий обязанности ректора (на период отсутствия последнего) проф. А.А. Заварзин. Как люди воспитанные и интеллигентные, они, явившись в ГубЧК, послали свои визитные карточки председателю ЧК П. Малкову. Ответом был арест и помещение в камеру. На их квартирах был произведен обыск, во время которого у Н.П. Оттокара изъяли рукопись его научной работы. Несмотря на неоднократные требования в устной и письменной формах объяснения причин ареста, ответа в течение суток они не получили. На следующий день вечером после допроса А.А. Заварзин и Н.П. Оттокар были освобождены, а ректор остался под арестом. Освобожденные профессора заявили следователю ЧК “что к ректору государственного университета не может быть применено в качестве меры пресечения личное задержание без оскорбления всего учреждения”»²⁶².

Через семь месяцев после избрания Н.П. Оттокара исполняющим обязанности ректора, 30 апреля 1920 г., Совет университета собрался в обширном составе. Присутствовало 73 человека, среди них профессора, преподаватели и студенты. На основании закрытой баллотировки Совет постановил «считать проф. Николая Петровича Оттокара избранным на должность ректора университета»²⁶³.

То, с чем пришлось столкнуться Н.П. Оттокару в этот промежуток времени можно легко понять, обратившись, например, к личным делам профессоров университета. В этот момент большинство преподавательского состава, по

²⁶¹ Там же. С. 36–37.

²⁶² Обухов Л.А. Власть и профессура (из истории Пермского университета 1917–1931 гг.). С. 146. По всей видимости, об этом же эпизоде вспоминает и Серджио Дженсини, см.: Gensini G. Nicola Ottokar fiorentino. Note e ricordi di un ex allievo. P. 65. См. также: Рихтер Я.А., Рихтер Т.Я. Указ. соч. С. 21–23.

²⁶³ Оттокар Н.П. // ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 257. Л. 57об.

разным причинам, не вернулось в университет²⁶⁴. Тем не менее, личные дела наполнены телеграммами с просьбами вернуться к преподаванию в университете. Подобного содержания телеграмма В.Э. Крусману, с убеждением в том, что «квартира и обстановка Вам обеспечены»²⁶⁵. Писал ректор и Г.В. Вернадскому²⁶⁶. Интересно заметить, что личное дело С.Я. Лурье, хранящееся в ГАПК, состоит из трех листов, и все они с просьбами Оттокара дать согласие на занятие кафедры древней истории²⁶⁷. Правда стоит заметить, что многие возвращались самостоятельно, о чем говорит случай В.В. Вейдле, который отважился предложить сам свою кандидатуру²⁶⁸. Н.П. Оттокар хлопотал об обеспечении университета должной материально-технической базой, денежной наличностью; университет столкнулся с попыткой занятия его зданий под военные нужды²⁶⁹.

Не оставлял ученый и преподавательской работы. В этот период система высшего образования подверглась коренной ломке, связанной с приходом к власти новых политических сил. Проявлением «большевизации» в университете в апреле 1919 г. стала ликвидация историко-филологического и юридического

²⁶⁴ В Пермь не вернулись Б.Д. Греков, Г.В. Вернадский, Н.В. Устрялов и многие др. См.: Обухов Л.А. Власть и профессура (из истории Пермского университета 1917–1931 гг.). С. 147.

²⁶⁵ Крусман В.Э. // ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 147. Л. 42.

²⁶⁶ Вернадский Г.В. // ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 62. Л. 51. См. также: Селянинова Г.Д. Г.В. Вернадский в Пермском университете: 1917–1918 гг. // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2012. № 2. С. 122; Дворниченко А.Ю. Русский историк Георгий Вернадский. Путешествия в мире людей, идей и событий. СПб.: Евразия, 2017. С. 71–83.

²⁶⁷ Лурье С.Я. // ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 196. Л. 1-3. Можно также вспомнить случай физика Н.Н. Семенова, который был избран в число преподавателей Пермского университета и был «по запросу ректора Пермского университета профессора Н.П. Оттокара он с 24 марта 1920 г. был откомандирован в Пермь», но который в Перми так и не появился, т.к. получил приглашение от А.Ф. Иоффе вернуться в Петроград. См.: Майер Г.В., Фоминых С.Ф. Томский период в жизни академика Н.Н. Семёнова. URL: <http://www.tsu.ru/university/tsutoday/semenov.php> (дата обращения: 02.08.2016). То же можно сказать и о профессоре В.Н. Деревенко. См.: Шевцова З.И., Гапонов В.В. Страницы жизни лейб-медика семьи Николая II Владимира Николаевича Деревенко. URL: <http://tsu.ru/kasoprs/Lists/IV/Attachments/36/%D0%A8%D0%B5%D0%B2%D1%86%D0%BE%D0%B2%D0%B0%20%D0%97.%D0%98.%20%D0%92%D1%8B%D1%81%D1%82%D1%83%D0%BF%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5.pdf> (дата обращения: 02.08.2016).

²⁶⁸ Переписка по личному составу историко-филологического факультета // ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 532. Л. 88.

²⁶⁹ См. например: Материалы по ПГУ, остановившемуся в момент эвакуации в помещениях Томского Университета и Технологического института // ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 222. Л. 12, 96, 130 и др.

факультетов и образования Факультета общественных наук (далее – ФОН – *А. К.*), с правовым и общественно-педагогическим отделением.

На ФОНе историк числился профессором по кафедре всеобщей истории, а также дополнительно обеспечивал преподавание по кафедре всеобщего искусства²⁷⁰. В нашем распоряжении имеется план преподавания в весеннем семестре 1920 г. на ФОНе. Здесь указано четыре дисциплины, читавшиеся Н.П. Оттокар, а именно: история культуры средних веков (2 ч.), практический курс в связи с читаемым курсом (2 ч.), история искусства итальянского Возрождения (2 ч.) и лектура по итальянскому языку (4 ч.)²⁷¹.

На 1920–1921 учебный год для преподавания Н.П. Оттокар заявил следующие дисциплины: внешний быт средневековья (2 ч.), история торговых сношений в средние века (2 ч.), семинарий по истории Флоренции 13–14 вв. (2 ч.), искусство итальянского Возрождения 15–16 вв. (2 ч.), практические занятия по истории итальянского Возрождения (2 ч.), лектура по итальянскому языку (4 ч.)²⁷². Изначально читаемый им курс средневековой истории он отдал близкому другу В.В. Вейdle.

Этот напряженный образ жизни, в котором не находилось места отдыху, где присутствовала только работа, привел в конце концов к проблемам со здоровьем. 13 мая профессора Иван Коровин и Михаил Граменицкий сделали заключение, что Н.П. Оттокар «страдает переутомлением нервной системы и слабостью сердечной деятельности, развившемся на почве мочекишечного диатеза после бывшего у него гриппозного заболевания дыхательных путей и желудочнокишечного канала»²⁷³. Ему прописан отдых от всех занятий, соединённый с пребыванием в деревне²⁷⁴. Двухнедельный отпуск Н.П. Оттокар провел в деревне Мысы Пермского уезда, где снимал избу у крестьянина

²⁷⁰ Переписка по личному составу историко-филологического факультета // ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 532. Л. 202.

²⁷¹ Отчеты о деятельности, списки преподавателей, программы обучения // ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 535а. Л. 7.

²⁷² Там же. Л. 19.

²⁷³ Оттокар Н.П. // ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 257. Л. 59.

²⁷⁴ Там же. Л. 59.

А.И. Днеприна²⁷⁵. Видимо, этот отъезд вызвал недовольство в высших инстанциях и 26 мая президиум губисполкома просит срочно сообщить, какая комиссия врачей определила необходимость поездки и у кого профессор Н.П. Оттокар просил разрешения оставить должность и выехать из Перми²⁷⁶. Скорее всего, полноценный отдых не получился. Уже 12 июня Правление постановило ввиду тяжелого положения дел просить профессора Н.П. Оттокара вернуться к исполнению обязанностей²⁷⁷. В будущем, однако, он продолжал посещать эту деревню в свободное от служебных обязанностей время и даже хранил там кое-какое имущество²⁷⁸.

При этом, по всей видимости, Н.П. Оттокар уже некоторое время готовил свой отъезд из Перми. Во-первых, со времени революции резко увеличивается число командировок историка в Петроград, по сравнению с периодом первых лет назначения в Пермский университет. Конечно, административная деятельность Н.П. Оттокара предполагала частые поездки, где в Петрограде он мог выполнять служебные поручения²⁷⁹.

Кроме того, Н.П. Оттокар резко активизируется в плане публикационной деятельности, наконец закончив и свою диссертацию, написание которой растянулось почти на десять лет. Параллельно, апеллируя к необходимости завершения научных работ, ученый периодически составлял прошения в администрацию о командировке с научной целью в Италию, правда, долгое время

²⁷⁵ Там же. Л. 67.

²⁷⁶ Там же. Л. 58.

²⁷⁷ Там же. Л. 62.

²⁷⁸ Там же. Л. 70.

²⁷⁹ См. также: Ключев А.И. Н.П. Оттокар в коммуникативном пространстве Пермского университета // Мир историка: историографический сборник Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2009. Вып. 5. С. 256–275; Его же. Пермский период жизни Николая Петровича Оттокара // Европа: международный альманах. Тюмень, 2010. Вып. IX. С. 52–66.

не достигавшие цели²⁸⁰. 11 декабря 1920 г. он обратился в Совет ФОНа с просьбой о командировке для завершения научных занятий²⁸¹.

И уже 14 декабря его отправляют в командировку, хотя и не для научных занятий (возможно, административные задачи командировки были лишь предлогом). Командировка выдана на месяц, с 20 декабря 1919 г. по 20 января 1920 г., в Москву, «в составе делегации для доклада центральным учреждениям о положении и нуждах ПГУ и в Петроград – по оборудованию Музея древностей и изящных искусств ПГУ»²⁸².

В 1921 г. был открыт педагогический факультет (далее – педфак – *А. К.*), который объединил физико-математический факультет, общественно-педагогическое отделение ФОНа и институт народного образования. Правовое отделение ФОНа упразднялось. Первый педфак имел в своём составе три отделения: отделение социального воспитания; отделение естественных наук и отдел гуманитарных наук²⁸³.

18 января 1921 г. в постановлении ФОНа и университета об учреждении педфака был утвержден и перечень преподавателей с их дисциплинами. Н.П. Оттокар читал курс социально-политической и культурной истории Европы в средние века (совместно с В.В. Вейдле), курс экономической истории Европы до 15 века, введение в изучение искусств, курс западно-европейского искусства (совместно с В.В. Вейдле), курс по русскому искусству (совместно с Б.Л. Богословским²⁸⁴).

С 10 апреля по 15 мая 1921 г. Н.П. Оттокара вновь отправили в командировку в Москву «для сношения с центральными учреждениями по делам

²⁸⁰ В феврале 1918 г. на заседании факультета было постановлено о прошении командировки Н.П. Оттокара сроком на один год. См.: Журнал заседаний историко-филологического факультета Пермского университета // ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 522а. Л. 100.

²⁸¹ См.: Оттокар Н.П. // ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 257. Л. 72об. Так же см.: Из личного дела профессора Пермского университета Н.П. Оттокара / Сост., предисл. и комментарии А.И. Ключева // Европа: международный альманах. Тюмень, 2010. Вып. IX. С. 157.

²⁸² Оттокар Н.П. // ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 257. Л. 73.

²⁸³ Пермский государственный университет им. А.М. Горького: Исторический очерк 1916–1966. С. 30–32; Васильева Н.Е., Кертман Л.Е., Шустов С.Г. Указ. соч. С. 26–27.

²⁸⁴ Журналы заседаний президиума педфака, определение штатов наличного состава, о начале занятий учебных планов и др. // ГАПК. Ф. Р. 180. Оп. 1. Д. 662. Л. 52.

ПГУ», и в Петроград с научными целями²⁸⁵. Видимо во время этой поездки он защитил в Петроградском университете свою книгу по истории французских городов в качестве диссертации. Официальными оппонентами были И.М. Гревс, О.А. Добиаш-Рождественская. Также на заседании, «из зала» выступал Л.П. Карсавин²⁸⁶.

Учитывая, что после 1918 г.²⁸⁷ официально учёные степени и звания были отменены, рассматриваемая нами защита носила «неофициальный» характер: несмотря на соблюдение дореволюционных традиций и норм, соискателю не присуждалась ученая степень и, соответственно, не выдавались никакие официальные документы²⁸⁸. При этом все же защиты диссертаций проходили, что расценивается современными исследователями как продолжение и развитие корпоративной профессорской культуры в новых условиях пролетаризации системы высшего образования, так как обеспечивали приобретение для молодых ученых начального «академического капитала»²⁸⁹. Нося неофициальный характер,

²⁸⁵ Оттокар Н.П. // ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 257. Л. 79.

²⁸⁶ Отзыва Л.П. Карсавина не сохранилось, да и не известно, существовал ли он в качестве рукописного текста. Несколько позднее, Л.П. Карсавин в своем труде «Философия истории» назовет книгу Оттокара по истории французских городов как «один из лучших образцов тактично применяемого исторического метода». См.: Карсавин Л.П. Философия истории. СПб.: АО "Комплект", 1993. С. 115.

²⁸⁷ О дореволюционной системе присвоения ученых степеней см.: Алеврас Н.Н., Гришина Н.В. Диссертационная культура российских историков XIX – начала XX вв.: замысел и источники исследовательского проекта // Мир историка: историографический сборник / под ред. В.П. Корзун, А.В. Якуба. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. Вып. 6. С. 9–21; Они же. Российская диссертационная культура XIX – начала XX веков в восприятии современников. К вопросу о национальных особенностях // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. М., 2011. Вып. 36. С. 221–247; Гришина Н.В. От «оставленных для подготовки к профессорскому званию» к советским аспирантам: трансформация системы воспроизводства научных кадров в 1860–1920-е гг. // Мир историка: историографический ежегодник. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2013. Вып. 9. С. 122–145 и др.

²⁸⁸ См. напр.: Гришина Н. В. «Анахронизм наших печальных ней»: российская диссертационная система на рубеже 1910–1920-х годов // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI веков: сборник статей / Под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной, Ю.В. Красновой. Челябинск: Энциклопедия, 2011. С. 172–180.

²⁸⁹ Гришина Н.В. Проблема сохранения ценностей научного Сообщества в коммеморативных практиках отечественных историков 1920-х гг. // Историк в историческом и историографическом времени: Материалы Международного форума, посвященного 100-летию со дня рождения профессора А.С. Шофмана; Казань, 13–15 ноября 2013 г. / Сост. и отв. ред. Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинцев. Казань: Яз, 2013. С. 346.

они сопровождалась традиционной «обрядностью». В начале 1920-х гг. было защищено несколько диссертаций, в том числе и Н.П. Оттокара.

После защиты магистерской диссертации в 1921 г., единственное, что останавливало историка, это отсутствие легального разрешения на выезд. Конечно, легальный выезд оставлял историку определенную страховку на возвращение, в случае неудачи за рубежом, однако, думается, что все же возвращаться историк был не намерен. Понимали это и его коллеги по Пермскому университету: адрес, направленный ему по случаю командировки сквозит нотами прощания и понимания того, что ученый уезжает навсегда²⁹⁰.

По вопросу даты эмиграции Н.П. Оттокара до недавнего времени существовало несколько мнений. Мы уже говорили о том, что Н.П. Комолова утверждала, что Н.П. Оттокар перешел на эмигрантское положение в 1919 году²⁹¹. Имеется также точка зрения, которая принадлежит А.А. Морозову, который утверждает, что ученый оставил Россию в 1923 г. А.А. Морозов указывает, вслед за Е.А. Кравченко, что в 1923 г. он выехал на V Международный конгресс историков в Брюссель, в составе делегации от Российской академии наук, вместе с В.В. Бартольд и Е.В. Тарле²⁹². А.К. Клементьев пишет, ссылаясь на воспоминания В.В. Вейдле что, «...в 1921 году, после свидания с Луначарским, получил-таки (Н.П. Оттокар – *А.К.*) заграничный паспорт и возвратился в свою

²⁹⁰ Полный текст адреса см.: Оттокар Н.П. // ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 257. Л. 56-56об. См. также: Из личного дела профессора Пермского университета Н.П. Оттокара. С. 157–158. Автором этого послания, по всей видимости, был А.И. Сырцов. В деле под номером 532 находится черновик этого послания, с несколькими правками. Здесь указана как фамилия автора, т.е. А.И. Сырцова, так и дата, а именно 13.08.1921. См.: Переписка по личному составу историко-филологического факультета // ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 532. Л. 39.

²⁹¹ Комолова Н.П. Профессор Флорентийского университета Н.П. Оттокар. С. 159; Её же. Страницы итальянской истории по Н.П. Оттокару. С. 397.

²⁹² Морозов А.А. Историки западноевропейского средневековья в исторической науке российской эмиграции (к постановке вопроса) // Вестник Омского университета. 2001. № 3. С. 65.

Флоренцию»²⁹³. Сейчас можно с уверенностью утверждать, что покинул Россию Н.П. Оттокар легально и, по всей видимости, в августе 1921 г.²⁹⁴.

По крайней мере, из переписки П.М. Бицилли и К.В. Флоровской, опубликованной недавно Т.Н. Галчевой и П.М. Голубович, становится известно, что посредством хлопот В.Н. Забугина Л.П. Карсавину и Н.П. Оттокару удалось получить визы²⁹⁵ и в 1922 г. последнего уже находит во Флоренции письмо П.М. Бицилли²⁹⁶. Уехав в командировку, Н.П. Оттокар из неё не вернулся²⁹⁷.

Важно понимать, что мы не ставим знак равенства между отъездом Н.П. Оттокара в командировку и переходом на эмигрантское положение. Участие Н.П. Оттокара в международном историческом конгрессе в составе делегации Российской академии наук, говорит, с нашей точки зрения, как о том, что Н.П. Оттокара еще не рассматривали в качестве эмигранта советская сторона, так и о том, что и сам историк не был уверен в изменении своего статуса.

По всей видимости, в период с 1921 г. по 1924 г. далеко зыбкими оставались и юридические основания пребывания Н.П. Оттокара и в Италии. Иначе близкому другу Н.П. Оттокару А. Анцилотти не приходилось бы хлопотать о получении визы историком для возвращения в Италию из Брюсселя²⁹⁸. Очевидно, что получение 7 августа 1924 г. итальянского гражданства свидетельствует о формализации юридического статуса Н.П. Оттокара в Италии, и с этой даты можно говорить, что историка можно считать эмигрантом. Остается вопрос, когда

²⁹³ См.: Клементьев А.К. Николай Петрович Оттокар (Путь русского историка: Санкт-Петербург – Пермь – Петроград – Флоренция). С. 330-331; Клементьев А.К., Клементьева В.А. Указ. соч. С. 385.

²⁹⁴ См. материалы Комиссии по заграничным командировкам: ГА РФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 553. Л. 66–68.

В первом своем письме, адресованном Г.В. Вернадскому от 30 июня 1926 г., Н.П. Оттокар пишет: «Пока только расскажу, что я уехал из России уже осенью 1921 года, и с тех пор живу во Флоренции». См.: Письмо Николая Оттокара Георгию Вернадскому, 30-VI 1926 // Vernadsky papers, Rare Book & Manuscript Library, Columbia University in the City of New York.

²⁹⁵ См. письмо от 25 июня 1922 г.: Галчева Т.Н., Голубович П.М. «Понемногу приспосаблиюсь к «независящим обстоятельствам»». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. София: Изд-во Солнце, 2012. С. 80.

²⁹⁶ См. письмо, датированное октябрём 1922 г.: Там же С. 86.

²⁹⁷ Там же. 104.

²⁹⁸ «Si tratta del visto italiano per il ritorno in Italia dopo il congresso di Bruxelles» [Речь идет об итальянской визе для возвращения в Италию после конгресса в Брюсселе]. См.: La lettera di Antonio Anzilotti ad Alberto De Stefani // PS 1923 B. 35 // ACS, Rome.

сам Н.П. Оттокар понял, что пути назад отрезаны. Возможно это произошло как раз-таки после возвращения с конгресса.

С уверенностью мы можем сказать, что с мая 1921 г. перестает прослеживаться какая-либо активная деятельность Н.П. Оттокара в университете, а он все чаще оказывается в отъездах. Так, из журналов заседаний ФОНа от 25 июня и 16 июля, мы узнаем, что ученый отсутствовал по причине командировок²⁹⁹. Далее: 5 августа датируется удостоверение, в котором говорится о командировке историка с 10 августа по 15 сентября с научной целью и с целью приобретения предметов для Музея древностей ПГУ³⁰⁰. Вероятно, что это была его последняя командировка. В Пермь из неё он не вернулся. По крайней мере, так позволяет полагать дата, проставленная А.И. Сырцовым на прощальном адресе, т.е. 13 августа 1921 г.³⁰¹. Из тех же журналов заседаний ФОНа от 19 октября и 22 декабря 1921 г. мы узнаем, что Н.П. Оттокар отсутствовал по причине командировок³⁰².

Фамилия Н.П. Оттокара фигурирует в списках преподавателей, лекторов, в годовых отчетах еще около двух лет, хотя и указывается, что он в командировке. Так, декан А.П. Дьяконов на Curriculum vitae Н.П. Оттокара пишет 31 мая 1922 г. о том, что «проф[ессор] Оттокар в командировке»³⁰³.

16 января 1924 г. декан педфака П.А. Будрин пишет в правление университета: «в виду полного отсутствия в деканате сведений о научных занятиях проф. Оттокара Н.П., уже более двух лет выбывшего из ПГУ в научную заграничную командировку прошу Правление не числить Оттокара проф. Педфака ПГУ»³⁰⁴. Любопытен и тот факт, что личное дело историка закончено именно этим числом, т.е. 16 января 1924 г.³⁰⁵. Правление университета в заседании 30 января постановило числить Н.П. Оттокара в составе Пермского

²⁹⁹ Журнал заседаний ФОНа ПГУ 1919–1922 гг. // ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 533. Л. 1, 9.

³⁰⁰ Оттокар Н.П. // ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 257. Л. 83.

³⁰¹ См.: Переписка по личному составу историко-филологического факультета // ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 532. Л. 39.

³⁰² Журнал заседаний ФОНа ПГУ 1919–1922 гг. // ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 533. Л. 13, 19.

³⁰³ Оттокар Н.П. // ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 257. Л. 1.

³⁰⁴ Там же. Л. 85.

³⁰⁵ Там же. Титул.

университета³⁰⁶. Фамилия историка окончательно исчезает со страниц дел фонда Пермского университета с 1 января 1925 г.

Таким образом, подводя итоги, стоит отметить, что переезд Н.П. Оттокара в Пермь укладывается в тот вектор развития высшей школы, который намечался с середины 1910-х гг. и был связан с миграцией приват-доцентов столичных университетов в только что открывшиеся региональные университеты. Развитие местных университетских традиций прервалось из-за событий 1917–1919 гг., в связи с чем обнаружились тенденции «обратной миграции» ученых на запад, и довольно часто, транзитом через столицы за границу. В жизни Н.П. Оттокара Пермь сыграла амбивалентную роль. С одной стороны, здесь он получил возможность реализовать как свои карьерные амбиции, так и научные. Здесь была подготовлена и опубликована монография по истории французских городов, в которой историк изложил своё «историческое кредо» и реализовал его на конкретном материале средневековых северофранцузских городов. Вместе с тем, Пермь очень быстро продемонстрировала ограниченность инструментов научной реализации, которая усугублялась по мере осложнения в городе политической обстановки. Продолжать работать в Перми, очевидно, было можно, но вот стать ученым с мировым именем – нет. В силу этого очень быстро обнаружился «западный вектор» в деятельности историка, который и приведет его, в конце концов, во Флоренцию.

1.3. «Русский классик» итальянской науки: Н.П. Оттокар в период работы во Флорентийском университете (1921 – 1957 гг.)

По словам С. Гардзонио и Б. Сульпассо, говорить о русской эмиграции в Италии как о феномене можно лишь в первой трети XX в., сформировавшимся в результате исхода из России, последовавшего по результатам событий 1905 г. и 1917 г.³⁰⁷. Среди большого числа эмигрантов, переехавших в Италию в начале

³⁰⁶ Там же. Л. 84.

³⁰⁷ Гардзонио С., Сульпассо Б. Общие контуры истории русской эмиграции в Италии первой трети XX века // Гардзонио С., Сульпассо Б. Осколки русской Италии: Исследования и материалы. Кн. 1. С. 11–35. См. также: Pubblici L. Nikolaj P. Ottokar zarubežom. Reflessioni a margine dell'emigrazione russa in Europa all'inizio del Novecento // Nicola Ottokar storico del

1920-х гг., было значительное число политических³⁰⁸, но также и немало деятелей науки, литературы и искусства, среди которых был и Н.П. Оттокар³⁰⁹.

Пытаясь интерпретировать действия Оттокара в популярных в современной историографии понятиях стратегий интеграции³¹⁰, стоит отметить, что историк изначально был ориентирован на западный научный мир³¹¹. В Италии Н.П. Оттокар довольно быстро инкорпорировался в социально-культурную среду страны. Конечно, при этом, Н.П. Оттокар не относится к тем русским эмигрантам, которые, столкнувшись с проблемой профессиональной невостребованности, вынуждены были замыкаться в диаспорах, опираясь на собственную национальную идентичность³¹². Нередко отечественные ученые, оказавшись за рубежом, были вынуждены, по выражению А.Н. Дмитриева, стремиться к сохранению именно групповой идентичности в качестве российских ученых, в силу «резкости российского социокультурного перелома»³¹³. Очевидно, Н.П. Оттокар понимал, что пути в Россию отрезаны, а высылка в ноябре 1922 г. многих ученых на «философском пароходе» лишь утвердила его в своем решении. Кроме того, стоит обратить внимание также и на тот факт, что уже в

medioevo. Р. 11–13, 17–19. Хотя, разумеется, русско-итальянские культурные связи имеют длительную историю. См. об этом: Ризалити Р. Русские люди в Тоскане // Ризалити Р. Русская Тоскана / Под ред. М.Г. Талалая, пер. М.Г. Талалая. СПб.: Алетейя, 2012.

³⁰⁸ Комолова Н.П. Русская эмиграция в Италии в начале XX века (1905–1914 гг.) // Россия и Италия. М.: Наука, 1998. Вып. 3. XX век. С. 283–306.

³⁰⁹ См. недавно вышедшее обобщающее словарное издание: Русское присутствие в Италии в первой половине XX века.

³¹⁰ См. напр.: Захаров О.И. Открывая Америку. См. также: Его же. Стратегии интеграции русских историков-эмигрантов в американское научное сообщество на примере М.И. Ростовцева // Мир историка: историографический сборник. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2013. Вып. 8. С. 38–54.

³¹¹ Талалай М.Г. Профессор Николай Оттокар: русская академическая традиция и историческая наука в Италии. С. 135–147. См. об этом: Ключев А.И. «Русский по происхождению, флорентиец по принуждению»: Н.П. Оттокар в Италии // Русское научное наследие за рубежами России: Материалы научной конференции 24–25 октября 2013 г. / Отв. ред. С.И. Михальченко. Брянск: РИО БГУ, 2013. С. 39–52.

³¹² По мнению Е.А. Булучевской «русская эмиграция в Италию в 1918–1939 гг. отличалась территориальной рассредоточенностью, а также слабым тяготением к объединению в рамках общественно-политических и культурных организаций». См.: Булучевская Е.А. Эмиграция деятелей русской культуры в Италию (1918–1939): к вопросу о статистике и типологизации. С. 43. См. также: Её же. Социальное положение русских эмигрантов в Италии (1918–1939). С. 37–41.

³¹³ Дмитриев А.Н. Национализация науки и фактор эмиграции: русские гуманитарии в Германии (1920–1930-е гг.) // Ab Imperio. 2003. № 2. С. 224.

1924 г. ученый принимает итальянское гражданство и дает присягу³¹⁴ – значит, для него мосты были сожжены.

Можно быть уверенным в том, Н.П. Оттокар не чувствовал себя чужим в Италии. Слишком большую роль сыграла эта страна в его жизни, в ней он смог в полной мере раскрыть свой талант историка, здесь же он обзавелся семьей и добился положения в обществе. Надгробная эпитафия – «русский по происхождению, флорентиец по выбору»³¹⁵ – которая может, казалось бы, свидетельствовать об обратном, думается, лишь подчеркивает, в сущности, любовь к покинутой им стране, но также свидетельствует о его отношении к Италии. В данном контексте у нас вызывает сомнение в своем эвристическом потенциале введенное О.И. Захаровым понятие аккомодации (заимствованное из социологии), которое трактуется им как внешнее следование традициям страны-реципиента при внутреннем их неприятии³¹⁶. Так или иначе, человек попадал в чужую страну уже сформированной личностью. Вопрос лишь в том, насколько он готов «задвинуть» свою «русскость» на задний план (по А.Н. Дмитриеву) «ради индивидуального вхождения в чужой национальный контекст, которое было тем более успешным», чем менее было связано с национальными проблемами³¹⁷.

Как уже было сказано, оказавшись в Италии, Н.П. Оттокар очень быстро встроился в культурную и социальную жизнь этой страны. Об этом говорит уже

³¹⁴ «Col R. Decreto del 7 agosto mi fu conferita la cittadinanza italiana, e il 19 novembre ho già prestato il debito giuramento» [Королевским декретом от 7 августа мне было предоставлено итальянское гражданство, и 19 ноября я уже принес присягу]. См.: La lettera di Nicola Ottokar a Giovanni Gentile, 26–X 1925 // Nicola Ottokar, 4141 / Fondazione Giovanni Gentile. См. также материалы дела Оттокара в Архиве иностранных дел Италии. См.: PS 1925 B. 13 // ACS, Rome.

³¹⁵ Полный текст эпитафии: «Nicola Ottokar nobile russo Pietroburgo 25-3-1884 Firenze 17-9-1957 Professore di storia medioevale nell'università di Firenze russo di origine fiorentino di elezione l'una patria e l'altra cuore col magistero della scienza». Нужно отметить, что в литературе можно встретить три варианта перевода эпитафии. А.К. Клементьев переводит ее как «русский по происхождению флорентиец». См.: Клементьев А.К., Клементьева В.А. Указ. соч. С. 397. Второй вариант был предложен автором настоящих строк и звучит как «русский по происхождению, флорентиец по принуждению». См. Ключев А.И. Русский по происхождению, флорентиец по принуждению»: Н.П. Оттокар в Италии. С. 39. Думается наиболее удачный вариант предложен М.Г. Талалаем: «русский по происхождению, флорентиец по выбору». См.: Талалай М.Г. Профессор Николай Оттокар. С. 135.

³¹⁶ Захаров О.И. Стратегии интеграции русских историков-эмигрантов в американское научное сообщество на примере М.И. Ростовцева. С. 40.

³¹⁷ Дмитриев А.Н. Указ. соч. С. 224.

первое известное упоминание об Оттокаре, которое мы встречаем в дневнике видного итальянского историка, активного общественного деятеля Г. Сальвемини, где в записи от 22 ноября 1922 г. присутствует короткое упоминание об историке: «Оттокар, как и я, фашизм осуждает»³¹⁸.

Очевидно, что встраиванию в итальянское сообщество, способствовали прежние знакомства, приобретенные в момент командировки с научной целью в Италию в начале 1910-х гг.³¹⁹ Если попытаться восстановить эту карту коммуникаций Н.П. Оттокара, то среди них мы найдем не только известных историков-медиевистов, таких как уже упоминавшийся Гаэтано Сальвемини или Антонио Анцилотти, Николо Родолико и др., но так же и довольно влиятельных людей на политической арене, таких как Джоаккино Вольпе или Джованни Джентиле.

Об отношениях Н.П. Оттокара и Дж. Джентиле, бывшего в 1920-е гг. министром образования в правительстве Б. Муссолини, известно не очень много, но, по всей видимости, именно он сыграл одну из главных ролей в получении русским эмигрантом итальянского гражданства. Известно, что королевским декретом от 7 августа 1923 г. Н.П. Оттокару было подтверждено итальянское гражданство³²⁰, и как сам Оттокар указывает в письме министру Джентиле от 26 октября 1925 г., 19 ноября (очевидно, 1923 г.), он принес присягу³²¹. В том же письме Оттокар недвусмысленно подчеркивает то участие, которое принимал Джентиле в деле получения гражданства: «Зная, какое значение в этом деле имела Ваша персональная заинтересованность и Ваша авторитетная поддержка, я чувствую необходимость выразить Вам чувства моей живой и сердечной

³¹⁸ Salvemini G. *Memorie e soliloqui. Diario 1922–1923* / A cura di R. Petrici. Bologna: Il mulino, 2001. P. 36.

³¹⁹ Об этом см.: Ключев А.И. Из истории одной книги: Н.П. Оттокар и его книга «Флорентийская коммуна в конце Дудженто» в контексте эпохи. С. 249–270. См. об этом же: Gensini S. *Nicola Ottokar fiorentino. Note e ricordi di un ex allievo*. P. 65.

³²⁰ La risposta del Ministero dell'Interno al foglio del 22–XII 1924 // PS 1925 B. 13 / ACS, Rome.

³²¹ La lettera di Nicola Ottokar a Giovanni Gentile, 26-X 1925 // Nicola Ottokar, 4141 / Fondazione Giovanni Gentile.

благодарности»³²². Этим не исчерпываются взаимоотношения Дж. Джентиле и Н.П. Оттокара. Новый их виток связан с подготовкой и изданием «Итальянской энциклопедии» — одним из самых грандиозных сюжетов национального строительства в фашистской Италии³²³. Архив Института Итальянской Энциклопедии сохранил 46 писем, адресованных Николаем Оттокар в Институт, из которых 29 адресованы именно президенту Энциклопедии и министру образования Дж. Джентиле, которые явно маркируются от остальных по форме обращения в самом начале того или иного письма³²⁴. Большинство писем Дж. Джентиле написаны на этапе подготовки конкретных статей, т.е. конец 1920-х — середина 1930-х гг., и посвящены их написанию. Нам кажется примечательным, что переписка ведется по этим, может быть и не столь существенным моментам, порою чисто бюрократическим, лично, а не через редакцию³²⁵.

³²² «Sapendo quanta parte hanno avuto in questa faccenda il Suo personale interessamento ed il Suo autorevole appoggio, sento il bisogno di esprimerle i sensi della mia più viva e sentita riconoscenza» [Зная, какую роль в этом деле сыграли Ваша личная заинтересованность и авторитетная поддержка, чувствую необходимость выразить Вам мою глубочайшую и самую сердечную благодарность]. См.: Ibid.

³²³ См.: Cavaterra A. La rivoluzione culturale di Giovanni Gentile. La nascita della Enciclopedia italiana / Pref. G. Parlato. Siena: Cantagalli, 2014. Особенно см. предисловие Джузеппе Парлато. См.: Ibid. Р. 7–12. См. также: Латыпов Б.Н. Институт Итальянской энциклопедии (Треккани): история и опыт подготовки энциклопедических изданий // Вопросы энциклопедистики. 2020. № 2. С. 20–24.

³²⁴ См.: Fasc. 1005, Ottokar Nicola // IEI, AS, Fondo EI. В переписке Н.П. Оттокара с редакцией встречаются четыре типа обращения, а именно: «Illustre Senatore», письма, адресованные Дж. Джентиле, «Caro Professore», письма, адресованные, очевидно, Джоаккино Вольпе, «Illustri Signori», видимо адресованные руководителям энциклопедии, и письма в секретариат.

³²⁵ В этом смысле показательно, например, то, что другие русские историки, например, Г.В. Вернадский, ведут переписку с редакцией энциклопедии через канцелярию. См., напр.: Enciclopedia italiana // Vernadsky papers, Rare Book & Manuscript Library, Columbia University in the City of New York. Также интересны и темы, которые возникают в переписке Оттокара и Джентиле. Например, несколько раз Джентиле предлагает Оттокару статьи, от которых, впрочем, последний отказывается в виду того, что во флорентийских библиотеках нельзя найти материал по той или иной теме (см. письма от 23 апреля 1928, 13 июня 1928 или 16 января 1929 и др.), иногда Джентиле просит выступить рецензентом присланных материалов (см. напр. письма от 26 июля 1928 и др.), судя по тональности ответных писем, иногда Джентиле высказывает Оттокару явное раздражение тем, что последний постоянно задерживает рукописи из-за чего срывается план издания (см. письмо от 14 января 1931), именно Джентиле предлагает Оттокару написать важнейшие статьи по истории Флоренции и историческую статью по истории России (см., напр., письма от 15 апреля 1932, 6 января 1933, 10 июня 1933, 11 июня 1933 и 19 сентября 1933.). Также показательны письма Оттокара к Джентиле с сообщением о

Как и когда произошло знакомство Николая Оттокара и Дж. Джентиле, нам неизвестно. Возможно, в этом деле не последнюю роль сыграл другой известный итальянский политический деятель, историк-медиевист, принявший, как и Дж. Джентиле, фашизм, один из самых спорных представителей итальянской историографии XX в. – Джоаккино Вольпе. История взаимоотношений Николая Оттокара и Джоаккино Вольпе также вызывает много вопросов. Но, по всей видимости, в 1920-е гг. итальянский историк играл одну из главных ролей в успешной интеграции русского историка в Италию. Вполне возможно, что с просьбой к Дж. Джентиле о предоставлении гражданства русскому историку писал как раз-таки Д. Вольпе. Но если это только гипотеза, то совершенно бесспорно, что привлечение Н.П. Оттокара к участию в подготовке и изданию «Итальянской энциклопедии» состоялось «с подачи» Д. Вольпе, который стоял во главе исторической секции энциклопедии. Оттокар был привлечен не только как автор по истории средневековой Франции и Италии, но, фактически на первых порах, русский историк оказался теневым организатором «русской секции», не только участвуя в формировании словника по истории России, но также отстаивая необходимость привлечения именно русских историков к написанию статей о русской истории³²⁶. Так именно по предложению Н.П. Оттокара к подготовке статей по истории России был привлечен Георгий Вернадский, который стал своеобразным центром, в свою очередь перераспределяя назначенные ему статьи

том, что он заедет к министру «поприветствовать лично» (см. письмо от 16 июня 1926). Эту манерность отмечали современники Оттокара, к примеру А.Л. Ганчикова: «Профессор Николай Петрович Оттокар объявлял о своем прибытии в Рим при каждом назначении нового правительства. [...] Когда же в Италии появлялся новый министр образования, Оттокар приезжал в Рим, представлялся в министерстве и поздравлял его нового главу». См.: Ганчикова А.Л. «Родившийся в рубашке». О судьбе моего отца // Ганчиков Л.Я. О путях русского духа / Пер. и науч. ред. М.Г. Талалая. М.: Индрик, 2019. С. 244–245.

³²⁶ См. письма, адресованные Дж. Вольпе от 10 августа 1925, 14 августа 1926, 10 октября 1926, 11 сентября 1926, 22 января 1927, 1 июля 1927 и др. См.: Fasc. 1005, Ottokar Nicola // IEI, AS, Fondo EI. См. также письма Николая Оттокара Георгию Вернадскому за 1926–1929 гг. См.: Письма Николая Оттокара Георгию Вернадскому // Vernadsky papers, Rare Book & Manuscript Library, Columbia University in the City of New York. Некоторая информация есть в письмах Н.П. Оттокара своему другу Владимиру Вейдле в письмах от 28 июля 1933, 16 ноября 1933 и 16 января 1935. См.: Weidle papers, Rare Book & Manuscript Library, Columbia University in the City of New York. Об участии русских историков в подготовке и издании «Итальянской энциклопедии» см.: Ключев А.И. «Русский след» в истории Италии: к истории создания «Enciclopedia italiana». С. 580–583.

между другими специалистами по истории России, такими как Антоний Флоровский, Сергей Волкобрун, Сергей Пушкарев и др. Забегая вперед, скажем и еще об одном: в той самой комиссии, которая в 1930 г. будет рассматривать кандидатов на должность заведующего кафедрой средневековой истории Флорентийского университета, наряду с такими видными исследователями и общественными деятелями как Чезаре Манфрони, Луиджи Скапарелли, Роберто Чесси и др., числился и Д. Вольпе³²⁷.

Стоит обратить внимание и еще на несколько знакомств Н.П. Оттокара со знаковыми представителями итальянской общественности 1920-1930-х гг. К числу таковых, без сомнения стоит отнести Эрнесто Кодиньолю, известного итальянского философа и педагога, политического деятеля, одного из основателей издательства «La Nuova Italia»³²⁸, а также его сына – Тристано Кодиньолю, известного журналиста и политика, с которыми Оттокара на протяжении флорентийского периода жизни связывала постоянная переписка³²⁹. Переписка в Эрнесто Кодиньолю хотя и не многочисленна, но тем не менее наполнена разнообразными просьбами Оттокара, о которых, как нам представляется мог просить только человек очень близко знающий адресанта. Очень важно подчеркнуть, что семейство Кодиньолы владело издательством «La Nuova Italia», в котором, Оттокар публиковал свои работы на протяжении 1930–1940-х гг. Речь идет не только о серии очерков, посвященных итальянским городам, таким как Венеция, Флоренция и Сиена, опубликованных в начале 1940-х гг., но также и сборнику своих работ, увидевшем свет в 1948 г. Так же можно вспомнить и о другом известном итальянском журналисте и политическом деятеле Уго Ойетти,

³²⁷ Об этом см.: Gensini S. Ibid. P. 67–68. См. также: Marrassini P. Una Facoltà improduttiva: Lettere fra cultura e politica // L'Università degli Studi di Firenze, 1924–2004. Firenze: L.S. Olschki, 2004. P. 68–70.

³²⁸ Le lettere di Nicola Ottokar ad Ernesto Codignola, 1934–1940 // Fondo di Ernesto Codignola, CASNS.

³²⁹ Письма Н.П. Оттокару, адресованные Тристано Кодиньолю находятся в деле русского историка, хранящегося в издательстве «La Nuova Italia». Опять показательно, что по некоторым вопросам, Н.П. Оттокар предпочитал вести дела не с редакцией издательства, а напрямую, обращаясь к нему не иначе как «Caro Pippo [Дорогой Пиппо]». См.: Fascicolo di Nicola Ottokar // Fondo La Nuova Italia, CASNS. См.: также: Lettera di Nicola Ottokar a Tristano Codignola, 1953 // Fondo di Tristano Codignola. Istituto Storico Toscano della Resistenza e dell'Età contemporanea.

в журналах которого Оттокар опубликовал несколько своих статей по разным вопросам истории культуры³³⁰. Необходимо вспомнить и еще одно знакомство Николая Оттокара, скорее всего «заочное»³³¹. Речь идет об известном итальянском философе и политике Бенедетто Кроче, который в журнале «La Critica» опубликовал положительную рецензию на книгу Н.П. Оттокара 1926 г.³³² и с которым Оттокар несколько позднее будет вести дискуссию на страницах журнала «La Civiltà Moderna»³³³. Кроме того, по ряду косвенных источников мы можем предполагать наличие тесных взаимоотношений между Оттокаром и, к примеру, Пьеро Каламандреем, известным юристом и политическим деятелем, а также Джорджо Ла Пирой, известным политиком, который был не только мэром Флоренции, но также и стал восприемником Оттокара при принятии им католичества в 1953 г.

Кроме того, конечно, нельзя забывать, что к моменту своей эмиграции в Италию, Оттокар, по всей видимости, знал практически всех главных историков Флоренции. Уже говорилось о том, что еще в период своей заграничной командировки 1912-1914 гг. Н.П. Оттокар познакомился с Антонио Анцилотти и Николо Родолико. Первый, по словам самого Оттокара, стал одним из его близких друзей³³⁴. Вполне возможно, что на первых порах пребывания во Флоренции,

³³⁰ См.: Le lettere di Nicola Ottokar a Ugo Ojietti, 1929–1934 // Il fondo di Ugo Ojietti. Galleria nazionale d'arte moderna e contemporanea.

³³¹ См.: Lettera del 17-05 1928 // Fondazione Biblioteca Benedetto Croce, Archivio di B. Croce, Carteggio per anno e corrispondente, 1928, n. 1220; Biglietto del [1928] // Ibid. n. 1221. См. об этом подробнее: Ключев А.И. Об этой книге более обстоятельно будут говорить и обсуждать... знатоки истории флорентийской коммуны». Письмо Н.П. Оттокара Б. Кроче. 1928 г. // Исторический архив. 2017. № 6. С. 176–180.

³³² Croce B. [Rec. a:] Ottokar N. Il Comune di Firenze alla fine del Dugento. Firenze, 1926 // La Critica. 1927. Vol. 25. P. 238–241.

³³³ Ottokar N. Osservazioni sulle condizioni presenti della storiografia in Italia // Ottokar N. Studi comunali e fiorentini. Firenze: «La Nuova Italia» editrice 1948. P. 91–104. См. также: Le lettere di Nicola Ottokar a Gioacchino Volpe, 1927–1930 // Fondo «G. Volpe», Carteggi / Biblioteca comunale di Santarcangelo di Romagna (RN). О сути дискуссии см. также: Ключев А.И. К истории личных и профессиональных отношений Николая Оттокара и Джоаккино Вольпе // СВ. 2020. № 81 (1). С. 146–160.

³³⁴ «Скончался Анцилотти, мой самый близкий друг, с которым все эти 3 года я провел в почти ежедневном общении». См.: Письмо Николая Оттокара Владимиру Вейдле, 10–XII 1924 // Weidle papers, Rare Book & Manuscript Library, Columbia University in the City of New York.

именно А. Анцилотти оказывал помощь в обустройстве в городе³³⁵. В личном деле Н.П. Оттокара, сохранившегося в архиве Министерства иностранных дел Италии, сохранилось одно письмо А. Анцилотти, в котором он просит министра финансов Альфредо Де Стефано посодействовать в получении разрешения Н.П. Оттокар на въезд в Италию после конгресса в Брюсселе³³⁶. Именно Анцилотти Н.П. Оттокар посвятил свою книгу по истории Флоренции в конце эпохи Дуэченто³³⁷. Важную роль для Оттокара во Флоренции сыграл и Николо Родолико, написавший положительный отзыв для комиссии по выборам заведующего кафедрой средневековой истории Флорентийского университета³³⁸.

Можно очертить еще целый круг итальянских, прежде всего, флорентийских историков, которые явно или неявно оказали влияние на обустройство Оттокара в Италии, среди которых можно назвать и Эрнесто Сестана³³⁹ или Пьеро Сильву³⁴⁰ и др.

Нельзя обойти вниманием Гаэтано Сальвемини, известного итальянского медиевиста, специалиста по истории Флоренции эпохи Дуэченто. В историографии сложился миф о весьма натянутых отношениях между двумя историками³⁴¹. Г. Сальвемини известен как яркий борец с фашизмом, за что сначала был уволен из университета в 1925 г., а затем и выслан из страны. На смену ему на кафедре современной истории в 1925 г. пришел как раз-таки Н.П. Оттокар, который получил партийный билет и вообще демонстрировал

³³⁵ К сожалению, нам ничего не известно о переписке между двумя историками, вполне возможно, что ее никогда не существовало.

³³⁶ La lettera di Antonio Anzilotti ad Alfredi De Stefano, senza data // PS 1923 B. 35 // ACS, Rome. «Sono legato a lui da viva simpatia e da profonda stima [Я испытываю к нему истинную симпатию и глубокое уважение]» – так характеризует свои отношения с Н.П. Оттокар А. Анцилотти.

³³⁷ Посвящение гласит: «Alla memoria dell'indimenticabile amico [Памяти незабвенного друга]». Перу Н.П. Оттокара принадлежит также и некролог А. Анцилотти, см.: Ottokar N. Antonio Anzilotti // Leonardo. 1925. An. I. Gen. P. 12–13.

³³⁸ См.: La lettera di Nicola Ottokar a Niccolò Rodolico, 19–VII 1930 // Carteggio Rodolico // Biblioteca Riccardiana. В другом своем письме, не датированном, но несомненно написанном в 1953 г. Н.П. Оттокар обращается к своему адресату как «Caro amico [Дорогой друг]». См.: Biglietto di visita [1953] // Ibid.

³³⁹ См.: La lettere di Nicola Ottokar a Ernesto Sestan // Fondo di Ernesto Sestan // CASNS.

³⁴⁰ См.: La lettera di Nicola Ottokar a Piero Silva, 21–XI 1930 // Fondo di Piero Silva // CASNS.

³⁴¹ См.: напр.: Cherubini G. Presentazione // Nicola Ottokar storico del medioevo. P. 5–10; Ibid. Gaetano Salvemini – Testimonianza. См. также: Дубровский И.В. Оттокар и другие. С. 101–106.

лояльность режиму, в том числе и участием в таких «национальных» проектах, как «Итальянская энциклопедия».

Нам известно немного о взаимоотношениях двух историков. В нашем распоряжении только два письма, адресованные Н.П. Оттокар Гаетано Сальвемини, да еще и написанные в разные периоды времени: в 1924 г. и в 1948 г. Этих писем недостаточно для того, чтобы говорить о дружбе или о вражде, но можно говорить о взаимном профессиональном уважении.

Очевидно, что первоначальное знакомство было заочным. По всей видимости, еще в студенчестве начинающий исследователь флорентийских древностей Н.П. Оттокар не мог пройти мимо классической работы Г. Сальвемини «Магнаты и пополаны во Флоренции» (1899). Возможно, личное знакомство состоялось в период заграничной командировки Оттокара в 1912–1914 гг. Учитывая, что молодой россиянин консультировался с флорентийскими историками, Г. Сальвемини, занимавшийся схожими сюжетами, должен был быть первым в ряду тех специалистов, знакомство с которыми было в приоритете для Оттокара. Это вполне возможно, даже если учитывать тот факт, что в этот период Г. Сальвемини работал в Пизе, а средневековой историей не занимался. Активная же фаза коммуникации наступает в начале 1920-х гг.³⁴² Мы уже говорили о том, что первое упоминание об Оттокаре в Италии отмечено именно в дневнике Г. Сальвемини. По записям Г. Сальвемини видно, что роль Н.П. Оттокара в общественной жизни Флоренции вовсе не ограничивалась ролью статиста. К его мнению прислушивались, видели в нем своеобразного эксперта по внешне- и внутривосточным делам покинутой им страны³⁴³. Г. Сальвемини привлекал

³⁴² См. об этом: Ключев А.И. «Я... никогда не смогу забыть то, что ты сделал для меня». Письма известного русского историка-эмигранта Николая Оттокара классика итальянской историографии Гаетано Сальвемини // Вестник архивиста. 2018. № 2. С. 593–597.

³⁴³ Запись от 2 февраля 1923 г.: «Оттокар считает, что Россия не в состоянии в короткое время вести наступательную войну: железные дороги плохо организованы, а без них невозможно вести войну; экономическая жизнь капиталистического типа быстро возобновляется, особенно в крупных городах, но конец кризиса, который Россия переживает, ещё далек: индустрия в горных регионах Урала была полностью разрушена, и чтобы её восстановить, нужны годы. Поэтому сейчас Россия не движется: ищет средства для подстрекательства где-либо, но не имеет средств для того, чтобы наказать Польшу и Румынию – единственное действенное средство для вторжения в Европу. Если, как мне кажется, впечатления Оттокара точны,

Н.П. Оттокара к университетской жизни Флоренции еще до того, как о нем кто-то во Флоренции узнал (выражение С. Дженсини), а именно в качестве оппонента на защите своего ученика Э. Сестана³⁴⁴. Судя по письму Н.П. Оттокара Г. Сальвемини, датированному 23 декабря 1924 г., итальянский историк предлагал коллеге взяться за перевод на итальянский язык фундаментальной работы немца Роберта Давидсона по истории Флоренции – что, учитывая объем книги, могло бы стать существенным финансовым подспорьем для Н.П. Оттокара³⁴⁵. Судя по всему, Н.П. Оттокар попал во Флорентийский университет будучи устроенным в 1924 г. на кафедру славянских языков и литератур с подачи Г. Сальвемини. Кроме того, именно Г. Сальвемини рекомендовал Пьеро Каламандрей, в письме от 1 ноября 1925 г., обратиться к фигуре Н.П. Оттокара в качестве возможного своего преемника на покинутой им кафедре³⁴⁶. О том, что Г. Сальвемини сыграл важную роль для Оттокара в Италии отметил и сам русский историк в письме 1948 г.: «я сохранил о тебе самые теплые

разумеется действительная тактика Франции и Англии, или лучше Пуанкаре и Бонар Лоу: которые, не имея беспокойств со стороны России, используют этот момент для своих собственных дел, с одной стороны, в Германии, с другой на Востоке.

Оттокар сделал очень острое наблюдение о внешней политике России в следующие годы. В данный момент большевистское правительство, не имея возможностей для немедленной интервенции, проводит протурецкую и пронемецкую политику одновременно: пытается мутить воду где-нибудь, чтобы дать всем повод думать, что Европа не будет иметь мира, пока Россия будет держаться в стороне. Но, по мере того, как Россия будет приходить в порядок, в экономическом, социальном и военном отношении, правительство России должно будет точно определить собственную внешнюю политику. И тогда она должна будет бросить дела Турции, бросая вызов Англии, и политику немецкую, бросая вызов Франции, то есть скрепляя тесно франко-английский блок против России-Турции-Германии. При этом русское правительство будет искать способ разделить Францию и Англию: поэтому оно или будет проводить англофобскую политику, солидаризируясь с Турцией, или проводить франкофобскую политику, солидаризируясь с Германией. В первом случае турко-русский дуэт будет искать благосклонность или нейтралитет Франции, во втором - наводить англо-германский сговор против Франции. Оттокар полагает более вероятным русско-германский союз: потому что народная масса не чувствует проблемы проливов, в то время как глубоко чувствует польскую проблему: война против Польши была бы очень популярна в России». См.: Salvemini G. *Memorie e soliloqui*. P. 215–216.

³⁴⁴ См.: Gensini S. *Nicola Ottokar fiorentino. Note e ricordi di un ex allievo* // Nicola Ottokar storico del medioevo. P. 66.

³⁴⁵ La lettera di Nicola Ottokar a Gaetano Salvemini, 23–XII 1924 // Archivio Gaetano Salvemini, scatola 85. Istituto storico toscano della Resistenza e dell'età contemporanea.

³⁴⁶ См.: Gaetano Salvemini. *Carteggio. 1921–1926* / A cura di E. Tagliacozzo. Roma: Laterza, 1985. P. 462–463.

воспоминания и никогда не смогу забыть то, что ты сделал для меня в 1924–1925 гг.»³⁴⁷

У подобного встраивания в итальянский научный мир можно увидеть и другие корни, чисто научные. Дело в том, что в России до Н.П. Оттокара изучение проблем флорентийской истории находилось в зачаточном состоянии. Дореволюционная традиция фактически исчерпывалась исследованиями филологов, в основном о творчестве Данте и других гуманистов³⁴⁸, и в целом как самостоятельное направление (им изучение Флоренции стало позднее, уже в Советском Союзе) до революции не сложилось. Как утверждает Н.А. Селунская, «тема средневековой коммуны стала [...] опорным понятием в дискурсе марксизма, который искал своих предтеч не только в Парижской коммуне, но и в истории развития самоуправляющихся городов-коммун средневековья»³⁴⁹. И хотя учитель Н.П. Оттокара, И.М. Гревс, был блестящим знатоком истории города, его ученик ориентировался в своих исследованиях целиком на западную традицию. В этом плане И.М. Гревс не мог ничему научить Н.П. Оттокара. Посему обширные знакомства в итальянском научном мире вкупе с собственными оригинальными изысканиями создали прочную опору для успеха Н.П. Оттокара. Творчество историка выглядит вообще

³⁴⁷ La lettera di Nicola Ottokar a Gaetano Salvemini, 28–III 1948 // Archivio Gaetano Salvemini, scatola 122. Istituto storico toscano della Resistenza e dell'età contemporanea.

³⁴⁸ В целом же можно сказать, что изучение средневековой истории Италии укладывается в общее течение русской медиевистики с ее особым акцентом на историю аграрных и феодальных отношений (работы П.Г. Виноградова), и культурной истории (работы М.С. Корелина и др., в том числе и работы самого И.М. Гревса). Вопросы городского развития специально практически не затрагивались, и, как правило, являлись иллюстрацией к жизни какого-либо выдающегося итальянца. Об изучении Италии в России см.: Рутенбург В.И. История средневековой Италии в трудах русских ученых XIX – начала XX в. // СВ. Вып. 25. М., 1964. С. 264–271; Его же. Русские медиевисты об Италии // Объединение Италии: 100 лет борьбы за независимость и демократию. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. С. 155–165. Очерки об отдельных представителях русской медиевистики, занимавшихся проблемами Италии см.: Гутнова Е.В. Историография истории средних веков. С. 256–296. О развитии дореволюционной дантологии в России см.: Голенищев-Кутузов И.Н. Творчество Данте и мировая культура. М.: Наука, 1971. С. 454–486 и др.

³⁴⁹ Селунская Н.А. Италия, народ, коммуна в тоталитарном дискурсе медиевализма: Джоакинно Вольпе и В.И. Рутенбург // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2012. Вып. 39. С. 241.

как уникальный симбиоз традиций русской исторической школы с новейшими достижениями европейской научной мысли, прежде всего, итальянской.

На руку историку сыграло и приглашение на V международный конгресс историков в Брюссель. Н.П. Оттокар ещё числился профессором Пермского университета, поэтому был членом делегации вместе Е.В. Тарле и В.В. Бартольдом, которые впрочем, на фоне общего враждебного отношения к СССР, признавались не историками этой страны, а членами Российской императорской Академии наук³⁵⁰. На заседаниях конгресса Н.П. Оттокар выступил с докладом «Роль коммуны и значение коммунальной хартии в истории французских городов в средние века», который представлял собой резюме его книги о французских городах. Статья была позже издана в «Revue

³⁵⁰ В личном архиве Энцо Оттокара сохранилось только два письма из архива Н.П. Оттокара и оба они касаются как раз-таки поездки историка на конгресс в Брюссель. Так как в нашей литературе, этот факт еще мало изучен, считаем необходимым привести эти два письма, написанные в 1922–1923 и подписанные непременно секретарем РАН Сергеем Федоровичем Ольденбургом, полностью.

Письмо № 1 от 30 ноября 1922 г.: «Многоуважаемый Николай Петрович. Считаю догом Вас уведомить, что Конференция Российской Академии Наук в состоявшемся 9-го сего ноября заседании Отделения Исторических Наук и Филологии постановила просить Вас принять участие, в качестве представителя Академии, в Международном Историческом Конгрессе, который состоится в Брюсселе 8–15 апреля 1923 г. Не откажите поставить меня в известность для доклада Отделению, находите ли Вы возможным принять на себя эту обязанность. Представлять Академию на Конгрессе будут также академик В.В. Бартольд и профессор Е.В. Тарле. Примите уверения в совершенном моем почтении». Личный архив Энцо Оттокара.

Письмо № 2 от 20 февраля 1923 г.: «Многоуважаемый Николай Петрович. Считаю долгом препроводить Вам присланное на Ваше имя письмо Организационного Комитета Международного Исторического Конгресса, приглашающее Вас сделать на Конгрессе научное сообщение, и полученное мною письмо секретаря этого Комитета по тому же вопросу (в копии). Со своей стороны, Российская Академия Наук полагала бы, что участие Ваше в этом Конгрессе представляется совершенно необходимым и что крайне желательно было бы прочтение Вами, равно как и другими представителями Академии, научного сообщения. Одновременно посылаю Вам для представления Конгрессу список исторических изданий Академии, выпущенных за время войны и революции. О назначении Вам субсидии на поездку в Брюссель Академией возбуждается ходатайство перед Главным Управлением Научных Учреждений, но надежды на удовлетворение этого ходатайства очень мало. Адрес Ваш академику В.В. Бартольду сообщен. Письма на его имя следует направлять по адресу London W C Upper Bedford Place 3. Сношения с Организационным Комитетом Конгресса по вопросу о выдаче Вам разрешения на проезд в Бельгию мною сделаны. Примите уверения в совершенном моем уважении». Личный архив Энцо Оттокара.

Оба письма не имеют указаний на географическое местопребывание Н.П. Оттокара. Пользуясь случаем, выражаем признательность за возможность ознакомиться с данными документами сыну Н.П. Оттокара Энцо и Михаилу Талалаю.

d'histoire du droit»³⁵¹. Тогда идеи историка были признаны новаторскими, хотя и с оговорками, и, вероятно, подготовили почву для дальнейшего перевода книги на французский язык³⁵². По всей видимости, здесь состоялось очное знакомство Н.П. Оттокара и Анри Пиренна, в дальнейшем напрямую они, видимо, не общались, но именно после указанного конгресса в работах А. Пиренна появились ссылки на работу по истории французских городов³⁵³.

В декабре 1924 г. Н.П. Оттокар писал В.В. Вейdle: «Я, как видите: все во Флоренции и даже несколько закрепился здесь, т.к. с 1 декабря читаю лекции во Флорентийском университете»³⁵⁴. Речь идет о внештатной лектуре, которую учёный получил с подачи все того же Г. Сальвемини по кафедре славянских языков и литературы на факультете филологии и философии Флорентийского университета³⁵⁵.

Приход в октябре 1922 г. к власти фашистской партии во главе с Б. Муссолини изменил политический климат в стране. Новая социальная политика, основанная на идее великой итальянской нации, привела к ряду реформ относительно системы воспитания молодежи страны. Новый курс основывался на процессе «фашизации» молодого поколения, что давало историческую перспективу установившемуся строю. Предпринимаются первые шаги по сближению церкви и государства, что в том числе нашло свое отражение в реформе системы начального, среднего и высшего образования, проводимой министром Дж. Джентиле³⁵⁶.

³⁵¹ Ottokar N. La funzione del comune ed il significato della carta comunale nella storia delle città francesi nel medioevo // *Revue d'histoire du droit*. 1923. IV. 4. P. 422–433.

³⁵² *Compte rendu du Ve Congrès international des sciences historiques*.

³⁵³ См.: Пиренн А. Средневековые города и возрождение торговли / Пер. с англ. и предисл. С.И. Архангельского. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского государственного педагогического университета, 2009. С. 139–140. Разумеется, это гипотеза, которая нуждается в дальнейшей проработке.

³⁵⁴ Письмо Николая Оттокара Владимиру Вейdle, 10–XII 1924 г. // *Weidle papers*, Rare Book & Manuscript Library, Columbia University in the City of New York.

³⁵⁵ См.: *Annuario per l'anno accademico, 1924–1925*. Firenze, 1925. P. 67. *Certificato di servizio di Nicola Ottokar* // *Nicola Ottokar storico del medioevo*. P. 130. См. также: Marrassini P. *Una Facoltà improduttiva: Lettere fra cultura e politica*. P. 68.

³⁵⁶ О первых мероприятиях фашистской власти см.: Лопухов Б.Р. Послевоенный кризис и установление фашистской диктатуры // *История Италии: в 3 т.* М.: Наука, 1971. Т. 3. С. 46–53.

Согласно университетской реформе, вступившей в силу 30 сентября 1923 г., все государственные университеты должны были быть разделены на три категории: А, В и С. Целью было оставить на каждый регион Италии один государственный вуз. В категорию А попали старейшие и известные университеты Италии, оставшиеся на полном государственном финансировании, а именно Рима, Турина, Болоньи, Генуи, Павии и др. В категорию В попали 14 университетов: городов Бари, Катании, Милана и др., которые получали лишь ограниченные дотации от государства и вынуждены были заниматься собственным финансированием самостоятельно. В группу С попали вузы, которые должны были стать полностью коммерческими. От Тосканы в группе А оказался университет Пизы, а университет Флоренции оказался в группе В³⁵⁷.

Среди мероприятий, проводимых министром Дж. Джентиле, были и реформы, направленные на ужесточение отбора профессоров и введение строгой дисциплины. Для преподавателей ограничивалась возможность дополнительного заработка, а также в качестве обязательного условия было проживание в городе, где располагался университет³⁵⁸. Ужесточение государственного контроля проявилась, в ряду прочего, и в формировании иерархической структуры управления, выстроенной в единую цепь, от преподавателя до министра, а также в повышении дисциплины и ответственности. Властные полномочия административных органов расширялись, что позволяло применять санкции от материальных и вплоть до увольнения неугодных и своевольных сотрудников.

Именно это и случилось, когда 25 ноября 1925 г. во Флорентийский университет пришло сообщение об отставке с кафедры современной истории Г. Сальвемини, которую он возглавлял, а вскоре он был и вовсе освобожден от преподавания³⁵⁹. Это решение стало первым в череде политических мероприятий, которые в итоге привели к изгнанию из страны одного из самых

³⁵⁷ См. подробнее о реформе: Marrassini P. *Op. cit.* P. 49–51.

³⁵⁸ Нестерова Т.П. Джованни Джентиле и реформа высшего образования в Италии в 1920-е гг. // Европа: Международный альманах. Тюмень, 2010. Вып. IX. С. 68.

³⁵⁹ Marrassini P. *Op. cit.* P. 68–69.

ярких критиков фашистского режима³⁶⁰, а также привело к назначению на кафедру современной истории³⁶¹ Н.П. Оттокара сроком на один год: с 16 декабря 1925 г. по 15 октября 1926 г.³⁶². По этому поводу историк П. Маррассини замечает, что в этом акте «не было никакого персонального противопоставления, однако культурные и идеологические тенденции сильно изменились»³⁶³. На фоне политически ангажированной профессуры флорентийского университета русский историк выглядел нейтральной фигурой.

Конечно, нельзя не признать во всей истории назначения Н.П. Оттокара штатным сотрудником на кафедру Г. Сальвемини определенной доли случая. Однако, Н.П. Оттокар сумел воспользоваться представившимся шансом. В 1926 г. вышла монография историка, посвященная социально-политической жизни Флоренции в конце XIII в. – «Il commune di Firenze alla fine del Duecento», которая принесла ему широкую известность³⁶⁴.

В статусе внештатного преподавателя по кафедре современной истории и по кафедре славянских языков и литературы Н.П. Оттокар пробыл до 30 ноября 1930 г.³⁶⁵ Именно в этот год, по запросу университета, министром образования

³⁶⁰ Историк Г. Сальвемини известен также и как активный политический деятель, который вел активную борьбу с фашизмом с появления первых его ростков на итальянской почве. С приходом к власти Б. Муссолини Г. Сальвемини продолжил открыто критиковать режим, чем вызывал неудовольствие партии. В 1925 г. историк даже учредил ежедневную антифашистскую газету «Не сдаваться!» («Non mollare!»). В то время как большая часть итальянской интеллектуальной элиты приняла манифест интеллектуалов-фашистов (март 1925), ученый не подчинился, за что и был выслан из страны. Литературы, посвященной Г. Сальвемини много, см. основные: Artifoni E. Salvemini e il Medioevo: storici italiani tra Otto e Novecento. Napoli: Liguori, 1990; Gaetano Salvemini: l'uomo, il politico, lo storico / A cura di M. Grazzo. Calimera: Kurumuny, 2007; Salvadori M. Gaetano Salvemini. Torino: Piccola biblioteca Einaudi, 1963 и др.

³⁶¹ Стоит отметить, что в разных документах, встречается разное наименование названия кафедры. Так в «Справочной книжке» за 1925–1926 гг. указано, что Николай Оттокар «incaricato di Storia medioevale e moderna, di Lingue e letterature slave». См.: *Annuario per l'anno accademico, 1925–1926*. Firenze, 1926. P. 52.

³⁶² *Certificato di servizio di Nicola Ottokar // Nicola Ottokar storico del medioevo*. P. 130. См. также: Marrassini P. *Op. cit.* P. 69.

³⁶³ Marrassini P. *Op. cit.* P. 69–70.

³⁶⁴ См.: Уваров П.Ю. Читают ли российских историков за границей? // *Знание-сила: научно-популярный журнал*. URL: http://www.znanie-sila.ru/?r=1&issue=articles/issue_2601.html (дата обращения: 01.08.2014).

³⁶⁵ «Ottokar, prof. Nicola, non stabile di Storia medioevale. – Il D.M. 30 novembre 1930 relativo alla sua nomina è revocato. Dal 1 dicembre 1930 è nominato stabile di storia medioevale [Оттокар Никола, профессор, внештатный преподаватель кафедры средневековой истории.

был объявлен конкурс на кафедру средневековой истории³⁶⁶. Среди конкурентов Н.П. Оттокара на кафедру были такие крупнейшие медиевисты той поры, как Б. Барбадоро, Д. Фалько, Р. Морген. Комиссия, которая определила достойнейшего из них, следующим образом описывала значение трудов Н.П. Оттокара: он провел «работу по ревизии периода, уже так аккуратно и точно изученному выдающимися историками, [...] внеся корректировки и уточнения о фактах и персонах, которые имеют определённую значимость», и «эта его работа (по истории Флоренции конца XIII в. – *А.К.*) представляет собой шаг вперед по сравнению с трудами предшественников», а по поводу книги о французских городах комиссия зафиксировала, что «кандидат, на самом деле, разрушил теорию, которая рассматривала расцвет коммунальной жизни в разных городах с точки зрения унифицирующей теории, пренебрегая теми частными особенностями, которые, напротив, давали уникальные формы эволюции отдельным городам»³⁶⁷. По общему мнению комиссии Н.П. Оттокар среди прочих кандидатов выделялся «большой широтой исторического и культурного мировоззрения, большой зрелостью ума, уверенным владением несколькими иностранными языками»³⁶⁸. Факультет, в свою очередь, принимая во внимание представление комиссии, а также учитывая уже длительную активную и эффективную преподавательскую деятельность, а равно и научную значимость, с 1 декабря 1930 г. утвердил ученого как профессора «стабиле» по кафедре средневековой истории Флорентийского университета³⁶⁹.

В письме от 7 декабря 1930 г. Вяч. Иванову Н.П. Оттокар пишет по этому поводу: «У меня тоже есть хорошая новость. Около месяца тому назад «ho vinto il concorso» на свою собственную кафедру, которую уже 5 лет занимал per

Постановление Министерства от 30 ноября 1930 в части его назначения отменено. С 1 декабря 1930 г. назначен штатным профессором кафедры средневековой истории]». См. напр.: Boletti del Ministero dell'Educazione Nazionale № 9 del 27 febbraio 1941 // Archivio storico e deposito, Università degli Studi di Firenze.

³⁶⁶ Marrassini P. Op. cit. P. 77.

³⁶⁷ Gensini S. Nicola Ottokar *fiorentino*. Note e ricordi di un ex allievo. P. 68.

³⁶⁸ Ibid. P. 68.

³⁶⁹ Certificato di servizio di Nicola Ottokar // Nicola Ottokar storico del medioevo. P. 130. См. также: Marrassini P. Op. cit. P. 69; Gensini S. Op. cit. P. 68.

incarico, и с этого года перешел в штат, и числюсь уже titolare della cattedra di Storia medioevale во флорентийском университете»³⁷⁰.

Отношения Н.П. Оттокара и фашизма довольно сложные и восстанавливаются с трудом. Историк не любил распространяться на эту тему. Однако очевиден и другой факт: укрепление режима ставило вопрос о фашизации преподавательского состава, который должен был быть образцом для молодежи³⁷¹. В итальянской прессе в эту пору активно обсуждалось то, что в университетах преподавали профессора-антифашисты, и именно с антифашистских позиций. Внутриполитическая ситуация неизбежно должна была поставить вопрос членства в партии³⁷².

Здесь необходимо отметить один, довольно интересный сюжет. По всей видимости, на протяжении 1920-х гг. режим допускал наличие в обществе разных форм «инакомыслия» (случай Г. Сальвемини кажется скорее исключением). По крайней мере, недавно опубликованные письма Н.П. Оттокара, адресованные П.П. Сувчинскому, свидетельствуют о том, что в конце 1920-х гг. Оттокар мог себе позволить писать об итальянском фашизме в эмигрантской печати (хотя и под псевдонимом)³⁷³. Но в 1930-х гг. это было уже невозможно.

³⁷⁰ Письма Н.П. Оттокара к Вяч. Иванову / Подг. текста, предисл. и коммент. С. Гардзонио // Вестник истории, литературы, искусства / Гл. ред. Г.М. Бонгард-Левин. 2006. Т. 3. С. 517. Короткое упоминание об этом имеется также в переписке между Вяч. Ивановым и О.А. Шор. См.: Переписка В.И. Иванова и О.А. Шор / Пред. А.А. Кондюриной, публ. А.А. Кондюриной, Л.Н. Ивановой, Д. Рицци и А. Б. Шишкина // Русско-итальянский архив III. Вячеслав Иванов – новые материалы / Составители Д. Рицци и А. Шишкин. Салерно: [б.и.], 2001. С. 264–265. См. также: Письмо Николая Оттокара Владимиру Вейдле, 22–IV 1932 // Weidle papers, Rare Book & Manuscript Library, Columbia University in the City of New York.

³⁷¹ Филатов Г.С. Усиление империалистических тенденций фашистской Италии // История Италии: в 3-х Т. М.: Наука, 1971. Т. 3. С. 124–130.

³⁷² По тем материалам, которые есть в нашем распоряжении, мы не встречаем свидетельств о том, что у Оттокара были какие-то серьезные проблемы с итальянскими властями. В письме от 28 сентября 1937 г. Оттокар пишет Вяч. Иванову: «Как видите, тот ostracismo, который был на меня наложен недоброй памяти quadrupede, теперь снят новым министром Bottai, и я снова председательствую в комиссии по esami di Stato. См.: Письма Н.П. Оттокара к Вяч. Иванову. С. 524–525.

³⁷³ Ермишин О.Т. П.П. Сувчинский, его издательские проекты и переписка с современниками // Философские науки. 2017. № 11. С. 128–146.

Серия мероприятий не заставила себя долго ждать. В 1931 г. было предписано всем преподавателям высшей школы принести присягу на верность фашистскому режиму. Из 1213 преподавателей высшей школы 12 отказались принести присягу и были уволены³⁷⁴. А в 1933 г. было постановлено и об обязательном членском билете фашистской партии. По сведениям С. Рогари среди профессоров Флорентийского университета не было членского билета только у трех, среди которых А. Момильяно, П. Каламандрей и М. Сиотто-Пинтор³⁷⁵. В то же время еще шесть преподавателей, среди которых и Н.П. Оттокар, находились к тому времени на рассмотрении партийных органов³⁷⁶. Мы не знаем, как закончилась эта история, однако, думается, что членский билет Н.П. Оттокар получил. С. Рогари видит в этом не более чем пункт приспособления к конкретной обстановке, но никак не следование принципам фашизма и их принятие³⁷⁷. Очевидно, что Н.П. Оттокар ощущал на себе влияние среды, и чувствовал, что пребывание в Италии без партийного билета опасно как для его профессорской карьеры, так и вообще жизни в стране.

Нам практически ничего не известно о преподавательской деятельности историка и о курсах, которые читал ученый, кроме общего курса по средневековой истории. С. Дженсини указывает в своих воспоминаниях, что в начале 1930-х гг. Н.П. Оттокар читал следующие курсы: «Городские коммуны в Европе» (1928–29), «Средневековая империя» (1930–31), «Городские коммуны в средние века» (1932–1933), «Коммуна Флоренции от происхождения города до начала Треченто» (1932–33), а также курсы по общей истории Флоренции, Венеции и папства, курсы по средневековому источниковедению, которые он также читал в 1938–39, 1948–49 и 1950–51 гг. в Специальной школе для библиотекарей и архивистов-палеографов³⁷⁸.

³⁷⁴ Нестерова Т.П. Указ. соч. С. 71.

³⁷⁵ Rogari S. Il «Cesare Alfieri» da Istituto a Facoltà di Scienze Politiche // L'Università degli Studi di Firenze, 1924-2004. Firenze: Olschki, 2004. P. 685–686.

³⁷⁶ Ibid. P. 686.

³⁷⁷ Ibid.

³⁷⁸ Gensini S. Op. cit. P. 69–70. См. также: Marrassini P. Op. cit. P. 57–58. Некоторые краткие сведения о преподавательской деятельности восстанавливаются по письмам коллегам. Напр.

Все тот же С. Дженсини вспоминает, что кроме штатных лекций в университете «во Флоренции он (Оттокар Н.П. – *A.K.*) вел: свободный курс истории искусств в Региональном Высшем педагогическом институте (академические года 1925–1926 и 1926–27); две конференции в британском институте о «Флоренции и ее топографии» (1928); еще лекции по истории искусства на летних курсах для иностранцев, организованных университетом (1929 и 1930); серию лекций по истории Флоренции медичейского периода на весенних курсах для иностранцев и соотечественников (1933); серию лекций по истории Флоренции от происхождения до времен Данте на зимних курсах для тех же (1934)»³⁷⁹. Причем, делал это прекрасно: «он был превосходным знатоком музыки и так легко говорил, помимо русского и итальянского, на французском, немецком, английском, норвежском, что был в состоянии поддерживать беседу с человеком одной из шести наций одновременно»³⁸⁰.

В августе 1929 г. ученый в письме Г.В. Вернадскому описывал свой быт так: «Живу почти безвыездно во Флоренции, изредка только езжу в Рим, в Венецию или делаю «эскапады» в маленькие города Италии. Но за границей не был ни разу»³⁸¹.

Университетское преподавание Н.П. Оттокара неизбежно ставит и так называемый схоларный вопрос – были ли у историка школа и были ли ученики? Этот вопрос тем более важен, если вспомнить, что сам Н.П. Оттокара был

письмо от 30 июля 1926 к Георгию Вернадскому: «Я также принял итальянское подданство, и занимаю во Флорентийском университете (пока в порядке поручения) вакантную кафедру истории средних веков. Читал в этом году общий курс истории средних веков и специальный - по истории Флоренции. В будущем году думаю продолжать в том же направлении». В другом письме к Г.В. Вернадскому от 10 августа 1929: «Продолжаю занимать кафедру истории средних веков (но все еще сверх штата, и, следовательно, с меньшим жалованьем) во Флорентийском университете... Продолжаю интересоваться и искусством, и в настоящее время читаю даже лекции по итальянскому искусству на организованных Министерством народного просвещения летних курсах для иностранных учителей и студентов (при Флорентийском университете). Курс этот меня занимает. Аудитория многочисленная, и представлены все нации, от американцев (которых порядочно) до чехов и болгар». См.: Vernadsky Papers, Rare Book & Manuscript Library, Columbia University in the City of New York.

³⁷⁹ Gensini S. Nicola Ottokar *fiorentino*. Note e ricordi di un ex allievo. P. 68–69.

³⁸⁰ Ibid. P. 69.

³⁸¹ Письмо Николая Оттокара Георгию Вернадскому, 10–VIII 1929 // Vernadsky papers, Rare Book & Manuscript Library, Columbia University in the City of New York.

питомцем школы И.М. Гревса и имел перед собой его пример. Вопрос о школе, по мнению И.В. Дубровского, предполагает «определенный догматизм: хотя бы какой-то круг готовых идей об истории и возможности ее изучения»³⁸². И далее: «Оттокар – человек предельной научной честности, и для него таких готовых идей и возможностей нет»³⁸³. Абстрагируясь от несколько пафосной характеристики феномена научной школы И.В. Дубровского, подчеркнем, что научная школа, очень часто (но далеко не всегда!), является продуктом сознательной конструкции. В этом плане совершенно очевидно, что школы у Н.П. Оттокара не сложилось, особенно потому, что сам историк ничего не делал для ее создания. Будучи человеком довольно закрытым, Н.П. Оттокар не мог, вслед за своим учителем, твердо идти по линии выстраивания определенной духовной атмосферы и создания вокруг себя определенного сообщества.

Но твердо можно сказать, что ученики у Н.П. Оттокара были. В 1927 г. во Флоренцию приехал Йохан Плеснер (Johan Plesner), разочаровавшийся художник, решивший в тридцать лет посвятить себя ремеслу историка. Во Флорентийском университете он учился у Н.П. Оттокара, продолжив линию научных исследований своего учителя, которая в 1934 г. воплотилась в книгу об эмиграции населения из контадо во Флоренцию³⁸⁴. Сам Н.П. Оттокар называл его своим любимым учеником³⁸⁵. В 1933 г., спасаясь от нацистского режима в Германии, в Италию переезжает Николай Рубинштейн. Записавшись во Флорентийский университет, в 1935 г. он писал под руководством Н.П. Оттокара работу и некоторое время являлся его ассистентом³⁸⁶. Впоследствии Н. Рубинштейн уедет в Оксфорд, станет довольно известным специалистом по истории Флоренции. Некоторое время специализировался у Н.П. Оттокара

³⁸² Дубровский И.В. Оттокар и другие. С. 100.

³⁸³ Там же.

³⁸⁴ Plesner J. L'Émigration de la champagne à la ville libre de Florence au XIIIe siècle. Copenhagen: Gyldendal, 1934. См. Также: Afzelius A. Johan Plesner (6 april 1896 – 10 september 1938) // Acta Jutlandica. 1939. XI. 2. P. 17–22.

³⁸⁵ Ottokar N. Il commune di Firenze // Ottokar N. Studi comunali e fiorentini. P. 69.

³⁸⁶ Waley D. Nicolai Rubinstein. 1911–2002 // Proceedings of the British Academy, Volume 124. Biographical Memoirs of Fellows, III / Ed. by Professor P.J. Marshall. Oxford, 2005. P. 313.

С. Дженсини, защитил под его руководством выпускную работу³⁸⁷. Кроме того, в разных своих работах и письмах Н.П. Оттокар упоминал в качестве учеников еще несколько персоналий. Например, в одном из писем Д. Вольпе, Н.П. Оттокар называет «другим моим учеником» (*un'altro mio allievo*) Ренато Пьятолли (*Renato Piatolli*)³⁸⁸. В одной из своих работ, опубликованной посмертно в сборнике по случаю восьмидесятилетнего юбилея Д. Вольпе, «моим дорогим учеником» (*un mio valente allievo*) Н.П. Оттокар называет Чезаре Поцесси (*Cesare Pozzesi*)³⁸⁹. В другом месте – Наду Бруни (*Nada Bruni*)³⁹⁰ и др. В этом плане, очевидно, что Н.П. Оттокар мог научить работе историка, инструментарию, однако не мог быть и, что может быть более важно, не хотел быть «учителем по жизни» (как старался И.М. Гревс).

Одним из мероприятий фашистской реформы системы образования стала введенная в 1922 г. система единых государственных экзаменов, которая проводилась специальной независимой комиссией, что способствовало улучшению качеств интеллектуальной элиты³⁹¹. Н.П. Оттокар довольно часто являлся членом комиссий по приему государственных экзаменов, а также часто бывал членом аттестационных комиссий по присвоению ученых званий³⁹².

После выхода монографии о флорентийской коммуне в творчестве историка стал все более очевиден уклон в сторону истории культуры³⁹³.

³⁸⁷ Cherubini G. Sergio Gensini e il centro di studi sulla civiltà del tardo medioevo // *L'Italia alla fine del Medioevo. I caratteri originali nel quadro europeo / a cura di Fr. Salvestrini*. Firenze: Firenze University press, 2006. Vol. I. P. 469.

³⁸⁸ La lettera di N. Ottokar a G. Volpe, 4–IX 1930 // Fondo «G. Volpe», Carteggi, Biblioteca comunale di Santarcangelo di Romagna (RN).

³⁸⁹ Ottokar N. Gli scioperati a Firenze nell'300 // *Studi storici in onore di Gioacchino Volpe: per il suo 80. compleanno: 2 v.* Firenze: G.C. Sansoni editore, 1958. Vol. II. P. 706.

³⁹⁰ См.: Ottokar N. *Il Comune di Firenze alla fine del Dugento*. P. 205.

³⁹¹ Об этом см.: Нестерова Т.П. Указ. соч. С. 69.

³⁹² Gensini S. *Op.cit.* P. 69. Об этом довольно часто упоминается в переписке Н.П. Оттокара с В.В. Вейдле, Вяч. Ивановым и др. Кстати сказать, в комиссии по присвоению степени одному из главным итальянских русистов XX в., а именно Этторе Ло Гатто, также принимал участие Н.П. Оттокар: «В середине марта я буду в Риме, куда я вызван для участия в комиссии per conferimento dell'ordinariato al prof[essore] Ettore Lo Gatto». См.: Письмо Николая Оттокара Владимиру Вейдле, 16–I 1935 // Weidle paper, Rare Book & Manuscript Library, Columbia University in the City of New York.

³⁹³ Очевидно, что было бы ошибкой сказать, что Н.П. Оттокар до этого не интересовался вопросами культуры. Как раз наоборот, культурная проблематика сильно занимала ученого.

Н.П. Оттокар публикуется в еженедельном римском журнале «Italia letteraria»³⁹⁴, значение которого диктуется тем, что целью издания было подчеркнуть значение итальянской литературы для формирования национальной идентичности. Статьи историка выходят в «Rivista d'Arte», международном журнале по проблемам средневекового и современного искусства³⁹⁵. Также ученый публикует серию очерков по истории культуры городов Италии, который он начал воплощать в жизнь еще до революции. В 1938 г. в типографии С.С. Тишкевича вышел перевод статьи 1915 г. о Венеции³⁹⁶. В дальнейшем, уже через два года, в 1940 г.,

Однако, при этом, очевидно, что работы, который напечатаны автором после 1926 г., т.е. после опубликования своей монографии, носят совершенно другой характер, как по тематике, так и по стилистике.

³⁹⁴ Ottokar N. La storia di Firenze di Roberto Davidsohn (Firenze ai tempi di Dante) // Italia letteraria. 1929. Ottobre. Затем эта работы была переиздана в: Ottokar N. Studi comunali e fiorentini. 1948. P. 105–111.

³⁹⁵ Idem. Pittori e contratti d'apprendimento presso pittori a Firenze alla fine del Dugento // Rivista d'Arte. 1937. XIX. P. 55–57; Idem. Di Giotto di Bondone senese, omonimo contemporaneo di Giorro, pittore fiorentino // Rivista d'Arte. 1934. XVI. P. 95–97.

³⁹⁶ Ottokar N. Venezia. Cenni di cultura e storia veneziane. Firenze: Tip. S. Tyszkiewicz, 1938.

Дальнейшая история публикации очерков связана с наметившимся в 1930-е гг. активным сотрудничеством Николая Оттокара с издательством «La Nuova Italia», благодаря дружбе с Эрнесто Кодиньолой и его сыном Тристано, которые являлись директорами данного издательства с 1930-х гг. Данное сотрудничество открывается публикацией в 1936 г. в данном издательстве брошюры «I comuni cittadini nel Medioevo», которая ранее была издана в качестве отдельной статьи в Итальянской энциклопедии, а затем, в 1933 г., была переведена на английский и издана в уже упоминавшейся типографии S. Tyszkiewicz. После чего, по всей видимости, Оттокар получил предложение от издательства «La Nuova Italia» переиздать эту брошюру у них, о чем свидетельствует письмо Оттокара в издательство от 22 января 1936 г. См.: «Ho ricevuto ieri il progetto di contratto per la stampa del mio volumetto sui Comuni cittadini del Medio evo e l'ho firmato oggi stesso [Я получил вчера проект договора для публикации моей небольшой книги о средневековых городских коммунах и сегодня его подписал]». См.: La lettera di Nicola Ottokar a Nuova Italia, 22-I 1936 // Fondo La Nuova Italia, fascicolo Ottokar Nicola // CASNS. По всей видимости ровно также выглядит ситуация и с изданием очерков по истории итальянских городов. После публикации Венеции в издательстве С. Тишкевич, последовало заинтересованное письмо из издательства «Новая Италия», которое было встречено Оттокаром с большим энтузиазмом: «Я получил Ваше любезное письмо от 20 ноября, и я хочу сказать, что полностью удовлетворен условиями, которые мне предложены». См.: «Ho ricevuto la Vostra pregiata lettera del 20-XI, [e] mi dichiaro pienamente soddisfatto delle condizioni offertemi [Я получил Ваше любезное письмо от 20 ноября и подтверждаю, что полностью удовлетворен условиями, которые мне предложены]». См.: La lettera di Nicola Ottokar a Nuova Italia, 22-XI 1939 // Ibid. В этом же письме Оттокар пишет, что после издания Флоренции, он намерен предложить «немногим позже небольшую брошюру о Сиене, чтобы, таким образом, после переиздания моей Венеции эти две брошюры о Флоренции и Сиене составили бы небольшую серию работ одного жанра». См.: «Mi propongo di consegnarVi fra poco un altro opuscolo su Siena, di modo che colla ristampa della mia Venezia questi due opuscoli su Firenze e su Siena costituiranno una piccola collana di lavori del medesimo genere». См.: La lettera di Nicola Ottokar a Nuova Italia,

в серии «Città italiane» издательства «La Nuova Italia» вышел очерк о Флоренции³⁹⁷, затем был переиздан очерк о Венеции³⁹⁸, а еще через несколько лет, в 1944 г., – о Сиене³⁹⁹. Впоследствии, эти очерки были также переведены и на английский язык, но издана только «Венеция»⁴⁰⁰. Позднее, серия была завершена брошюрой о Перудже, написанной Альдо Капитини⁴⁰¹. Учитывая стиль работ Н.П. Оттокара, а также то, что они выходили в серии, ясно, что издательством они замысливались как своего рода путеводители по итальянским городам, подтверждением чему служит, среди прочего, и перевод на английский язык. Однако, Н.П. Оттокар в письмах в издательство несколько раз отмечал, что рассматривает эти книги как учебные пособия для студентов университета⁴⁰².

22-XI 1939 // Ibid. По всей видимости, таким образом, из первоначальной заинтересованности в переиздании очерка о Венеции, появилась серия очерков, изданная в серии «Città italiane».

³⁹⁷ Ottokar N. Firenze. Cenni di storia e cultura fiorentina. Firenze: La Nuova Italia, 1940. В настоящий момент введение данной работы переведено М.Г. Талалаем и издано в сборнике материалов конференции «Русские в Италии: Культурное наследие эмиграции». См.: Оттокар Н.П. Флоренция. Очерки флорентийской истории и культуры / Сокр. пер. с ит. М.Г. Талалая // Русские в Италии: Культурное наследие эмиграции. С. 405–406.

³⁹⁸ Ottokar N. Venezia: cenni di storia e di cultura veneziane. Firenze: La Nuova Italia, 1941. «Кстати, месяца через два выйдет la ristampa del mio volumetto su Venezia». См.: Письма Н.П. Оттокара к Вяч. Иванову. С. 525.

³⁹⁹ Ottokar N. Siena. Cenni di storia e cultura senesi. Firenze: La Nuova Italia, 1944.

⁴⁰⁰ В письме Владимиру Вейдле от 6 марта 1946 г. Н.П. Оттокар пишет: «Недавно вышел также английский перевод моего volumetto «Venezia», и готовы к изданию английские переводы моих volumetti «Firenze» и «Siena». См.: Письмо Николая Оттокара Владимиру Вейдле, 6–III 1946 // Weidle papers, Rare Book & Manuscript Library, Columbia University in the City of New York. В этой выдержке из письма обращают на себя внимание указание автора на то, что в начале 1946 г., «Венеция» уже была издана. Вопрос датировки этого издания, на самом деле, не праздный, постольку поскольку в самом издании нет указания на конкретную дату публикации, и в электронном каталоге Национальной библиотеки Флоренции, в библиографической записи, осторожно рядом с датой публикации стоит знак вопроса: [1947?]. В издании, действительно, стоит штампик с датой «30 июня 1947», но, по всей видимости, это дата поступления издания в библиотеку. См.: Ottokar N. Venice. Sketches of venetian history and culture. Florence: «La Nuova Italia» publisher, 1945. Также в выдержке из письма Н.П. Оттокара обращает внимание указание на то, что готовы переводы и двух других очерков автора. К сожалению, о судьбе указанных переводов ничего не известно.

⁴⁰¹ Capitini A. Perugia: punti di vista per una interpretazione. Firenze: La Nuova Italia, 1947.

⁴⁰² «Così potrà essere pronto per i primi di ottobre e servire ai miei studenti per gli esami della sessione autunnale. Posso assicurare la vendita di un centinaio di copie ai miei studenti [Таким образом, тираж может быть готов к началу октября и послужить моим студентам для подготовки к осенним экзаменам. Могу гарантировать продажу моим студентам сотни копий]». См.: La lettera di Nicola Ottokar alla Casa editrice «La Nuova Italia», 1–VIII 1940 // Fondo La Nuova Italia, fascicolo Ottokar Nicola // CASNS. Или: «Aspetto adesso le bozze del mio opuscolo, ed insieme a me l'aspettano pure con ansia i miei studenti. Avevo detto loro che il volumetto apparirà entro il febbraio, ma ora certo occorrerà aspettare ancora qualche tempo. Però tengo a far presente che gli esami saranno

Здесь очень важно поставить вопрос, который уже, однажды был озвучен И.В. Дубровским в работе «Оттокар и другие»: действительно ли все самые важные работы историка были изданы до 1926 г., а работы, опубликованные позднее, являются незначительным дополнением к тому, что было написано ранее?⁴⁰³. Отчасти с этим можно согласиться: после 1926 г. историк действительно не опубликовал работ, которые по своей силе и филигранности исследования можно было бы сравнить с «Опытами» или «Флорентийской коммуной». Вместе с тем, такое видение проблемы существенно сужает наше представление о творческом наследии автора и довольно часто, мешает увидеть некоторые сущностные элементы инструментария историка. В качестве пример, приведем мнение автора предисловия к сборнику работ Н.П. Оттокара «*Studi comunali e fiorentini*», в которой он указывает, что синтетическая работа Оттокара, посвященная средневековым коммунам, является едва ли не самым значимым трудом историка: «Автор придает большое значение этой работе, рассматривая ее, может быть, даже как наиболее значимую и наиболее зрелую свою работу»⁴⁰⁴.

Вместе с тем, здесь конечно нужно отметить следующее. Если внимательно изучить библиографию историка, то фактически после 1926 г., т.е. после появления «Флорентийской коммуны» в творчестве Оттокара стали превалировать рецензии, небольшие заметки, краткие очерки или некрологи.

anticipati quest'anno in modo che la pubblicazione della mia "Venezia" è cosa di massima urgenza [Сейчас я ожидаю корректуру моего труда, так же как и мои студенты. Я сказал им, что книга выйдет к февралю, но сейчас, конечно, придется подождать еще немного. Но хочу отметить, что экзамены будут перенесены в этом году, поэтому публикация моей «Венеции» имеет крайнюю актуальность]. См.: La lettera di Nicola Ottokar alla Casa editrice «La Nuova Italia», 25-II 1941 // Ibid. и др. письма.

⁴⁰³ Дубровский И.В. Оттокар и другие. С. 106. См. размышления по поводу того, почему не состоялась третья книга Н.П. Оттокара: С. 119–120.

⁴⁰⁴ «L'autore attribuisce una grande importanza a questo scritto, lo considera perfino forse sua opera più notevole e più matura [Автор придает большое значение этой работе, он даже считает ее может быть своей самой значительной и зрелой работой]». См.: Introduzione // Ottokar N. Studi comunali e fiorentini. Р. Х. К сожалению, автор данного предисловия нам не известен. Но вполне возможно, что им является сам Н.П. Оттокар.

Всего, Н.П. Оттокаром после 1926 г. издано 66 работ разных видов и жанров⁴⁰⁵, из которых 12 – статьи в евразийском журнале П.П. Сувчинского «Евразия» под псевдонимов «Ф»⁴⁰⁶, 21 статьи разных по объему – материал для Итальянской энциклопедии⁴⁰⁷. Кроме того, до 1958 г. было издано 7 литографий лекций историка. В итоге, на период с 1926 г. по 1958 г. приходится, не считая указанных выше, 25 работ, из которых 6 являются переизданиями работ или сборниками трудов автора⁴⁰⁸. Таким образом, остается 19 работ, что уже говорит о не очень большой «публикационной активности историка». Большая часть работ приходится на период до 1937 г. После 1937 г. в библиографии автора явно есть «вспышка продуктивности», которая приходится на 1940–1944 гг. На этот временной промежуток приходятся три очерка об истории итальянских городов, один из которых является переводом русской статьи 1915 г. Остальные же работы, это или небольшие по объему разрозненные очерки, переиздания уже опубликованных текстов, либо повторы ранее высказанных идей и мыслей⁴⁰⁹.

⁴⁰⁵ Библиография, которая издана в работе «Nicola Ottokar storico del Medioevo» на сегодняшний день должна быть признана устаревшей и нуждается в серьезной доработке, хотя бы потому, что за обозначенный период времени, т.е. 1927–1958 гг. насчитывает всего 37 работ. См.: Bibliografia degli scritti. P. 136–137.

⁴⁰⁶ См. об этом: Ермишин О.Т. Указ соч.

⁴⁰⁷ См. об этом: Ключев А.И. «Русский след» в истории Италии: к истории создания «Enciclopedia italiana». С. 581. В данной работе указана 21 работа в Итальянской энциклопедии Н.П. Оттокара, где не учтена работа «U.R.S.S.».

⁴⁰⁸ Речь идет о переиздании 1927 г. работы «Опыты по истории французских городов в средние века» (Ottokar N. Le città francesi nel Medio evo: saggi storici. Firenze: Vallecchi editore. 1927), переиздании статьи «Коммуны» в виде отдельной брошюры (Idid. The Medieval city-communes. Florence: Tyszkiewicz private press, 1933), трижды издана работа о Венеции (см.: Ibid. Venezia: Cenni di cultura e di storia veneziane. Firenze: Tip. S. Tyszkiewicz, 1938; Ibid. Venezia: cenni di storia e di cultura veneziane. Firenze: La Nuova Italia, 1941; Ibid. Venice: Sketches of Venetian history and culture. Firenze: Ed. La Nuova Italia, 1947), один сборник трудов историка, содержащий только одну, ранее не опубликованную работы (Ibid. Studi comunali e fiorentini. Firenze: La Nuova Italia, 1948) и, фактически, переиздание работы по истории России 1936 г. (Ibid. Compendio di storia della Russia. Firenze: Vallecchi editore, 1950).

⁴⁰⁹ Например, работ 1942 г. «Il problema della formazione comunale», была опубликована под одним и тем же названием дважды (см.: Ottokar N. Il problema della formazione comunale // Problemi storici e orientamenti storiografici / A cura di E. Rota. Como: Tipografia Emo Cavalieri, 1942. Vol. I. P. 217–238 и Ibid. Il problema della formazione comunale // Questioni di storia medioevale / A cura di Ettore Rota. Como: Dott. Carlo Marzorati editore, 1945. Fascicolo II. pp. 217–245), хотя сама по себе работа является кратким изложением статьи «Comune» из Итальянской энциклопедии, с небольшими историографическими и библиографическими вкраплениями. Работа 1933 г. – «A proposito della presunta riforma costituzionale adottata il 6 luglio dell'anno 1295 a Firenze», хотя и не пересекается с другими работами автора этого периода, но скорее всего

Это подводит нас к мысли, что фактически, после 1931 г., а именно выхода словарной статьи Н.П. Оттокара в Итальянской энциклопедии «Comune», у Н.П. Оттокара не появилось новых и оригинальных исследований. Многие, выходявшие после этой статьи работы, заимствуют так или иначе материал из этой работы или из работы 1926 г. Более того, за этот же период автором было опубликовано 8 коротких очерков на разнообразные темы (объемом 3-5 страниц), рецензий и некрологов⁴¹⁰. Пытаясь объяснить подобную ситуацию, во-первых, нужно, конечно, нельзя не отметить, что на 1930–1940 гг. пришлось, пожалуй, самые тяжелые времена жизни во Флоренции, связанные в первую очередь с отравлением угарным газом⁴¹¹, а также со смертью дочери⁴¹² и вскоре последовавшей смерти супруги⁴¹³. Разумеется, потрясения не могли не сказаться

является «аппендиксом» монографии 1926 г. и просто напросто не вошла туда, хотя должна была быть ее логическим завершением. См.: Ibid. A proposito della presunta riforma costituzionale adottata il 6 luglio dell'anno 1295 a Firenze // Archivio storico italiano. S. VII. Vol. XIX. Disp. 2. Другая работа Н.П. Оттокара «Il Comune» также прямо совпадает частями с ранее вышедшей работе, посвященной истории Флоренции. Ср.: Ibid. Il Comune // Firenze / A cura di Jolanda Blasi. Firenze: Sansoni, 1944. P. 45-61; Ibid. Firenze. Cenni di storia e di cultura fiorentine. Firenze: «La Nuova Italia» editrice. 1940. Кроме того, разные части указанных работ имеют прямые текстуальные совпадения с опубликованными литографиями лекций и ранее опубликованных работ.

⁴¹⁰ Ottokar N. La storia di Firenze di Roberto Davidsohn (Firenze ai tempi di Dante) // Italia letteraria. 1929. Ottobre. pp. 105-111; Ibid. Di Giotto di Bondone senese, omonimo contemporaneo di Giotto, pittore fiorentino // Rivista d'arte. 1934. Vol. 16. Fasc. 1. pp. 95-97; Ibid. Recensione: Giorgio Falco, La polemica sul Medio Evo. I. – (Biblioteca della Società Storica Subalpina, CXLIII), Torino, 1933. L. 25 // Pan: rassegna di lettere, arte e musica. 1934. Anno II. № 10. p. 280–284; Ibid. Dioniso e i culti pre-dionisiaci, Convegno 8-12 dicembre 1933/34; Ibid. Roberto Davidsohn (necrologo) // Rivista storica italiana. 1937. Vol. II. Fasc. IV. P. 158–159; Ibid. Pittori e contratti d'apprendimento presso pittori a Firenze alla fine del Dugento // Rivista d'arte. 1937. Vol. 19. Fasc. I. P. 55–57; Barbadoro B., Ottokar N. Problemi di storia del Comune di Firenze // ASI. № 361. Disp. I. P. 88-98 (в данной рецензии авторству Н.П. Оттокара принадлежит только две страницы, остальное – ответ Бернардино Барбадоро на критические замечания Оттокара); Ibid. Gli scioperati a Firenze nell'300. P. 703–707.

⁴¹¹ Письмо Николая Оттокара Владимиру Вейdle, 22–IV 1932 // Weidle papers, Rare Book & Manuscript Library, Columbia University in the City of New York.

⁴¹² См.: Талалай М.Г. Российский некрополь. С. 535. См. также единственное письмо на итальянском языке Николая Оттокара, адресованное Владимиру Вейdle, в котором он прямо указывает на тяжелое эмоциональное состояние, связанное с гибелью дочери и смертью жены. См.: Письмо Николая Оттокара Владимиру Вейdle, 19–XI 1940 // Weidle papers, Rare Book & Manuscript Library, Columbia University in the City of New York.

⁴¹³ См.: Письмо Николая Оттокара Владимиру Вейdle, 19–XI 1940 // Weidle papers, Rare Book & Manuscript Library, Columbia University in the City of New York. Кстати сказать, сама переписка между двумя друзьями с 1940-х становится все более редкой, пока окончательно не прерывается в 1950 г. Прямое указание на серьезные эмоциональное потрясение 1940 г. есть

на творческой активности историка. Тем не менее, нам кажется, что есть и причина гораздо более сложная. Нам кажется, что после выхода «Флорентийской коммуны» Н.П. Оттокар оказался «историком без идей», в чем не малой виной как раз-таки его историческое кредо, связанное с отказом от построения мета-нарративов. В какой-то степени автор оказался заложником собственной же стратегии исторического исследования, о чем дополнительно свидетельствует тот факт, что на протяжении 1930–1940 гг. автор часто «сбивался» на обсуждение конкретных разрозненных и не связанных между собой казусов и написание заметок.

Будучи довольно известным специалистом в области средневековья Западной Европы, Н.П. Оттокар являлся и востребованным лектором по русской истории, что в целом является общим явлением в истории русской эмиграции⁴¹⁴. Так, в США преподавали Г.В. Вернадский, в Болгарии — П.М. Бицилли. То же было распространено и среди специалистов по зарубежной истории, как М.И. Ростовцева или П.Г. Виноградова. К примеру, при устройстве в университет Висконсина в начале 1920 г. М.И. Ростовцеву, помимо курса по древней истории было поручено и чтение лекций по истории России. В одном из номеров «Il Convegno» русист Р. Поджолли посвящает свою статью «Три русских поэта» Н.П. Оттокару и называет его своим «первым учителем русской истории»⁴¹⁵.

Кроме того, историком «от режима» Д. Вольпе, проводившим партийную линию, Н.П. Оттокар был привлечен по отделу истории для написания словарных статей для издания «Enciclopedia italiana». Ученым были написаны

также в письме к Г. Сальвемини: «Avrai probabilmente sentito delle mie dolorosa perdite nel 1940: prima mi è morta l'unica figlia diciassettenne, e poi appena 6 mesi dopo, la moglie [Ты, вероятно, слышал о моих скорбных потерях в 1940 г.: сначала умерла моя единственная дочь, семнадцати лет, а затем, спустя шесть месяцев, умерла и жена]». См.: La lettera di Nicola Ottokar a Gaetano Salvemini, 28–III 1948 // Archivio Gaetano Salvemini, scatola 122. Istituto storico toscano della Resistenza e dell'età contemporanea. Firenze, Italia. См. также: Письма Н.П. Оттокара к Вяч. Иванову. С. 525.

⁴¹⁴ Ковалев М.В. Имперская идея в учебных нарративах русской эмиграции 1920–1930-х гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2014. Выпуск 4 (27). URL: <http://history.jes.su/s207987840000732-4-1> (дата обращения: 03.08.2016).

⁴¹⁵ Poggioli R. Tre poeti russi // Il Convegno. 1930. № 3–4. 25 aprile. P. 87.

ряд статей по истории французских городов и конкретных правителей⁴¹⁶, несколько статей по истории Флоренции⁴¹⁷, несколько статей по истории средневековых городов, в том числе и большая обобщающая статья по истории средневековой коммуны⁴¹⁸ и исторического отдела по истории России⁴¹⁹. Однако, ролью автора Оттокар не ограничился. По всей видимости, на начальном этапе историк оказался «теневым» организатором «русской секции» в Итальянской энциклопедии. При этом, вероятно, изначально планировалось, что Н.П. Оттокар возглавит отдел по написанию статей, касающихся русской истории, от чего, правда, он отказался. В письме А.В. Флоровскому Н.П. Оттокар вспоминал: «Лично моя роль в *Enciclopedia italiana* не официальная и сводится, в сущности, только к тому, что я даю ему советы в постановке отдела русской истории. Сам я не русский историк, и не фигурирую здесь в качестве такового [...], и поэтому отклонил всякое официальное руководство отделом русской истории. Но в беседах с Volpe я постоянно отстаивал мысль о необходимости сконцентрировать всю работу по русской истории в руках какого-нибудь русского историка, поручив ему все распределение «слов» между отдельными русскими специалистами. Надо Вам сказать, что Volpe человек чрезвычайно не деловой и отвратительный организатор, так что убедить его в этом мне стоило некоторых усилий»⁴²⁰.

Будучи консультантом по истории России, Н.П. Оттокар пытался привлекать к написанию статей русских историков, находящихся в эмиграции, о чем нам ясно свидетельствует письмо от 3 февраля 1927 г. Г.В. Вернадскому: «Я

⁴¹⁶ Luigi VI, Luigi VII, Luigi VIII, Luigi IX, Luigi X, Luigi XI. См.: EI. Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 1934. Vol. XXI. P. 616–620.

⁴¹⁷ Так, например, авторству Оттокара словарные статьи «Popolo» (Vol. 27), «Magnati» (Vol. 21). См.: Ottokar N. Popolo // EI. Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 1934. Vol. XXI. P. 903–931; Ibidem. Magnati // Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 1934. Vol. XXVII.

⁴¹⁸ Comuni. Storia del commune medievale (Vol. XI. P. 17–20). См. также: Agen. Storia (Vol. I), Aiguesmortes, Amiens. Storia (Vol. II), Arras. Storia (Vol. IV), Beauvais. Storia (Vol. VI), Cambrai: Storia (Vol. VIII), Laon: Storia (Vol. XX), Lilla: Storia (Vol. XXI) и др.

⁴¹⁹ См.: Ottokar N. Russia. Storia // EI. Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 1936. Vol. XXX. P. 288–308. См. также: Ardašev, Pavel (Vol. IV) и др.

⁴²⁰ Письмо Николая Оттокара Антонию Флоровскому, 16–XII 1926 // Vernadsky papers, Rare Book & Manuscript Library, Columbia University in the City of New York.

на днях только вернулся из Рима, где мы с Volpe окончательно разрешили вопрос о русской истории. На днях Вам будет послан полный список слов с указанием размеров статей [...]. Кое-что пришлось уступить местным силам. [...] Кроме того, пришлось считаться и с претензиями Lo Gatto, который взял на себя такие слова, как Иоанн Грозный, Курбский, Опричнина, Борис Годунов, Лжедмитрий, Декабристы, Чаадаев, Александр II. Все же остальное удалось отстоять и отнести на Ваше имя. Предполагается, что Вы напишите, что хотите сами, разделивши остальное, по Вашему усмотрению, между другими русскими историками (как А.В. Флоровский, Шмурло и вообще все, кого Вы найдете нужным привлечь к этому делу)»⁴²¹.

По всей видимости, на первоначальном этапе влияние Н.П. Оттокара было довольно велико, учитывая прямую коммуникацию с главой исторической секции Дж. Вольпе. О чем явно свидетельствует доверие в вопросе коммуникаций с русскими историками⁴²², участие в формировании словника (до

⁴²¹ Письмо Николая Оттокара Георгию Вернадскому, 3–II 1927 // Vernadsky papers, Rare Book & Manuscript Library, Columbia University in the City of New York.

⁴²² См.: «Sono già in corrispondenza con alcuni storici russi circa la loro collaborazione all'Enciclopedia. Ho già ottenuti pregevoli consensi [Я уже состою в переписке с некоторыми российскими историками по поводу их сотрудничества с Итальянской энциклопедией. Я уже получил ценные согласия]». См.: La lettera di Nicola Ottokar a [Giacchino Volpe], 10–VIII 1925 // Fascicolo di Nicola Ottokar, № 1005 / IEI, AS, Fondo EI. Или: «Le consiglieri soprattutto di rivolgersi al prof. Wladimiro (!) Vernadsky che sta generalmente a Praga (Bubeneč, Bučkova 597, Praga Cecoslovacchia), ma attualmente si trova a Atene (rue Patriarche Joakim, 36, Athenes, Grece), fino ai primi di ottobre. La Sua collaborazione potrebbe essere specialmente utile per il periodo di Alessandro I, ma si è occupato anche della storia culturale e religiosa dei secoli precedenti. C'è anche a Praga un ottimo specialista della storia del secolo XVIII, il prof. Florovsky. Anche il migliore conoscitore della storia della Russia occidentale (Volynia, Galizia, Lituania, Russia Bianca, ecc), il prof. Loss, si trova a Praga. Naturalmente tutte queste persone, anche al di fuori del campo dei loro lavori speciali, sono conoscitori di tutta la storia russa, e potrebbero quindi collaborare in qualsiasi materia. Ho già ottenuto, in via preliminare, il loro consenso. Credo che la migliore cosa sarebbe questa: che Lei mandasse al prof. Vernadsky l'elenco di tutti le voci, che intende affidare agli storici russi che si trovano a Praga, e lasciare a loro la distribuzione dei singoli articoli [Прежде всего, я бы посоветовал связаться с профессором Владимиром (!) Вернадским, который обычно находится в Праге (Bubeneč, Bučkova 597, Praga Cecoslovacchia), но сейчас находится в Афинах (rue Patriarche Joakim, 36, Athenes, Grece), до начала октября. Его участие могло бы быть особенно полезным для периода Александра I, но он занимался также и культурной и религиозной историей предшествующих веков. Также в Праге есть превосходных специалист по истории XVIII века, профессор А.В. Флоровский. Также и лучший знаток истории Западной России (Волынь, Галиция, Литва, Белая Русь и др.) профессор Лосс, находится в Праге. Конечно, Все эти люди, даже за пределами своей специализации, являются знатоками всей истории России, и могли бы сотрудничать практически по любому сюжету. Я уже получил их предварительное

активного вмешательства Э. Ло Гатто). Как уже говорилось выше, после того, как Дж. Вольпе отошел от активного участия, с Н.П. Оттокар напрямую коммуницировал Дж. Джентиле, и именно им русскому историку была доверена «миссия» по написанию исторической статьи о России. Правда вышла она без подписи. В историографии сложилось две позиции по поводу данного случая. Н.П. Комолова считает, что имя историка изъято по цензурным соображениям⁴²³. Иная точка зрения принадлежит Л. Степановой, которая считает, что виной тому, изменившиеся внешнеполитические условия, повлекшие за собой цензурирование самой статьи, внесение в нее корректив, которые сам Н.П. Оттокар посчитал не приемлемыми, и сам снял свое авторство⁴²⁴. Нам представляет верным общий ход мысли Л. Степановой, а именно указание на редакторское вмешательство в текст Н.П. Оттокара. При этом, мы считаем очень преувеличенным в этом объяснении политический мотив. Логичным в этой связи будет иное объяснение. Если обратиться к письму, адресованному В.В. Вейdle и датированному 1 октября 1935 г., Н.П. Оттокар значительно превысил изначально заказанный объем статьи, а именно, более 100 колонн⁴²⁵. В

согласие. Я думаю, что лучше было бы сделать следующим образом: отправить профессору Вернадскому список всех статей, которые Вы намерены доверить русским историкам, находящимся в Праге, и доверить им распределение отдельных статей]». См.: *La lettera di Nicola Ottokar a [Giacchino Volpe]*, 14–VIII 1926 // *Ibid.* Также, если верить письму Н.П. Оттокара Г.В. Вернадскому, какое-то время обсуждалась идея привлечения историков из России: «Кроме того, обращаюсь также к русским историкам, оставшимся в России: С.Ф. Платонову, А.Е. Преснякову, А.И. Заозерскому, Б.Д. Грекову и другим». См.: Письмо Николая Оттокара Георгию Вернадскому, 30–VI 1926 // *Vernadsky papers, Rare Book & Manuscript Library, Columbia University in the City of New York*. См. также: *La lettera di Nicola Ottokar a [Giacchino Volpe]*, 11–IX 1926 // *Fascicolo di Nicola Ottokar*, № 1005 / IEL, AS, Fondo EI.

⁴²³ Комолова Н.П. Профессор флорентийского университета С. 162–163; Её же. Страницы итальянской истории. С. 400.

⁴²⁴ Степанова Л. Еще раз о «серебряном веке»: как у нас исследуют культурные. С. 342–344.

⁴²⁵ «Статья вышла непомерно длинная (вместо 35 колонн, назначенных мне, вышло больше 100 колонн), настолько длинная, что Gentile отказался напечатать ее в таком виде, и поручил сотрудникам своим сократить ее до размеров 35 колонн». См.: Письмо Николая Оттокара Владимиру Вейdle, 1–X 1935 // *Weidle papers, Rare Book & Manuscript Library, Columbia University in the City of New York*. О мучительной процедуре сокращения статьи Н.П. Оттокар пишет и в редакцию Итальянской энциклопедии. Так, в письме от 25 июня он пишет: «Oggi spedisco finalmente all'Enciclopedia italiana l'articolo Russia. Sono dolente di aveva tardato tanto e pure di aver oltrepassati assai i limiti di spazio assegnati (35 colonne). Ma la voce è talmente importante che spero che Ella vorrà perdonarmi quest'esagerazione [Сегодня я отправил наконец статью о России в Итальянскую энциклопедию. Мне очень жаль, что с таким опозданием и

результате, в статью очевидно вносилась редакционная правка, которая существенно сокращала текст Оттокара, ввиду чего он мог и снять свое авторство. На эту же мысль наводит и объем книги по истории России, изданной позже Оттокар и в основе которой, очевидно, в виду прямых текстуальных совпадений, лежала словарная статья. Кроме того, маловероятно, что, находясь в близких отношениях с Дж. Вольпе и имея прямую переписку с Дж. Джентиле, главой издания, Н.П. Оттокар подвергся цензорской правке. Трудно также представить, что подвергнувшись цензуре Н.П. Оттокар далее находясь в Италии не имел никаких проблем в плане профессиональной деятельности и публикации результатов своей научной деятельности: из университета его никто не увольнял и он продолжал спокойно публиковаться в главном историческом журнале Италии – «Archivio storico italiano».

Однако, статьей по истории России в энциклопедию дело не ограничилось. В 1936 г. от издательства Laterza последовало предложение издать эту статью в виде книги⁴²⁶. И хотя прав М.В. Ковалев, говоря, что «трудно сказать, что

также, что превысил установленный объем статьи (35 колонн). Но статья очень важная, так что надеюсь, что Вы простите мне это превышение]». См. La lettera di Nicola Ottokar a [Giovanni Gentile], 25–VI 1935 // Fascicolo di Nicola Ottokar, № 1005 / IEI, AS, Fondo EI. А в следующем письме, от 17 июля 1935 г.: «L'Enciclopedia avrà ormai certamente già ricevuto il mio articolo rimaneggiato e ridotto. Spero che adesso potrà accontentarLa, benchè, anche così ridotto, oltrepassi sempre ancora lo spazio di 35 colonne assegnatomi. Comunque, ho fatto tutto ciò che mi era possibile, e credo che una trattazione di tutta la storia russa dalle origini ai nostri giorni non possa essere più breve di così [Энциклопедия, очевидно, уже получила мою переработанную и сокращенную статью. Я надеюсь, что сейчас она Вас удовлетворит, даже несмотря на то, что даже в таком сокращенном виде она превышает установленный объем в 35 колонн. В любом случае, я сделал все, что мог и считаю, что изложение всей русской истории от истоков до современности не может быть короче этого]». См.: La lettera di Nicola Ottokar a [Giovanni Gentile], 17–VII 1935 // Ibid.

⁴²⁶ Ottokar N. Breve storia della Russia: linee generali. Bari: Laterza, 1936. В последствии учебник выдержит ещё одно издание. См.: Ibid. Breve storia della Russia: linee generali. Bari: G. Laterza e Figli, 1945. Кроме того, эта работа будет затем переиздана. См.: Ibid. Compendio di storia della Russia. Firenze: Vallecchi, 1950. См. также: Письмо Н.А. Оттокара А.В. Флоровскому, 3–IV 1939 // АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 351. Л. 2.

О том, что книга по истории России имеет своего прямого предшественника в словарной статье говорится в уже цитированном письме Н.П. Оттокара В.В. Вейдле от 1 октября 1935 г.: «Как бы то ни было, дело это имело и некоторые иные последствия. Издательство Laterza (одно из лучших в Италии) предложило мне опубликовать эту статью в un volumetto a sè, на довольно выгодных условиях». См.: Письмо Николая Оттокара Владимиру Вейдле, 1–X 1935 // Weidle papers, Rare Book & Manuscript Library, Columbia University in the City of New York. См. также письмо Дж. Джентиле: «Mi sono messo in comunicazione coll'editore Laterza, il quale mi ha offerto

побудило его взяться за перо: выгодное предложение издательства Laterza или стремление понять исторический путь России и особенно недавнего прошлого, которые вынудили его самого жить на чужбине»⁴²⁷, думается, что в данном случае имеет место быть «государственный заказ» на написание учебника.

Говоря о вопросе взаимоотношениях Н.П. Оттокара и русской эмиграции, мы должны сказать, что историк держался в стороне от организованной деятельности эмигрантов из России, поддерживая личные связи с отдельными ее представителями. Так, в декабре 1923 г. он встречался со своим близким другом, Л.П. Карсавиным, который специально приехал во Флоренцию. Они вместе правят итальянский перевод книги Карсавина «Католичество», которую Н.П. Оттокар намеревался издать в Италии. Л.П. Карсавин вспоминал об этой встрече так: «Он очень обеспокоен здоровьем жены, родившей дочку и уже более месяца лежащей после операции. Меня осуждает за то, что я «дофилософствовался» – «всегда говорил, что философия до добра не доведёт – так и вышло»⁴²⁸. Несколько раз в гости к Н.П. Оттокару приезжает В.В. Вейдле⁴²⁹.

di pubblicare in un volumetto a sè la mia digraziata "Russia". Il volumetto smette intitolato "Linee generali della storia russa", e sarebbe naturalmente assai più esteso della rispettiva voce che si sta pubblicando ora nell'Enciclopedia italiana, specie dopo le riduzioni ed i rimaneggiamenti che avevo dovuto fare recentemente. Però l'editore desidererebbe acquistare la certezza che l'Enciclopedia non avanzerà pretesa alcuna a diritti letterari, dato che inizialmente il lavoro era stato scritto per l'Enciclopedia italiana. Le sarei perciò assai grato, se Ella volesse mandarmi cortesemente una dichiarazione scritta (magari in forma private) in questo senso [Я связался с издательством Латерца, которое мне предложило опубликовать отдельным томом мою несчастную статью «Россия». Небольшая книга заканчивается подзаголовком «Общие тенденции русской истории» и, конечно, она была бы гораздо больше по объему, чем соответствующая статья, которая сейчас издается в Итальянской энциклопедии, особенно после сокращений и изменений, которые мне пришлось недавно сделать. Однако, издатель хотел бы поручить гарантию, что Энциклопедия не будет претендовать ни на какие литературные права, так как работа изначально была написана для Итальянской энциклопедии. Поэтому, я был очень признателен, если бы Вы прислали мне письменное заявление (возможно, частным образом) по этому поводу.]. См.: La lettera di Nicola Ottokar a [Giovanni Gentile], 25–VII 1935 // Fascicolo di Nicola Ottokar, № 1005 / IEI, AS, Fondo EI.

⁴²⁷ Ковалев М.В. Историческая память и идентичность российской эмиграции 1920–1930-х годов. С. 195.

⁴²⁸ Письмо Л.П. Карсавина. Цит. по: Клементьев А.К., Клементьева В.А. Указ. соч. С. 387. В Интернете можно найти фотографию письма супруги Н.П. Оттокара – Антуанетты Оттокар, адресованное Льву Платоновичу Карсавину. Письмо датированно 6–XI 1927. Внизу письма есть несколько строчек, которые принадлежат перу Николай Петровича и адресованы они старому

В воспоминаниях Л. Ивановой, жены Вяч. Иванова есть любопытное свидетельство об Н.П. Оттокаре, которое рисует нам политический портрет учёного той поры. Вообще, надо сказать медиевист не высказывался открыто о ситуации на Родине, поэтому данное свидетельство уникально, ибо иллюстрирует в какой-то степени взгляды на внутрироссийское положение. «Были огромные споры о России со странным участием итальянцев (и ректора, и подесты, и студентов), которые интересуются вопросом о «*crollo dell'impero*»⁴³⁰ (которое утверждает Оттокар и отрицаю я), словно дело идет о чем-то для них непосредственно важном. Я в душе очень было отошел от России, но когда Оттокар в своих двух лекциях о России стал говорить о «*disfatta*», о «*catastrofo*», о «*crollo*»⁴³¹, – ничего, кстати сказать, обидного для русских–небольшевиков, я почему-то почувствовал себя патриотом современной России, вроде истинных советских граждан»⁴³² – писал 9 мая 1927 г. Вяч. Иванов.

Об Н.П. Оттокаре той поры вспоминает и И.Н. Голенищев-Кутузов: «В 20-е годы, когда я работал над книгой о молодости Данте и приезжал в Италию, мы бродили с Оттокаром по улицам и площадям Тосканы, и он неторопливо воскрешал предо мной бурные будни флорентийской республики конца XIII – начала XIV в. Рассказы его были полны такими живыми подробностями и

другу: «*Caro amico, mi madi delle sue notizie! Sento per Lei una grande nostalgia* [Дорогой друг, мне не хватает новостей от тебя. Я испытываю большую ностальгию по тебе]». К сожалению, нам не удалось выявить принадлежность этого письма и атрибутировать его точнее. Больше сведений о пересечении биографических траекторий Н.П. Оттокара и Л.П. Карсавина в нашем распоряжении нет. См.: *La lettera di Antoinette Ottokar a Liev Karsavin, 6–XI/1927* // Личный архив А.И. Ключева.

⁴²⁹ Переписка Н.Н. Берберовой и В.Ф. Ходасевич с Ольгой Ресневич-Синьорелли / Публ. Д. Гаретто // *Русско-итальянский архив IX: Ольга Ресневич-Синьорелли и русская эмиграция: переписка* / Сост. и ред. Э. Гаретто, А. д'Амелия, К. Кумпан, Д. Рицци: В 2 т. Т. 1. Салерно: [б.и.], 2012. С. 136. Сам Н.П. Оттокар вспоминал, что В.В. Вейдле гостил у него в 1932 и 1937 гг. См. также: Письмо Николая Оттокара Владимиру Вейдле, 10–IX 1942 // *Weidle papers*, Rare Book & Manuscript Library, Columbia University in the City of New York.

⁴³⁰ Падение империи (ит.).

⁴³¹ Разгром, катастрофа, упадок (ит.).

⁴³² Иванова Л. Воспоминания. Неизданные письма Вяч. Иванова / Публ. Д.В. Иванова // *Минувшее: исторический альманах*. М.: Прогресс: Феникс, 1991. Вып. 3. С. 71–72.

О политических взглядах Н.П. Оттокара, практически, ничего не известно. Некоторые сведения есть в воспоминаниях С. Дженсини. См.: *Gensini S. Nicola Ottokar fiorentino. Note e ricordi di un ex allievo* P. 73–74.

хранили память о стольких лицах, словно сам он был современником и свидетелем событий, происходивших в те стародавние годы»⁴³³.

Дополняет этот портрет и воспоминания известного русского литератора Бориса Зайцева. «Четыре года назад, – пишет Б. Зайцев – профессор Оттокар, русский историк Флоренции, выходя со мной из отеля моего «*Corona d'Italia*» показывая на один флорентийский дом наискосок, сказал: «В четырнадцатом веке здесь помещался первый совет рабочих депутатов»»⁴³⁴.

При этом, будучи в определенных кругах человеком довольно известным и влиятельным, Н.П. Оттокар хлопотал об улучшении материальных условий жизни эмигрантов. Мы уже писали выше о том, что к написанию словарных статей для «*Enciclopedia italiana*» историк пытался привлечь А.В. Флоровского, Г.В. Вернадского и др.⁴³⁵. Тоже мы можем видеть и в переписке историка с Вяч. Ивановым. В мае 1925 г. Н.П. Оттокар пишет Вяч. Иванову, который проживая в Риме, по всей видимости, столкнулся с определенными проблемами

⁴³³ Голенищев-Кутузов И.Н. Данте в советской культуре // Голенищев-Кутузов И.Н. Творчество Данте и мировая культура. С. 497.

⁴³⁴ Зайцев Б.К. *Studio italiano* // Зайцев Б.К. Странное путешествие / Сост. С. Федянина. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 302.

⁴³⁵ То, что для русских историков гонорары за написание статей являлись существенным подспорьем, свидетельствует хотя бы конфликт, который разгорелся среди историков, прежде всего между С.Л. Волкобруном и П.А. Остроуховым. К примеру, первый из них сетовал в письмах, что ему достается незначительное количество статей, очевидно, после распределения их «заместителем» Г.В. Вернадского в Праге по этому вопросу, а именно П.А. Остроуховым. См.: Письмо Сергея Волкобруна Георгию Вернадскому, 20–X 1927 // *Vernadsky papers*, Rare Book & Manuscript Library, Columbia University in the City of New York. В свою очередь, П.А. Остроухов считал, что С.Л. Волкобрун как единственный среди пражских историков владевший итальянским языком, пытался напрямую выйти на редакцию Энциклопедии, стянув на себя контроль за написанием и распределением статей. См.: Письмо Петра Остроухова Георгию Вернадскому, 30–X 1928 // *Ibid*.

Кстати, сказать, гонорары от Итальянской энциклопедии служили существенным подспорьем и для самого Н.П. Оттокара. Так, к примеру, на первоначальное предложение Дж. Джентиле написать статью по истории России Н.П. Оттокар отклонил, т.к. «*l'argomento essendo piuttosto lontano dal campo dei miei studi* [данный сюжет далек от области моих исследований]». См.: *La lettera di N. Ottokar a [Giovanni Gentile]*, 10–VI 1933 // *Fascicolo di Nicola Ottokar*, № 1005 / IEI, AS, Fondo EI. Впрочем, на следующий день Н.П. Оттокар согласился, см.: *La lettera di N. Ottokar a [Giovanni Gentile]*, 11–VI 1933 // *Ibid*. В одном из писем к В.В. Вейdle Н.П. Оттокар явно указывает на финансовый интерес: «статью для *Enciclopedia italiana* я согласился написать исключительно потому, что она должна занять 35 колонн, другими словами должна дать мне 3 500 лир». См.: Письмо Николая Оттокара Владимиру Вейdle, 16–I 1935 // *Weidle papers*, Rare Book & Manuscript Library, Columbia University in the City of New York.

финансового характера и которому необходимы были источники заработка для содержания семьи: «не хочется верить, что для Вас не нашлось здесь никаких возможностей, хотя бы и скромных, в смысле материальных результатов. [...] Не допускаю мысль, что для Вас с Вашим духовным «капиталом» и Вашим знанием иностранных языков, не нашлось бы других возможностей, кроме преподавания в Баку»⁴³⁶. Переписка Н.П. Оттокара и Вяч. Иванова наполнена разнообразными возможностями, которые находились для последнего. Так, в письме от 12 августа 1925 г. историк пишет: «При Павийском университете имеется весьма старый, солидный и богатый католический Collegio Borgomeo. Во главе его стоит некий padre Riboldi, лицо мне знакомое. Он устраивает лекции для питомцев этого collegio на разные темы, по соглашению с лекторами. Он о Вас знает и будет рад, если Вы согласитесь приехать несколько раз в течение зимы в Павию для прочтения ряда лекций. Обыкновенно к нему приезжают лектора дней на 5-6, и получают за это, кроме оплаты проезда и весьма «decorso» и «signorille» полного содержания в здании самого Collegio Borgomeo, 2000-3000 лир за каждый приезд»⁴³⁷. Ряд писем, датированных 1934–1935 гг. рассказывают нам о попытках Н.П. Оттокара добиться назначения Вяч. Иванова на внештатную должность по кафедре русской литературы во Флорентийском университете, попытку, впрочем, неудачную ввиду отказа министра, вызванной «по всей вероятности, непринадлежностью Вашей к партии»⁴³⁸.

Часто Оттокар помогал эмигрантам получать итальянскую визу, о чем речь идет и в письмах к Владимиру Вейдле⁴³⁹ и переписке других эмигрантов. Кроме

⁴³⁶ См.: Письма Н.П. Оттокара к Вяч. Иванову. С. 513.

⁴³⁷ Там же. С. 514.

⁴³⁸ Там же. С. 519–523. См. также: Переписка В.И. Иванова и О.А. Шор / Пред. А.А. Кондюриной, публ. А.А. Кондюриной, Л.Н. Ивановой, Д. Рицци и А.Б. Шишкина // Русско-итальянский архив III. Вячеслав Иванов – новые материалы. С. 426–428. Последняя фраза, к слову, добавляет уверенности в том, что сам Н.П. Оттокар в партию вступил.

⁴³⁹ «Что же касается до визы, то я на этот счет не предвижу особых затруднений. По моим сведениям, убийство президента Doumer не вызвало в Италии никаких ripercussioni в отношении к русским. Конечно, сошлитесь обязательно на меня в итальянском консульстве. До сих пор мои ручательства за русских всегда приводили к положительным результатам. Я почему-то очень популярен в квестуре. Если бы понадобились еще какие-нибудь специальные меры, сообщите мне об этом, и я сделаю все, что будет нужно». См.: Письмо Николая Оттокара

того, Н.П. Оттокар пытался способствовать дополнительному заработку в Италии своих коллеги: «Ugo Ogetti мне давно не приходилось встречать, но когда его увижу, непременно скажу ему о Вас, и «суггерирую» ему пригласить Вас для сотрудничества в Рап»⁴⁴⁰. Так, например, в письме О. Синьорелли В.Ф. Ходасевич пишет: «Но при хлопотах о визе нужно указать двух лиц, живущих в Италии и лично знающих просителя. В качестве одного из таких он назовет Оттокара»⁴⁴¹. По письмам восстанавливаются отношения Оттокара в Амфитеатровым, Б. Зайцевым, О. Шор, О. Синьорелли, возможно предполагать переписку с Р. Блох, П. Милюковым, М. Ростовцевым, А. Флоровским и др. представителями русской эмиграции.

В частной переписке Вяч. Иванова с А.В. Амфитеатровым прямо указывается на то, что Н.П. Оттокар может оказать содействие. Так в письме из Павии от 12 августа 1932 г. Вяч. Иванов пишет: «Вы бы подождали сразу печатать Вашу работу о святых Франциске и Сергии Радонежском: быть может, осенью прочтете ее в разных местах. Для Флоренции надеюсь на содействие милого Николая Петровича Оттокара – знакомы ли Вы с этим превосходным, а теперь, в качестве ординарного профессора во Флорентийском университете, и немного влиятельным человеком?»⁴⁴².

При этом историка на мероприятия русской эмиграции активно приглашали. Так, например, письма между Вяч. Ивановым и А.В. Амфитеатровым, датированные 1935 г., наполнены размышлениями об организации Пушкинских поминок. Вяч. Иванов настоятельно рекомендует

Владимиру Вейdle, 30–VI 1932 // Weidle papers, Rare Book & Manuscript Library, Columbia University in the City of New York.

⁴⁴⁰ Письмо Николая Оттокара Владимиру Вейdle, 16–I 1935 // Weidle papers, Rare Book & Manuscript Library, Columbia University in the City of New York и др. письма.

⁴⁴¹ В.Ф. Ходасевич – о. Синьорелли // Archivio italo-russo II / A cura di D. Rizzi e A. Shishkin. Salerno: [s.e.], 2002. P. 136. В других письмах встречаем: «Оттокар, с которым мы нежно Вас вспоминаем, шлет Вам сердечный привет». См.: О. Шор – О. Синьорелли // Там же. С. 327. См. также: Письма Н.П. Оттокара (1924–1925) // Archivio russo-italiano IX. Olga Resnevič Signorelli e l'emigrazione russa: corrispondenze / A cura di E. Garetto, A. d'Amelia, K. Kumpan e D. Rizzi. Salerno: [s.e.], 2012. P. 131–134 и др.

⁴⁴² А.В. Амфитеатров и В.И. Иванов. Переписка / Предисл. и публ. Дж. Малмстада // Минувшее: исторический альманах. М.: Прогресс: Феникс, 1997. Вып. 22. С. 516.

включить в число участников Н. П. Оттокара, в ответ на что А.В. Амфитеатров пишет: «О Н.П. Оттокаре прошу в особенности, – я его не знаю, а, между тем, из Парижа тоже в особенности о нем просят, равно как и о Lo Gatto»⁴⁴³. Неизвестно, правда, принимал ли действительно Н.П. Оттокар участие в подобного рода мероприятиях. Общее положение наталкивает на мысль о том, что нет.

Вопрос о взаимоотношениях Н.П. Оттокара и русской эмиграции, неизбежно поднимает вопрос об «евразийстве» историка. Тем более, что в уже цитированных письмах Оттокара, адресованных П.П. Сувчинскому, первый недвусмысленно заявляет о своих симпатиях евразийскому движению⁴⁴⁴. Вопрос тем более имеет смысл, что Оттокар активно общался и имел переписку с некоторыми представителями евразийского движения, такими как В.Г. Вернадский. Данный вопрос, несмотря на то, что в самом общем виде, уже ставился в научно-исследовательской литературе⁴⁴⁵, все еще ждет отдельного и целостного исследования. Как показал в своем недавнем исследовании Л. Пуббличчи⁴⁴⁶, в работах по истории России явно присутствуют отсылки к евразийскому движению. При этом, вопрос, конечно же, выглядит несколько сложнее, чем кажется на первый взгляд и сами по себе «высказывания в духе евразийства» еще не свидетельствуют о принятии евразийской идеологии. При ответе на этот вопрос гораздо важнее попытаться понять, как и почему Оттокар пришел к истории России и стал о ней писать. А, во-вторых, попытаться понять, насколько написанное об истории России Оттокаром является продуктом

⁴⁴³ Там же. С. 524–528.

⁴⁴⁴ См. напр.: «Вы спрашиваете, как мне вообще нравится Ваша газета. Я далеко не во всем согласен с евразийством, но, тем не менее, считаю, что евразийцы – единственные люди, а «Евразия» – единственная газета, которые говорят человеческим языком о русской революции и о многих других вещах, с этим связанных». См.: Ермишин О.Т. Указ. соч. С. 141. «Евразийский же орган кажется мне единственным местом, где о таких вещах можно писать без шор всяких предвзятостей и словесных принципов, столь дорогих нашим соотечественникам». Там же. С. 137–138.

⁴⁴⁵ См.: Pubblica L. Nikolaj P. Ottokar *zarubežom*. Riflessioni a margine dell'emigrazione russa in Europa all'inizio del Novecento // Nicola Ottokar storico del Medioevo. P. 11–23.

⁴⁴⁶ Pubblica L. Nicola Ottokar e la storia della Russia. L'eurasismo nella riflessione storica di un medievista *eterodoso* // Annali dell'Istituto Orientale. 2021. Данная статья написана в 2020 г. и еще не опубликована. Пользуясь случаем, хотелось бы выразить благодарность Лоренцо Пуббличчи за возможность познакомиться с текстом статьи.

собственного осмысления, а не компилятивного переноса тех или иных идей. Тем более, что в своих статьях по истории России (прежде всего статье, опубликованной в Итальянской энциклопедии), на труды евразийцев не ссылается и не указывает их в библиографии. В самом общем виде, можно подчеркнуть, что настоящим евразийцем Оттокар никогда не был. Вероятнее всего, общее отношение к этому движению было точно таким же, как и к любой другой теории, претендующей на генерализацию, весьма настороженным, что, впрочем, не мешало ему по ряду сюжетов русской истории высказываться в евразийском ключе (вполне возможно, в не до конца отрефлексированном ключе).

Зимой 1931 года⁴⁴⁷, через несколько месяцев после того, как Н.П. Оттокар выиграл конкурс на кафедру средневековой истории, произошло событие, в результате которого он едва не погиб. «Я проболел 5 месяцев и доктора в начале болезни и после, во время новой «*ricaduta*»⁴⁴⁸ в марте-апреле, не питали никакой надежды на моё выздоровление», – вспоминал впоследствии Оттокар в письме В.В. Вейдле. – [...] Было у меня, собственно, просто отравление угольным газом, но отравление сильнейшее, от которого люди обыкновенно действительно отправляются на тот свет»⁴⁴⁹.

Трудно сказать почему, но Н.П. Оттокар и его супруга София-Антуанетта и их дочь жили по отдельности: историк в Италии, а семья в США⁴⁵⁰. Возможно,

⁴⁴⁷ В своей статье А.К. и В.А. Клементьевы указывают о том, что «в конце 1931 г. Николай Петрович едва не погиб». См.: Клементьев А. К., Клементьева В. А. Указ. соч. С. 390–391. Авторы статьи далее цитируют письмо Н.П. Оттокара В.В. Вейдле от 22 апреля 1932 г., в котором тот пишет, что отравление с ним случилось «через два-три месяца после того, как я «*ho vinto il concorso*» per la cattedra di storia medioevale» («я выиграл конкурс» на кафедру средневековой истории»). См.: Письмо Николая Оттокара Владимиру Вейдле, 22–IV 1932 // Weidle papers, Rare Book & Manuscript Library, Columbia University in the City of New York. Однако назначение Н.П. Оттокара на кафедру случилось 1 декабря 1930 г., что означает, что болезнь настигла историка к концу зимы 1931 г.

⁴⁴⁸ Рецидив (ит.).

⁴⁴⁹ Письмо Николая Оттокара Владимиру Вейдле, 22–IV 1932 // Weidle papers, Rare Book & Manuscript Library, Columbia University in the City of New York.

⁴⁵⁰ В 1929 г. Н.П. Оттокар пишет Г.В. Вернадскому: «А как идет жизнь Нины Владимировны? Моя жена, которая живет в Нью-Йорке, тоже поет и увлекается музыкой. Если Вы будете в Нью-Йорке (т.е., собственно, в Бруклине), и зайдете к ней, Вы доставите ей большое

это связано с неопределенным положением ученого в Италии до 1930 г. Тем не менее, эпизод с отравлением способствовал воссоединению семьи. «Сестра оставалась здесь до осени, а жена с дочерью окончательно поселились здесь со мной. Мы взяли хорошую квартиру (с центральным отоплением), что после прошлогоднего опыта для меня абсолютно необходимо, и живем теперь здесь все вместе. Обзавелись хорошей старой мебелью (мои старые увлечения снова возродились)»⁴⁵¹.

Об ученом 1930-х гг. вспоминает С. Дженсини: «В эти годы Оттокар получил признание, сначала став членом-корреспондентом, а потом и почетным членом Академии наук и литературы «La Colombaria», был членом *Deputazione di Storia Patria per la Toscana*, т.к. сотрудничал с «*Archivio storico italiano*», а также являлся членом Гуманитарной академии г. Сегед (Венгрия). Кроме того, он был включен в светскую жизнь Флоренции: у него было свое место в Городском театре, в зависимости от сезона он брал чай или пиво в кафе *Paszkowski* или в *Guibbe Rosse*, не презирал игру в бридж. И, конечно, он был завсегдатаем Национальной библиотеки и особенно Государственного архива, где он также договаривался о встречах с учениками и коллегами, которые проходили в приятных беседах»⁴⁵².

По мнению все того же С. Дженсини, все изменилось 10 мая 1940 г., когда произошел трагический дорожный инцидент, в котором погибла дочь историка Нина, а буквально через несколько месяцев, от болезни сердца умерла и супруга — София-Антуанетта⁴⁵³. В письме от 1 ноября 1940 г. ученый писал Вяч. Иванову: «К сожалению, другие мои *preoccupazioni*⁴⁵⁴ не только не исчезли, а, напротив, как будто бы даже обострились. Говорю, конечно, о болезни жены. [...]».

удовольствие». См.: Письмо Николая Оттокара Георгию Вернадскому, 10–VIII 1929 // Vernadsky Paper, Rare Book & Manuscript Library, Columbia University in the City of New York.

⁴⁵¹ Письмо Николая Оттокара Владимиру Вейдле, 22–IV 1932 // Weidle papers, Rare Book & Manuscript Library, Columbia University in the City of New York.

⁴⁵² Gensini S. Nicola Ottokar *fiorentino*. Note e ricordi di un ex allievo. P. 74.

⁴⁵³ Ibid. P. 74–75. См. также: Талалай М. Г. Русский некрополь в Италии. С. 534–535.

⁴⁵⁴ Заботы (ит.).

Конечно, я надеюсь, что Desio несколько переборщил в своем пессимизме, но, с другой стороны, постоянные боли, и, особенно невероятная слабость жены, не обещают ничего утешительного»⁴⁵⁵.

Впоследствии Н.П. Оттокар сам часто болел, ослаб физически и духовно. По словам С. Дженсини, в эти годы ученый стал «лишь тенью блистательного синьора», а «его лекции стали не регулярными и расписание встреч со студентами часто менялось»⁴⁵⁶.

Годы войны историк провел во Флоренции. В марте 1946 г. он делится своими военными переживаниями: «Мало сравнительно пострадал от всяких невзгод и я лично. В течение периода бомбардировок я оставался во Флоренции, в своей квартире, и не разу не спускался... хотя вокруг меня много домов оказались разрушенными (я живу в сравнительно опасной зоне), у меня всё обошлось благополучно. Материальные разрушения в моей квартире ограничились тем, что лопнуло три стекла [...]. Остальное все на месте.

Но если я лично пострадал мало, сердце болит, когда видишь, что сделали с моей Флоренцией немцы. Не только все места... но и вся зона, прилегающая к Арно, совершенно разрушена и не существует более здесь живописных и привлекательных уголков старой Флоренции [...] Я ездил прошлым летом в Рим и в Неаполь, и видел немало пострадавших от войны городов и местностей, но по моему впечатлению, ни один город Италии не потерпел таких потерь, как Флоренция. Музеи здешние еще открыты. Но по точным имеющимся у меня сведениям, большую часть увезенных немцами художественных сокровищ удалось спасти и вернуть во Флоренцию»⁴⁵⁷.

Все эти годы медиевист продолжал работать в университете Флоренции в качестве штатного профессора по средневековой истории, вплоть до академического года 1953–54, который стал для него последним в этой

⁴⁵⁵ Письма Н.П. Оттокара к Вяч. Иванову. С. 525. См. также: Письмо Н.П. Оттокара В.В. Вейdle, 19–XI 1940 // Weidle papers, Rare Book & Manuscript Library, Columbia University in the City of New York.

⁴⁵⁶ Gensini S. Nicola Ottokar *fiorentino*. Note e ricordi di un ex allievo. P. 75.

⁴⁵⁷ Письмо Николая Оттокара Владимиру Вейdle, 6–III 1946 // Weidle papers, Rare Book & Manuscript Library, Columbia University in the City of New York.

должности⁴⁵⁸. Сменил его на этом посту Эрнесто Сестан. Незадолго до этого, в 1951–52 гг. Н.П. Оттокару также поручили внештатную лектуру по кафедре русского языка и литературы⁴⁵⁹.

Последние годы жизни ученого были заполнены второй свадьбой⁴⁶⁰, усыновлением маленького Энцо, а также принятием католичества⁴⁶¹, чего его сестра ему не могла простить⁴⁶².

27 января 1952 г. во флорентийской газете «Il Mattino» вышла заметка С. Норчи «Невозмутимый профессор Оттокар»⁴⁶³. Автор вспоминает о первой встрече с историком на лекции, когда учёный отменил её, сославшись на сильную зубную боль. Вспоминает автор и о том, что именно поразило его в Н.П. Оттокаре-преподавателе: «Прежде всего поражает глубокий тон его голоса, слегка

⁴⁵⁸ Marrassini P. Op. cit. P. 111. См. также письмо Н.П. Оттокара, адресованное Э. Сестану от 12–VII 1954: «avrai già certamente saputo che nell'ultima adunanza della Facoltà (il 10 luglio u.s.) abbiamo deciso all'unanimità il tuo trasferimento alla mia cattedra [Ты уже наверняка знаешь, что на последнем заседании факультета (в июле), мы приняли единогласное решение о твоём переводе на мою кафедру]». См.: La lettera di Nicola Ottokar ad Ernesto Sestan, 12–VII 1954 // Fondo Ernesto Sestan, CASNS.

⁴⁵⁹ Marrassini P. Op. cit. P. 105–106.

⁴⁶⁰ Краткие сведения о второй жене Н.П. Оттокара, см.: Талалай М.Г. Русский некрополь. С. 534. Согласно акту крещения Н.П. Оттокара, брак был заключен 30 июня 1952 г. в церкви св. Франческо. См.: Atto di battesimo di Nicola Ottokar, № 79 // Archivio storico arcivescovile di Firenze.

⁴⁶¹ О принятии католичества Н.П. Оттокаром практически ничего в литературе не говорится, кроме самого факта. В материалах церкви св. Франческо, нам удалось найти акт крещения Николая Оттокара, где стоит дата крещения 29 января 1953 и дата конфирмации – 31 января 1953. См.: Atto di battesimo di Nicola Ottokar, № 79 // Archivio storico arcivescovile di Firenze. Об этом же событии идет речь в недатированной открытке, отправленной Н.П. Оттокаром Николло Родолико: «Sono lieto di comunicarTi che sto facendomi cattolico. Il 29 gennaio (giovedì) alle ore 9 avrà luogo a S[an] Francesco in Piazza Savonarola la mia confessione, la Comunione e il Battesimo. Il sabato 31–I alle ore 12 nel Palazzo arcivescovile mi sarà impartita la Cresima dal cardinale arcivescovo in persona. Lo stesso giorno (sabato) verso le ore 14.30 avrà luogo a casa mia un festeggiamento sull'avvenimento con un modesto rinfresco alla presenza di alcuni amici. Spero che vorrai onorarmi colla tua presenza in chiesa il 29–I e a casa mia il 31–I [Рад сообщить тебе, что я становлюсь католиком. 29 января (четверг) в 9 утра состоится мое исповедание, причастие и крещение в Сан Франческо на площади Савонаролы. В субботу 31-го в 12 часов во Дворце архиепископа я получу конфирмацию от самого кардинала – епископа. В тот же самый день (суббота) около 14.30 у меня дома состоится празднование этого события со скромными закусками в присутствии друзей. Я надеюсь, что ты удостоишь меня чести своим присутствием в церкви 29 января и у меня дома 31 января]». См.: Biglietto di visita [1953] // Carteggio Rodolico. Biblioteca Riccardiana. Крестным отцом выступил мэр Флоренции Джорджо Ла Пира, известный общественный и политический деятель. См.: Талалай М.Г. Профессор Николай Оттокар.

⁴⁶² Gensini S. Nicola Ottokar *fiorentino*. Note e ricordi di un ex allievo. P. 76.

⁴⁶³ Norci S. L'imperturbabile professore Ottokar // Nicola Ottokar storico del medioevo. P. 131–133.

экзотический акцент, паузы, которые он делает для того, чтобы найти более подходящее слово для того что бы выразить мнение»⁴⁶⁴. Восхищается автор знанием иностранных языков: «Он большой знаток пяти или шести языков; может переходить с одного на другой без изменения в тоне голоса»⁴⁶⁵. Не ускользает от внимания и особый обряд курения, который так восхищал современников, и в этой связи автор заметки вспоминает о весьма занятном случае, который произошёл с одной девушкой на экзамене по средневековой истории у Н.П. Оттокара. Однако, прежде нужно вспомнить сам обряд. Вот что пишет С. Норчи: «Это очень важное мероприятие, которое требует некоторого количества определённых, всегда одинаковых действий: своего рода обряд. Прежде всего, профессор достаёт портсигар, аккуратно выбирает сигарету и кладёт её на рабочий стол или на наиболее близкую опору. Затем, из кармана жилета, он достаёт мундштук, подносит его к глазу и смотрит вовнутрь, для того, чтобы убедиться, что он не засорился; дует внутрь для большей уверенности, затем вставляет туда сигарету и зажигает её, глубоко вдыхая. Пока курит, окутанный белым облаком, он остаётся сосредоточенным, как иностранец в окружающем мире; если он в компании, он обязательно сводит к минимуму своё участие в общей беседе. Закончив курить, он достаёт из кармана маленькое орудие, с помощью которого освобождает мундштук от окурка; затем приступает к новой аккуратной чистке мундштука, дуя внутрь несколько раз и смотря в него против света. Возвратив мундштук в обычный карман, без какого-либо резкого перехода, вновь возвращается в мир и к беседе»⁴⁶⁶. Вернёмся теперь к заявленному выше случаю. «В тот момент, когда он курит, он не слушает». Именно этим советом однокурсника попыталась воспользоваться студентка, отвечая на вопрос о «Примо Пополо», принявшись выдумывать, «до тех пор, пока сигарета не закончилась». После чего Оттокар «сердечно улыбнулся девушке ... и со счастливым выражением лица начал говорить: «В своём изложении Вы сделали много ошибок, я бы даже сказал очень много. Можно прямо заключить, что нет абсолютно ничего достоверного» в том, что она рассказывала.

⁴⁶⁴ Ibid. P. 131.

⁴⁶⁵ Ibid. P. 132.

⁴⁶⁶ Ibid. P. 132–133.

После чего принялся исправлять пункт за пунктом ответ нерадивой студентки, а затем «без малейшего тона неприязни» отпустил её. Студентка, естественно, экзамен провалила⁴⁶⁷.

Н.П. Оттокар умер в 1957 г., в ночь с 17 на 18 сентября, в возрасте 73 лет, в своем доме на Via della Robbia, в своей любимой Флоренции. Похороны проходили в церкви Святого Марко, без всякого официоза. Ректорат и сотрудники факультета пришли проводить историка в последний путь. Похоронен он был евангелическом кладбище Аллори на Сиенской улице, рядом с дочерью и супругой. На надгробной плите написано: «nobile russo / professore / di storia mediovale / nell'università di Firenze / russo di origine / fiorentino di elezione / l'una patria e l'altra onore / col magistero della scienza»⁴⁶⁸. По случаю смерти историка в нескольких итальянских газетах вышли некрологи, в которых отмечались заслуги и достижения историка; Н.П. Оттокар фигурировал в них «una delle più note figure del mondo culturale fiorentino» (одна из самых известных фигур культурного мира Флоренции)⁴⁶⁹.

Флорентийская коммуна, резолюцией от 15 октября 1996 г. № 4107/3493, наряду с другими историками, посвятила Н. П. Оттокару одну из улиц города: Via Nicola Ottokar⁴⁷⁰.

Не будет преувеличением сказать, что пример Н.П. Оттокара являет нам интересный вариант развития научной карьеры отечественного исследователя первой половины XX в., соединяющий в себе как вполне типичные, так и в значительной степени уникальные черты, и является результатом не только

⁴⁶⁷ Ibid. P. 133.

⁴⁶⁸ См.: Gensini S. Nicola Ottokar *fiorentino*. Note e ricordi di un ex allievo. P. 77. Перевод эпитафии: «Русский дворянин, профессор средневековой истории Флорентийского университета, русский по происхождению, флорентиец по выбору, и та и другая родина почтили его как магистра науки». См.: Талалай М.Г. Русский некрополь. С. 535.

⁴⁶⁹ См.: Il fondo di Ugo Ojetti. Galleria nazionale d'arte moderna e contemporanea. Судя по личному делу Н.П. Оттокара во Флорентийском университете, смерть Оттокара действительно стала событием. В личном деле сохранилось более 20 писем, в которых различные университеты Италии выражали свои соболезнования в связи с кончиной профессора. См.: Fasc. Nicola Ottokar // Archivio storico e deposito, Università degli Studi di Firenze.

⁴⁷⁰ Ibid. P. 77. В этом же районе города находятся улица Антонио Анцилотти (Via Antonio Anzilotti) и Эрнесто Сестана (Via Ernesto Sestan), которые объединены с Via Nicola Ottokar небольшой парковой зоной.

целого ряда целенаправленных шагов исследователя, но и определенного стечения обстоятельств. Так, первые вехи его научной биографии вполне традиционны для исследователя, специализирующегося в области всеобщей истории, в Российской империи первого десятилетия XX в.: обучение в Петербургском университете, продолжение научных занятий в качестве оставленного при кафедре, командировка во Флоренцию с целью работы в библиотеках и архивах, получение должности приват-доцента Петербургского университета, переезд в Пермь для чтения лекций во вновь открывшемся университете как шаг в эволюции карьеры. При этом, в отличие от своих коллег, в том числе и от своего учителя И.М. Гревса или близкого друга Л.П. Карсавина, Н.П. Оттокар в условиях культурного перелома остается верен выбранному им пути историка Флоренции. Л.П. Карсавин углубляется в философию, И.М. Гревс пишет работы о творчестве И.С. Тургенева, переводит западных писателей, занимается краеведением⁴⁷¹. Н.П. Оттокар, переехав в Италию, едва ли не первым делом заканчивает свой капитальный труд по истории Флоренции эпохи Дуэченто и продолжает работать почти исключительно как медиевист.

Русский эмигрант, оказавшийся за границей в тридцатипятилетнем возрасте, смог построить успешную карьеру во Флорентийском университете, читая курсы, связанные с итальянской историей. Подобный пример, оказывающийся отнюдь не типичным для того времени, заставляет современного исследователя поставить целый ряд вопросов, связанных с определением причин подобного успеха. Так случилось, что не многим блестящим ученым, покинувшим Россию в годы революции и последующих событий удалось реализовать свой потенциал исследователя в стране-реципиенте, чаще всего им приходилось отказываться от предмета своих изысканий и искать источники заработка, подрабатывая переводами, дополняя это статьями по истории России в эмигрантских газетах и журналах. Очевидно, что одним из главных условий успеха Н.П. Оттокара в Италии являются собственно его научные заслуги: именно ему удалось создать одну из самых значительных работ по истории Флоренции,

⁴⁷¹ См. об этом: Свешников А.В. Петербургская школа медиевистов. С. 55–60.

определив, во многом (наряду с Г. Сальвемини) развитие итальянской историографии в XX в. Современный историк, специалист по истории города, прямо называет его «mostro sacro»⁴⁷² флорентийской историографии⁴⁷³.

Нельзя исключать и еще двух факторов. Нужно признать, что приход к власти в Италии фашистов оказался на руку русскому историку-эмигранту. Конечно, в других условиях Н.П. Оттокар написал бы свою книгу, опубликовал бы ее, и очевидно, был бы значимой фигурой в итальянской историографии. Но нельзя со стопроцентной уверенностью сказать, получил бы он место в университете и занял бы кафедру средневековой истории, на которой в итоге проработает четверть века. Увольнение Г. Сальвемини дало шанс историку, который, благодаря своим научным заслугам с успехом им воспользовался.

Конечно, сыграли свою роль и «необходимые знакомства» Оттокара с политической элитой во время фашистской диктатуры в Италии. Все те люди, которые, как мы видели по письмам историка, были, как правило, известными политическими деятелями, имели вес в научном мире, что обеспечило продвижение историка по институциональной и карьерной лестнице в Италии.

Нужно также сказать и о том, что историк вряд ли получил бы кафедру, если бы вел активную политическую деятельность. Активный борец с фашизмом Г. Сальвемини был выдворен из страны. Очевидно, что подобная судьба ждала бы и Н.П. Оттокара. Черты характера (закрытость) и продуманные действия сыграли свою роль: не высказывая своих политических пристрастий и сохраняя видимую нейтральность, ученый в то же время проявляет лояльность режиму, получает партийный билет, работает с историками «от режима».

⁴⁷² Священный монстр (досл. с ит.).

⁴⁷³ Письмо Энрико Фаини Артему Ключеву от 29.08.2014 г. (личный архив).

Глава 2. Историческая концепция Н.П. Оттокара

Научная карьера историка определяет степень его самореализации, тесно связана с перипетиями его личной жизни, ее анализ позволяет определить место учёного в различных сообществах – в научной, образовательной, политической, общекультурной среде. Тем не менее, для самого историка – если он мыслит себя служителем науки, а не исключительно карьеристом (явление в чистом виде все-таки редкое в научных кругах) – его личные успехи и неудачи являются лишь преамбулой к собственным научным достижениям. Успех ученого оценивается им самим, его современниками и последующими поколениями не столько по формальным признакам публикации книг и статей, членстве в академиях или руководству образовательными структурами, сколько по влиятельности его идей и концепций, их научной востребованности, которая выражается в полемике с ними и в их рецепции. При этом важно указать, что идеи и концепции ученого имеют собственную динамику развития, не во всем идентичную этапам научной карьеры, и для того, чтобы их можно было доказательно сопоставить, в выяснении идейной эволюции логичнее сначала идти «от источника», то есть, пойти по иному пути организации исследования, соответствующей логике анализа борьбы и преемственности идей: от понимания научного контекста появления концепции через уяснение методологических взглядов автора и основных его идей (тесно связанных с формой, в которой он представлял основные свои труды) к их влиянию на современников и последующие поколения.

Именно этими соображениями мы руководствовались, выделяя анализ научной концепции Н.П. Оттокара в отдельную главу.

2.1. Научный контекст появления концепции: средневековый европейский город в историографии конца XIX – начала XX вв.

Начало творческого пути Н.П. Оттокара пришлось на первые десятилетия XX в., когда отечественная историческая наука, по справедливому утверждению ряда современных исследователей, уделяла вопросам средневековой урбанистики

сравнительно мало внимания. Так, по словам А.В. Хрякова, «господствовавшее в русской медиевистике социально-экономическое направление основное внимание уделяло аграрной истории, средневековой общине и крестьянству», а первые работы, освещавшие собственно городскую историю, в пространстве российской науки появились лишь в 1910-е гг. и носили историографический характер⁴⁷⁴. С подобным утверждением во многом оказывается согласна Е.Ю. Полховская, по мысли которой, в конце XIX – 10-е гг. XX вв. в отечественной науке произошло только лишь «зарождение российской урбанистики»⁴⁷⁵. По ее словам, именно в этот период в Российской империи, с одной стороны, появились «многочисленные работы по некоторым проблемам истории средневекового города, большинство которых было выполнено в традициях социально-экономического направления в позитивизме», а, с другой, был обобщен «опыт зарубежной историографии того времени»⁴⁷⁶. Во многом соглашаясь с подобными выводами и подчеркивая, что ориентация на изучение аграрных проблем была характерна и для других областей отечественной исторической науки начала XX в., что, по словам Н.И. Кареева, объяснялось «социальным заказом» пореформенной России⁴⁷⁷, мы, тем не менее, не можем не отметить появления городской проблематики в учебных и научно-популярных работах отечественных ученых того времени⁴⁷⁸. И хотя представленные в них сведения сложно назвать

⁴⁷⁴ Хряков А.В. Происхождение средневекового города: развитие отечественной медиевистики в свете одной проблемы // Исторический ежегодник. 1997. Омск: Изд. Ом. гос. ун-та, 1998. С. 77. Мнение А.В. Хрякова о преимущественном внимании отечественных медиевистов к аграрным вопросам на примере итальянского материала подтверждает В.И. Рутенбург, отмечая, что со стороны И.В. Лучицкого и М.М. Ковалевского виден интерес к итальянской общине и итальянской деревне. См.: Рутенбург В.И. Русские медиевисты об Италии // Объединение Италии: сто лет борьбы за независимость и демократию. С. 156, 162–163.

⁴⁷⁵ Полховская Е.Ю. Основные теоретические и методологические подходы к истории европейского города в отечественной медиевистике XX века. С. 176.

⁴⁷⁶ Там же.

⁴⁷⁷ Кареев Н.И. Французская революция в марксистской историографии в России / вступл. и публ. Д.А. Ростиславлева // Великая французская революция и Россия. М.: Прогресс, 1989. С. 198.

⁴⁷⁸ См., напр.: Дживелегов А.К. Средневековые города в Западной Европе. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1902; Бондаренко И.М. Английский город в средние века. Критическая оценка главнейших теорий происхождения городской организации на основании данных по истории возникновения городов в Англии. Одесса: "Экон." тип., 1904; Иванов К.А. Средневековый город и его обитатели. СПб.: Петербургский учебный магазин, 1909. Изд. 3-е и др.

оригинальными, они все же вводили русскоязычного читателя в урбанистическую проблематику. Этой же цели служили переводные труды зарубежных специалистов, появлявшиеся в начале XX в. на русском языке и нередко снабжаемые необходимыми предисловиями, выполнявшими преимущественно функции историографического обзора⁴⁷⁹.

Однако если отечественная средневековая урбанистика рубежа XIX–XX вв. только делала первые шаги в изучении европейских средневековых городов, то зарубежная традиция осмысления данного феномена к тому времени насчитывала уже несколько столетий. Если мы обратимся к историографии средневековой итальянской городской истории, то придется признать, что первые попытки осмыслить события, происходящие в городах Апеннинского полуострова, появляются еще в трудах хронистов эпохи Средневековья. Историю одной только Флоренции интересующего нас периода (конца XIII в.) в своих хрониках запечатлели Дино Компаньи, Джованни Виллани⁴⁸⁰ и многие другие. Следы той эпохи зафиксированы, и в трудах деятелей того времени, которые хронистами не являлись – например, Данте Алигьери⁴⁸¹.

В эпоху Возрождения место хронистов заняли гуманисты, также попытавшиеся осмыслить события истории итальянских городов. В 1453 г. был закончен труд Флавио Бьондо – «Описание Италии по районам и провинциям»,

⁴⁷⁹ См. напр.: Белов Г. фон Городской строй и городская жизнь средневековой Германии / предисл. Д.М. Петрушевского. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1912.

⁴⁸⁰ См.: Компаньи Дино. Хроника событий, случивших в его время / Пер. с итал., статья, примечания М.А. Юсима. М.: «Канон+» РОИИ «Реабилитация», 2015. См. также о Дино Компаньи: Ямпольская А.В. "Хроника" Дино Компаньи: автор и его персонажи // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. 2007. № 3 (9). С. 121–139; Юсим М.А. Хроника флорентийских смут на пороге Нового времени (Дино Компаньи) // Электронный научно-образовательный журнал "История". 2016. № 6 (50). С. 7; Баткин Л.М. Хроника Дино Компаньи или притча Данте Алигьери? // Средние века. Вып. XVII. М.: Наука, 1960. С. 374–387.

См. также: Виллани Дж. Новая хроника, или История Флоренции. М.: Наука, 1997. Особенно: Юсим М.А. Джованни Виллани – первый историк Флоренции // Там же. С. 467–481. Значение этих двух источников настолько велико, что без них не обходится ни одна работа по истории Италии конца XIII века.

⁴⁸¹ Гревс И.М. Данте Алигьери, мировой поэт и учитель жизни (опыт истории личной души) // СПФ АРАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 211. Так же см.: Он же. Кровавая свадьба Буондельмонте. Жизнь итальянского города в XIII в. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1925. См. также: Баткин Л.М. Данте и его время. Поэт и политика. М.: Наука, 1965.

первые двенадцать книг которого были посвящены эпохе средневековья⁴⁸². Ф. Бьондо хотя и попытался написать фундированный труд, привлекая как можно больше источников и стремясь проводить их проверку на подлинность и достоверность, все же преследовал вполне конкретную задачу – он хотел показать преемственность между своей эпохой и Древним Римом, величие которого было забыто в Средние века. В рамках схожей традиции была выполнена и работа Карло Сигонио, сосредоточившего свое внимание на истории политических институций средневековой эпохи. Попытки найти в истории политический урок мы одновременно встречаем и в трудах гуманистов «политико-риторической» школы, попытавшихся отыскать в прошлом «рецепты» политической деятельности, пригодные для современных им условий⁴⁸³. Именно в таком контексте, в частности, городская история интересовала Николо Макиавелли, запечатлевшего в своей «Истории Флоренции» «естественный ход вещей» – «вражду между знатью и народом»⁴⁸⁴.

Свой вклад в изучение средневековой городской истории внести эрудиты, усилиями которых были собраны и изданы многочисленные тома исторических документов. Среди представителей эрудитской школы XVII–XVIII вв. следует выделить Л. Муратори (1672–1750). Вдохновленный трудом Ж. Мабильона, в 1723–1738 гг. он подготовил многотомное издание, в котором были собраны документы, касающиеся истории Италии⁴⁸⁵. Л. Муратори также являлся автором

⁴⁸² См. подробнее: Косминский Е.А. Историография средних веков. V в. – середина XIX в. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1963. С. 76–78.

⁴⁸³ Косминский Е.А. Указ. соч. С. 55–75. См. особенно: Макиавелли Н. История Флоренции / Пер. Н.Я. Рыковой. Общ. ред., послесл. и комм. В.И. Рутенбурга. 2-е изд. М.: Наука, 1987. Из многочисленных работ Фр. Гвиччардини на русский переведено довольно много, но не переведена «История Флоренции». Впрочем, исторический метод Фр. Гвиччардини прекрасно иллюстрирует его «История Италии», переведенная на русский язык М.А. Юсимом. См.: Гвиччардини Фр. История Италии: в 2 т. / Пер. в ит. М.А. Юсима. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2018. Т. 1–2. Литературы на русском языке о Н. Макиавелли и Фр. Гвиччардини много, но особенно отметим из последних: Юсим М.А. Франческо Гвиччардини – от «Истории Флоренции» к «Истории Италии» // Новая и новейшая история. 2018. № 4. С. 3–14.

⁴⁸⁴ См.: Макиавелли Н. История Флоренции. С. 7–9, и применительно к событиям во Флоренции, С. 62–63.

⁴⁸⁵ См. раздел книги Е.А. Косминского, посвященный эрудитам: Косминский Е.А. Указ. соч. С. 118–135, про эрудитов Италии: Там же. С. 133–135. О Л. Муратори см. также: Бокарева О.Б. Создание вспомогательных исторических дисциплин в европейской науке Нового времени

шеститомной «*Antiquitates italicae medii aevi*» (Средневековые древности Италии), которая содержала ряд очерков об институтах и жизни средневековых итальянских городов, снабженных пространными цитатами из хроник и других документов⁴⁸⁶. Позднее Л. Муратори даже предпринял попытку опубликовать «*Annali d'Italia*», первые девять томов которых были посвящены непосредственно истории V–XV вв. и преследовали целью установить точную хронологию итальянской средневековой истории. К числу эрудитов принадлежал монах ордена кармелитов Ильдефонсо ди Сан Луиджи (Ildefonso di San Luigi, 1724–1792), опубликовавший в 1770–1789 гг. 25 томов «*Delizie degli eruditi toscani*» (Удовольствия тосканских эрудитов), на страницах которых были собраны хроники и различные тексты на народных языках, сопровождавшиеся комментариями составителя⁴⁸⁷.

Следующий шаг от собирания «исторических фактов» к их осмыслению в отношении средневековой итальянской городской истории сделал швейцарский историк из Женевы Ж.-Ш. Сисмонди (1773–1842). В своей многотомной работе «*Histoire des républiques italiennes du moyen âge*», изданной впервые во Франции, он говорил о расцвете итальянских общин в XII в. и объяснял это не «энергией», а, в духе идей Просвещения, любовью горожан к свободе, открывшей перед ними возможности для развития народного хозяйства и коммерции и, соответственно, заложившей истоки «цивилизации»⁴⁸⁸.

Однако, все же в пространстве *исторической науки* проблема средневекового города, как утверждала А.Л. Ястребицкая, была поставлена (как

(Л. Валла, Ж. Мабильон, Б. Монфокон, А. Муратори) // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 8. С. 11–18.

⁴⁸⁶ Muratori L.A. *Antiquitates Italicae medii aevi*. Mediolani: Typ. Societatis palatinae, 1738–1742. V. 1-6.

⁴⁸⁷ См.: Tanzini L. Ildefonso di San Luigi // *Storia di Firenze. Il portale per la storia della città* [Электронный ресурс] URL: <https://www.storiadifirenze.org/?storici=ildefonso-di-san-luigi> (дата обращения: 25.12.2019). См. также: Краснова И.А. История издания флорентийских семейных книг в XVIII–XX вв. // *Вспомогательные исторические дисциплины*. 2017. Т. XXXVI. № 36. С. 284–285.

⁴⁸⁸ Ж.-Ш. Сисмонди известен, прежде всего, как экономист. См. Покидченко М.Г. СИСМОНДИ (Sismondi) Жан Шарль Леонар Симонд де // *Большая российская энциклопедия* [Электронный ресурс] URL: <https://bigenc.ru/economics/text/3666361> (дата обращения: 25.12.2019).

проблема политическая!) только в начале XIX вв. французскими историками периода Реставрации О. Тьерри и Ф. Гизо, стремившимися «противопоставить город феодальному сословию»⁴⁸⁹. Находясь под влиянием наследия недавней революции и испытав на себе воздействие так называемой расовой теории⁴⁹⁰, сторонники которой полагали, что каждая существующая нация имеет свой врожденный характер и судьбу, французские ученые видели в городах, населенных потомками галло-римлян, преемников Римской империи, добившихся в ходе коммунальных революций (этих прообразов «буржуазных революций» Нового времени) значительных свобод. Как писал в данной связи О. Тьерри, «все люди, чем-либо выдававшиеся среди галло-римского населения, все входившие в него знатные, богатые, искусные в ремёслах семьи, жили в городах, окружённые домашними рабами; вне городов из галло-римлян жили лишь полукрепостные колоны и земледельческие рабы. Наоборот, высший класс германской расы был привязан к деревням, где каждая свободная семья собственников проживала в своём поместье, пользуясь трудом литов, которых она привела с собой [...] Из германцев в городах проживало лишь небольшое количество королевских чиновников да люди безродные и неимущие»⁴⁹¹. В результате, назревшие противоречия между германцами и галло-римлянами привели к коммунальной революции, ставшей освобождением исконного населения, отождествляемого французским историком с третьи сословием, от гнета завоевателей⁴⁹². «Это была настоящая социальная революция, прелюдия всех социальных революций,

⁴⁸⁹ Ястребицкая А.Л. Средневековая культура и город в новой исторической науке: учебное пособие. М.: Интерпракс, 1995. С. 23.

⁴⁹⁰ Вайнштейн О.Л. Историография средних веков в связи с развитием исторической мысли от начала средних веков до наших дней. С. 183. См. также: Косминский Е.А. Указ. соч. С. 371–381. См. также: Алпатов М.А. Политические идеи французской буржуазной историографии XIX века. М.; Л.: Изд-во и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР в М., 1949.

⁴⁹¹ Тьерри О. Опыт истории происхождения и успехов третьего сословия // Избранные сочинения / Пер. с фр., ред. и предисл. О.Л. Вайнштейна. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. С. 11.

⁴⁹² В своей работе о городских коммунах Франции, О. Тьерри рисует картины освободительной войны угнетаемой расы против поработителей, обращаясь к событиям из жизни средневековых Ланса, Камбрэ, Амьена и др. городов. См.: Тьерри О. Городские коммуны во Франции в средние века / Пер. с фр., предисл. Н.И. Кареева. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. С. 5.

которые постепенно подняли значение третьего сословия; здесь колыбель нашей современной свободы»⁴⁹³. Источником коммунальных революций О. Тьерри считал муниципальные учреждения и сам дух древних городских свобод, республиканский энтузиазм древних веков, распространявшийся повсюду, «где только было достаточное число жителей для того, чтоб отважиться на борьбу с феодальной властью. Жители городов, охваченных этим политическим движением, собирались в большой церкви или на рынке, и там над священными предметами клялись взаимно помогать друг другу и не допускать, чтобы кто бы то ни был нанес обиду члену союза, или обратил его отныне в крепостное состояние. [...] Эти имена говорили им о долге, о верности, о взаимном самоотвержении, т.е. о всем том, что древность запечатлела в одном слове «гражданин»»⁴⁹⁴.

Для Ф. Гизо проблема средневекового города также оказывается вписанной в общую историю европейской цивилизации, города выступают предтечами нового строя, зарождавшегося внутри феодализма⁴⁹⁵. Как и О. Тьерри, он рассматривал городскую историю как историю борьбы города за свои права. «Освобождение общин в XI веке, – писал Ф. Гизо, – было результатом настоящего восстания, настоящей войны – войны, объявленной жителями городов своим феодальным владельцам»⁴⁹⁶.

Иными словами, в работах названных французских историков средневековое городское пространство отчетливо противопоставлялось деревне и было связано с неземледельческим образом жизни. Если в раннее средневековье города пришли в упадок, то после X в. они вновь стали превращаться в центры экономической, политической и культурной жизни Западной Европы, что не в

⁴⁹³ Цит. по: Вайнштейн О.Л. Огюстен Тьерри // Тьерри О. Избранные сочинения / Пер. с фр., ред. и предисл. О.Л. Вайнштейна. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. XIX.

⁴⁹⁴ Тьерри О. Городские коммуны во Франции в средние века. С. 8–9.

⁴⁹⁵ Подробнее см.: Косминский Е.А. Указ соч. С. 282–397; Вайнштейн О.Л. Историография средних веков. С. 187–191. О политических взглядах Ф. Гизо см.: Матвеев С.Р. Свобода и порядок: либеральный консерватизм Франсуа Гизо. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019; Танышина Н.П. Франсуа Гизо. Политическая биография. М.: МПГУ, 2016 и др.

⁴⁹⁶ Гизо Ф. История цивилизации в Европе / Пер. с фр. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2007. С. 169–170.

последнюю очередь было связано с потребностями самих сеньоров, вынужденных в ходе коммунальных революций предоставить городам права и свободы.

Иной подход к истории средневековых городов Западной Европы в начале XIX в. был предложен немецким исследователем К. Эйхгорном, считавшим необходимым ввести в городскую историю вотчинное право и полагавшим, что римские муниципии сохранились в Европе далеко не везде. Эта идея получила дальнейшее развитие в трудах таких ученых, как В. Арнольд и К. Нич⁴⁹⁷. В то же время в пространстве немецкой науки XIX в. появились и другие подходы к изучению феномена средневекового города. Так, для Г. Маурера и О. Гирке, основоположников так называемой общинной теории, истоки города и городских вольностей были связаны с крестьянской общиной – маркой⁴⁹⁸. Некоторое время в Германии пользовалась популярностью и так называемая гильдейская теория, выдвинутая О. Вильда, полагавшим, что основа городской коммуны – свободный союз германцев, возникший для защиты интересов своих членов.

Несмотря на очевидные отличия приведенных выше трактовок, мы не можем не отметить, что у них есть определенное сходство – средневековый город в работах историков XIX в. изучается преимущественно как политико-правовое пространство⁴⁹⁹. Коренная ломка этого подхода произошла лишь в конце XIX в., что было связано, прежде всего, с возникшим среди историков интересом к явлениям экономической жизни. А.Л. Ястребицкая замечала, что уже работы К. Лампрехта и его учеников внесли «деловой» подход в изучение хозяйственной жизни средневековых городов⁵⁰⁰. Однако все же первым ярким примером подобных новаций стала рыночная теория Р. Зомы, введившего в городскую

⁴⁹⁷ Подробный разбор данных теории см: Петрушевский Д.М. Возникновение городского строя средних веков // Белов Г. фон. Городской строй и городская жизнь средневековой Германии / Пер. с нем. Д. Петрушевского. М.: М. и С. Сабашниковы, 1912.

⁴⁹⁸ Там же.

⁴⁹⁹ В этом же режиме историографии XIX в., т.е. «политической истории», написаны практически все работы Н.П. Оттокара, в том числе и по истории России, где структуризация событий идет в позитивистском ключе, по эпохам правления царей и императоров. См.: Ottokar N. Russia // EI. P. 288–308; Ibid. Breve storia della Russia. Linee generali; Ibid. Compendio di storia della Russia.

⁵⁰⁰ Ястребицкая А.Л. Средневековая культура и город в новой исторической науке. С. 24. Здесь же см. о влиянии на урбанистику работ В. Зомбарта и М. Вебера: С. 24–25.

историю рыночный компонент. Сущность города, по утверждению автора, заключалась в городском праве, представлявшем собой не что иное как рыночное право. Рынок обычно возникает близ какого-нибудь поселения: крепости, монастыря – и постепенно распространяет своё право на всю окружающую его и тяготеющую к нему заселённую территорию. Хотя теория Р. Зомы не получила распространения, она стала предтечей идей А. Пиренна, впервые в истории медиевистики объяснившего возникновение средневековых городов не правовыми и политическими, а экономическими причинами⁵⁰¹.

По словам А. Пиренна, города не были созданы ни аббатствами, ни замками, ни рынками, а «возникли самопроизвольно под воздействием экономических причин», возрождения экономики в Европе XI в.: «торговля и промышленность сделали города тем, чем они были»⁵⁰². Согласно «торговой» теории А. Пиренна, город в Западной Европе возник вокруг купеческих факторий. После потери Средиземного моря, взятого под контроль арабами, начался упадок городской жизни, а сохранившиеся «города» нельзя считать таковыми в полном смысле этого слова, так как они были «лишены двух основных признаков средневекового и современного города – городского населения и муниципальной организации»⁵⁰³. Новый рост городов, появившихся в Бельгии в эпоху Средневековья, был обусловлен развитием торговли. Как писал А. Пиренн, «успехи торговли, разумеется, способствовали развитию промышленности»⁵⁰⁴. Промышленником же был тот, кто выделился из общей массы земледельческого населения. Он переселился из деревни туда, где можно всецело отдаться своему ремеслу и где можно было бы найти рынок для сбыта своего товара⁵⁰⁵. Так в Европе сформировалось собственно городское население.

В новых городах шло становление муниципальных институтов. «Города в период их образования, – писал А. Пиренн, – находились в особо сложной

⁵⁰¹ Гутнова Е.В. Указ. соч. С. 383.

⁵⁰² Там же. С. 383.

⁵⁰³ Цит по: Садретдинов Г.К. Анри Пиренн о переходе от античности к средним векам // Садретдинов Г.К. Историографические этюды. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2003. С. 181.

⁵⁰⁴ Там же. С. 147.

⁵⁰⁵ Там же. С. 148.

обстановке. [...] В них жило бок о бок два населения, которые не смешивались и которые представляли полный контраст, как два различных мира»⁵⁰⁶. Коммунальные институты выводились им из разности интересов между старым социальным порядком и новыми купеческими слоями, третьим сословием. Главная цель последних – получение уступок, необходимых для их комфортного существования. «Кратко сказать, – писал А. Пиренн, – они только требовали у общества дать им место, соответствующее тому образу жизни, который они вели. Они не были революционерами, и если они часто обращались к населению, то это не из ненависти к правительству, но чтобы вынудить уступки»⁵⁰⁷. Это движение XI– XII вв. закончилось полной победой средних классов. «Невзирая на изменчивость судьбы и превратности, движение к реформе неустанно шло вперед к своей цели, разбивало вооруженной рукой оппозицию, если было необходимо, стоявшую на пути, и закончилось в XII в. получением городами тех в сущности муниципальных институтов, которые были базисом их конституции», – утверждал А. Пиренн⁵⁰⁸.

Своеобразной попыткой систематизировать накопленные знания и перейти к многофакторной теории возникновения и развития средневековых европейских городов стали теории М. Вебера и В. Зомбарта, попытавшихся уйти от практики отыскания одного единственного «источка» города. В. Зомбарт первым предложил типологию городов, выделив, как известно, «город потребляющий» и «город производящий» (торговый и ремесленный). М. Вебер пошел в этом направлении дальше. Для него было очевидно, что европейский город произошёл не из вотчины, ни из общины, ни из гильдии, ни из рынка, а одновременно из первого, второго и третьего, предложил учитывать в формировании города сразу несколько критериев: наличие рынка как места обмена, наличие ассоциации или корпоративности, наличие собственного суда и т.д.⁵⁰⁹. Иными словами, по

⁵⁰⁶ Пиренн А. Средневековые города и возрождение торговли. С. 86

⁵⁰⁷ Там же. С. 87.

⁵⁰⁸ Там же. С. 87

⁵⁰⁹ Неусыхин А.И. Социологическое исследование Макса Вебера о городе // Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994; Вебер М. Город // Там же. С.309–312. См.: Уваров П.Ю., Попова Г.А. Почему социальные системы западноевропейского средневекового

мнению немецкого социолога, город возник как результат сложных, перекрещивающихся процессов: экономических и политических. Данную особенность работ М. Вебера подчеркивал еще А.И. Неусыхин, полагавший, что «дело обстояло не так, что корнем, исходной точкой роста города было то или иное явление — цех, рынок, бург и т.д., — а из него путём постепенного усложнения вырос стебель и на нём расцвел цветок — сложившийся город во всём его многообразии и своеобразии»⁵¹⁰. В результате, как отмечает А.Г. Еманов, несомненным достоинством работ М. Вебера являлось «установление внутренней взаимосвязи между политическими, социальными и экономическими структурами городского развития, открытие самого факта урбанистической динамики: от городской общины, подавленной как внутренними ограничениями и регламентами цеховой организации, так и внешним авторитетом сеньориальной власти, до свободной самоуправляющейся коммуны»⁵¹¹.

Зародившись во Франции и Германии, представленные теории не могли не оказать воздействия на историографию других европейских стран. Если обратиться к итальянской традиции, то, по словам О.Л. Вайнштейна, итальянские романтики, движимые идеей создания единого национального государства, первоначально полностью восприняли концепцию О. Тьерри⁵¹². Особенно большую работу в этом направлении проделали представители либерально-католической школы (ее еще часто называют неогвельфской) Ч. Бальбо и К. Тройя. Города виделись им колыбелью буржуазии и буржуазной свободы, отстаиваемой, в том числе, и в борьбе с иностранными правителями⁵¹³. В

города? // Городские сообщества Западной Европы в Средние века. М.: Индрик, 2018. С. 11–15. См. также: Зомбарт В. Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека; Художественная промышленность и культура / Пер. с нем. М: ТЕРРА-Книжный клуб, 2009.

⁵¹⁰ Неусыхин А.И. Социологическое исследование Макса Вебера о городе // Там же. С. 655.

⁵¹¹ Еманов А.Г. Возникновение города в Европе и за пределами Европы. Опыт компаративного анализа концепций урбанизации // Европа: международный альманах. Тюмень, 2008. Вып. VIII. С. 18.

⁵¹² Об этом см.: Вайнштейн О.Л. Историография средних веков. С. 185, 193–195.

⁵¹³ Там же. С. 193–195.

дальнейшем, во второй половине XIX в, стремясь «сравняться с немцами»⁵¹⁴, итальянские ученые пересмотрели теории французских коллег и обратили свое внимание на достижения немецкой мысли. Расцвету исторических исследований на итальянской почве во многом способствовало завершение Рисорджименто и начало институционализации истории как науки в Итальянском королевстве. В стране было создано несколько влиятельных журналов, таких как «Archivio storico italiano», «Deputazioni di Storia Patria», «Rivista storica italiana» и, наконец, «Studi medievali»; появились и местные журналы – «Archivio Veneto» или «Archivio storico Lombardo» – призванные освещать события региональной истории. Практически одновременно в регионах Италии стали появляться исторические общества. В начале 1860-х гг. они были открыты в Парме, Тоскане, Умбрии, Венеции и Милане; в Риме такое же общество было создано позднее всех, в 1876 г. Здесь же в 1883 г. был открыт Исторический институт, перед которым была поставлена задача координации деятельности местных исторических сообществ. И хотя он не справился с возложенной на него миссией, именно в Историческом институте начала выходить знаменитая серия «Fonti della Storia d'Italia», служившая для публикации источников по итальянской истории.

Для итальянской исторической науки XIX в. было характерно не только использование немецких и французских подходов к истории итальянских городов, но и активное изучение локальных сюжетов. Итальянские авторы стремились говорить не только и не столько о феномене средневекового города вообще, сколько о конкретных городских историях: особенно в этом отношении показателен пример истории Флоренции.

Как уже было сказано ранее, историю Флоренции стремились написать и хронисты, и гуманисты, и эрудиты. Однако твердая почва научного подхода была обретена лишь в XIX в., когда к изучению прошлого прославленного города обратились не только итальянские, но и немецкие, английские, французские историки. Одним из первых в данном ряду стоит назвать флорентийского

⁵¹⁴ Об институциональном развитии итальянской исторической науки, см.: Вайнштейн О.Л. Историография средних веков в связи с развитием исторической мысли от начала средних веков до наших дней. С. 250.

историка Паскуале Виллари (1827–1917), написавшего ряд значимых работ по истории родного города, переведенных на европейские языки, в том числе классическую «I primi due secoli della storia di Firenze»⁵¹⁵. Будучи позитивистом по своим методологическим позициям, П. Виллари, тем не менее, остался под некоторым влиянием расовых теорий, объясняя эволюцию средневековой коммуны борьбой латинян с германцами, с последующей победой первых⁵¹⁶.

Огромную работу по изучению истории Флоренции во второй половине XIX в. проделал Р. Давидсон, которого нередко называют «первым знатоком флорентийской истории». Выходец из семьи немецких банкиров, Р. Давидсон первоначально занимался предпринимательской деятельностью, однако в 31 год решил оставить семейный бизнес ради изучения прошлого. В 1884 г. поступил в Гейдельберский университет и вскоре защитил диссертацию по истории Филиппа II Августа. Вдохновленный трудом по истории Рима немецкого историка Ф. Григоровиуса, он решил посвятить себя истории городов, его выбор пал на Флоренцию, которую он посетил в 1889 г. и принял решение провести здесь остаток своих дней. Его исследование истории Флоренции было основано на ранкеанских принципах, т.е. стремлении опираться на факты, которые можно действительно подтвердить или опровергнуть. Результатом предпринятой стали восьмитомная «Geschichte von Florenz» и четырехтомная «Forschungen zur alteren Geschichte von Florenz». В этих сочинениях Р. Давидсон нарисовал обширную картину истории Флоренции, начиная с римских времен и заканчивая эпохой Данте, полагая, что обилие документов эпохи Кватроченто не позволит ему дальше продолжать свое исследование. Коллеги называли его сочинения наиболее

⁵¹⁵ См. общую информацию о Паскуале Виллари: Tanzini L. Pasquale Villari // Storia di Firenze. Il portale per la storia della città [Электронный ресурс] URL: <https://www.storiadifirenze.org/?storici=villari-pasquale> (дата обращения: 15.11.2018). См. также: Вайнштейн О.Л. Историография средних веков. С. 251.

⁵¹⁶ См.: Villari P. I primi due secoli della storia di Firenze. Nuova ed. interamente riveduta dall'Autore Firenze: Sansoni, 1905. P.

значительными исследованиями по истории Флоренции, в которых нашла свое отражение жизнь города, данная в связи с его топографией и культурой⁵¹⁷.

Вслед за Р. Давидсоном, в конце XIX в. историю Флоренции пытались написать историки, испытавшие на себе влияние марксизма, преимущественно акцентируя интерес на экономических аспектах жизни города (к примеру, А. Дорен опубликовал исследования по истории флорентийских гильдий и шерстяной промышленности, а Дж. Луццатто, А. Сапори и Р. Лопес показали динамику развития капиталистических флорентийских предприятий), но наиболее влиятельной в это время оказалась так называемая «экономико-юридическая школа»⁵¹⁸. Ее самым известным представителем стал Г. Сальвемини, видный итальянский историк, публицист и политический деятель, обратившийся на рубеже XIX–XX вв. к анализу флорентийского прошлого.

⁵¹⁷ Общие сведения: Tanzini L. Robert Davidsohn // *Storia di Firenze. Il portale per la storia della città* [Электронный ресурс] URL: <https://www.storiadifirenze.org/?storici=davidsohn-robert> (дата обращения: 10.10.2018); Robert Davidsohn. *Giornalista, storico e spirit libero* // *Lasciato Davidsohn* [Электронный ресурс] URL: <http://www.ext.comune.fi.it/comune/biblioteche/davidsohn/dav05bis.htm#Giornalista> (дата обращения: 15.01.2020). Р. Давидсоном изданы следующие труды, которые признаны классическими: Davidsohn R. *Geschichte von Florenz*. Berlino: E.S. Mittler & Sohn, 1896–1927. Vol. 1–7; Ibid. *Forschungen zur älteren Geschichte von Florenz*. Berlino: Mittler und Sohn, 1896–1908. Vol. 1–4. Данные две работы вышли на немецком языке в Германии. Впоследствии, после Первой мировой войны, в Италии вышли книга «Флоренция в эпоху Данте», а также вышел перевод «Истории Флоренции», увидевший свет на итальянском языке только в 1950-е гг. XX в.

⁵¹⁸ Б. Кроче следующим образом определяет этот феномен: «La seria opera storiografica si manifestò veramente in alcuni studiosi, che formarono come una scuola, chiamata poi «scuola economica-giuridica», ed erano giovani educatisi agli studi storici tra il 1890 e il 1900, e tutti o quasi tutti, dal più al meno, infervorati per socialismo, e che tutti ricevettero dalla dottrina del materialismo storico profonda impressione, la quale rimase determinante per la loro vita mentale [Серьезная историографическая работа, действительно, проявилась у некоторых исследователей, которые образуют школу, называемую «экономико-юридическая школа». Ее представляют молодые люди, получившие историческое образование между 1890 г и 1900 г., и все, или почти все, более или менее, находились под впечатлением от социализма, и все они находились под глубоким впечатлением и доктрины исторического материализма, которая имела опередляющее значение для их мыслительной деятельности]». См.: Croce B. *Storia della storiografia italiana nel secolo decimonono*: 1–2 vol. Bari: Laterza, 1921. Vol. 2. P. 237–238. По мнению Дж. Табакко, именно с появлением «экономико-юридической школы», в историографии окончательно произошла замена национального противопоставления (П. Виллари) на социальный конфликт (Г. Сальвемини), в качестве движущего фактора политических трансформаций. См.: Tabacco G. *La città italiana fra germanesimo e latinità nella medievistica ottocentesca* // *Italia e Germania. Immagini, modelli, miti fra due popoli nell'Ottocento* // A cura di R. Elze, P. Schiera. Bologna; Mulino, 1988. P. 23–42.

Г. Сальвемини был выходцем с итальянского Юга, из Мольфетты. В семнадцать лет он переехал во Флоренцию для обучения в Институте высших исследований, где учился у П. Виллари. После обучения Г. Сальвемини преподавал в нескольких учебных заведениях Италии. В 1896–1899 гг. опубликовал несколько специальных работ, позволивших ему начать карьеру университетского профессора, сначала в Мессине, а затем в Пизе и во Флоренции⁵¹⁹. Наряду с преподавательской деятельностью Г. Сальвемини вел и активную политическую работу. В 1893 г. он вступил в социалистическую партию и в первые годы XX в. активно выступал против курса Дж. Джолитти. Однако в 1911 г. итальянский историк вышел из партии и учредил собственный еженедельник «L'Unità». Как уже было сказано в первой главе, активный борец с фашизмом, Г. Сальвемини был вынужден оставить преподавание в университете, а затем и вовсе покинуть страну. В эмиграции в США он продолжил свою политическую деятельность, практически оставив медиевистические штудии.

Г. Сальвемини стремился представить свою концепцию социально-политической жизни Флоренции конца Дуэченто в соответствии с марксистской методологией. Для него стержнем борьбы во Флоренции в конце XIII в. является не борьба между гвельфами и гибеллинами⁵²⁰, а борьба между «нобиями», грандами, которые были собственниками большого количества недвижимости в городе (дома, лавки и т.д.), земельных владений в контадо, а также крупными купцами, с одной стороны и «народом», представленным по преимуществу

⁵¹⁹ Библиография о Г. Сальвемини обширна, что, конечно, объясняется его активной антифашистской деятельностью, превратившего его в своеобразную «легенду». См. основные работы: Sestan E. Salvemini storico e maestro // *Rivista storica italiana*. 1958. Anno LXX. Fasc. I. P. 5–43; Cherubini G. Gaetano Salvemini – Testimonianza. P. 54–61; Salvadori M.L. Gaetano Salvemini; Artifoni E., Salvemini e il Medioevo. *Storici italiani tra Otto e Novecento*. 1990; Gaetano Salvemini: l'uomo, il politico, lo storico; Ragionieri E. Gaetano Salvemini storico e politico // Belfagor. 1950. № 5. P. 514–536; Killinger Ch., Gaetano Salvemini: a biography. Westport: Conn.: Praeger, 2002; Cavina P. Gaetano Salvemini e Gioacchino Volpe: dalla storia medievale alla storia contemporanea. Pisa: Edizioni della Normale, 2008; Gaetano Salvemini (1873–1957). Ancora un riferimento, Atti del Convegno di studi, Roma 2007 // A cura di G. Pescosolido. Manduria; Bari; Roma: Lacaita, 2010. P. 13–28.

⁵²⁰ Salvemini G. Magnati e popolani in Firenze dal 1280 al 1295. Firenze: Tipografia G. Carnesecchi e figli, 1899. P. 2–9.

коммерческими и цеховыми слоями, с другой⁵²¹. Как утверждал автор, если судить по материалам законодательных актов флорентийской республики последней четверти XIII в., то она закончилась именно победой *popolo*. При этом, Г. Сальвемини не говорил об одномоментной победе *popolo* над *magnati*, считая, что у первых не было такой силы; даже «Установления справедливости» не могли создать такого эффекта, но все же в них четко прослеживается тенденция, которая привела к исключению магнатов из управления городом⁵²². По мнению Г. Сальвемини, «Установления справедливости» стали своего рода компромиссом между умеренной политикой «жирного народа» и более жесткой политикой «тощего народа», в том и в другом случае направленной против магнатов⁵²³. После падения режима Джано делла Белла Г. Сальвемини наблюдал ослабление позиций *popolo minuto*, что привело, по его словам, к ослаблению и отмене наиболее жестких статей «Установлений», а в конце концов и к принятию новой редакции законодательных актов⁵²⁴.

Таким образом, к тому моменту, когда Н.П. Оттокар приступил к исследованию истории средневековых западноевропейских городов, западная урбанистика прошла в своем развитии несколько этапов, связанных с переходом от общих расовой или вотчинной теорий, объяснявших возникновение средневекового города как особого феномена, к локальным исследованиям, посвященным истории отдельных городских центров. В отношении их изучения предшественниками Н.П. Оттокара также было сделано немало: если говорить об истории Флоренции, то к концу XIX – началу XX вв. были введены в оборот многочисленные источники, предложены различные подходы и интерпретации отдельных сюжетов. Отечественному историку предстояло подробно разобраться в данных трактовках до того, как приступить к собственному исследованию.

⁵²¹ Г. Сальвемини постоянно использует существительное «partito». Об определении партии магнатов, см.: Ibid. P. 23–30. О трактовке партии «popolo»: Ibid. P. 30–36. См. также: Mucciarelli R. *Magnati e popolani. Un conflitto nell'Italia dei Comuni (secoli XIII–XIV)*. P. 4–5.

⁵²² См. разбор «Установлений справедливости»: Salvemini G. *Op. cit.* P. 168–191.

⁵²³ См. развитие так называемого антимагнатского законодательства в трактовке Г. Сальвемини: Ibid. P. 208–212.

⁵²⁴ Речь идет о так называемых поправках 6 июля 1295 г. См.: Ibid. P. 227–236.

Очень характерно еще и то, что Н.П. Оттокар сосредотачивается на том периоде истории Флоренции, который уже казался достаточно изученным (эту же тенденцию мы увидим и на примере французских городов). Создается ощущение, что Н.П. Оттокару нужен был оппонент, и это ощущение становилось фундаментом, подталкивающим историка в исследовательском процессе.

2.2. Поиск метода: история средневековых городов Западной Европы в работах Н.П. Оттокара

Становление Н.П. Оттокара как ученого пришлось на первое десятилетие XX в., когда, по мнению ряда современных авторов, мировая историческая наука вступила в полосу кризиса, спровоцированного сомнениями в возможностях адекватного познания прошлого⁵²⁵. Кризис был обусловлен глубокими мировоззренческими сдвигами, которые нередко определяют как начало слома модерна и постепенного вхождения человечества в новую эпоху. Уже на рубеже XIX–XX вв. современники заговорили о кризисе культуры, поставив под сомнение базовые постулаты новоевропейской культурной модели, одним из которых по праву считался историзм⁵²⁶. «Когда кризис обрушился на культуру, – писал А.-И. Марру, – мы (историки – А. К.) были первыми увлечены им, сметены как солома и пыль»⁵²⁷. Не менее красноречиво замечание Э. Трёльча, полагавшего, что «речь идет не столько об исторических исследованиях ученых-специалистов, сколько о кризисе исторического мышления людей вообще»⁵²⁸. Отечественная историческая наука не могла остаться в стороне от исканий

⁵²⁵ Кризис историзма начала XX в. подробно изучен как в зарубежной, так и в отечественной историографии. См., напр.: Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX века: Курс лекций: В 2 кн. Томск: ТГУ, 2001. Вып. 1. Кризис историзма; Рамазанов С.П. Кризис в Российской историографии начала XX века: в 2 частях. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1991. Ч. 1.: Постановка и попытка решения проблемы; Корзун В.П. Отечественная историческая наука на рубеже XIX–XX веков: «кризис» или расцвет? // Очерки истории отечественной исторической науки XX века / Под ред. В.П. Корзун. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2005. С. 11–33 и др.

⁵²⁶ См., напр. Бахтин М.В. Кризис европейской культуры начала XX века и историческое познание // Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В.Г. Белинского. Гуманитарные науки. 2012. № 27. С. 165–169 и др.

⁵²⁷ Marrou H.-I. Tristesse se l'historien // Vingtième siècle. Revue d'histoire. 1995. № 45. Janvier – mars. P. 112.

⁵²⁸ Трёльч Э. Историзм и его проблемы. М.: Юрист, 1994. С. 10.

западных коллег, также фиксируя на российской почве «симптомы» кризиса историзма⁵²⁹. Весьма показательны в данной связи чуть более поздние размышления Р.Ю. Виппера, в начале 1920-х гг. утверждавшего, что необходимо отказаться от прежней модели историописания, не уделявшей внимания личности и ее интересам, т.к. отныне «не история учит понимать и строить жизнь, а жизнь учит толковать историю [...] и наши суждения о прошлом, наши исторические мнения приходится все пересматривать, подвергать критике и сомнению, заменять одни положения другими, иногда обратными»⁵³⁰.

Подобные сомнения не могли не остаться незамеченными и Н.П. Оттокар. Однако, в отличие от ряда своих коллег, пришедших к мысли о невозможности познать прошлое или увидевших «спасение» в единственно правильном методе, петербургский историк стремился вернуться к источнику, полагая, что только кропотливая и тщательная работа с ним открывает нам двери в прошлое. Подобный вывод никогда и нигде не формулировался историком в форме манифеста: Н.П. Оттокар не оставил собственно методологических работ, в которых бы формулировал свою методологию, не найдем мы подобных глав и экскурсов в его монографиях, посвященных конкретным проблемам французской или итальянской городской истории. Однако, как удачно отмечал еще М. Вебер, профессиональному историку вовсе необязательно уметь излагать свою методологию, ровно как каждому умеющему ходить знать анатомию человеческого тела⁵³¹. Более того, можно согласиться с С.Б. Крихом, который замечает, что «для любого крупного историка методология – не столько осознанная система [...], сколько естественный образ мысли, способ воззрения на мир»⁵³².

В случае Н.П. Оттокара этот «взгляд» на мир отчетливо проявился уже в первой публикации начинающего историка, вышедшей в свет в 1909 г. и

⁵²⁹ Корзун В.П. Указ соч. С. 24.

⁵³⁰ Виппер Р.Ю. Кризис исторической науки. Казань: Гос. изд-во, 1921. С. 5.

⁵³¹ Вебер М. Критические исследования в области наук о культуре // Избранное. М.: Прогресс, 1990. С. 418.

⁵³² Крих С.Б. Упадок древнего мира в творчестве М.И. Ростовцева. Омск: Изд-во ИП Загурский С.Б., 2006. С. 37.

демонстрировавшей глубокое уважение медиевиста к историческому источнику и индивидуальному факту, составляющему ткань исторического повествования. «Книга Sciaparelli, – писал Н.П. Оттокар в рецензии, – сама является своего рода инвентарем. Это тщательное, деловитое, по видимости сухое описание с точными ссылками и, где нужно, со строгой, добросовестной аргументацией»⁵³³. И несколько далее: «В специальном изучении, в крайней детализации исторического материала не может быть сухости. Страсть к конкретным деталям старины, тщательное собирание мелочей, которых мы даже не замечаем в современной нам жизни, обличает не бездушную сухость, а скорее влюблённость в конкретную обстановку, в подлинную жизненную атмосферу прошлого. Чем ближе подходит историк к конкретным деталям, тем теснее соприкасается он со всей жизнью прошлого в её целом. И только поверхностный читатель не почувствует обаяния этого соприкосновения в видимо-сухом и педантично-мелочном собирании и описании живых в своей конкретности деталей»⁵³⁴.

Отстаиваемый Н.П. Оттокаром приоритет индивидуального факта над абстрактной схемой ярко заявлял о себе и в оценках творчества коллег. В своих исследованиях историк выступал критиком и разоблачителем исторических «метанарративов», которые, по его мнению, бесплодны уже по своей сути. Ярким

⁵³³ Оттокар Н.П. Флорентийский дом в XIV и XV стол<етиях> (Sciaparelli. La casa fiorentina e i suoi eredi nei secoli XIV e XV. Firenze: Sansoni, 1908. Vol. I. // Историческое обозрение. 1909. XV. С. 32.

⁵³⁴ Там же. Ср. также оценку Н.П. Оттокаром работы Вяч. Иванова о Дионисии: «Il volume è ricchissimo di osservazioni e di constatazioni particolari, le quali pur senza disturbare minimamente la mirabile unità dei concetti fondamentali, costituiscono uno dei meriti maggiori di questa opera singolarmente acuta e solidamente documentata [Книга очень *богата частными наблюдениями и утверждениями* (курсив мой), которые, не нарушая ни в коей степени замечательного единства фундаментальных концепций, составляют одно из величайших достоинств этой исключительно острой и основательно задокументированной работы]. См.: Ottokar N. Dionisio e culti predionisiaci. P. 364. См. также характеристику творчества Р. Давидсона в некрологе, подготовленном Н.П. Оттокаром: «È una vera maniera di notizie e di dati di fatto concernenti i più svariati aspetti della storia medioevale d'Italia, spesso da lui per la prima volta messi in luce ed illustrate. E questo è il principale pregio dell'opera del defunto storico che, per il resto, non sempre giunge ad una concezione organica e profonda [Это настоящий источник сведений и фактических данных, касающихся самых разнообразных аспектов средневековой истории Италии, часто им впервые обнаруженных и прокомментированных. И это – главная ценность работы покойного историка, который, впрочем, не всегда хватает органичности и глубины концепции]». См.: Ottokar N. Roberto Davidsohn // Rivista storica italiana. 1937. Vol. II. Fasc. IV. P. 159.

примером подобного рода трудов для Н.П. Оттокара выступала работа упоминаемого нами ранее Р. Давидсона «Флоренция во времена Данте». Подчеркивая особую важность данного труда немецкого историка, Н.П. Оттокар тем не менее, утверждал, что «его [Р. Давидсона – *A. K.*] тянет к стилю “большой истории” старого времени, его повествование идет плавно, каждый новый абзац связан с предшествующим более или менее подходящим переходом или ораторским “мостиком”. Но эти связи между отдельными фактами по большей части сводятся к элементарному и внешнему прагматизму и не обнаруживают никакого органичного видения, никакого глубокого проникновения в реальность прошлого. И как следствие, они демонстрируют абсолютную нехватку систематизации и синтетического чувства, в тоже время обобщения поверхностные и чуждые, каузальные связи скорее непонятные, сближения между совершенно разными ситуациями и фактами выглядят невыразительно. И, как часто бывает в тех случаях, когда автору не хватает глубокого проникновения в материал, работа Давидсона, несмотря на чрезвычайную эрудицию и компетентность, изобилует прямо-таки чудовищными и грубейшими фактическими ошибками и промахами в интерпретации простых и понятных данных»⁵³⁵.

Как противовес такому подходу, мы можем привести мнение Н.П. Оттокара из некролога по случаю смерти А. Анцилотти, который с полной уверенностью мы могли бы назвать «портретом идеального историка»: «Анцилотти был прежде всего историком, и может быть только историком, в собственном смысле этого слова, т.е. человеком, который в виду своих ментальных способностей был более всего восприимчив к реальной связи между разными аспектами и разными

⁵³⁵ Ottokar N. La storia di Firenze di Roberto Davidsohn (Firenze ai tempi di Dante) // Ottokar N. Studi comunali e fiorentini. P. 106–107. См. также дискуссию между Н. Оттокаром и Б. Барбадоро, опубликованную в ASI за 1937 г., где русский историк весьма язвительно замечает: «L'amico Barbadoro ha creduto rispondere alle mie reserve con una replica per lo meno due volte più estesa del mio scritto: Il B[arbadoro] indulge spesso ad una certa prolissimà nei suoi scritti [Друг Барбадоро полагает, что ответил на мою критику, возражением, которое, по крайней мере, в два раза превышает мою статью: Барбадоро часто допускает некоторую многословность в своих работах]». См.: Barbadoro B., Ottokar N. Problemi di storia del Comune di Firenze // ASI. 1937. Vol 95. № 1. P. 97.

функциями человеческой жизни. Он был в равной степени чужд упрощенческим схемам исторического материализма и абстрактным формулам профессиональной философии. Напротив, он имел живое чувство относительности исторических событий, ограниченной и случайной ценности каждого феномена сложного единства жизни. Поэтому он не соглашался и с общими суждениями традиционной историографии»⁵³⁶.

О том, что неоправданные генерализации могут сослужить исследователю плохую службу, по мнению Н.П. Оттокара, свидетельствует и пример исследователей-урбанистов XIX в., выстраивающих свои теории без оглядки на конкретный исторический материал: задача историка для них до крайности упрощается⁵³⁷. Но последствия пренебрежения фактом катастрофичны. Н.П. Оттокар полагал, что в этом случае «происходит страшное оскудение исторической мысли. Французская “городская историография” в сущности вращается в каком-то призрачном и тесном мире беспочвенных ассоциаций и чисто-внешних, словесных представлений»⁵³⁸.

Н.П. Оттокару претила сама по себе мысль о наличии какой-либо универсальной теории, которая претендует на объяснение системы мира, будь то понимание французскими романтиками борьбы побежденных и победителей в качестве основания развития западного мира⁵³⁹, либо других построений,

⁵³⁶ Ottokar N. Antonio Anzilotti // Leonardo. 1925. № 1. P. 13. См. также: «Però, occorre intendersi. Ai supremi concetti filosofici il giovane storico, malgrado le apparenze e fors'anche le aspirazioni contrarie, rimase in fondo sempre estraneo. Predominava in lui il senso della concreta realtà storica, la passione per la ricerca dell'essenziale, nascosto sotto esterne ed ingannevole apparenze [Однако, нужно верно это понимать. Высшим философским концепциям молодой историк, несмотря на видимость и может быть даже вопреки устремлениям, оставался всегда в сущности чуждым. В нем преобладало чувство конкретной исторической реальности, страсть к исследованию сущностного, скрытого под внешними и обманчивыми проявлениями]». См.: Ibid. См. также характеристику Джорджо Фалько, которому Н.П. Оттокар явно симпатизирует: «La serietà, l'acume critico e la facoltà di perspicace intuizione [Серьезность, проницательность и интуитивная прозорливость]». См.: Ottokar N. [Rec. a:] Giorgio Falco. La polemica sul Medio Evo. I. Torino, 1933 // PAN. Rassegna di lettere, arte e musica. 1934. № 10. P. 284.

⁵³⁷ «Scrivere la storia» delle città francesi è divenuto ai nostri giorni una cosa davvero troppo facile». См.: Ottokar N. Le città francesi nel Medio evo. Saggi storici. P. 233.

⁵³⁸ Оттокар Н.П. Опыты по истории французских городов в средние века. С. 236; См.: Ottokar N. Le città francesi nel Medio evo. P. 232.

⁵³⁹ См., напр.: Ottokar N. Avvertenza // Villari P. I primi due secoli della storia di Firenze: ricerche / 3-a ed. con avvertenza di N. Ottokar. Firenze: G.C. Sansoni, 1945. P. VI–VII. См. также: «Le mie

претендовавших на целостное объяснение миропорядка, природы общества, исторического процесса. Уместно вспомнить здесь Б. Кроче, который ещё в самом начале XX в. вообще призывал отказаться от идеи «всеобщей истории»: «Ведь “всеобщая история” тоже не конкретное действие и не факт, а лишь “претензия”, происходящая из увлечения хроникой и “вещью в себе”, из нелепого стремления к бесконечному завершению бесконечного, изначально ошибочного процесса»⁵⁴⁰.

Мысли итальянского философа весьма симптоматичны, и в целом созвучны с мыслями Н.П. Оттокара. Последний критиковал историков-урбанистов за неумение видеть за абстрактными конструктами реальные интересы людей прошлого. «Для них, – писал Н.П. Оттокар, – все интересы горожан, все их помыслы и стремления направлены к идее “коммуны”. Всё внутреннее развитие города связано с этим лозунгом. Из данных местных хроник и “деяний” Огюстен Тьерри, а за ним Гегель, Люшер, Флак, Рейнеке и др. создали целую легенду о превратностях Камбрейской коммуны, о ее повторных успехах и падениях. При этом с “возрождениями” и “подавлениями” коммуны связывался и весь внутренний строй Камбрэ, вообще судьбы городской самостоятельности и свободы. Такая картина представляется мне ошибочной»⁵⁴¹.

Поиск общей идеи, направляющей исторический процесс, приводит к зашориванию сознания исследователя, или, как выражается Н.П. Оттокар, «материализированию». «По склонности нашей к “материализированию” жизненных впечатлений, мы слишком легко и поспешно уверовали в какие-то органические и постоянные “тенденции” горожан. Когда мы читаем в источниках

osservazioni poi sui concetti generali che rivestono un certo carattere di semplicità classista rimangono in vigore, anche dopo la debole replica del Barbadoro a questo soggetto [Мои наблюдения, касающиеся общих концепций, которые принимают характер некоторого классического упрощенчества («капиталистическая олигархия», подеста как инструмент сельского набилизма и др.) остаются в силе, даже после слабой реплики Барбадоро по этому поводу]». См.: Barbadoro B., Ottokar N. Op. cit. P. 98. Подробнее см.: Косминский Е.А. Историография истории средних веков. V в. – середина XIX в. С. 365–400; История исторического знания: Пособие для вузов / Л.П. Репина, В.В. Зверева, М.Ю. Парамонова. М.: Дрофа, 2004. С. 161–162.

⁵⁴⁰ Кроче Б. Теория и история историографии / Пер с ит. И.М. Заславской. М.: Шк. "Языки рус. культуры": Кошелев, 1998. С. 35.

⁵⁴¹ Оттокар Н.П. Опыты по истории французских городов в средние века. С. 6. См. также: Ottokar N. Le città francesi. P. 5. Об этом также: Уваров П.Ю., Попова Г.А. Указ. соч. С. 31.

о какой-нибудь “*conjuratio*”⁵⁴², о каких-нибудь движениях или выступлениях горожан, мы сразу понимаем, в чём дело, и не задумываясь относим их к определённым “явлениям” городской жизни»,⁵⁴³ – обрушивается историк на своих предшественников. «Между тем, – продолжает он, – мы совершаем дальнейшую ошибку: мы и людям того времени, авторам литературных и исторических источников, приписываем наши представления. Мы предполагаем, будто и они воспринимали “коммунальные движения”, как одно одинаковое и постоянное явление, и будто у них к этому “явлению” было своё определённое и единое отношение»⁵⁴⁴.

Серьёзные искажения картины прошлого, возникающие вследствие стремления к генерализациям, не менее убедительно показаны Н.П. Оттокар и на примере современной ему итальянской историографии. «Главная ошибка юридино-экономического материализма в том, что он не чувствует совокупности живого исторического организма и сводит проблемы к поиску противоречий, которые, даже если бы не были столь преувеличены и материализованы, не прояснили бы и не объяснили ровным счетом ничего, будучи только симптомами более разносторонних и глубоких процессов, только фрагментарными и внешними аспектами обширной и совокупной реальности»⁵⁴⁵. «Однако непонятно, из-за каких суеверий эти контрасты продолжают всегда рассматриваться как главное содержание коммунальной истории, да так, что

⁵⁴² Союз, основанный на клятве (лат.).

⁵⁴³ Оттокар Н.П. Опыты по истории французских городов в средние века. С. 8. См. также: Ottokar N. *Le città francesi*. P. 7.

⁵⁴⁴ Оттокар Н.П. Опыты по истории французских городов в средние века. С. 8–9; См. также: Ottokar N. *Le città francesi*. P. 7–8. Подобного же рода замечания и суждения Н.П. Оттокара высказывал и по адресу историков Флоренции, таких как Р. Давидсон, Г. Сальвемини, П. Виллари и др.

⁵⁴⁵ Ottokar N. *Osservazioni sulle condizioni presenti della storiografia in Italia* // Ottokar N. *Studi comunali e fiorentini*. P. 97. По большому счету, именно эта позиция Н.П. Оттокара обсуждается в переписке историка с Джоаккино Вольпе. См. подр.: Ключев А.И. К истории личных и профессиональных отношений Николая Оттокара и Джоаккино Вольпе. С. 146–172. Кроме того, главная заслуга Н.П. Оттокара, по мнению Б. Кроче, состоит в том, что он отошел от к тому моменту уже привычного схематизма экономико-юридического направления. См.: Croce B. *Rec.: Ottokar N. Il Comune di Firenze alla fine del Dugento*. Firenze, 1926 // *La Critica. Rivista di Letteratura, Storia e Filosofia*. 1927. № 25. P. 238–241. См. Также: Ключев А.И. «Об этой книге более обстоятельно будут говорить и обсуждать... знатоки истории флорентийской коммуны». Письмо Н.П. Оттокара Б. Кроче. 1928 г. // Исторический архив. 2017. С. 176–180.

полностью поглотили внимание и мысль историков. Полагаю, что это в большей части связано с некоторыми ментальными подходами, которые бы я назвал материализациями [...], из-за которых отдельные наши абстракции, как отдельные аспекты нашей жизни, приобретают, не знаю почему, всегда четкую и конкретную сущность»⁵⁴⁶. Не будет преувеличением сказать, что Н.П. Оттокар смотрит на итальянскую историографию довольно пессимистично: предубеждения юридино-экономической школы продолжают бытовать, но «не как теоретические положения, но как ментальный навык, как заостенелое психологическое поведение»⁵⁴⁷.

В трудах современных ему историков Флоренции Н.П. Оттокар находил массу подобных примеров. Например, в работах Г. Сальвемини, интерпретировавшего все проявления общественной жизни Флоренции в терминах борьбы между магнатами и пополами. Такой подход «не имеет ничего общего с исторической реальностью», и чаще всего, по Н.П. Оттокару, результат ложных индукций и интерпретаций, а то и вовсе «плод просто скудного и поверхностного знания документов общественной флорентийской жизни того времени»⁵⁴⁸. «Именно с накоплением подобных ошибочных интерпретаций, неточностей и импровизаций (что никому не приходит в голову контролировать, и что, напротив, обычно рассматривается как истина, крепко приобретённая историографией), – писал Н.П. Оттокар в работе 1926 г., – создаётся ощущение абсолютного господства антагонизмов между магнатами и пополами в общественной жизни Флоренции этих лет. Нужно поставить вещи на место, и констатировать более ясным способом, что обычная интерпретация флорентийской истории того периода основывалась на допущениях абсолютно произвольных и фиктивных и не находит никакого фундамента в реальности»⁵⁴⁹. Свою же монографию, посвященную французским городам, Н.П. Оттокар завершил и вовсе неутешительными словами: «Несмотря на большое количество

⁵⁴⁶ Ottokar N. Osservazioni sulle condizioni presenti della storiografia in Italia. P. 96–97.

⁵⁴⁷ Ibid. P. 95.

⁵⁴⁸ Ottokar N. Il Comune di Firenze alla fine del Dugento. P. 182.

⁵⁴⁹ Ibid. P. 187.

работ в этой области, я всё-таки осмеливаюсь утверждать, что к действительному исследованию французских городов до сих пор ещё не приступлено»⁵⁵⁰.

Выход из сложившейся ситуации ученый видел в погружении в исторический материал. Задача историка для него состояла в «тщательном собирании мельчайших деталей обстановки прошлого»⁵⁵¹. Недаром, в своей исследовательской работе Н.П. Оттокар порой похож на антиквара, везде и всегда собирающего мельчайшие детали, осколки исторической материи. Он любит и ценит каждый факт по отдельности. Именно поэтому в основе любого исторического исследования, по его мнению, должен лежать идеографический подход, предполагающий стремление к фактичности, точности и скрупулёзности. Для отечественного медиевиста именно скрупулёзная работа в архивах позволяет написать подлинно историческое сочинение. Отдельный факт – не просто «строительный блок» для теоретической концепции. Находка одного единственного факта способна, по мысли Н.П. Оттокара, решать целые научные проблемы. Именно поэтому творчество историка представляет своего рода мозаику, а его библиография не содержит ни одной обобщающей работы, повествующей об эволюции некоторого исторического явления в широкой временной перспективе. Зато ключевые труды историка посвящены отдельным историческим эпизодам. Не зря для своей книги по истории Флоренции, Оттокар выбрал именно очерковую модель написания, когда каждая глава может рассматривать как самостоятельная работа. К примеру, такова статья о Джотто из Сиены, в которой автор пишет об интересной находке в архиве Флоренции, где в списках сиенских послов фигурирует Джотто ди Бондоне, который является однофамильцем известного флорентийского мастера Джотто⁵⁵². То же касается

⁵⁵⁰ Оттокар Н. П. Опыты по истории французских городов в средние века. С. 257.

⁵⁵¹ Оттокар Н.П. Флорентийский дом в XIV и XV стол<етиях>. С. 32.

⁵⁵² Ottokar N. Di Giotto di Bondone senese, omonimo contemporaneo di Giotto, pittore fiorentino // Ottokar N. Studi comunali e fiorentini. P. 139–141.

статей историка о флорентийских университетах, художниках и контрактах на обучение живописцев⁵⁵³.

Отдельного упоминания заслуживает первый труд Н.П. Оттокара, опубликованный в Италии в 1919 г. Работая в 1913 г. в Государственном архиве Флоренции, историк обнаружил любопытные записи относительно судебного протокола по делу еретика Фаринаты дельи Уберти, осужденного в 1238 г. Ранее считалось, что текст приговора был утерян, однако медиевист смог доказать обратное, обнаружив документ в совершенно ином деле⁵⁵⁴.

Однако сказанное отнюдь не означает, что в своей работе Н.П. Оттокар ограничивался лишь описанием отдельных событий и вовсе не предпринимал попыток представить целостные картины прошлого. Напротив, в работах ученого можно заметить стремление к *индивидуально-синтетическим* построениям, основанным на тщательной работе с источниками и детальной предварительной реконструкции отдельных фактов. В результате, не уходя в «мелкотемье» (по выражению Дж. Керубини) и получая исходный «строительный материал», Н.П. Оттокар приступал к строительству «зданий» – исторических нарративов, охватывающих различные территориальные и временные промежутки. Так, например, статья «К истории взаимоотношений церкви и города в итальянском средневековье» направлена на то, чтобы «проследить те формы, в которых

⁵⁵³ Idem. Appunti per la storia dello Studio fiorentino nel secoli XVI–XVIII // Ottokar N. Studi comunali e fiorentini. P. 151–162. Idem. Pittori e contratti d'apprendimento presso pittori a Firenze alla fine del Dugento // Ottokar N. Studi comunali e fiorentini. P. 135–137.

⁵⁵⁴ «Действительно, страницы 42^t–43^t содержат текст судебного приговора инквизитора брата Саломоне против Уберти, сентенция оглашения и конфискации их имущества, провозглашённой подеста вследствие осуждения инквизитора, и протест уполномоченного лица детей и племянников осуждённых. Только этот последний документ был составлен нашим нотарием. Первые два, напротив, были дословно переписаны «liber continens in se precept et accusations etc.» подесты, переписанные его нотарием Бернардино ди Ланфранко, что оказывается понятным на странице 42^t. Вот эти слова: «scriptus per me, Bernardinum domini Lanfranchi... notarium», на которые случайно натолкнулся тот, кто систематизировал кодексы нотариального Архива, они ввели его в заблуждение, что сбilo с пути всех тех, кто искал материалы сера Бенвенуто ди Альберто для того, чтобы отыскать там сентенцию приговора великому гибеллину». См.: Ottokar N. La condana postuma di Farinata degli Uberti // Ottokar N. Studi comunali e fiorentini. P. 115–123.

завершался во Флоренции переход церквей в ведение граждан»⁵⁵⁵, а статья «Цехи и коммуны во Флоренции в XIII и XIV веках» построена вокруг правового взаимодействия цехов и коммуны⁵⁵⁶. Но особенно ярко подобный подход проявился при реконструкции Н.П. Оттокаром «истинного» облика средневековых городов. В предисловии к итальянскому переводу «Опытов» Н.П. Оттокар писал: «Мои исследования привели меня к убеждению, что, если процесс эмансипации и автономизации городской буржуазии – феномен общий и, следовательно, подлежит некоторому синтезу, кроме того, имеет бесконечно разнообразные и обладающие ярко выраженной индивидуальностью юридические формы во Франции, в которые этот процесс вытекает и проявляется. [...] Каждая коммуна, поэтому представляет собой, говоря юридически и конституционально, уникальную и индивидуальную совокупность, в которой разные аспекты узко переплетены между собой, в то же время, напротив, та юридическая норма или тот мотив, на котором строится в одном городе вся система учреждений и прав, может вовсе отсутствовать в другом городе или, в изменившемся контексте, иметь совершенно иное значение»⁵⁵⁷.

В контексте общих методологических поисков Н.П. Оттокара становится понятно его обращение к методикам просопографического анализа, применяемым им для изучения изменений состава Приората Флоренции в 1280–1290-е гг. Заметим, что хотя сам термин «просопография» известен с XVI в., на протяжении долгого времени, фактически до 1970-х гг.⁵⁵⁸, он не привлекал к себе внимание историков-исследователей и даже воспринимался как синоним биографического

⁵⁵⁵ Ottokar N. *Intorno ai reciproci rapporti fra chiesa ed organizzazioni cittadine nel medio evo italiano. Le «operae ecclesiarum» in Toscana e la loro funzione nel processo del trapasso delle chiese nella gestione di organizzazioni cittadine* // Ottokar N. *Studi comunali e fiorentini*. P. 163–177. См. русский аналог этой статьи: Оттокар Н.П. К истории взаимоотношений церкви и города в итальянском средневековье. «Opera ecclesiae» во Флоренции и ее роль в процессе перехода церквей в ведение коммуны // ЖМНП. 1909. XXIII. С. 1–23.

⁵⁵⁶ Он же. Цехи и коммуна во Флоренции в XIII и XIV вв. // К двадцатипятилетию учено-педагогической деятельности Ивана Михайловича Гревса: Сб. статей его учеников. СПб.: Общественная польза, 1911. С. 241–271.

⁵⁵⁷ Ottokar N. *Le città francesi nel medio evo* // Ottokar N. *Studi comunali e fiorentini*. P. 179–182; См. также: Ottokar B. *Le città francesi*. P. V–VIII.

⁵⁵⁸ Огурцов А.П. Т. Кун: между агиографией и просопографией // Философия науки. 2004. Т. 10. № 1. С. 12–14.

метода⁵⁵⁹. Отечественная историографическая традиция до 1990-х и вовсе не оперировала данным понятием⁵⁶⁰. В самом общем виде просопографию можно определить как метод построения коллективной биографии некоторой социальной группы, которая обладает набором схожих характеристик⁵⁶¹. Американский историк Д. Нэйлз говорит о ней как о «рассказе об индивидах в связи с друг другом и главными событиями своей эпохи»⁵⁶². В.А. Григорькин, в свою очередь, полагает, что «основным специфическим качеством просопографического метода выступает отнесение его к ценности индивидуального человеческого существования»⁵⁶³. При этом, по мнению данного автора, «его использование имеет вполне конкретную, но двоякую цель: с одной стороны, подчеркивая уникальность жизненного опыта личности, доказать несводимость индивидуумов и их поведения к общим нормативным системам (экономическим, социокультурным, политико-правовым и т.д.), с другой — учитывая уникальность и единичность конкретного жизненного опыта, выразить общее, интерпретировать автобиографические свидетельства не в изоляции, а во взаимосвязи с исторической и социальной плоскостью»⁵⁶⁴. Иными словами, просопография как раз и позволяет автору представить один из вариантов

⁵⁵⁹ Огурцов А.П. Биографический метод // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2010. Т. 1. С. 266–267. Нам не известно применения методики просопографического исследования в медиевистике до исследований Н.П. Оттокара. Однако, стоит отметить, что в смежных дисциплинах, например, в антиковедении просопографию использовал М. Гельцер. См.: Gelzer M. Die Nobilität der römischen Republik. Berlin; Leipzig, 1912.

⁵⁶⁰ Аксенов А.И. Генеалогия и просопография // Восточная Европа в древности и средневековье: проблемы источниковедения: XVII чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто: IV чтения памяти доктора исторических наук Александра Александровича Зимина, Москва, 19–22 апреля 2005 г.: тезисы докладов, Ч. 2. М.: Ин-т истории СССР, 2005. С. 166.

⁵⁶¹ Дюма Ж. Об изучении элит в современной историографии // ФЕ 2001. М., 2001. С. 126–137; Григорькин В.А. Новое концептуальное направление исследования культурного наследия // Известия Алтайского госуниверситета. 2007. № 4/2. С. 46.

⁵⁶² Nails D. The People of Plato: A Prosopography of Plato and Other Socratics. Indianapolis, IN; Cambridge: Hackett Pub, 2002. P. XXXVII.

⁵⁶³ Григорькин В.А. Формирование российского типа предпринимателя-буржуа на примере Д.Е. Бенардаки: дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2008. С. 21.

⁵⁶⁴ Там же. См. также: Петрова М.С. Просопография как специальная историческая дисциплина. СПб.: Алетейя, 2004. С. 5–10.

индивидуально-синтетического построения, учитывающего конкретный факт в общей картине некоторого исторического процесса.

Попытка выстроить «коллективную биографию» членов флорентийского приората представлена Н.П. Оттокар в работе «Флорентийская коммуна в конце эпохи Дуэченто». Глава «Правящее сословие» в общем объеме книги занимает 57 страниц, что составляет 27 % общего объема книги⁵⁶⁵. Она состоит из 9 параграфов, 6 из которых посвящены изучению поименного состава всех членов приората от всех шести сестерий города (Ольтрарно, Сан-Пьер Скераджо, Борго, Сан Панкратио, Порта дель Дуомо, Порта ди Сан-Пиетро) в 1282–1292 гг. Н.П. Оттокар начинает с подсчета общего количества семей, заседавших в приорате в течение указанного промежутка времени и выяснения роли их членов в рамках данной политико-административной структуры. Такие операции позволяют историку утверждать, что главенствующее положение в приорате в конце XIII в. занимали семьи Барди (девять приоратов), Каниджани (семь приоратов) и Макиавелли (четыре приората), представлявшие практически треть всех приоров сестерии Ольтрарно⁵⁶⁶. После этого изучается каждая фамилия, причем по определенной схеме: Н.П. Оттокар начинает с цеховой принадлежности, от рода занятий конкретной семьи переходит к семейному доходу, положению в обществе и к изучению горизонтальных связей членов данного дома.

Данная методика хорошо просматривается на примере семьи Веллутти, история которой, благодаря наличию семейной хроники, была восстановлена ученым наиболее полно. «Представители семейства Веллутти трижды встречаются в приоратах это периода. [...] Веллутти были приписаны к цеху Пор Санта Мария и посвятили себя торговле разного рода, но прежде всего торговле итальянскими тканями, особенно миланскими» – пишет Н.П. Оттокар⁵⁶⁷. В данной области

⁵⁶⁵ В репринтном издании 1974 г. для сравнения, глава «Учреждение Приората» составляет 30 стр., глава «Магнаты и пополаны» – 39 стр., глава «Флорентийская политика в 1285–1292 гг.» – 70 стр., глава «Народное движение 1293–1294 гг.» – 17 стр.

⁵⁶⁶ Ottokar N. Il Comune di Firenze alla fine del Duecento. P. 49.

⁵⁶⁷ Ibid. P. 52.

представители семьи преуспели и за границами города, совершая коммерческие операции во Франции и Англии, давая видным домам этих стран деньги в займы»⁵⁶⁸. «Со всех этих операций компания Веллутти, – продолжал ученый, – должна была извлекать большую сумму, которая превосходила по их вычислениям цифру в 60 000 золотых флоринов. Ясно, что мы изучаем представителей высшего слоя флорентийского пополанства»⁵⁶⁹.

Рассмотрев положение семьи «в статике», Н.П. Оттокар переходит к изучению ее положения в контексте социальной структуры Флоренции, а затем обращается к анализу горизонтальных связей членов семьи. «Веллутти были породнены с наиболее значительными магнатскими домами Флоренции, – пишет Н.П. Оттокар, – Все дочери вышеуказанного Мико Веллутти вышли замуж за Магнатов. Одна из них была женой мессера Пепе деи Буондельмонти, другая – Гуэрруччо де Росси, третья соединилась с Мальята де Лукардеси да Лукардо. Лапо Веллутти, о котором мы говорили выше, женился на дочери члена магнатского дома Петрибуони. Вторая жена Липпо Веллутти была дочерью рыцаря Сколайо деи Пульчи, в то время как его первая жена (происходила из семьи Бельфределли, одной из наиболее видной в сестьерии Ольтарно) была родственницей крупного банкира Гино Фрескобальди (который также был приором в 1285 г.) и тетей будущего епископа Флоренции Антонио дельи Орси. Кроме того, Веллутти были родственниками Каппони, другой видной семьи из той же самой сестьерии, которая также была представлена в приоратах этого периода. Так они были связаны между собой, разными семейными и деловыми связями, эти представители управляющего слоя, эта олигархия «важнейших и древних горожан», неважно, магнаты или пополаны»⁵⁷⁰.

Таким образом, индивидуально-синтетический метод позволяет Н.П. Оттокару реконструировать *неповторимый* облик каждого конкретного средневекового города. Недаром, во введении к работе Н.П. Оттокара о Венеции читаем: «Всякий другой итальянский город, при всей своей значительности и при

⁵⁶⁸ Ibid.

⁵⁶⁹ Ibid. P. 52–53.

⁵⁷⁰ Ibid. P. 53–54.

всех своих индивидуальных особенностях, может быть рассматриваем как явление общеитальянской средневековой общественности и культуры. Не то Венеция. Это целый мир, самобытный, единственный, целая культура, неповторимая в своём величии и своеобразии; это какое-то чудо, ни на что не похожее и ни с чем не сравнимое. Необычайны судьбы этого удивительного города, выросшего на зыбких островках, «между сушей и морем». Своеобразное положение как бы оторвало его от остальной Италии, определило ему особенные исторические пути. Только проследив начальные шаги «города на водах», предрешившие всю дальнейшую его судьбу, мы уловим основные культурно-исторические особенности Венеции»⁵⁷¹. Обращаясь к Флоренции, Н.П. Оттокар замечает, что «камень – один из важнейших элементов внешнего вида Флоренции и одна из главных составляющих его духа»⁵⁷². И далее: «Твердый, основательный, крепкий и, прежде всего, здравый – таков дух Флоренции, запечатленный в ее жителях. [...] Подобные качества, к примеру, свойственны готическому духу Сиены, в то время как Флоренции – это сама размеренность, порядок, выдержанность и наполненность – все то, что называется классикой»⁵⁷³. «Сиена – не только один из немногих итальянских городов, сохранивших свой практически нетронутым средневековый облик, но один из немногих городов Италии, очевидно обладающих готическим характером. Еще тогда, в средневековье, истинно готический характер города был очевиден людям» – пишет Н.П. Оттокар о Сиене⁵⁷⁴.

В то же время, нужно четко провести грань: индивидуально-синтетический метод для Н.П. Оттокара не является синонимом индуктивного метода. Индуктивный метод, понимаемый как процесс познания частного для перехода к общему, имеет своей целью получение общих суждений. Применительно к

⁵⁷¹ Оттокар Н.П. Культурные центры старой Италии. I. Венеция. С.62; Ottokar N. Venezia. Cenni di cultura e storia veneziane. P. 7.

⁵⁷² Он же. Флоренция. Очерки флорентийской истории и культуры // Русские в Италии: культурное наследие эмиграции / Сокращенный перевод с ит. М.Г. Талалая. С. 405. См. также: Ottokar N. Firenze. Cenni di storia e cultura fiorentine. Firenze, 1940. P. 7–8.

⁵⁷³ Ottokar N. Firenze. Cenni di storia e cultura fiorentine. P. 7.

⁵⁷⁴ См.: Ottokar N. Siena. Cenni di storia e cultura senesi. Firenze, 1944. P. 5.

изучению средневекового города это означало бы допущение, что от истории отдельного европейского города можно оттолкнуться для познания города как общеевропейского явления. Для Н.П. Оттокара это бы означало перенос выводов, полученных при изучении одного города, на другой, существующий зачастую в совершенно других условиях. И пример французских городов, а именно Суассона и Санлиса, в этом плане совершенно показателен. Для Н.П. Оттокара, несмотря на общую схожесть текстов коммунальных хартий, реальные и правовые условия Суассона и Санлиса были совершенно противоположны. В Суассоне коммунальная ассоциация выступала как самостоятельно действующая сила, вне традиционных властей и сеньорий, как объединяющий центр. Санлис же – королевский город. И коммуна была здесь органом королевской власти с четко регламентируемыми правами. Однако в современных Н.П. Оттокару трудах эти различия игнорировались, да и сами книги по истории французских городов, по словам медиевиста, ничем не отличались одна от другой.

Для объяснения этого факта Н.П. Оттокар указывал на то, что авторам большинства исторических трудов «не хватает всякого контакта, живого и непосредственного, между историком и реальностью им изучаемой»⁵⁷⁵. Еще в 1919 г. историк утверждал, что при отсутствии всякой способности к *синтетическому чувству исторической действительности*, «конкретный исторический материал остаётся в сущности непонятым и неиспользованным», ведь «сам по себе исторический материал ничего не говорит и ничего не значит, он становится живым и понятным только тогда, когда он *попадает на своё место* – в контексте данной исторической «направленности»... Без этого мы можем получить лишь *видимость истории*»⁵⁷⁶.

Вероятно, и стремление Н.П. Оттокара к изучению *индивидуального*, и его признание необходимости «*соприкосновения*» с прошлым, является выражением методологических поисков петербургской школы медиевистики начала XX в. и даже шире – петербургской исторической науки того времени. И.М. Гревс

⁵⁷⁵ Ottokar N. Le città francesi nel medio evo // Ottokar N. Studi comunali e fiorentini. P. 180.

⁵⁷⁶ Оттокар Н.П. Опыты по истории французских городов в средние века. С. 256–257.

настаивал на том, что любые общие тенденции неизбежно должны проявлять себя на уровне индивидуумов. Характеризуя методологию главы петербургских медиевистов, А.В. Свешников отмечал, что любую общую тему И.М. Гревс неизбежно «портретизировал»⁵⁷⁷. В таком стиле, в частности, была построена его магистерская диссертация, посвященная особенностям римского землевладения времен империи и написанная на материалах работ Горация и Помпония Аттика⁵⁷⁸. В дальнейшем, пытаясь найти узловые точки истории Флоренции XIII в., эпохи борьбы между гвельфами и гибеллинами, между императорами и папским престолом, И.М. Гревс также обращался к отдельным историческим фигурам. По его мнению, именно Данте являлся «квинтэссенцией» всех культурных процессов, протекавших в это время в городе⁵⁷⁹. Немало общего с разработками петербургских коллег имела и работа близкого к столичным медиевистам П.М. Бицилли «Салимбене. Очерки итальянской жизни XIII века»⁵⁸⁰.

Однако было бы серьезной ошибкой не отмечать серьезных различий в методологических исканиях названных историков и Н.П. Оттокара. Так, если И.М. Гревс неизбежно ощутил влияние романтизма, стремившегося *постичь* прошлое и *проникнуть* в его ткань, то флорентийский ученый всегда стремился оставаться на почве твердой науки. И тогда как историков-романтиков отличало стремление к интуитивному пониманию истории⁵⁸¹, то Н.П. Оттокар ориентировался на рациональные способы познания исторических событий. Недаром, подлинным образцом добротного исторического исследования для Н.П. Оттокара были работы П. Виллари. Не соглашаясь с ним в вопросах методики, в принципах работы над историческим прошлым, отечественный

⁵⁷⁷ Свешников А.В. Иван Михайлович Гревс (1860–1941). С. 349.

⁵⁷⁸ См. об этом: Бамбизова К.В. Указ. соч. С. 20–24; Свешников А.В. Иван Михайлович Гревс (1860–1941). С. 349–351; Фролов Э.Д. Русская наука об античности. Историографические очерки. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2006. С. 378–391.

⁵⁷⁹ См., напр.: Гревс И.М. Данте Алигьери, мировой поэт и учитель жизни (опыты истории личной души) // СПФ АРАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 211. Так же см.: Он же. Кровавая свадьба Буондельмонте. Жизнь итальянского города в XIII в.

⁵⁸⁰ Бицилли П.М. Салимбене. Очерки итальянской жизни XIII века // Бицилли П.М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад / сост. Ф.Б. Успенский, отв. ред. М.А. Юсим. М.: Языки славянских культур, 2006. 233–240.

⁵⁸¹ Об этом см.: История исторического знания. С. 158.

медиевист, тем не менее, ценил его за удивительное умение воссоздать живую и красочную картину прошлого, не прибегая к ненужной и даже опасной идеализации⁵⁸².

Вероятно, некоторое представление о процедуре исторического исследования нам может дать отчет о заграничной командировке Н.П. Оттокара, который в 1913 г. он прислал своему учителю И.М. Гревсу⁵⁸³. В этом документе автор начинал с того, что констатировал: к работе с источниками нужно подходить подготовленным. Это предполагает изучение литературы предмета. После знакомства с ней, по словам Н.П. Оттокара, можно переходить уже к свидетельствам прошлого. «Первые месяцы ушли на изучение материала, содержащегося в печатных изданиях, в России недоступных и мне до того неизвестных. Это, во-первых, “*Consulte della repubblica fiorentina*”, издание, содержащее около 2000 протоколов заседаний флорентийских советов за восьмидесятые и девяностые годы 13-го века»⁵⁸⁴. После уяснения социально-правовой системы флорентийского общества, Н.П. Оттокар обратился к многочисленным хроникам и семейным записям⁵⁸⁵. «Далее я взялся за многотомные “*Delizie degli eruditi toscani*” Ildefonso di San Luigi, ценнейшее издание 18 века, содержащее, помимо обширного (и чрезвычайно для меня важного) генеалогического материала о ряде видных фамилий Флоренции, списки различных должностных лиц коммун (частью по потерянным уже в настоящее время материалам), списки осужденных в партийной борьбе 13 и 14 века, и подробным перечислением состава семей и конфискованной недвижимости (“*Libro dei danni dati*”, “*Libro del Chiodo*”)»⁵⁸⁶. И наконец, писал Н.П. Оттокар,

⁵⁸² Ottokar N. Prefazione // Villari P. I primi due secoli della storia di Firenze: ricerche. P. V–VI. Кстати сказать, в своей главной работе о истории Флоренции, Н.П. Оттокар ни разу не сослался на работу П. Виллари.

⁵⁸³ Отчет о занятиях магистранта Н.П. Оттокара // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10205. Л. 36–41об. См. также: Ключев А.И. Из истории одной книги. С. 249–270.

⁵⁸⁴ Там же. Л. 37–37об.

⁵⁸⁵ Автор указывает материалы, которые принадлежат перу Donato Velluti, Neri Strinati, Simone della Tosa, Lapo da Castiglionchio, Paolino Pieri, Giovanni di Lemmo, Giovanni Morelli, Cambi, Cavalcanti, Nerli, Pitti, Rinuccini, Varchi, Malavolti (Сиена), Ghirardacci (Болонья)). См.: Там же. Л. 37.

⁵⁸⁶ Там же. Л. 37–37об.

только после этого он приступил к работе в Государственном архиве Флоренции. «Здесь в первую голову мне необходимо было изучить антимагнатское законодательство. Оно в значительной части было известно мне по печатным изданиям, но нужно было еще ознакомиться со статутами подеста, а также с некоторыми более мелкими актами, бросающими свет (что для меня весьма важно) на практику применения чрезвычайных антимагнатских законов. Далее я использовал сохранившиеся в большом количестве акты текущего управления: практические мероприятия, расходы, возмещения убытков и вознаграждения частных лиц за разные услуги, списки должностных лиц и т[ому] п[одобные] (Это так называемые *Registri* и *Protocolli delle Provvisioni*)»⁵⁸⁷.

Приведенные данные проливают свет на «лабораторию» источниковедческого анализа Н.П. Оттокара. В целом, историка нельзя упрекнуть в том, что он игнорирует или превозносит какой-то вид источника, ставит по значимости один выше другого. Для задач исторического исследования необходим максимально широкий охват, привлечение всего возможного корпуса свидетельств прошлого, а также его погружение в конкретный социально-правовой контекст: «Понять источник – значит уловить его специфическую направленность, поставить его на свое место в контексте данной исторической ситуации»⁵⁸⁸. В то же время, еще раз подчеркнем: Н.П. Оттокар твердо убежден, что к источнику нельзя подходить с позиций современности или навязывать ему свои представления. Каждый источник принадлежит своей эпохе, и в каждом отдельном случае требует понимания. «Не Гиберт Ножанский “ослеплён ненавистью к новым учреждениям”, а ослеплены мы своим предвзятым отношением к городской истории. Обычный ложный подход историков отразился и на суждениях о камбрейской “коммуне”. Исследователи заранее убеждены, что все стремления горожан во всякое время и при всяких обстоятельствах направлены на внутреннюю политическую борьбу, на отвоевание себе прав и привилегий. Что могут прибавить к этому убеждению источники? Всякое

⁵⁸⁷ Там же. Л. 37об.–38об.

⁵⁸⁸ Оттокар Н.П. Опыты по истории французских городов в средние века. С. 255.

упоминание о “burgenses“, “communio“, “conjuratio” и т[ому] п[одобное] обязательно направляет мысль в определённую сторону, вызывает известные уже нам представления, заставляет историков повторять все те же мысли и все те же слова. Необходимо освободиться от этих предвзятых и готовых подходов к городской истории. Необходимо отнестись к источникам внимательно и свободно. Тогда они откроют нам особенности данных положений, наведут нас, может быть, на новые наблюдения и толкования»⁵⁸⁹ — заключает пассаж историк.

Вместе с тем, было бы серьезным упрощением, свести все творчество Н.П. Оттокара к «позитивистскому регламенту» исторического исследования, выражающегося в нахождении конкретных исторических фактов и их выстраивании в единую непротиворечивую «концепцию» истории конкретного территориального локуса. Так, мы располагаем вполне убедительными данными, что общий абрис флорентийской истории сложился у Н.П. Оттокара до его поездки в Италию и работы во флорентийских архивах⁵⁹⁰. Кроме того, хотя в творчестве Н.П. Оттокара нет обобщающей работы, к примеру, по истории Флоренции или французских средневековых городов, это еще не значит, что историк не видит в них смысла. Собственно, Н.П. Оттокар никогда и не писал о том, что задача историка ограничивается реконструкцией индивидуально-синтетического образа конкретного города. Более того, известно, что свою работу по истории французских городов, автор называл «методологическим» введением в историю французских городов⁵⁹¹. За этой формулировкой читается не отказ от обобщений как таковых, но понимание того, что путь к верному пониманию

⁵⁸⁹ Оттокар Н.П. Опыты по истории французских городов в средние века. С. 13.

⁵⁹⁰ Представляется, что об этом говорит уже сам отчет, который нами уже цитировался, о работе во флорентийских архивах, датированный 1913 г. См.: Оттокар Николай Петрович. Об оставлении его при Университете по кафедре всеобщей истории // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10205. Л. 36–41об. См. подробнее об этом: Ключев А.И. Из истории одной книги. С. 257–261. На эту же мысль наталкивает и словарная статья о Болонье, написанная для «Нового энциклопедического словаря», несомненно, во время работы в архивах и библиотеки Флоренции и выдержана во вполне оттокаровском ключе. См.: Оттокар Н.П. Болонья // НЭС. СПб.: Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон, 1912. Т. VII. Стлб. 396. Сравните: «Фактически политику коммуны направляло сравнительно небольшое количество знатнейших и богатейших фамилий города. [...] К началу XIII в. созревает в средних, ремесленно-торговых слоях населения недовольство этим господством «магнатов».

⁵⁹¹ Оттокар Н.П. Опыты по истории французских городов в средние века. С. 255.

«городской истории» лежит через реконструкцию индивидуальных обликов конкретных городских историй⁵⁹². Вынося вердикт французской историографии⁵⁹³, Н.П. Оттокар фактически говорит, что еще не настало то время, когда можно говорить об обобщающем историческом синтезе, но никак не о невозможности такого синтеза в принципе. И здесь, вероятно, он оказывается близок к известному отечественному методологу А.С. Лаппо-Данилевскому, настаивавшему на необходимости сочетать индивидуальный и коллективный «регистры» при изучении прошлого и полагавшему, что «задача истории-науки и состоит в объяснении того реально-индивидуального соотношения, которое обнаруживается между частями и данным историческим целым»⁵⁹⁴.

И в творчестве Н.П. Оттокара есть работы, подтверждающие нашу гипотезу. В первую очередь, можно вспомнить монографию «Городские коммуны в средние века», которая по своей сути является как раз таким генерализирующим трудом⁵⁹⁵ и, именно ее, по всей видимости, петербургский медиевист считал едва ли не главным своим историческим сочинением⁵⁹⁶. Собственно, три работы по истории итальянских городов – Венеция, Флоренция и Сиена – несмотря на то, что, казалось бы, дают прекрасный вариант индивидуально-синтетической истории указанных городов, по большому счету, являются вариантом генерализации, направленной на реконструкцию «облика», духа конкретного города (Сиена –

⁵⁹² Там же. С. 257.

⁵⁹³ Там же.

⁵⁹⁴ См., напр.: Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории: в 2-х т. М.: РОССПЭН, 2010. Т. 1. С. 324.

⁵⁹⁵ Работа впервые вышла в качестве статьи в Итальянской энциклопедии в 1931 г. (См. Vol. XI), затем была переиздана по меньшей мере трижды в качестве отдельных брошюр.

⁵⁹⁶ «Esso è frutto di lunghi anni di lavoro ed in esso si trovano riassunti gli studi e le meditazioni dell'autore intorno al fenomeno comunale in genere ed alle sostanziali differenze che esistono fra le città italiane e quelle dei paesi oltramontani. L'autore attribuisce una grande importanza a questo scritto, lo considera perfino forse sua opera più notevole e più matura, in ha mirato a mettere in evidenza la natura unitaria della città italiana, a differenza dell'indole particolare ed isolatrice delle città d'Oltarno [Это результат долгих лет работы и в ней обобщены исследования и размышления автора о коммунальном феномене в целом и о его существенных различиях, которые существуют между итальянскими городами и городами заальпийских стран. Автор придает большое значение этой работе, он даже считает ее, пожалуй, самой заметной и более зрелой работой, в которой он стремился подчеркнуть унитарный характер итальянского города, в отличие от особого и изолированного характера заальпийских городов]». См.: Introduzione // Ottokar N. Studi comunali e fiorentini. P. X.

город готический, Флоренция – город камня и т.д.). Проблему нужно поставить, как нам кажется конкретнее: Н.П. Оттокар не отрицает возможностей генерализации как таковой, вопрос в том, каким путем необходимо двигаться к ней. Основной упрек, который ученый бросает французским историкам средневековых городов звучит так: «Единое понимание всех вообще коммунальных хартий, как актов, по назначению и характеру своему однородных и непременно находящихся в одинаковой плоскости – я считаю источником величайших заблуждений в истории французских городов. На ложном и нивелирующем понимании значения коммунальных хартий основана и та великая и бесплодная путаница, которая сложилась вокруг вопроса о взаимной связи различных городских «прав» и «конституций». Создалась обширная учёная литература о «филиации» коммунальных конституций – целый мир призраков, в котором уже несколько десятилетий живёт французская «городская историография». Всё совершенствуется «научная генеалогия» коммунальных хартий, и всё далее отодвигается задача изучения реальной городской действительности. Ибо вся эта призрачная ученость не имеет ничего общего с действительным исследованием истории французских городов»⁵⁹⁷. В то время, как для Н.П. Оттокара был приемлем только один путь познания прошлого – от истории конкретных городов, реконструкции конкретных историй к истории общей, примером которой и выступает работа «Городские коммуны в средние века».

Безусловно, оставаясь на почве позитивизма, Н.П. Оттокар, в то же время, не мог не испытать на себе воздействия и некоторых методологических течений XIX в., близких к романтизму или связанных с ним (например, «философия жизни», психологизм и т.д.). Несмотря на то, что в историографии прочно укоренилось убеждение, будто он отвергал всякий психологизм в исторических исследованиях, Н.П. Оттокар никогда не отрицал и не пытался исключить активную роль историка в процессе исторического познания. Именно поэтому в своих очерках по истории Венеции, Сиены и Флоренции автор начинал с того, что

⁵⁹⁷ Оттокар Н.П. Опыты по истории французских городов в средние века. С. 264–265.

постулировал характера города. А далее, через конкретные сферы его жизнедеятельности, через произведения искусства, картины, произведения скульптуры, произведения литературы, исторические свидетельства, хроники, он шел к конкретным событиям городской истории, в которых неизменно находил следы той самой городской «души». Подтверждением внимания Н.П. Оттокара к психологической составляющей исторического процесса может стать и его оценка творчества Р. Давидсона, которого он критиковал за невнимание к этому аспекту жизни прошлого⁵⁹⁸.

Отдельно, конечно, необходимо отметить еще одну, довольно типичную характеристику творчества ученого. Мы говорим о черте характера, которая отражалась на страницах работ исследователя на уровне естественного хода мысли и изложения, которую отмечали практически все критики и оппоненты Н.П. Оттокара от Н.П. Анциферова, И.М. Гревса⁵⁹⁹ и О.А. Добиаш-Рожественской⁶⁰⁰ до Б. Барбадоро⁶⁰¹ и Г. Сальвемини⁶⁰² и др. Речь идет о подчеркнуто критическом подходе к традиции, стремлении перепроверить и

⁵⁹⁸ Ottokar N. La storia di Firenze di Roberto Davidsohn (Firenze ai tempi di Dante) // Ottokar N. Studi comunali e fiorentini. P. 106–107.

⁵⁹⁹ См.: Гревс И.М. Отзыв о труде Н. П. Оттокара «Опыты по истории французских городов в средние века» // СПФ АРАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 143. По всей видимости, именно в связи с довольно серьезной критикой традиции историков-урбанистов со стороны Н.П. Оттокара, И.М. Гревс так болезненно отреагировал на труд своего ученика.

⁶⁰⁰ См.: Добиаш-Рожественская О.А. Выступление на диспуте по поводу книги Н. П. Оттокара «Опыты по истории французских городов в Средние века» и материалы к выступлению. Черновой автограф. 1919 год // ОР РНБ. Ф. 254. Д. 223. Л. 5, 7, 9, 23 и далее. О.А. Добиаш-Рожественская даже называет это «манией». См.: Там же. Л. 9.

⁶⁰¹ Barbadoro B., Ottokar N. Problemi di storia del Comune di Firenze // ASI. 1937. Disp. I. P. 88–89.

⁶⁰² Эрнесто Сестан приводит в своем некрологе по случаю кончины Гаэтано Сальвемини выдержку из письма последнего к своему ученику Пиеро Пиери, в котором говорит: «Certo, l'Ottokar fu troppo severo col mio lavoro [Конечно, Оттокар был слишком суров к моей работе]. См.: Sestan E. Salvemini storico e maestro. P. 15. Далее, кстати, в письме обсуждается в чем был прав Н.П. Оттокар критикуя Г. Сальвемини, что еще раз говорит о том, что отношения между двумя историками, на фоне полемики, оставались довольно дружескими: «In qualche punto mi pare che l'Ottokar abbia colpito giusto colle critiche al mio distema d'idee. Nell'entusiasmo delle prime scoperte e sotto l'influenza delle dottrine marxiste proprio da me abbracciate con fervor in quegli anni, io riuscii un po' troppo schematico nella interpretazione degli avvenimenti [В какой-то степени, мне кажется, что Оттокар был прав, критикуя мою систему идей. Под влиянием энтузиазма первых открытий и марксизма, который мной с рвением был принят, у меня получилась немного схематичная интерпретация событий]». См.: Ibid.

переосмыслить ее, что в творчестве историка находит вполне логичное выражение в текстах, и порою в довольно-таки резких формах.

Подводя итоги, необходимо также сказать и о том, когда сформировалось историческое мировоззрение Н.П. Оттокара, менялось ли оно в дальнейшем и какие факторы оказывали влияние на данный процесс. В целом, мы полагаем, что и концепция становления французских городов, и понимание конкретных событий истории Флоренции сложилось у Н.П. Оттокара задолго до революции, очевидно во время обучения в Санкт-Петербургском университете и во время довоенной командировки во Флоренцию. В дальнейшем историческое мировоззрение ученого не претерпевало радикальных трансформаций (в том числе и под влиянием внешних политических обстоятельств⁶⁰³). Об этом свидетельствуют даже прямые смысловые совпадения в текстах историка разных лет, например, в словарной статье о Болонье в «Новом энциклопедическом словаре» (1911 г.) и его монографии о флорентийской коммуне (1926 г.). В этом смысле, вероятно, следует согласиться с И.В. Дубровским, утверждавшим, что все творчество историка укладывает в русский этап его биографии, ничего не оставив на итальянский⁶⁰⁴. Основываясь на изученном материале, можно утверждать, что принципиально новых идей в эмиграции у Н.П. Оттокара не появилось.

Однако в то же время мы полагаем, что творчество Н.П. Оттокара лишь с изрядной долей условности можно отнести к какой-либо конкретной методологической системе или какому-либо определенному направлению, хотя его искания в целом были созвучны тенденциям в исторической науке начала XX в. и являлись в некоторой степени ответом на «кризис историзма» (впрочем, хорошо осознанный лишь постфактум). Нам кажутся довольно поспешными и искусственными попытки сблизить методологические подходы Н.П. Оттокара и Л.П. Карсавина или отнести флорентийского ученого к историко-культурному

⁶⁰³ В этом случае мы не можем согласиться с мнением И.А. Красновой, утверждавшей, что на воззрения Н.П. Оттокара «существенно повлияли враждебное неприятие революции 1917 г. в России и ненависть к большевистскому режиму». См.: Краснова И.А. Флорентийское общество во второй половине XIII–XIV в. С. 8.

⁶⁰⁴ Дубровский И.В. Оттокар и другие. С. 106.

направлению⁶⁰⁵. Во-первых, все-таки, как нам представляется, культурная составляющая исторических исследований для Н.П. Оттокара не является предметом глубоких исследований, как для И.М. Гревса и Л.П. Карсавина. Труды, написанные в этом (прежде всего, очерки по истории Флоренции, Сиены и Венеции), вторичны в его творчестве. Во-вторых, столкнувшись с кризисом историзма Л.П. Карсавин и Н.П. Оттокар находят диаметрально противоположные ответы на этот вызов. Л.П. Карсавин все больше стремится к генерализации, к поиску духовного. Н.П. Оттокар же выступает «защитником» исследовательских принципов позитивизма (в его позднем «критическом» прочтении) и, в то же время, отдает дань новым методологическим поискам неокантианства и др. Именно поэтому в творчестве ученого очевиден как «культ факта», так и идея о том, что обобщение данных фактов – дело не сегодняшнего и даже не завтрашнего дня. Недаром, сам Н.П. Оттокар предпринял лишь одну попытку продвинуться в данном направлении, опубликовав в 1936 г. в издательстве «Новая Италия» работу «Городские коммуны в средние века», призванную зафиксировать некоторые общие особенности данного явления. Принимая в расчет сказанное, мы можем рискнуть назвать Н.П. Оттокара «ревизионистом», постаравшимся пересмотреть взгляды своих предшественников и построить новое здание истории европейских городов (в первую очередь, Флоренции) на твердом фундаменте «фактов», не включаемых в заранее заданную идеологическую схему⁶⁰⁶.

⁶⁰⁵ См., напр.: Морозов А.А. Русская медиевистика в эмиграции (Л.П. Карсавин, П.М. Бицилли, Н.П. Оттокар): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2001. С. 15; Его же. Некоторые вопросы методологии истории средневекового города в работах Н.П. Оттокара. С. 77, 79.

⁶⁰⁶ Впервые термин «ревизионизм» применительно к Н.П. Оттокару был применен О.Л. Вайнштейном. См.: Вайнштейн О.Л. Историография средних веков в связи с развитием исторической мысли от начала средних веков до наших дней. С. 284. Часто это слово фигурирует в западной современной литературе, правда лишь для того, чтобы подчеркнуть противоположность концепции Н.П. Оттокара концепции Г. Сальвемини. См.: Becker M. Florentine essays. Selected Writings by M.B. Becker // Coll. by J. Banker & C. Lansing. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2002. P. 106; Blanshei S. Politics and justice in late medieval Bologna. Leiden; Brill; Biggleswade, 2010. P. 1.

В своей монографии 1974 г. Е.В. Гутнова для объяснения трансформаций в исторической науке конца XIX – начала XX в. ввела понятие «критическое направление», среди представителей которого «господствовали тенденции, враждебные социологическим обобщениям в истории и

2.3. Утверждение метода: история французских средневековых городов в творчестве Н.П. Оттокара

Несмотря на то, что в мировой историографии имя Н.П. Оттокара оказывается связанным преимущественно с изучением истории Флоренции и некоторых других итальянских городов эпохи Средневековья, его первая монография, призванная подтвердить исследовательское мастерство автора и стать основой для присуждения ему (пусть и неофициально) степени магистра, была посвящена средневековым городам Франции⁶⁰⁷. В первой главе мы подробно останавливались на обстоятельствах подготовки данного издания, сейчас же попробуем проанализировать его содержание, показав, как петербургский медиевист на практике воплощал свои «методологические идеалы». По сути дела, именно на этом материале происходило утверждение, апробация его метода работы.

В первую очередь, стоит обратить внимание на полемическую заостренность труда Н.П. Оттокара, поставившего в этом исследовании под сомнение многие выводы своих предшественников и коллег-современников. В работе, носящей характер очерков, посвященных северным городам средневековой Франции (Камбрэ, Нуайон, Суассон, Санлис, Бовэ и др.), Н.П. Оттокар выступает с критикой построений А. Пиренна, который, как мы помним, отыскивал «торговые» истоки средневековых городов⁶⁰⁸. В построениях бельгийского коллеги видятся, как минимум, два серьезных недостатка, связанных, во-первых, с необоснованной экстраполяцией, выводов, полученных при изучении бельгийских источников, на материал других областей Западной Европы, а, во-вторых, с попыткой вместить все богатство исторического

историческому синтезу, нацеленные на пересмотр всех основных теорий и концепций», «уход в частную и локальную тематику, увлечение фактографическими исследованиями». Гутнова Е.В. Историография истории средних веков. С. 347–348. Мы не согласны с таким подходом выдающегося советского историка, грешащим, на наш взгляд, серьезным схематизмом.

⁶⁰⁷ Оттокар Н.П. Опыты по истории французских городов в средние века.

⁶⁰⁸ См.: Пиренн А. Средневековые города и возрождение торговли. С. 47, 51, 54–55, 56–68; Его же. Средневековые города Бельгии / Под ред. Е.А. Косминского. СПб.: Евразия, 2001. С. 139–140, 142–150.

материала в прокрустово ложе «торговой» теории. «Известная синтетическая попытка Пиренна лишь постольку ценна, верна и плодотворна, поскольку она имеет в виду определять идеальные “цели” городского развития в связи с более или менее абстрактными потребностями средневекового “торгового человека”. Она лишена всякого значения, поскольку она обращена к реальной почве исторической действительности, поскольку она стремится на деле проследить филиацию реальных форм исторической жизни. Первая задача, при всей ограниченности своего исторического значения, все же, по-своему, законна и правдива. Вторая – при полной фиктивности своих методологических предпосылок – фатально обречена на неудачу»⁶⁰⁹.

Немногим лучше он отзывается о выводах О. Тьерри, посвященных вопросу о коммунальных хартиях, полученных французскими средневековыми городами. Приведем конкретный пример расхождений Н.П. Оттокара со своим французским коллегой. Реконструируя историю Камбрэ, О. Тьерри полагал, что коммуна в Камбрэ появилась в 1076 г. благодаря более чем столетней борьбе горожан с епископом. «В 957 г. они [горожане – А. К.] воспользовались отсутствием епископа, – писал О. Тьерри, – который отправился ко двору императора, и заключили против него лигу, поклявшись не впускать его в город. На обратном пути епископ узнал, так как молва об этом далеко распространилась, что въезд ему в город запрещен и что он наедет ворота запертыми, а стены хорошо охраняемыми»⁶¹⁰. Закончившееся поражением, это выступление горожан, однако, по мнению Тьерри, «оставило глубокий след в сердцах камбрийцев» и в 1024 г. был составлен новый заговор, и горожане, сделавшись господами города, изгнали каноников и всех церковных клерков, разрушили их дома, а наиболее ненавистных бросили в тюрьму⁶¹¹. «Эта революция продолжалась недолго; императорская армия восстановила в Камбрэ церковную сеньорию. Но революция

⁶⁰⁹ Там же. С. 244. См. об этом также: Морозов А.А. Проблема становления средневекового города в трактовке Н.П. Оттокара. С. 21.

⁶¹⁰ Тьерри О. Городские коммуны во Франции в средние века. С. 35.

⁶¹¹ О. Тьерри очень часто в принципе и применительно к событиям в истории города Камбрэ, использует слово «революция».

возобновилась в 1064 г. Горожане взяли за оружие и захватили в плен своего епископа Лиэтберта: понадобилось снарядить три армии: императорскую, графа Фландрского и графини Геннегауской, чтобы смирить восставших. Несмотря на эту новую неудачу, камбрийцы не пали духом и двенадцать лет спустя во время понтификата племянника Лиэтберта, Герарда, снова подняли восстание и на этот раз устроили постоянную ассоциацию, именовавшуюся коммуной»? — писал О. Тьерри⁶¹².

Н.П. Оттокар был явным противником подобной картины. Обращаясь к анализу источников, он утверждал, что никаких сведений «о каком-то солидарном выступлении горожан, закреплённом клятвой, о каких-то требованиях, предъявленных епископу», мы там не найдем⁶¹³. Следовательно, у нас нет оснований полагать, что так называемого городского самоуправления не существовало и прежде. Город может развиваться конституционно и без привязки к так называемым «коммунальным революциям». «Может быть, горожане признавались уже некоторым общественным целым, и существовали уже нормальные органы, в которых находила себе выражение известная тенденция к самоуправлению» — писал Н.П. Оттокар⁶¹⁴. О. Тьерри же в своих построениях явно находился под влиянием современных ему французских событий.

⁶¹² Там же. С. 36–37.

⁶¹³ Оттокар Н.П. Опыты по истории французских городов в средние века. С. 14–15.

⁶¹⁴ Там же. См. также: Оттокар Н.П. Коммуны средневековые // НЭС. Петроград: Издание Акционерного общества «Издательское дело бывшее Брокгауз-Ефрон», 1915. Т. 22. Стлб. 383. См. также: «L'organizzazione comunale è generalmente considerata come l'elemento costitutivo dell'ordinamento interno delle città di Comune. Viene ammesso che il movimento comunale ha compreso o assorbito tutti i progressi giuridici del mondo urbano e che le Carte comunali hanno sanzionate le conquiste costituzionali dei borghesi. [...]. L'evoluzione interna delle città di Comune non è necessariamente legata all'organizzazione comunale di esse. Non bisogna confondere le congiure dei borghesi e l'attività dei loro organi associative collo stato costituzionale della città. Fra questi due fenomeni esiste soltanto un rapporto indietro. L'esistenza di un' associazione comunale è certamente un fatto di notevole importanza per lo stato interno della città e per le sue trasformazioni ulteriori, ma non determina ancora il suo ordinamento costituzionale e giuridico [Коммунальная организация обычно рассматривается как составной элемент внутренней организации городов-коммун. Признается, что коммунальное движение впитало в себя все юридические достижения городского мира и что коммунальные хартии санкционировали конституционные достижения горожан. [...]. Внутренняя эволюция городов-коммун не обязательно связана с их коммунальной организацией. Нельзя смешивать заговоры горожан и деятельность их объединений с конституционным положением города. Между этими двумя явлениями существует только не прямая связь. Существование коммунальной ассоциации, безусловно, имеет большое значение

Отвергая подобные трактовки и не соглашаясь со многими другими выводами своих коллег (например, с попыткой М. Рейнеке доказать влияние внешнего контекста на коммунальное движение в Камбрэ), Н.П. Оттокар предлагает свою версию событий средневековой французской городской истории. В целом, при реконструкции взглядов историка на данный вопрос мы полагаем, что нам необходимо обратить внимание на два существенных момента. С одной стороны, вопреки поискам историков рубежа XIX–XX вв., Н.П. Оттокар исходил из того, что город представлял собой обособленное в правовом отношении *целое*, со своими специфическими интересами. Иными словами, город мыслился Н.П. Оттокаром как зона действия совершенно уникального городского права⁶¹⁵. «Общее впечатление от Gesta не оставляет сомнения в том, – писал он, – что мы имеем дело с некоторым обособленным и объединённым миром. Этот мир тяготеет, как к центру, к «*urbs*» в узком смысле слова, т.е. к укреплённому, обнесённому стенами городу. Отсюда исходят те права и те отношения, которые объединяют и регулируют весь городской мир. Правда, мы не знаем, в какой степени этот мир был юридически объединён и обособлен. Однако некоторый материал у нас всё же имеется. Но прежде всего я должен пояснить, что я понимаю под объединением города. Важно не то, чтобы все публичные функции и права были непременно объединены в руках одной власти, например графа, епископа и т.п. Можно представить себе объединённый и обособленный мир при крайней множественности носителей прав и функций, этот мир объединяющих. Важно, чтобы все эти компетенции, хотя бы и принадлежали разным сеньорам, осуществлялись в обособленных пределах данного мира, и чтобы каждая из них охватывала этот мир целиком. Пусть в городе *teloneum* принадлежит одному сеньору, высшая юрисдикция другому, заведывание укреплениями и всяческие

для внутреннего состояния города и для его дальнейших преобразований, но еще не определяет его конституционный и правовой порядок]». См.: Ottokar N. La funzione del Comune ed il significato della carta comunale nella storia delle città francesi nel Medioevo // Ottokar N. Studi comunali e fiorentini. P. 51–52.

⁶¹⁵ А. Вульфиус мнение Н.П. Оттокара по этому поводу называет «самым блестящим достижением автора». См.: Вульфиус А.Г. Указ. соч. С. 51. Пример подобного подхода, см.: Пиренн А. Средневековые города Бельгии. С. 150–161. См. также: Пиренн А. Средневековые города и возрождение торговли. Глава 6.

военные функции третьему. Важно то, что данная территория в отношении пошлин и торговых поборов регулируется как одно целое, что в судебном отношении город охватывается как обособленная единица, что общие потребности защиты и общие военные потребности превращают данный мир в одно объединённое, хотя бы только в этом отношении целое. Диплом Оттона I 941 года, жалующий камбрейскому епископу “*teloneum huius civitatis*” важен для меня не тем, что несомненно усиливает влияние епископа в городе, а тем, что свидетельствует о существовании здесь известной публичной функции, объединяющей, обособляющей и регулирующий тот мир, который назван в тексте “*civitatis Camaracensis*”»⁶¹⁶. Принимая в расчет сказанное, мы можем утверждать, что для Н.П. Оттокара была очевидна и судебная обособленность городской территории.

Кроме того, по мнению Н.П. Оттокара, французские средневековые города развивались *преимущественно поступательно*. Именно в этом контексте, как мы видели ранее, он критиковал О. Тьерри. В отличие от французского специалиста, для Н.П. Оттокара в истории отдельного города могло и вовсе не наблюдаться никаких коренных правовых «сломов» и «коммунальных революции», а коммунальное движение вовсе не было всепоглощающим и всеохватывающим явлением⁶¹⁷. Более того, далеко не всегда внутренняя эволюция города была обязана своим возникновением её коммунальной организации. Довольно явный пример этой мысли Н.П. Оттокар находил в истории Камбрэ⁶¹⁸. Так, по мнению автора «заговоры» горожан были связаны с чем угодно. Чаще всего поводом к

⁶¹⁶ Оттокар Н. П. Опыты по истории французских городов в средние века. С. 4.

⁶¹⁷ См. также: Морозов А.А. Некоторые вопросы методологии истории средневекового города в работах Н.П. Оттокара. С. 78. См.: «Il torto principale della storiografia delle città francesi è stato quello di aver completamente trascurato questa fisionomia individuale di ogni singolo Comune e di aver ridotto la storia delle città a pure astrazioni, altrettanto facili quanto sterili, come “il movimento comunale”, “il diritto municipale”, “l’emancipazione della borghesia” ecc. [Главная ошибка историографии французских городов заключалась в том, что она полностью игнорировала эту индивидуальную физиономию каждой отдельной коммуны и сводили историю городов к чистым абстракциям, столь же легким, как и бесплодным, таким как «коммунальное движение», «освобождение буржуазии» и т.д.]. См.: Ottokar N. Le città francesi nel medio evo // Ottokar N. Studi comunali e fiorentini. P. 180.

⁶¹⁸ См. также: Ottokar N. Cambrai. Storia // EI. P. 514–515.

коллективному восстанию служила внешняя угроза, события внешней истории городов. Более того, по мысли петербургского медиевиста, «восстания горожан Камбрэ с 1076 года и до конца XII века не были борьбой за завоевание внутренней автономии города или за избавление от сеньориального бремени. Скорее они были вызваны конкретными заботами внешней политики. Они добиваются утверждения влияния горожан за пределами города, в беспорядочном и неустойчивом мире окружающих феодальных сил»⁶¹⁹. «Территория «*Patria Cameracensis*» стала театром войн и постоянных разорений. Естественно, что горожане Камбрэ, которые видели в этом препятствия для своих занятий торговлей и снабжение города подверженным риску, – утверждал Н.П. Оттокар, – были особенно заинтересованы в утверждении собственного влияния в феодальной политике епископства. До конца XII века они действительно были не согласны с внешнегородской политикой, чем были вызваны всех конфликты между епископом и горожанами Камбрэ. И особенно показательно, что даже восстание 1076 года, которое обычно рассматривалось историками как первая попытка освобождения городского мира от епископской тирании, было вызвано обстоятельствами внешнегородской политики: иначе говоря, соглашением нового епископа Герарда II и кастеллана Уго и восстановлением этим последним всех своих владений и прав на территории епископского княжества»⁶²⁰. Иными словами, коммунальная организация, по мнению Н.П. Оттокара, никогда не была привязана к этим выступлениям⁶²¹. Для петербургского ученого коммуна являлась

⁶¹⁹ См.: Ottokar N. Le funzione del Comune ed il significato della carta comunale nella storia delle città francesi nel Medioevo. P. 52.

⁶²⁰ Ibid. 52–53.

⁶²¹ См. также: «Nominalmente, il signore della città è il vescovo, dal quale dipende feudalmente la contea; ma di fatto in Amiens il potere pubblico si trova nelle mani del conte, che agisce per mezzo del suo preposto (prévost) e del collegio degli scabini (un maieur e 24 scabini). Il preposto, a seconda dei casi, esercita le sue funzioni talvolta solo, talvolta assistito dagli scabini, che sono, oltretutto organo della giustizia comitale, anche esponenti degli interessi della collettività dei cittadini [Номинально, сеньором города был епископ, у которого в феодальной зависимости находится графство; но фактически в Амьене публичная власть находится в руках, который действует через своего прево (prevost) и коллегия скабинов (1 мэр и 24 скабина). В зависимости от случая, прево выполняет свои функции иногда в одиночку, иногда с помощью скабинов, которые, помимо органа графской юстиции, являются также представителями интересов сообщества граждан]». См.: Ottokar N. Amiens. Storia // EI. P. 973–974.

способностью к ассоциативному действию, в некотором смысле она существовала до этих выступлений, и пережила их полное поражения⁶²².

Подобное прочтение коммунальной истории французских средневековых городов привело Н.П. Оттокара к пересмотру взглядов относительно коммунальных хартий – документов, традиционно рассматриваемых в качестве основных показателей конституционного порядка в городе. И хотя многие аспекты данной темы были рассмотрены ученым в более поздних трудах (о которых речь пойдет в последнем разделе данной главы), общий взгляд на заданную проблему был представлен Н.П. Оттокар уже в «Опытах по истории французских городов». Основная мысль историка может быть передана в следующей форме: ценность коммунальной хартии в историографии была сильно преувеличена; конституционное устройство города вовсе не определялось коммунальной хартией. Это умозаключение проиллюстрировано на примере Бовэ⁶²³, Санлиса и Суассона.

Если говорить о Бовэ, то уже в XI в. здесь существовали некоторые кутюмы, говорящие об ограничении сеньориальной власти, а в 1099 г. в ходе конфликта капитулом сообщалось о каких-то «*consuetudines civitatis*», соблюдать которые *обязался* епископ, кроме того, были ещё королевские уступки, которые закреплялись дипломами 1115 и 1122 гг. Это действительно конституционные тексты города Бовэ. И уже это свидетельство может говорить в пользу того, что городское самоуправление развивалось здесь отдельно от «коммуны». В подтверждение данного тезиса Н.П. Оттокар привел королевскую санкцию – текст коммунальной хартии 1144 г., дарованной Людовиком VII. «Было бы однако большою ошибкою предполагать, будто постановления хартии имеют целью фиксировать нормальную конституцию города и основные права горожан. Содержание хартии не даёт нам картины внутреннего строя города. Её постановления односторонни и случайны. Это совсем не “*consuetudines civitatis*”,

⁶²² Оттокар Н.П. Опыты по истории французских городов в средние века. С. 47, 57 и др. См. также: Ottokar N. Le città francesi nel medio evo // Ottokar N. Studi comunali e fiorentini. P. 180–181.

⁶²³ См. также: Ottokar N. Beauvais. Storia // EI. P. 457.

если под последними разумеет кодекс прав и обычаев города, некоторую сумму результатов городского развития. Одним из важнейших и бесспорнейших прав своих, по крайней мере с тех пор, как они сплотились в “коммуну”, горожане Бовэ считали свободу от “мёртвой руки”. Когда, перед пожалованием коммунальной хартии Компьену, Людовик VII запросил их о том, “*qualiter communionem suam tenuerunt*”, они сочли нужным подчеркнуть именно это положение. Тем не менее наша хартия не содержит никаких указаний на эту основную привилегию коммунаров Бовэ. Коммунальная хартия, повторяю, не есть отражение нормального порядка и установившихся в городе отношений. Она не только не охватывает всей конституции города, всей суммы его прав и обычаев, но вообще не направлена даже в эту сторону»⁶²⁴. Взаимная помощь, солидарная защита против насилий и угнетений внешних сил по отношению к коммуне – вот доминирующий мотив хартии. То, что было установлено в этом заключении, не есть ежедневная и нормальная компетенция глав коммуны, а скорее вероятное право к жестоким и беспорядочным действиям в экстраординарных случаях и определённых не точно. Целиком права и привилегии горожан, точно также как нормальные атрибуты органов коммуны, не были зафиксированы в хартии Бовэ.

Случаи Суассона и Санлиса кардинально отличны как между собой, так и от случая города Бовэ, где по своей сути была заимствована коммунальная хартия. В Суассоне успехи городского мира были ничтожны к моменту появления клятвенных союзов, город издавна был подчинён графу, доминирующему синьору, что не исключало вовсе наличие других отдельных синьорий. Горожане были обременены разного рода сеньориальными налогами, совершенно неизвестными в эту эпоху в других городах, подчинялись почти полностью отдельным юрисдикциям. В этом отношении Санлис кардинально отличается, несмотря на почти полное воспроизведение хартии Суассона. Санлис – это королевский город, и синьории здесь были слабыми⁶²⁵. Поддержанная королём

⁶²⁴ См.: Оттокар Н.П. Опыты по истории французских городов в средние века С. 150–151.

⁶²⁵ См. схожий «кейс»: *Fu uno dei più importanti comuni della Francia settentrionale. Il vescovato di Laon fu istituito da S. Remigio nel periodo merovingio, e la città si trovò dapprima sotto il dominio dei vescovi; ma all'inizio del sec. XII i cittadini si ribellarono contro il vescovo, l'uccisero e distrussero il*

хартия была следствием соображений внешней политики. Хартия Санлиса может рассматриваться как документ конституционного устройства не более чем в Бовэ или Суассоне. Все стремления горожан Санлиса были санкционированы вне коммунальной хартии, специальными разрешениями, действующими вне коммунальной хартии. Поэтому санлисская коммуна не имеет своей «истории». С первых же шагов она была *наделена сверху* чуть ли не всею полнотою власти. При этом компетенция её осуществлялась не на исторически сложившейся почве городского поселения, а в пределах широкой, более или менее *искусственно отведённой* ей территории. Реальное значение хартии в Санлисе – утверждение ассоциативной связи и коллективной индивидуальности городского мира, где суассонский пример рассматривался как типичная формула⁶²⁶.

Подводя итоги, нужно отметить прежде всего, что книга автора, написанная на тех материалах, которыми располагал Н.П. Оттокар в Перми 1916–1919 гг., фактически не вводит нового источникового материала, а оперирует уже изученным, ориентирована на его пересмотр и новое прочтение. Интересующая нас работа стала важной вехой в интеллектуальной эволюции автора и отчетливо обозначила его «исследовательский почерк». Именно в «Опытах по истории

suo palazzo. Il comune di Laon venne però costituito formalmente alquanto più tardi, ma sempre nel corso del sec. XII. Il potere vescovile venne quasi del tutto eliminato a profitto del re di Francia e dell'organizzazione comunale, la quale durò fino al 1331, quando fu soppressa dal re [Лаон – одна из самых важных коммун севера Франции. Епископство Лаона было основано св. Ремигием в период Меровингов, и первоначально город находился под властью епископов; но в начале XII века горожане восстали против епископа, убили его и разрушили его дворец. Однако формально коммуна Лаона был образован несколько позже, но видимо в течение XII столетия. Епископская власть была почти полностью ликвидирована в пользу короля Франции и коммунальной организации, которая просуществовала до 1331 года, когда она была подавлена королем]». См.: Ottokar N. Laon // EI. P. 522.

⁶²⁶ См. также схожую мысль Н.П. Оттокара о реальной разности условий конкретных городов в словарной статье об Arras: «Il suo diritto municipale (per quanto pervenuto a noi in una redazione abbastanza tarda, della fine del sec. XII) è uno dei più antichi nelle Fiandre, e ha perfino servito di modello alle "leggi" (*Keure*) delle principali città della contea, come Ypres, Gand, Bruges e altre. Lo scabinato di Arras veniva considerato come *chef des sens* degli scabinati della maggior parte delle città delle Fiandre, i quali ricorrevano a lui per chiarire le loro incertezze giuridiche [Коммунальное право Arrаса (хотя оно дошло до нас в довольно позднем документе, конца XII века) является одним из старейших во Фландрии и даже послужил образцом для «законов» (*Keure*) главных городов графства, таких как Ипр, Гент, Брюгге и другие. Институт скабината Arrаса считался *chef des sens* скабинатов большинства городов Фландрии, которые прибегали к нему, чтобы прояснить свои юридические неопределенности]». См.: Ottokar N. Arras. Storia // EI. P. 576.

французских городов» в полной мере заявили о себе критицизм петербургского медиевиста, его стремление к независимым выводам, нередко противоречащим сложившимся стереотипам и суждениям, ориентация на данные источника, прочитываемого в контексте «своей» эпохи, отказ от поспешных генерализаций и обобщений. Эту черту работы подчеркивали уже первые критики работы, к примеру, О.А. Добиаш-Рождественская⁶²⁷. Хотя некоторые методологические посылы автора к моменту появления работы, были не столь новы (об этом, кстати, говорил в своем отзыве И.М. Гревс⁶²⁸), она отличалась степенью акцентирования и постулирования исследовательских принципов, а также последовательностью их воплощения. Тем самым, книга побуждала современников к критическому переосмыслению того, что уже было усвоено как достижение исторической мысли – об этом говорила О.А. Добиаш-Рождественская⁶²⁹, писал В.В. Вейдле⁶³⁰. Вероятно, именно эту черту подчеркивал и близкий друг Н.П. Оттокара по флорентийскому периоду Э. Сестан, когда отмечал, что «это, конечно, работа наиболее оригинальная и свежая, среди работ Оттокара, более оригинальная и свежая, чем его работы по истории Италии»⁶³¹. Это же понимал и сам Н.П. Оттокар, когда готовил перевод «Опытов» на итальянский язык⁶³². Все это

⁶²⁷ См.: Добиаш-Рождественская О.А. Выступление на диспуте по поводу книги Н.П. Оттокара «Опыты по истории французских городов в средние века» и материалы к выступлению. Черновой авторграф. // ОР РНБ. Ф. 254. Д. 223. Л. 12.

⁶²⁸ Гревс И.М. Отзыв о труде Н.П. Оттокара «Опыты по истории французских городов в средние века» // СПбФ АРАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 143. Л. 3–4.

⁶²⁹ См.: Добиаш-Рождественская О.А. Выступление на диспуте по поводу книги Н.П. Оттокара «Опыты по истории французских городов в средние века» и материалы к выступлению. Черновой авторграф. // ОР РНБ. Ф. 254. Д. 223. Л. 12, 23об.

⁶³⁰ «Но главное внимание я обратил на вышедшие уже из печати главы книги Н.П. Оттокара о французских городах и в связи с этим тщательно изучил историю Камбрэ по юридическим и повествовательным источникам». См.: Вейдле В.В. Отчет о занятиях оставленного при Петроградском университете по кафедре всеобщей истории В.В. Вейдле за время пребывания в Перми с сентября 1917 по сентябрь 1918 г. // ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 65. Л. 55.

⁶³¹ Sestan E. Introduzione // Ottokar N. Il Comune di Firenze alla fine del Duecento. Torino: Einaudi, 1962. P. XIII.

⁶³² См.: «Lo repubblico ora, nella lingua della mia patria adottiva, perchè credo che il suo indirizzo metodologico e storiografico meriti di essere riaffermato e difeso dinanzi a un pubblico più vasto di cultori di storia medioevale [Я переиздаю ее сейчас на языке моей приемной родины, потому что считаю, что его методологическая и историографическая направленность заслуживает нового обсуждения перед более широкой аудиторией любителей средневековой истории.]. См.: Ottokar N. Li città francesi nel medio evo // Ottokar N. Studi comunali e fiorentini. P. 180.

позволяет нам заключить, что «Опыты» Н.П. Оттокара – это одна из первых собственно оригинальных работ по истории западноевропейских городов в России, традиция исследования которых в то время только начинала складываться⁶³³, а ее воздействие на читателей связано с тем, что в ней представлен в первой зрелой форме его исследовательский метод, ставший зерном его исторической концепции.

2.4. Вершина творчества: история Флоренции эпохи Дуэченцо в интерпретации Н.П. Оттокара

Если поворот к французскому материалу носил для Н.П. Оттокара временный и вынужденный характер, то история средневековой Флоренции представляла собой основную область приложения его научных сил. При этом внимание ученого еще в петербургский период его жизни было приковано к флорентийским событиям конца XIII в. Мотивируя свое обращение к этим сюжетам, в 1913 г. Н.П. Оттокар писал из Италии своему учителю И.М. Гревсу: «Уезжая в командировку в Италию, я (как Вы хорошо знаете) ставил себе главной целью изучение движения против городского патрициата (“магнатов”) в итальянской коммуне, преимущественно во Флоренции. Социально-экономическая эволюция коммуны представлялась мне достаточно выясненной предыдущими исследованиями, но мне казалось, что не одними социальными

⁶³³ В целом, мы солидарны в оценке развития российской урбанистики конца XIX – начала XX вв. с мнением Е.Ю. Полховской, замечавшей, что «российская историческая мысль конца XIX – начала XX вв. в области средневековой урбанистики развивалась в общем контексте с зарубежной исторической наукой». См.: Полховская Е.Ю. Становление отечественной средневековой урбанистики // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2007. № 1 (137). С. 44. Действительно, работы историков указанного периода, посвященные истории западноевропейских городов направлены на освоение результатов исследований европейских специалистов, и многие из них явно «вторичны». Но книга Н.П. Оттокара не укладывается в указанный контекст. Это же отмечала О.А. Добиаш-Рождественская: «сосредоточение на проблемах неразрешенных или разрешенных неверно – это самая замечательная особенность книги, которая определит ее судьбу. Эта судьба в русской литературе, особенно нынешней может быть печальной. Предполагается известным все, что известно автору. [...]. Он рискует не найти публики, которая бы его критиковала или оценила, даже просто усвоила». См.: Добиаш-Рождественская О.А. Выступление на диспуте по поводу книги Н.П. Оттокара «Опыты по истории французских городов в средние века» и материалы к выступлению. Черновой авторграф. // ОР РНБ. Ф. 254. Д. 223. Л. 6.

антагонизмами вызываются внутренние движения в коммуне в 13 и 14 веках»⁶³⁴. Вероятно, такой ракурс изучения флорентийской истории был избран молодым ученым отнюдь не случайно. О влиянии, которое оказал на Н.П. Оттокара И.М. Гревс, «тонкий знаток средневековой Италии»⁶³⁵, мы уже говорили. Однако не менее серьезную роль в выборе Н.П. Оттокаром объекта для научных изысканий сыграли недавно опубликованные труды флорентийского историка Г. Сальвемини. В уже упоминаемом письме И.М. Гревсу, не упоминая фамилии своего итальянского коллеги, петербургский медиевист писал: «Только отрешившись от современных представлений, можно понять, каковы были разнообразнейшие источники этой силы, что выдвигали отдельные семьи, даже отдельных лиц, что делало их необходимыми, а потому ставило их выше всякой нормы, всякого закона. [...] Надо погрузиться в реальные условия итальянской политики той эпохи, надо изучить всю технику политической жизни в коммуне, чтобы понять истинную природу антимангнатских движений и вместе с тем внутреннюю неизбежность их крушения»⁶³⁶.

Сам подход Г. Сальвемини был неприемлем для Н.П. Оттокара: «Для этого историка весь политический мир Флоренции представляется строго разделённым на ряд определенных социальных групп и партий, всегда противоречащих, фиксированных и точных. [...] Каждая эта группа живет в полностью изолированном круге интересов и тенденций и никогда не теряет сознания собственной индивидуальности. Лишь иногда они заключают между собой временные “союзы” с определённой целью, способом партийных соглашений и парламентских блоков, которые практикуются в политической жизни современной Европы. Каждая группа остаётся по сути дела всегда неизменной и фиксированной; потенциально она всегда готова к завоеванию власти и утверждению своей “программы”: только неблагоприятные обстоятельства их вынуждают в некоторые

⁶³⁴ Дело Оттокар Николай Петрович об оставлении при университете // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10205. Л. 36. См. также: Ключев А.И. Из истории одной книги. С. 257.

⁶³⁵ Рутенбург И.В. Русские медиевисты об Италии. С. 157.

⁶³⁶ Дело Оттокар Николай Петрович об оставлении при университете // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10205. Л. 36–36 об. См. также: Ключев А. И. Из истории одной книги. С. 257–258.

моменты воздерживаться от подобных попыток и ожидать “подходящего момента”»⁶³⁷.

Иные взгляды Н.П. Оттокара на социальные столкновения во Флоренции в конце XIII в. нашли наиболее полное выражение в монографии «Флорентийская коммуна в конце эпохи Дуэченто». Историк исходил из того, что «было бы грубейшей ошибкой всегда видеть в управленческом слое Флоренции последних двух десятилетий Дуэченто анонимное представительство определённых групп ремесленных корпораций»⁶³⁸. Вся общественная жизнь города, по его словам, строилась на основе коммерческих и промышленных слоев населения, что существенно ограничивало верховенство старой аристократии⁶³⁹. Именно поэтому Н.П. Оттокар опровергал тезис Г. Сальвемини о принципиальной новизне такого флорентийского политического института как приорат⁶⁴⁰. Становление данного

⁶³⁷ Ottokar N. Il Comune di Firenze alla fine del Dugento. P. 13. В библиографии работ Н.П. Оттокара также есть специальная статья, посвященная учреждению Приората, которая была опубликована на итальянском языке в 1924 г. См.: Ottokar N. L'Istituzione del Priorato di Firenze // ASI. 1924. LXXXII. P. 5–71. Так как первые две главы разбираемой монографии Н.П. Оттокара, являются полной копией статьи 1924 г., в дальнейшем, мы будем ссылаться только на издание монографии.

⁶³⁸ Ottokar N. Il Comune di Firenze alla fine del Dugento. P. 16. См. также: Ottokar N. Il Comune di Firenze // Ottokar N. Studi comunali e fiorentini. Firenze, 1948. P. 84–85. См. также статью Н.П. Оттокара «Il Comune» в сборнике работ «Firenze», изданной под редакцией Йоланды де Блази: Ottokar N. Il Comune // Firenze / A cura di Jolanda de Blasi. Firenze: Sansoni, 1944. P. 47–61. В дальнейшем, мы будем ссылаться на издание этой работы в сборнике трудов Н.П. Оттокара Studi comunali e fiorentini».

⁶³⁹ Idem. I comuni cittadini del medio evo // Ottokar N. Studi comunali e fiorentini. P. 29. См. также общие размышления о феномене итальянской коммуны XIII в. См.: Ibid. P. 25–30.

⁶⁴⁰ «La storia delle lotte fra i Magnati e il Pòpolo, nei tre lustri consecutivi alla pace del Cardinale Latino, sarà il soggetto del presente studio. Questi quindici anni hanno nella storia fiorentina una importanza fondamentale. In essi la lotta fra i Grandi e le Arti maggiori arriva all'apice; il Popolo grasso conquista il Comune e afferma stabilmente la propria supremazia sui Magnati; dietro al Popolo grasso si avanza il Popolo minuto ed entra per la prima volta nel governo; la costituzione comunale si rinnova e assume la sua forma definitiva e nascono il Priorato, gli Ordinamenti di giustizia, il Gonfalonierato della giustizia, istituzioni intorno alle quali si raccoglie la vita del Comune e che diventano come il simbolo di esso [История борьбы между магнатами и пополанами, на протяжении времени, предшествующего миру кардинала Латино, является предметом данного исследования. Эти пятнадцать лет имеют для флорентийской истории принципиальное значение. В эти годы борьба между грандами и старшими цехами достигает своего апогея; «жирный» народ завоевывает коммуну и твердо устанавливает свое превосходство над магнатами; за «жирным» народом поднимается «тощий» народ и впервые входит в правительство; коммунальная организация обновляется и принимает окончательную форму, рождается приорат, появляются Установления справедливости, гонфалоньер справедливости,

института, по его словам, происходило не одномоментно и революционно, как утверждали историки-марксисты⁶⁴¹, а постепенно и плавно. Опираясь на обширный материал заседаний флорентийских советов за 1281–1282 гг., историк делал вывод, что уже с этого времени стало нормальной политической практикой привлечение в Совет глав семи старших цехов, а также, потенциально, обращение ко всей массе ремесленников города⁶⁴². Более того, анализируя материалы заседаний советов в первую декаду 1282 г., Н.П. Оттокар и вовсе замечал, что у него есть «ощущение, что собственно главы стали органом, вокруг которого концентрируется, реально, вся деятельность правительства»⁶⁴³. Следовательно, по

институции, вокруг которых сосредоточена коммунальная жизнь, и которые становятся символом коммуны]». См.: Salvemini G. *Magnati e popolani in Firenze dal 1280 al 1295*. P. 20–21.

⁶⁴¹ Наиболее последовательно видение истории Флоренции этого периода в советской традиции было изложено в работах Л.М. Баткина, ставшие результатом подготовки им кандидатской диссертации «Социально-политическая борьба во Флоренции в конце XIII — начале XIV веков и идеология Данте». См., напр.: Баткин Л.М. Гвельфы и гибеллины во Флоренции XIII в. С. 23–48; Его же. Подготовка и создание приората во Флоренции. С. 203–218; Флорентийские гранды и поправки 1295 г. к «Установлениям Правосудия». С. 75–97. См. Его же: Его же. Данте и его время: Поэт и политика // Его же. Избранные труды в шести томах. М.: Новый хронограф, 2015. Т. 1. Люди и проблемы итальянского Возрождения. С. 711–712. См. также: Гуковский М.А. Итальянское Возрождение. Т. 1. Италия с 1250 по 1380 год. С. 53–54. В целом, в след за указанными авторами идет и Л.М. Брагина. См.: Италия в Средние века и ранее Новое время. V–XVII в. Изд. 2-е, стереот. М.: РГГУ, 2017. С. 128–129.

⁶⁴² См., напр, итоговый вывод по ситуации, связанной с утановлением мира кардинала Латино и учреждению приората: «Il sorgere del Priorato artigiano non rappresenta, dunque, che l'ultima fase del lento e profondo spostamento costituzionale, che si delinea già dal principio del 1281 [Рождение ремесленного приората представляет собой, следовательно, не что иное как последнюю фазу длительного и глубокого конституционного развития, который проявляется уже с начала 1281 г.]». См.: Ottokar N. *Il Comune di Firenze alla fine del Dugento*. P. 12. См. также страницы, которые освящают период 1280–1282 гг. См.: Ibid. P. 5–12. См. также: Ibid. *Il Comune di Firenze // Ibid. Studi comunali e fiorentini*. P. 83–85. Ср.: «Только в 1280 г. Флорентийские пополаны сумели, искусно использовав рознь между гвельфской и гибеллинской знатью и соперничество между Карлом Анжуйским и римской курией, добиться при помощи папского легата кардинала Латино Франджипани создания правительства «Четырнадцати», в котором им принадлежало большинство мест». И далее: «В 1282 г. «Сицилийская вечерня» (восстание, пошатнувшее трон Карла) отозвалась радостным благоветом в сердцах флорентийский пополанов. Час их пробил. [...]. Это был радикальный поворот, острием своим нацеленный против «грандов» (или «магнатов»)). См.: Баткин Л.М. Данте и его время: Поэт и политика // Его же. Избранные труды в шести томах. М.: Новый хронограф, 2015. Т. 1. Люди и проблемы итальянского Возрождения. С. 713.

⁶⁴³ Ottokar N. *Il Comune di Firenze alla fine del Dugento*. P. 11. См. Также: Ottokar N. *Firenze. Cenni di storia e di cultura fiorentine*. P. 80–83. Те же самые идеи зафиксированны и в лекционных курсах Н.П. Оттокара для студентов Флорентийского университета, которые, по всей видимости, легли в основу очерка по истории Флоренции. См.: *Corso di storia medioevale: dalle lezioni del Chiar.mo prof. Ottokar / Raccolto da A.M. Catelani. Anno accademico 1942–43*. Firenze:

словам историка, учреждение приората не носило революционного характера, напротив, после появления этого органа в политическом устройстве Флоренции произошли лишь незначительные изменения.

Подтверждая этот тезис, Н.П. Оттокар обратился к анализу персонального состава новой структуры, посвятив этому вопросу вторую главу анализируемой нами монографии. В результате просопографического исследования автор пришел к выводу, что флорентийское правительство 1282–1292 гг. являлось по своему характеру олигархическим⁶⁴⁴, и здесь не может быть и речи о «лишенной

Soc. An. Ed. Universitaria, 1943; Storia medioevale: dalle lezioni del Prof. N. Ottokar // Raccolte dalla studentessa G.M. Ghimenti. Firenze: Universitaria editrice, 1946; Corso di storia medioevale: dalle Lezioni di N. O. / raccolto da D. Fabroni e L. Barocas; (Gruppo universitario fascista, Firenze. Anno accademico 1935-36, XIV). Firenze: Casa Ed. Poligraf. Universitaria C. Cya, 1936 и др.

⁶⁴⁴ «Nel nuovo Sistema, formalmente «popolare», di Firenze si delineò però ben presto la prevalenza di determinati gruppi familiari, tanto da conferire alla costituzione interna della città un carattere nettamente oligarchico [В новой флорентийской системе, формально «пополанской», очень быстро обнаруживается превалирование отдельных фамильных групп, так что внутреннее устройство города приобрело отчетливо олигархический характер]». См.: Ibid. Il commune di Firenze. P. 85. В своих словарных статьях по истории французских городов, Н.П. Оттокар также говорит об олигархических группах, которые управляли городами. См., напр.: «L'organizzazione comunale di Lione assunse ben presto, come in tutte le città di Francia, un carattere nettamente aristocratico, e fu di fatto concentrata nelle mani di un gruppo di poche famiglie della ricca borghesia [Коммунальная организация Лиона вскоре приобрела, как и во всех городах Франции, отчетливо аристократический характер и фактически была сосредоточена в руках группы нескольких семей богатой буржуазии]». См.: Ottokar N. Lione. Storia // EI. P. 227; «Naturalmente anche in Arras, come nelle altre città delle Fiandre lo scabinato rimase per lungo tempo nelle mani d'una ristretta oligarchia. Il sistema di elezione dei nuovi scabini assicurava agli scabini uscenti un'influenza preponderante nella formazione del collegio governativo. Gli scabini uscenti eleggevano infatti nel loro seno quattro uomini, i quali, insieme a venti altri, da loro stessi eletti, componevano lo scabinato per il periodo seguente. Di fatto il sistema portava, se non ad un' immutabilità, ad una rotazione periodica dei medesimi personaggi, e comunque garantiva la stabilità del ceto governante [Конечно, также в Arras, как и в других городах Фландрии, скабинат долгое время находился в руках небольшой олигархии. Система избрания новых скабинов обеспечила уходящим скабинам преобладающее влияние на формирование правительственной коллегии. Фактически, уходящие скабины избирали из своего состава четырех человек, которые вместе с двадцатью другими, избранными ими сами, составили скабинат на следующий период. Фактически, система вела, если не к неизменности, к периодической смене одних и тех же персонажей и в любом случае гарантировала стабильность управляющего класса]». См.: Ottokar N. Arras. Storia // EI. P. 577; «Infatti alcune delle più importanti corporazioni di commercio e di mestiere riuscirono ad ottenere una modesta parte nel consiglio generale e nel consolato. Ma questa è piuttosto un'elevazione al rango di prud'hommes di pochi strati sociali sottostanti che una democratizzazione vera e propria della struttura politica del comune. Abbiamo notizie, è vero, di tumulti popolari contro l'oligarchia consolare (dalla prima metà del sec. XIII), che costrinsero i ceti dirigenti ad accettare alcune riforme nel sistema tributario [Фактически, некоторым из наиболее важных торговых и ремесленных корпораций удалось получить скромное участие в генеральном совете и консулате. Но это скорее возведение в ранг prud'hommes нескольких нижестоящих социальных слоев, чем

индивидуальности демократии», о которой писал Г. Сальвемини. Напротив, как убедительно показал Н.П. Оттокар, практически все члены приората были «не безызвестными, анонимными представителями масс», а людьми, «которые длительное время играли важную роль в городской политике и были экспертами в управлении общественными делами, или благодаря своей деятельности в органах коммун и партии гвельфов, или в силу своего участия в крупных торговых и финансовых предприятиях, тесно связанных с флорентийской политикой»⁶⁴⁵. Показательно также, по мысли петербургского медиевиста, что даже не будучи членами наиболее видных семей Флоренции, приоры, тем не менее, почти всегда занимали высокое положение в городской жизни⁶⁴⁶. «Управление городов, даже в пополанских коммунах, оставалось в руках аристократии или управляющего слоя, составленного прежде всего из представителей выдающихся деловых людей»,⁶⁴⁷ —

истинная демократизация политической структуры коммуны. У нас есть новости, правда, о народных восстаниях против консульской олигархии (с первой половины XIII века), которые вынудили правящие классы согласиться с некоторыми реформами в налоговой системе]». См.: Ottokar N. Agen. Storia // EI. P. 854; «Di fatto il governo del comune si trovava nelle mani di una ristretta oligarchia, rappresentata dai ricchi mercanti e dagli imprenditori dell'industria della lana. In seguito si ebbero a Lilla movimenti sociali, rivolti contro il dominio dell'oligarchia governante. Allora intervenne il re Filippo il Bello, il quale sostenne le oligarchie dominanti contro la democrazia e fece guerra al conte di Fiandra il quale si appoggiava sulle masse popolari [Фактически, управление коммуной находилось в руках небольшой олигархии, представленной богатыми купцами и представителями шерстяной промышленности. Позже в Лилле возникли общественные движения, восставшие против господствующей олигархии. Затем вмешался король Филипп Красивый, который поддержал доминирующие олигархии против демократии и развязал войну с графом Фландрии, который опирался на народные массы]». См.: Ottokar N. Lilla. Storia // EI. P. 147.

⁶⁴⁵ Ottokar N. Il Comune di Firenze alla fine del Duecento. P. 86.

⁶⁴⁶ Ibid. P. 62.

⁶⁴⁷ Ottokar N. I comuni cittadini del medio evo // Ottokar N. Studi comunali e fiorentini. P. 29–30. «Sarebbe certamente un grave errore il raffigurarsi i governanti del Comune popolare della nostra città come anonimi rappresentanti di masse democratiche. Benchè dal punto di vista puramente formale il governo dei Priori delle Arti emani dalla massa degli appartenenti alle corporazioni artigiane, tuttavia tale base potenzialmente vasta ed illimitata del Sistema popolare risulta in realtà assai più ristretta, in quanto alle anonime masse del mondo artigiano si sovrappongono determinate cricche di dirigenti che sono un nucleo assai più limitato di qualsiasi aggruppamento nell'ambiente delle Arti [Было бы грубой ошибкой представлять правителей народной Коммуны нашего города как анонимных представителей демократических масс. Несмотря на то, что с чисто формальной точки зрения, правительство приората Цехов исходит от масс принадлежащих ремесленным организациям, тем не менее, такая база, потенциально широкая и неограниченная, народной системы оказывается на деле очень узкой, так как над анонимной массой ремесленного мира добиваются господства определенные клики управляющих, которые представляют собою очень

говорил в данной связи Н.П. Оттокар. При этом он никогда не выдвигал тезиса о закрытости приората, напротив, в анализируемой монографии историк подводит нас к мысли об «эластичности» политического строя города, позволявшего различным слоям населения принимать участие в общественной жизни Флоренции. «Под ловким и взвешенным руководством правительственной олигархии, – полагал автор, – действуют, в силу разнообразия принципов и способов ежедневного сотрудничества, различные слои и социальные группировки населения»⁶⁴⁸. Иными словами, по мысли Н.П. Оттокара, в конце XIII в. мы видим во Флоренции своего рода «гражданское общество», которое добровольно делегировало свои полномочия группе «народных избранников», сохранив при этом за собой политические права⁶⁴⁹.

Но подобный постулат отнюдь не означает, что в конце эпохи Дуэченто во Флоренции установился абсолютный мир. То, что в свое время Л.М. Баткин принял за «слабое звено» в концепции Н.П. Оттокара⁶⁵⁰, в концепции Н.П. Оттокара является поиском ответа на вопрос о внутреннем функционировании общественных структур. Данный вопрос волновал еще Н. Макиавелли, который говорил о естественным образом существующей вражде в каждом государстве между знатью и народом⁶⁵¹. Естественность такого

ограниченное ядро, среди группировок, состоящих из Цехов]». См.: Ottokar N. Il commune di Firenze // Ibid. P. 85.

⁶⁴⁸ Ottokar N. Il Comune di Firenze alla fine del Dugento. Firenze, 1962. P. 91.

⁶⁴⁹ «Questa elasticità è segno di una equilibrata ampiezza della vita politica del Comune. Indipendentemente dalle norme fondamentali dell'ordinamento costituzionale, si effettua una continua partecipazione alla vita pubblica di vari ceti ed elementi della cittadinanza fiorentina. [...]. Tale assetto pratico della vita politica fiorentina non viene da nessuna parte ostacolato e contraddetto. Sarebbe un grave errore il credere che i Popolani si opponessero alla partecipazione dei Magnati all'attività politica, o che questi ultimi contestassero la vigente costituzione popolare [Эта эластичность является признаком сбалансированной широты политической жизни коммуны. Независимо от основополагающих норм конституционного строя, в общественной жизни постоянно участвуют различные слои и элементы флорентийского общества. [...]. Этому практическому устройству флорентийской политической жизни нигде нет препятствий и противоречий. Было бы серьезной ошибкой полагать, что popolani выступали против участия магнатов в политической деятельности или что последние оспаривали действующую народную конституцию]». См.: Ibid. Il Comune di Firenze alla fine del Dugento. Firenze, 1962. P. 91.

⁶⁵⁰ См.: Баткин Л.М. Флорентийские гранлы и поправки 6 июля 1295 г. к «Установлениям справедливости». С. 83–84.

⁶⁵¹ Макиавелли Н. История Флоренции. С. 62.

положения в мировоззрении великого флорентийца заключается в следующей максиме: «ибо народ хочет жить по законам, а знать стремится им повелевать, и потому согласие между ними невозможно»⁶⁵².

В основу своего видения истории Флоренции эпохи приората Н.П. Оттокар кладет иное терминологическое прочтение категорий «магнат» и «пополан». Несомненно соглашаясь с Г. Сальвемини в том, что категория «магнат» не имела во второй половине XIII в. четко установленных границ⁶⁵³, Оттокар тем не менее утверждает, что применительно к указанному периоду времени речь не должна идти о «знатности по крови» как неотъемлемом маркере отнесения того или иного горожанина Флоренции к категории «магнатов»⁶⁵⁴. «Знатность» не представляет собой отличительной характеристикой социальных отличий»⁶⁵⁵ - говорит историк. Н.П. Оттокар указывает во флорентийской жизни эпохи Дуэченто очень часто «горожане благородного происхождения не фигурируют в списках магнатских семей, составленных по случаю конфликта между пополанами и магнатами; и, с другой стороны, многочисленные представители торговых и промышленных слоев достигли такой власти, что их причислили к числу магнатов»⁶⁵⁶. В отличие

⁶⁵² Там же.

⁶⁵³ См.: Salvemini G. Magnati e popolani in Firenze dal 1280 al 1295. P. 22. См.: «I cronisti li applicano spesso a uomini, che non erano Magnati nel senso giuridico, e li accoppiano perfino alla denominazione di Popolano («grandi Popolani», «possenti Popolani» ecc.) [Хронисты часто применяют их к людям, которые не были магнатами в юридическом смысле слова, и смешивают их даже с пополанами («пополаны-ггранды», «могущесвтенные пополаны» и др.)]. См.: Ottokar N. Il Comune di Firenze alla fine del Dugento. P. 97. См. Также: Rubinstein N. La lotta contro i magnate a Firenze. II. Le origini della Legge sul sodamento. Firenze: Olschki, 1939. P. 5–17.

⁶⁵⁴ Ottokar N. Magnati o grandi // Enciclopedia italiana. P. 916.

⁶⁵⁵ Ottokar N. Il Comune di Firenze alla fine del Dugento. P. 97.

⁶⁵⁶ Ottokar N. Magnati o grandi // Enciclopedia italiana. P. 916. См. для сравнения статью в Н.П. Оттокара в «Итальянской энциклопедии», которая посвящена пополанам. Особенно: «Come termine giuridico-costituzionale, la parola popolo sta a indicare nei comuni italiani del sec. XIII un assetto politico basato essenzialmente sulle organizzazioni democratiche della cittadinanza. Tali organizzazioni potevano essere di natura professionale, come le corporazioni di arti o di mestieri, oppure di carattere territoriale, come le società che comprendevano la popolazione dei singoli quartieri o simili circoscrizioni locali. [...] In realtà il *popolo* non costituiva affatto un organismo a sé, ma era semplicemente un'organizzazione supplementare, in cui si manifestavano certi bisogni e certe tendenze della vita comunale in un determinato momento della sua esistenza. Uno dei tratti più caratteristici dell'organizzazione popolare era infatti il suo carattere neutrale, al disopra dei partiti (guelfo e ghibellino), i quali nel corso del sec. XIII si contendevano sempre il potere o comunque l'influenza determinante nella politica del commune [Как юридико-конституционный термин, термин «пополо» обозначает в итальянских коммунах XIII века политический порядок, основанный

от Г. Сальвемини, который несмотря на заключение о размытых границах, тем не менее выделил три категории населения, положение которых позволяет говорить о них как о магнатах⁶⁵⁷, Н.П. Оттокар утверждал, что в указанную эпоху характерными чертами, которые обычно им приписывались, являлись «могущество» (*potenza*) и «тщеславие» (*grandigia*)⁶⁵⁸. По мнению Н.П. Оттокара, в этих двух категориях, заключается все противоречие функционирования флорентийского общества эпохи Дуэченто. С одной стороны, горожане, имеющие богатство и могущество являются неотъемлемым и важным элементом функционирования флорентийского общества и не обязательно в термине «могущество» концентрируются «качества негативные и вредные»⁶⁵⁹. Оттокар продолжает: «величие и сила отдельных горожан и отдельных семей в реальных условиях городской жизни были полезны для коммуны»⁶⁶⁰. В ситуации, когда

главным образом на демократических организациях горожан. Такие организации могут иметь характер профессиональный, например, ремесленные или цеховые корпорации, или территориальный характер, например, общества, в состав которых входит население отдельных кварталов или подобных местных районов. [...]. На самом деле «пополо» вообще не составляли самостоятельный организм, а были просто дополнительной структурой, в которой в определенный момент ее существования проявлялись определенные потребности и определенные тенденции общественной жизни. Одной из наиболее характерных черт пополанской организации был ее нейтральный характер по сравнению с партиями (гвельфы и гибеллины), которые в течение XIII всегда боролись за власть или, по крайней мере, за решающее влияние в политике коммуны]». См.: Ottokar N. *Popolo* // *Enciclopedia italiana*. P. 930.

⁶⁵⁷ Salvemini G. *Magnati e popolani in Firenze dal 1280 al 1295*. P. 28–30.

⁶⁵⁸ См.: Ottokar N. *Il commune di Firenze* // *Ibid. Studi comunali e fiorentini*. P. 86. Тоже: Ottokar N. *Il Comune di Firenze alla fine del Duecento*. P. 97.

⁶⁵⁹ Ottokar N. *Il Comune di Firenze alla fine del Duecento*. P. 97.

⁶⁶⁰ *Ibid.* P. 97–98. «Nelle difficili e tormentate vicende della politica, specialmente estera e militare, in questi anni di guerre e di combinazioni diplomatiche in cui tanta parte spettava inevitabilmente a influenze personali ed a rapporti con le forze esterne, il predominio di questi «grandi» o «potenti» cittadini crebbe naturalmente oltre misura. Si manifestava ogni giorno di più l'inevitabile utilità di questi Grandi, l'insopprimibile funzione pratica delle loro ingerenze e dei loro interventi nella politica del Comune [В ситуации сложных и изматывающих политических, особенно внешних и военных, событий, в эти годы войн и дипломатических комбинаций, в которых большую роль, неизбежно, играли личное влияние и отношения с внешними силами, преобладание этих «великих» или «могущественных» горожан естественно выросло сверх меры. С каждым днем все больше и больше проявлялась неизбежная полезность этих великих, неудержимое практическое значение их вмешательства в городскую политику]». См.: Ottokar N. *Il Comune di Firenze*. P. 86. Тоже: «I magnati godevano in genere di una grande influenza nella vita del comune ed erano un elemento indispensabile e utile agli interessi della politica comunale per le loro vaste aderenze non solo nell'interno della città, ma anche, e soprattutto, fuori di essa [Магнаты в целом пользовались большим влиянием в жизни коммуны и были незаменимым и полезным элементом для интересов коммунальной политики из-за их обширных связей не только внутри

Италия представляет своего рода «шахматную доску», где перемежаются между собой города гвельфские и гибеллинские, а также в ситуации, когда флорентийская политика естественным образом принимает гвельфскую окраску, должны были естественным образом иметь значение старые связи и знакомства, позволяющие влиять на те или иные процессы.

С другой стороны, именно в силу своего могущества и своего влияния на протекающие во флорентийском обществе процессы, магнатам как бы естественным образом, было присуще стремление к независимой и сепаративной жизни внутри общественной структуры⁶⁶¹. «Неизбежный результат «полезности» влиятельных людей – самоуправство, привычка пренебрегать общими нормами жизни, привычка прибегать к силе для решения личных интересов, привычка считать себя выше практически всех норм закона и подчинения властям»⁶⁶²

Таким образом, возвращаясь в «макиавеллистской проблеме», Н.П. Оттокар заключает, что «магнаты были элементом необходимым в политической жизни Коммуны и чувства народонаселения по отношению к ним поневоле были противоречивыми и сложными»⁶⁶³. Таким образом, антагонизм внутри флорентийского общества проявляется не в борьбе за власть между магнатами и пополанами (по Г. Сальвемини). Оттокар тоже говорит о конфликте (*contrasto*) внутри флорентийского общества двух противоположных мотивов: «с одной

города, но и, прежде всего, за его пределами.]]. Ottokar N. *Magnati o grandi* // *Enciclopedia italiana*. P. 916.

⁶⁶¹ Ottokar N. *Il Comune di Firenze alla fine del Duecento*. P. 98–99.

⁶⁶² Ibid. *Il Comune di Firenze*. P. 86. См. Также: «Ma d'altra parte, essendo indipendenti, fino a un certo segno, dal normale regime di vita del comune, e basando la loro potenza sulla loro solidarietà e sulla forza numerica dei propri componenti, le famiglie magnatizie erano naturalmente inclini a sfuggire all'azione coercitiva dei poteri comunali, a coltivare quindi certe tendenze antisociali, certe abitudini di arbitrio e di prepotenza [Но с другой стороны, будучи в определенной степени независимыми от нормального уклада жизни коммуны и основывая свою власть на своей солидарности и численности своих членов, семьи магнатов были естественным образом склонны уклоняться от принудительных действий коммунальных властей, культивировать определенные антиобщественные тенденции, определенные привычки к произволу и высокомерию]». См.: Ottokar N. *Magnati o grandi* // *Enciclopedia italiana*. P. 916. Об этом же: Ibid. *Il Comune di Firenze alla fine del Duecento*. P. 99–103.

⁶⁶³ Ottokar N. *Il Comune di Firenze alla fine del Duecento*. P. 101.

стороны, принцип личных, эгоистичных стремлений, а с другой стороны, принципа общественности, публичности и государственности»⁶⁶⁴.

Фактически, по Оттокару, события 1282–1295 – иллюстрация противоборство двух обозначившихся тенденций. Вопреки мнению Г. Сальвемини, который видел во множестве принятых в период до 1293 г. законодательных актов, последовательное ущемление интересов магнатов, русский историк не видит до «Установлений справедливости» какой-либо определенной линии по иллюминированию магнатов из слоя причастных к отправлению власти людей. Обоснованию этой позиции Н.П. Оттокар посвятил большую часть своей книги, последовательно рассматривая вопросы внутренней и внешней политики флорентийского общества.

Фактически, он утверждал, что до восстания Джано делла Белла мы не можем говорить о какой-либо определенно проводимой антимагнатской политике. К примеру, известные «*satisfactiones magnatum*» октября 1286 г. являлись следствием борьбы с нарушением общественного порядка⁶⁶⁵. Цель же подобных законов заурядна – установление мира и спокойствия в городе. По мнению Н.П. Оттокара, магнаты «фигурируют там не как враги и угнетатели народа, но как слои, которые из-за той же своей силы склонны к нарушению порядка и законов Коммуны»⁶⁶⁶. То же касается и регулирования продажи вин, фиксации цен на вино и на мясо, учреждения коммунальной закуской, борьбы с монополией и «таможенными пошлинами» мясников⁶⁶⁷. Все эти постановления вписываются в общую логику борьбы с нарушениями стабильного состояния гражданского общества и призваны бороться с различными злоупотреблениями

⁶⁶⁴ «Si delinea quindi nettamente nella vita pubblica fiorentina un contrasto fra due motivi e principi opposti: il principio particolaristico e egoistico da una parte, ed il principio commune, pubblico, statale [Таким образом, во флорентийской общественной жизни четко прослеживается противопоставление между двумя мотивами и принципами: частным и эгоистичным принципами, с одной стороны, и общим, публичным, государственным принципом.]. См.: Ibid. Il Comune di Firenze. P. 86. Ср.: Макиавелли Н. История Флоренции. С. 62.

⁶⁶⁵ Ibid. Il Comune di Firenze alla fine del Dugento. P. 105–106.

⁶⁶⁶ Ibid. P. 105.

⁶⁶⁷ Ibid. P. 113–116.

отдельных горожан⁶⁶⁸. Схожие тенденции заявляли о себе и в области внешней политики Флоренции в 1285–1292 гг., которая, по мнению историка, также определялась как общими потребностями момента, но при этом находилась под влиянием «сильных» людей.

Сказанное приводит Н.П. Оттокара к мысли о том, что законодательство 1285–1295 гг. – ни в коем случае не является следствие социального противостояния, но «попытка поставить во главу угла общественный и государственный принцип, вопреки всякого рода индивидуалистским стремлениям⁶⁶⁹. Так, общее гвельфское направление политики Коммуны отвечало потребностям гражданского мира города и не встречало возражений со стороны различных групп горожан⁶⁷⁰. Но при этом данная политическая линия приводилась в жизнь узкой олигархической группой⁶⁷¹. Учитывая сказанное, по

⁶⁶⁸ Ibid. P. 109-128.

⁶⁶⁹ Ottokar N. Il commune di Firenze // Ottokar N. Studi comunali e fiorentini. P. 86. См. Также: «Contro questi inevitabili corollari della loro notevole utilità e importanza nella politica del comune, si rivolge lo spirito popolare diffuso in tutte le città verso la fine o la metà del secolo XIII, spirito che nei suoi ulteriori sviluppi determina la cosiddetta legislazione antimagnatizia [Против этих неизбежных следствий их значительной полезности и важности в политике коммуны к концу или середине XIII века во всех городах распространился народный дух, который в своем дальнейшем развитии определяет так называемое антимагнитное законодательство]». См.: Ottokar N. Magnati o grandi // Enciclopedia italiana. P. 916.

⁶⁷⁰ «Ma la politica estera e militare degli anni 1284-92 non era una politica dei Magnati. Essa fu determinata da bisogni e da aspirazioni generali di tutto il mondo cittadino e fu volute indistintamente da tutte le forze organizzate e responsabili della popolazione fiorentina [Но внешняя и военная политика 1284–1292 годов не была политикой магнатов. Она определялась потребностями и общими чаяниями всего городского мира и была желанна, без разбора, всеми организованными и ответственными силами флорентийского населения]». См.: Ottokar N. Il Comune di Firenze alla fine del Duecento. P. 133; «La politica estera di Firenze nel 1285 non fu determinate da un egoismo partigiano dei Grandi guelfi. I Magnati fiorentini ebbero certamente una parte notevole nel rivolgimento interno di Pisa, che portò al predominio del conte Ugolino della Gherardesca, negli accordi di Firenze con quest'ultimo e nelle successive lotte diplomatiche con Genova e con Lucca. Ma essi non agivano come esponenti di una politica particolaristica e partigiana, estranea agli interessi ed alle tendenze di tutta la cittadinanza fiorentina [Внешняя политика Флоренции 1285 г. не определялась партийным эгоизмом грандов-гвельфов. Флорентийские магнаты, безусловно, сыграли заметную роль во внутренних потрясениях Пизы, что привело к господству графа Уголино делла Герардеска, в согласии Флоренции с этим последним и в последующей дипломатической борьбе с Генуей и Луккой. Но они не действовали как представители партикуляристской и партийной политики, чуждой интересам и тенденциям всех флорентийских граждан]». См.: Ibid. P. 134 и далее. См. также: Краснова И.А., Величко Л.Н. Борьба политических фракций, или файда: истоки возникновения партий гвельфов и гибеллинов во Флоренции. С. 19.

⁶⁷¹ Ottokar N. Il commune di Firenze // Ottokar N. Studi comunali e fiorentini. P. 86–87.

мысли Н.П. Оттокара, не стоит удивляться, что если политический маневр элит вдруг приводил к негативным последствиям, общество считало себя вправе вмешаться⁶⁷². Как утверждал петербургский медиевист, именно это и произошло в период восстания Джано делла Белла, когда длительная пизанская война, обернувшаяся для жителей города многочисленными финансовыми и человеческими потерями, очевидно, привела к потере авторитета представителями правящей элиты. В глазах широкий слоев флорентийцев именно она стала синонимом всех бед, обрушившихся на гражданское население города⁶⁷³. В результате, общее недовольство вылилось в выступления против магнатов, роль которых в событиях 1288–1292 гг. была определяющей. В результате, как утверждал Н.П. Оттокар, движение Джано делла Белла хотя и было формально направлено против магнатов, все же было значительно шире «движения ремесленного мира против магнатского класса»⁶⁷⁴. Фактически, по словам петербургского медиевиста, оно отражало нормальное стремление общества к обновлению, борьбе с политическими обычаями, практиками и конкретными управляющими городом, магнаты же в данной ситуации стали заложниками своего двойственного положения, о котором мы уже говорили ранее⁶⁷⁵. В этой связи Н.П. Оттокар предложил и иную трактовку «Установлений

⁶⁷² «Fra la popolazione si diffuse naturalmente un senso di disagio e di sfiducia, un'impressione che l'azione di governo venisse guidata non con criteri di utilità pubblica, bensì a profitto di interessi dei singoli. Ovunque si sospettavano malversazione, favoritismo, motivi particolaristici. Il ceto dirigente non ispirava più fiducia: lo si accusava di essere troppo legato ai Potenti, di non salvaguardare il bene comune o pubblico, ma di curare invece interessi particolari dei singoli [Среди населения естественным образом распространилось чувство беспокойства и недоверия, впечатление, что действия правительства осуществлялись не с целью достижения общественной пользы, а в интересах отдельных лиц. Везде подозревали хищение, фаворитизм, партикуляристские мотивы. Правящий класс больше не внушал доверия: его обвиняли в том, что он слишком привязан к власти имущим, не защищает общее или общественное благо, а заботится об интересах отдельных людей]». См.: Ottokar N. Il commune di Firenze // Ottokar N. Studi comunali e fiorentini. P. 87.

⁶⁷³ См. подробнее: Ottokar N. Il Comune di Firenze alla fine del Duecento. P. 129–198.

⁶⁷⁴ «Ma sarebbe erroneo ridurre il movimento rivoluzionario capitanato da Giano della Bella ad un movimento del mondo artigiano contro la classe magnatizia [Но было бы ошибкой сводить революционное движение, возглавляемое Джано делла Беллой, к движению ремесленного мира против магнатов]». См.: Ibid. P. 199.

⁶⁷⁵ Ibid. См. также: «Assai prima del movimento popolare degli anni 1293–1294 si manifestò già una reazione delle masse anonime del mondo artigiano contro l'oligarchia governante dei Priorati e delle altre magistrature comunali. Si invocava un allargamento della cerchia dei partecipanti al potere, un

справедливости», принятие которых являлось логичным следствием восстания Джано делла Белла. Так, по его словам этот документ являлся попыткой коммуны заявить о своем праве «предотвращать злоупотребления», в том числе и в финансовой сфере⁶⁷⁶. Схожую цель преследовали и постановления, направленные против несправедливых конфискаций отдельными лицами земель, площадей и зданий, принадлежащих коммуне.

В целом, приход к власти Джано делла Белла, по мнению Н.П. Оттокара, не означал, как это было принято считать ранее, политического переустройства Флоренции, равно как и не имела такого «революционного» значения так называемые поправки от 6 июля 1295 г.⁶⁷⁷. Историческая традиция связывала эти поправки с магнатской реакцией, что проявлялось сред прочего в появлении так называемых «*scioperati*», лиц, которые были приписаны в цех, для того, чтобы иметь возможность участвовать в политической жизни⁶⁷⁸. Хотя петербургский медиевист и не отрицал, что для современников эта «диктатура» была

effettivo rinnovamento del ceto dirigente [Задолго до народного движения 1293–1294 годов уже проявляется реакция анонимных масс ремесленного мира против правящей олигархии приората и других коммунальных магистратур. Требовалось расширение круга участников власти, эффективное обновление правящего класса]. См.: См.: Ottokar N. *Il commune di Firenze* // Ottokar N. *Studi comunali e fiorentini*. P. 87.

⁶⁷⁶ Главный смысл «Установлений Справедливости» Н.П. Оттокару видится в следующем: «всеобщий запрет партикуляристского вмешательства в общественную жизнь, утверждение абсолютного единства и верховенство государственного организма, который первенствует над личными эгоистическими интересами». См.: Ibid. P. 87.

⁶⁷⁷ Сюжет с поправками от 6 июля 1295 г. не вошел в текст книги Н.П. Оттокара, но стал предметом специального рассмотрения в одной из статей историка. См.: Ottokar N. *A proposito della presunta riforma costituzionale adottata il 6 luglio dell'anno 1295 a Firenze* // Ibid. *Studi comunali e fiorentini*. P. 125–132.

⁶⁷⁸ См. Об этом: Salvemini G. *Magnati e popolani in Firenze dal 1280 al 1295*. P. 227–236. В библиографии Н.П. Оттокара нет работ, которые последовательно бы разбирали события 1295 г. Работа, которую мы упоминали выше, не стоит таковой рассматривать. Несмотря на то, что в названии специальным образом обозначены эти поправки как предмет специального рассмотрения, стоит сказать, что эта работа довольно фрагментарна и не представляет систематического изложения взглядов ученого, а посвящена разбору конкретных казусов, в числе которого и случай приписывания к цеху великого поэта Данте Алигьери. См.: Ottokar N. *A proposito della presunta riforma costituzionale adottata il 6 luglio dell'anno 1295 a Firenze*. P. 131–132. К проблеме так называемых «*scioperati*» в дальнейшем Н.П. Оттокар вернулся лишь однажды. См.: Ottokar N. *Gli scioperati a Firenze nell'300* // *Studi storici in onore di Gioacchino Volpe*. Vol 1–2. Firenze, 1958. Vol. 2. P. 703–707. В русской литературе вопрос о поправках 1295 г. специально рассматривался Л.М. Баткиным. См.: Баткин Л.М. *Флорентийские гранды и поправки 6 июля 1295 г. к «Установлениям правосудия»*.

«экстраординарным» явлением, и именно этот «чрезвычайный характер» действий новых политических лидеров, в конечном счете, подорвал режим Джано делла Белла. Самоуправство и жестокость плебса, излишняя смелость некоторых реформ, избыточное усердие чиновников в отстаивании прав коммуны, – все это, с точки зрения Н.П. Оттокара, вызвало волнения среди тех масс народа, которые до сих пор поддерживали политический режим. Именно поэтому события 1295 г. стали ответом на ситуацию предшествующих лет. Победа «реакции» означала в то же время и полный провал стремления к обновлению политических обычаев и практик, попытки влить новый «общественный» дух в коммунальную жизнь. Фактически, в городе вновь воцарилось «элитарное правление», вернулась борьба отдельных правящих и постоянно чередующихся клик и групп⁶⁷⁹.

Интерпретация Н.П. Оттокаром истории Флоренции в качестве борьбы частного и общественного начал и преимущественное внимание автора к деятельности «высших слоев» флорентийского общества заставляет нас поставить вопрос о влиянии на флорентийского профессора выводов макиавеллистской школы социологии, заявившей о себе в интеллектуальной жизни Европы в начале XX в. Недаром, как справедливо отмечал Дж. Керубини, судя по текстам научных трудов, выводы Н.П. Оттокара оказываются близки идеям Г. Моска (и, от себя добавим, В. Парето)⁶⁸⁰. В целом, и Г. Моска, и В. Парето заявили о себе на рубеже XIX – начале XX вв., когда в Италии, а также в других европейских странах, начался взлет социальных наук, попытавшихся найти «универсальные ключи» к пониманию общественного устройства. В результате, названные мыслители выступили основателями новой дисциплины – элитологии⁶⁸¹. Пытаясь представить общую схему общественного устройства, и В. Парето, и Г. Моска уделяли значительное внимание изучению состава его высшего класса – элиты

⁶⁷⁹ Ottokar N. Il Comune di Firenze alla fine del Dugento. Firenze, 1962. P. 199–215. См. также: «Dopo la reazione del 1295 le tendenze particolaristiche riacquistano nella vita pubblica fiorentina di nuovo il sopravvento [После реакции 1285 г. Партикуляризм в общественной жизни Флоренции вновь преобладает]». См.: Ottokar N. Il commune di Firenze // Ibid. Studi comunali e fiorentini. P. 87–88.

⁶⁸⁰ Cherubini G. Gaetano Salvemini – testimonianza. P. 58. См. также: Sestan E. Introduzione // Ottokar N. Il Comune di Firenze alla fine del Dugento. P. XVII.

⁶⁸¹ См. об этом, напр.: Ашин Г. Курс истории элитологии. М., 2004.

(термин В. Парето⁶⁸²). Направление мысли названных социологов было схожим: они стремились рассмотреть принципы функционирования элиты, изучить ее состав и, наконец, определить причины, по которым «меньшинство» оказалось способным управлять «большинством». Хронологически первым к изучению «правлящего класса» приступил Г. Моска, рассматривавший его преимущественно в политической плоскости. Основной идеей для Г. Моска стало утверждение о том, что элита – это лучшие представители того или иного народа, обладающие качествами, необходимыми для управления в определенную эпоху. Следовательно, элита – явление изменчивое, она находится в состоянии постоянного развития, связанного с притоком новых людей из низов. Причем, осуществляться это «проникновение» может как «сверху», когда элита сознательно допускает выходцев из народа в свои ряды, так и «снизу», когда большинство в результате насильственной революции утверждает свое право влиять на власть. Любое правящее меньшинство, по мнению Г. Моска, стремится оставаться у власти как можно дольше, используя для этого разные инструменты, начиная от примитивного «права силы», связанного с применением оружия, и заканчивая целыми идейными системами («политическими формулами»), соответствующими природе человека и гарантирующими легитимность⁶⁸³.

В. Парето продолжил изыскания своего коллеги, впрочем, не признавая в должной мере заслуг последнего. Для В. Парето анализ элит стал одним из важнейших инструментов изучения законов сохранения равновесия в обществе. Соглашаясь с мнением Г. Моска, что общество делится на управляющих («элита»)

⁶⁸² Г. Моска употреблял целый ряд терминов-синонимов для обозначения элиты: «правлящий класс», «руководящий класс» и т.д. См. об этом: Итиуридзе Л. А. Основные проблемы теории «правлящего класса» Гаэтано Моски // Вестник РУДН. Серия Социология. 2001. № 2. С. 30.

⁶⁸³ Подробнее о концепции Г. Моски см.: Алексеева О.В. Классические теоретические основы исследования политических элит // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. № 6. С. 224–227; Володин К.С. Гаэтано Моска и Вильфредо Парето: обзор теории // Про пупс. Современные политические процессы. 2012. № 1. С. 35–41; Кудярова М.К. Основоположники концепций элитизма о взаимоотношении элиты и народа // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2012. № 4. С. 74–76; Итиуридзе Л.А. Основные проблемы теории «правлящего класса» Гаэтано Моски // Вестник РУДН. Серия Социология. 2001. № 2. С. 30–36; Рахманов А.Б. Гаэтано Моска – отец элитологии // Личность. Культура. Общество. 2001. Т. III. № 3. С. 141–148; Сквиков А.К. Гаэтано Моска об акторах политического управления и власти // PolitBook. 2012. № 4. С. 104–115.

и управляемых («не-элита»), он, однако, существенно расширил понимание элиты и пересмотрел принципы функционирования данной группы. Так, полагая, что элита включает в себя лучших представителей данного общества, он настаивал на том, что она подразделяется на две основных группы: управляющая политическая элита, и неуправляющая элита, или представители науки, культуры и некоторых других отраслей, напрямую незадействованные в политике⁶⁸⁴. Возможность управлять обществом со стороны небольшой группы, по мысли В. Парето, опирается на такой важный инструмент как «политическая мифология» (в современной терминологии) – апелляция элиты к «остаткам»⁶⁸⁵ или чувствам людей, которые используются элитой для достижения своих целей и защиты своих интересов. Кроме того, элита может и даже должна осуществлять управление обществом, опираясь на насилие, являющееся неотъемлемым инструментом политики. В результате, В. Парето выдвинул теорию круговорота элит, которая «основывается на том утверждении, что чередование элит происходит вследствие чередования в психике «остатков» первого и второго класса», причем, продолжая логику исследователя, «каждому классу «остатков» соответствует определенный тип правления», когда «остатки» первого класса «предполагают использование правителями хитроумных средств одурачивания масс», а «остатки» второго класса приводят к тому, что правители «противостоят новшествам, стремятся сохранять старые общественные формы и традиции, агрессивны, авторитарны, склонны к насилию и подозрительно относятся к манипулированию, маневрированию и компромиссам»⁶⁸⁶. Именно поэтому элита, по мнению В. Парето, находится в состоянии постоянного медленного

⁶⁸⁴ Парето В. Трактат по общей социологии // Осипова Е.В. Социология Вильфредо Парето: политический аспект. СПб.: Алетейя, 2004. С. 133. Подробнее о концепции В. Парето см.: Володин К.С. Указ. соч.; Кондрашев К.С. Антагонизм разных типов элит: на примере идей В. Парето // Наука и современность. 2010. № 5–2. С. 17–19; Кудаярова М.К. Указ. соч.; Осипова Е.В. Социология Вильфредо Парето: Политический аспект. СПб.: Алетейя, 2004; Рахманов А. Б. Вильфредо Парето: известный и непознанный классик социологии // Личность. Культура. Общество. 2002. Т. IV. № 1–2. С. 182–189.

⁶⁸⁵ Термин «остатки» используется В. Парето для обозначения чувств и страстей индивида. См.: Парето В. Компендиум по общей социологии. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2008. С. 137–189.

⁶⁸⁶ Осипова Е.В. Указ. соч. С. 42–43.

обновления, которое, однако, нередко заменяется обновлением быстрым, мощным и болезненным – революционной сменой одного правящего слоя другим, который, в отличие от предыдущего, не потерял творческий потенциал и способен к эффективному управлению обществом.

Очевидно, что когда мы говорим об определенной близости идей итальянских социологов и концепции Н.П. Оттокара речь не идет о прямых заимствованиях. Во всяком случае, на текстуальном уровне такое влияние не прослеживается. Мы даже не можем с уверенностью сказать, знал ли Н.П. Оттокар работы Г. Моски и В. Парето. Между тем, очевидно, что медиевист оказался, что называется «в тренде» социологических исследований и уловил «идею, витающую в воздухе». Так, если Г. Моска и В. Парето создали определенный конструкт функционирования общества, то Н.П. Оттокар пришел к такому объяснению общественной жизни Флоренции исходя из эмпирического материала. Иными словами, его внимание к флорентийским элитам являлось следствием глубокого погружения ученого в исторический материал, который сам «навел» историка на подобное объяснение. Но в то же время, мы сейчас, в отличие от Н.П. Оттокара, не можем свести роль историка-исследователя только к уровню честного собирателя и верификатора объективных исторических фактов – для нас понятно, что таков был его идеал, которому он безукоризненно следовал. Но когда историк погружается в фактический материал максимально самоотверженно, то в это время и раскрываются его собственные, часто неотрефлексированные, представления о мире и об истории. Проблемами взаимоотношений элиты и масс наэлектризована вся первая треть XX в., и здесь тщательно работающий с далеким историческим материалом ученый проявляет на глубинном уровне вовлеченность в интеллектуальный контекст собственной эпохи.

В итоге, подводя некоторые итоги анализу взглядов Н.П. Оттокара на флорентийскую историю 1280-1295 гг., нашедших свое выражение, прежде всего, в работе «Флорентийская коммуна в конце эпохи Дуэченто», мы можем сказать, что для него этот период в жизни города был не временем борьбы социально-

антагонистических классов, как об этом писал, в частности, Г. Сальвемини, но одним из очередных этапов борьбы личных интересов различных общественных групп. В целом, историк отрицал влияние каких-либо разрывов на развитие городского общежития Флоренции, а выступал сторонником, скорее конституционного развития города. Эту идею мы видели у Оттокара еще в его работе по истории французских городов. Общественный организм, выступает, по Оттокару своего рода, саморегулирующейся системой, в которой есть разные акторы и разные механизмы воздействия на случаи «девиации». Безусловно, Оттокар не отрицает элемента столкновений, противостояний и порою вооруженной борьбы внутри этого механизма, но, во-первых, в отличии от идей П. Виллари и Г. Сальвемини, они не являются прямым следствием стремлений одной группы населения к захвату власти, во-вторых, не всегда обусловлены экономическими причинами. Более того, по мнению историка, проявления жестокостей внутри системы, открытых столкновений, или принятие законодательных актов, вроде «антимагнатского законодательства» – это скорее следствие естественного права вмешиваться и влиять на функционирование конкретного общественного организма. В так называемых «магнатах» общество находит тех, кто способен отправлять и превращать в жизнь идеи конкретного общественного организма, но в то же время, в случае неудач, или недостаточных результатов проводимой политики, общество оставляет за собой право влиять на его существование и функционирование.

Вышедшая в 1926 г. книга Н.П. Оттокара сразу же вызвала бурный интерес среди историков. Мы уже говорили о хвалебных отзывах, которые были написаны, к примеру, Б. Кроче, А. Грунцвайгом и многими другими. Но были и довольно резкие. Практически все первые рецензенты отмечали две характерные черты работы: первая – критический и довольно резкий тон работы⁶⁸⁷ и вторая – стремление к пересмотру традиции⁶⁸⁸. Практически все авторы рецензий

⁶⁸⁷ См.: Pieri P. Rec.: Ottokar N. Il Comune di Firenze alla fine del Dugento // Archivio storico italiano. 1927. Vol. VIII. P. 90.

⁶⁸⁸ См.: Landogna P. Rec.: Il Comune di Firenze alla fine del Dugento // Nuova Rivista Storica. 1926. Anno X. Fasc. I. P. 600.

отмечали, что несмотря на свое открытое противопоставление традиции, Оттокар, тем не менее, явно «стоит на плечах» своих предшественников⁶⁸⁹. Но важно отметить, что изначально дискуссия велась с полярных точек зрения, иными словами, в полюсах между Г. Сальвемини и Н.П. Оттокаром⁶⁹⁰. Уже Паоло Пиери, ученик Г. Сальвемини, ведущий критику с позиций концептуальных построений учителя, отмечал, что «книга Оттокара, очень значительная, я бы сказал фундаментальная в виду своей фундаментальной заостренности с которой дебатированные разные вопросы были пересмотрены», при этом в итоге вынес суровый приговор: книга «мне кажется ошибочной»⁶⁹¹.

В долгосрочной перспективе, такое положение дел привело к консервации историографической традиции, определенной мифологизации «флорентийского казуса» и экстраполяции его на другие итальянские города-коммуны⁶⁹². Стоит признать также и тот факт, что дискуссия на протяжении практически ста лет ведется именно с Н.П. Оттокаром. Важной вехой в этой цепочке стала работа коллектива итальянских авторов «Гвельфы, гибеллины и «жирный» народ», которая увидела свет в 1978 г.⁶⁹³. Мы уже отмечали и изначальный полемический посыл этой работы⁶⁹⁴. В целом, обращает на себя внимание фокусировка на социальных структурах и механизмах функционирования общественных структур. Это тезис, который идет от Н.П. Оттокара. Итальянская исследовательница Д. Медичи, подвергая анализу один из ключевых пунктов концепции Н.П. Оттокара, а именно состав правящей элиты за период с 1282 по 1293 гг., в сущности, указывая на то, что Н.П. Оттокар законсервировал

⁶⁸⁹ Ibid. P. 600.

⁶⁹⁰ Zorzi A. La trasformazione di un quadro politico: ricerche su politica e giustizia a Firenze dal commune allo Stato territoriale. P. 132; Gualtieri P. Il Comune di Firenze tra Due e Trecento. P. 71. Этот же тезис повторяет российская исследовательница И.А. Краснова, см.: Краснова И.А. Основное социальное противоречие коммунального общества Флоренции XIII–XIV вв.: исторические версии. С. 145. Тот же тезис: Краснова И.А. Флорентийское общество во второй половине XIII–XIV в.: гранды и пополаны, «добрые» купцы и рыцари. С. 7–8.

⁶⁹¹ Pieri P. Rec.: Ottokar N. Il Comune di Firenze alla fine del Dugento. P. 96.

⁶⁹² Vigueur J.-C.M. Il problema storiografico: Firenze come modello (e mito) di regime popolare // Magnati e popolani nell'Italia comunale. Quindicesimo convegno di studi. P. 6–10.

⁶⁹³ Raveggi S., Tarassi M., Medici D., Parenti P. Op. cit.

⁶⁹⁴ Ibid. P. IX–X.

флорентийские элиты (которые, напомним, по мнению русского историка не претерпели существенных изменений), по большому счету использует его же методику исследования⁶⁹⁵. Вообще, использование просопографии стало общим местом при исследовании, во-первых, персонального состава правящего слоя Флоренции и других итальянских городов, а во-вторых, использование социологического термина «элиты» (который Н.П. Оттокар не использовал) для описания взаимодействия социальных групп внутри флорентийского общества⁶⁹⁶. Показательна также сравнительно свежая работа флорентийской исследовательницы Сильвии Дьяччати, специально посвященная проблеме «Пополанов и магнатов»⁶⁹⁷. Учитывая последнюю книгу, сложно не согласиться с мнением И.А. Красновой о том, что та историографическая дихотомия, которая присутствует во флорентийской историографии, до сих пор не исчерпала себя⁶⁹⁸. Фактически анализ флорентийской исследовательницы ситуации дает нам прекрасный пример того, каково сейчас восприятие идей Оттокара. Можно сделать такие общие выводы: (1) для реконструкции социального состава правящих элит применяется просопографический метод, который впервые применительно к указанным сюжетам использовал Н.П. Оттокар⁶⁹⁹; (2) Флоренцией в 1282–1292 гг. правили те же самые лица и их наследники, которые руководили городом фактически с 1267 г.⁷⁰⁰; (3) сведение политических событий к противостоянию отдельных интересов и отдельных клик друг с другом не

⁶⁹⁵ Подробнее см.: *Medici D. I primi dieci anni del priorato* // Raveggi S., Tarassi M., Medici D., Parenti P. Op. cit. P. 179–198, 213–229. См. также: Краснова И.А. Основное социальное противоречие коммунального общества Флоренции XIII–XIV вв.: исторические версии. С. 146–147. Тот же тезис: Краснова И.А. Флорентийское общество во второй половине XIII–XIV в.: гранды и пополаны, «добрые» купцы и рыцари. С. 11–12.

⁶⁹⁶ См.: Najemy J.M. *A history of Florence. 1200–1575*. См. также: Najemy J.M. *Corporatism and consensus in Florentine electoral politics 1280–1400*. Chapel Hill: North Carolina U.P., 1982.

⁶⁹⁷ Diacciati S. *Popolani e magnate. Società e politica nella Firenze del Duecento*. См. также обзор современных работ по истории Флоренции: Cammarosano P., Pinto G., Zorzi. A. *I primi secoli della storia di Firenze: a proposito dei volumi: Firenze nell'età romanica di Enrico Faini; Popolani e magnati di Silvia Diacciati; Il Comune di Firenze tra Due e Trecento di Piero Gualtieri* // *Annali di storia di Firenze*. 2011. № 6. P. 221–242.

⁶⁹⁸ Краснова И.А. Основное социальное противоречие коммунального общества Флоренции XIII–XIV вв.: исторические версии. С. 146.

⁶⁹⁹ См., напр.: Diacciati S. *Popolani e magnate. Società e politica nella Firenze del Duecento*. P. 347–355.

⁷⁰⁰ Ibid. P. 351–352

позволяет выстраивать генерализации как в ретроспективе, так и перспективе и не может претендовать на полномасштабное объяснение описываемых событий⁷⁰¹. В итоге, можно сказать, что несмотря на признание релевантности отдельных выводов Н.П. Оттокара и использование его методики исследования, современная традиция больше склоняется к выводам Г. Сальвемини⁷⁰². Вес и значение работы Н.П. Оттокара, впрочем, это не может умалить: его работы, как и практически столет назад, вызывают стремление переосмысливать и перепроверять факты, и современная историография итальянского города коммунального периода редко обходится без их упоминания.

2.5. Попытка исторического синтеза: «Городские коммуны в средние века»

Рассматривая методологию Н.П. Оттокара, мы не раз говорили о том, какое место историк отводил широким обобщениям и общему взгляду на исследуемую им проблему. Напомним, что, по мнению ученого, такая работа подводит итог всей жизни и вытекает из всей совокупности исследований, которым историк занимался на протяжении долгих лет. Таких трудов не может быть много, в противном случае мы получим предвзятую по своей сути концепцию, созданную не на основе «живых впечатлений» от исследуемого объекта и глубокого погружения в «ткань прошлого», но вследствие исходных идейных представлений и заранее сформулированных схем. Для самого Н.П. Оттокара роль такой работы, на наш взгляд, сыграла «Городские коммуны в средние века», первоначально написанная как статья для «Итальянской энциклопедии»⁷⁰³, а в 1936 г. изданная в виде монографии⁷⁰⁴. Выдержавшая многочисленные переиздания, она, вероятно, и подводила общий итог размышлениям флорентийского профессора об истории

⁷⁰¹ Ibid. P. 352.

⁷⁰² См. также: Краснова И.А. Флорентийское общество во второй половине XIII-XIV в.: гранды и пополаны, «добрые» купцы и рыцари. С. 13–15.

⁷⁰³ Ottokar N. Comuni. Storia del commune medievale // Enciclopedia italiana. Vol. XI. P. 17–20.

⁷⁰⁴ Ottokar N. I comuni cittadini nel Medioevo. Firenze: La Nuova Italia, 1936. До этого, в 1932 г., эта словарная статья выходила отдельно в качестве журнальной статьи, см.: Ottokar N. Comuni // *Civiltà moderna*. 1932. Впоследствии, эта работы также была переведена на английский язык и издана во Флоренции: Ottokar N. The Medieval City-communes. Firenze: Tyszkiewicz, 1933.

западноевропейских городов в Средние века⁷⁰⁵, недаром здесь используется французский, и итальянский материал. Попробуем реконструировать общую концепцию средневекового города в понимании Н.П. Оттокара, основные элементы которой, вероятно, были открыты им при изучении истории Флоренции и нашли свое подтверждение во французских источниках.

Мы полагаем, Н.П. Оттокар (хотя он нигде прямо об этом и не говорит) признавал, что средневековый город прошел в своем развитии несколько стадий. Если в эпоху раннего средневековья городская жизнь «замерла», то в X–XI вв., под влиянием экономических причин, она «возобновилась», и в Европе начал формироваться «средневековый город», как проявление «новой формы юридической и политической организации общества»⁷⁰⁶. Именно в это время новые города возникали повсюду: «или в местах наиболее безопасных и защищённых, или в местах большого скопления людей, или в местах, в которых географическое положение открывало наиболее благоприятные условия. Прежде всего, конечно, (в Италии, во Франции и в римской Германии) внутри стен античных и римских епископских городов, в которых городская жизнь никогда не угасала полностью и которые целиком соответствовали вышеуказанным условиям. Но также в других местах: за стенами замков и больших монастырских укреплений, рядом со знаменитыми и часто посещаемыми святилищами, поблизости от естественных портов или пунктов скрещения речных и наземных путей или в зонах, которые специализируются на производственной деятельности (соляной, добычей ископаемых, рыбной, овощеводством и т.д.)»⁷⁰⁷. Для

⁷⁰⁵ См., напр.: *Introduzioni // Ottokr N. Studi comunali e fiorentini*. P. X–XI.

⁷⁰⁶ Отметим особый акцент в приведенном определении сделанный Н.П. Оттокаром на характеристику новизны городской жизни эпохи зрелого средневековья, а именно употребление слов «возобновление» и «новая форма». «*La città medioevale è un'espressione della ripresa* (выделено здесь и далее мною – А. К.) *delle attività economiche manifestati ovunque in Europa intorno al mille, e allo stesso tempo una nuova forma di organizzazione giuridica e politica della società* [Средневековый город – это проявление восстановления экономической деятельности, обнаружившееся повсюду в Европе около 1000 года, и в то же самое время, город – это новая форма юридической и политической организации общества]». Ibid. P. 3. См. тоже: Ottokar N. *Il problema della formazione comunale // Questioni di storia medioevale / A cura di Ettore Rota*. Como; Milano: C. Marzorati, 1946. P. 356.

⁷⁰⁷ Ottokar N. *I comuni cittadini nel Medio evo // Ottokar N. Studi comunali e fiorentini*. P. 3-4.

Н.П. Оттокара «средневековый город – феномен повсеместный»⁷⁰⁸, но при этом, будучи новой формой юридической и политической организации общества, имевший отличия в разных частях средневековой Европы.

Так, сосредотачиваясь в рамках анализируемого нами труда на понимании регионального своеобразия феномена средневековой коммуны, Н.П. Оттокар выделял два региона становления города в Западной Европе. Первый регион, который он называл заальпийским, включал в себя некоторые регионы Франции, Бельгии и Германии. Второй регион представлял собой объединение городов Аппенинского полуострова, Прованса и Южной Франции⁷⁰⁹.

Каково сущностное отличие заальпийских городов от городов итальянских? По мнению флорентийского историка, города заальпийского региона схожи в политическом и экономическом отношении. Здесь новая политическая организация распространялась на тот круг людей, которые были связаны между собой специфической экономической деятельностью, что отличало этот микромир от окружающего пространства. «Город как экономическая среда совпадает с городом как юридическим и политическим организмом»⁷¹⁰. В результате, получалось так, что французские, бельгийские, немецкие или английские коммуны представляли собой закрытый мир, островок посреди общества, которое продолжало жить в совершенно других юридических и политических условиях⁷¹¹. Другое дело Италия. Здесь, по словам Н.П. Оттокара, коммуна стала центром единого организма, который превосходил по своим границам территорию города. Недаром, итальянский город всегда сохранял связь со своей округой, являлся её организационным и политическим центром. Иными словами, «итальянский город

⁷⁰⁸ Ibid. P. 4

⁷⁰⁹ Ibid. Очевидно, что историк упускает города Англии, Испании и Северных государств, что можно объяснить хотя бы тем, что Н.П. Оттокар этими городами никогда не занимался, и это противоречило бы его методологическим установкам. С другой стороны, вполне вероятно, что для историка «классический» средневековый европейский город – это город все-таки Италии, Франции и Германии. Испания находится под арабским владычеством, Англия на удаленном расстоянии от остальной Европы, и здесь не прослеживаются в городском развитии черты присущие городам, к примеру, Италии; Северная же Европа значительно «запаздывает» в своём развитии, и потому выпадает из поля зрения историка.

⁷¹⁰ Ibid. P. 5. Тоже: Ottokar N. Il problema della formazione comunale. P. 358–362.

⁷¹¹ Ibid.

непонятен без своего контадо»⁷¹², он — инструмент унификации, соединения воедино разных социальных и территориальных сил, и поэтому «политический аспект превалирует в итальянской коммуне над экономическим»⁷¹³.

Причины этих отличий заальпийских и итальянских городов, по мнению Н.П. Оттокара, заключались в том, что на последних сильнее влияло римское наследие. Конечно, *civitas romana* (то есть город с его округой) в Италии претерпела некоторые изменения, прежде всего из-за феодализации общества, «но, все же, это традиционный способ жизни людей, когда город продолжал быть некоторой притягательной силой и составлять в некотором смысле, несмотря на экономическую и юридическую изоляцию, центр единения своей округи»⁷¹⁴.

Общие отличия в истории городов выделенных автором регионов, безусловно, влияют и на их коммунальное устройство. Как мы уже видели в монографии Н.П. Оттокара, посвященной истории французских городов, он выступал против традиционных трактовок коммунальной истории. И в частности, возражал против привычного понимания «коммунальных революций» и коммунальных хартий как процессов и результатов «революционной борьбы» общественных классов. Так, на примере того же Камбрэ⁷¹⁵, ученый утверждал, что конкретные народные выступления, которые историки называли «коммунальным движением», не обладали необходимыми элементами типологического сходства⁷¹⁶. Напротив, для Н.П. Оттокара «заговоры» горожан были связаны с чем угодно, и чаще всего поводом к коллективному восстанию служила внешняя угроза, как это и было в Камбрэ в 1076 г.⁷¹⁷.

⁷¹² Ibid.

⁷¹³ Ibid. См. также краткий обзор флорентийской истории до эпохи приората: Ottokar N. Il Comune di Firenze // Ottokar N. Studi comunali e fiorentini. P. 69–82.

⁷¹⁴ Ottokar N. I comuni cittadini del Medio evo. P. 8 и др.

⁷¹⁵ См.: Ottokar N. Il problema della formazione comunale. P. 362–364. См. Также словарные статьи Н.П. Оттокара об Arras, Амьене, Лилле, Лаон, Лионе и др.

⁷¹⁶ См.: Ottokar N. La funzione del commune ed il significato della carta comunale nella storia delle città francesi nel Medioevo // Ottokar N. Studi comunali e fiorentini. P. 51–52, 63–65. См. также: Оттокар Н.П. Опыты по истории французских городов в средние века, а также другие работы по истории французских городов, которые представляют собой, чаще всего, «выжимку» из «Опытов».

⁷¹⁷ Ottokar N. I comuni cittadini del Medio evo. P. 8

В целом, по мнению Н.П. Оттокара, средневековая коммуна в своем развитии прошла две основных стадии развития. Первая была связана с формированием территориального единства; вторая – с его дальнейшей автономизацией. Однако в итальянских и заальпийских землях этот процесс носил различный характер. Так, хотя с точки зрения Н.П. Оттокара, в первой фазе своего развития коммуна везде представляла собой явление аристократическое, все же в заальпийских городах правящий класс скорее состоял из буржуазии, тогда как в итальянских городах он имел скорее полуфеодальный облик.

В XIII в. «элитарный» характер управления городами стал меняться (хотя, по мысли Н.П. Оттокара, и в более ранний период массы принимали участие в управлении городом)⁷¹⁸. Наиболее ярко процесс изменения коммунального устройства проявился в Италии. Здесь с конца XII в. начался период «экспериментов», приведших к учреждению системы подестариата, который уже не представлял собой «диктатуру элит». Внутренний кризис, связанный с подчинением контадо, выразился в соперничестве за власть отдельных семей, среди которых была как прежнюю аристократию, так и усиленно «урбанизирующиеся» феодальные социальные силы, вынужденные жить в городе и желавшие разделить со «старыми нобилями» власть в коммуне. Кроме названных слоев, в итальянских городах XIII в. была ещё одна сила, оказавшая свое влияние на процессы трансформации коммунального строя: горожане, которые разбогатели на торговле и стремились принимать участие в общественных делах. В результате, в эпоху Дуэченто в итальянских городах сложилась система подестариата, предусматривавшая возможность вовлечения в управление городом различных социальных сил и обеспечивавшая «некоторый демократизм итальянской коммуны XIII в.» (хотя последний вовсе не означал, что представители определенных профессиональных единиц могут напрямую участвовать в управлении городом)⁷¹⁹. В заальпийских городах коммунальные движения так и не привели к формированию схожих систем управления. Или, по

⁷¹⁸ Ibid.

⁷¹⁹ Ibid. P. 18.

словам историка, не достигли своего полного развития, что, очевидно, не в последнюю очередь было связано с отсутствием преемственности с римской эпохой.

Таким образом, работа Н.П. Оттокара «Городские коммуны в средние века» стала своеобразной попыткой историка «окинуть взглядом» городскую историю отдельных регионов Западной Европы, синтезировав тот материал, который был накоплен им ранее. Именно поэтому вместо детального источниковедческого анализа в работе 1936 г. мы видим попытку представить общее направление развития коммунальных организаций Франции и Италии в эпоху средних веков. Рискнем утверждать, что к подобным «генерализациям» Н.П. Оттокар пришел не случайно: внимательный к историческому факту, историк все же не мог вовсе отказаться от некоторых обобщений, которые возникали у него как вследствие работы с документами, так и в ходе полемики со своими коллегами. Вероятно, именно поэтому монография Н.П. Оттокара представляла собой не попытку построения общей теории средневекового города, но являлась вариантом «промежуточного обобщения», подводившего итоги его прежним научным изысканиям.

Заключение

Жизненный путь Н.П. Оттокара представляет собой нетипичный пример интеграции в мировое научное сообщество отечественного историка, чье «вхождение в науку» пришлось на время военных и революционных потрясений. Сформировавшись как историк-исследователь в петербургской школе медиевистики, возглавляемой И.М. Гревсом, Н.П. Оттокар добился значительных успехов на ниве административной работы во вновь сформированном Пермском университете, а подлинное научное признание пришло к нему в период эмиграции в Италию, где он занимал пост профессора Флорентийского университета. Прочное положение в рамках итальянской исторической науки, столь нетипичное для большинства русских историков-эмигрантов, во многом было связано с тем, что Н.П. Оттокар еще в период своей заграничной командировки завязал полезные знакомства в Италии, оказавшись после эмиграции «своим» в новом профессиональном сообществе. Кроме того, роль в успешной интеграции Н.П. Оттокара сыграли такие факторы, как его стремление дистанцироваться от русских эмигрантов и скрывать свои политические симпатии и антипатии.

Исторические взгляды Н.П. Оттокара несли на себе печать своего времени, фактически, являясь отражением тенденций, заявивших о себе в исторической науке начала XX в. Проведенное исследование показало, что Н.П. Оттокар по своим основным воззрениям являлся позитивистом, при этом влияние на его творчество оказали методологические поиски современников («философия жизни» и др.). Мы можем утверждать, что Н.П. Оттокар совместил в своем творчестве традиции русской и итальянской исторической мысли. Под влиянием И.М. Гревса он выбрал тематику работы и усвоил принципы источниковедческой критики. Несомненно, именно от лидера петербургских медиевистов он унаследовал стремление понять и «прочувствовать» прошлое. Кроме того, в своих исследованиях Н.П. Оттокар опирался на достижения итальянской исторической школы: для его творчества характерен фактографизм, присущий исследованиям итальянцев. Одновременно, в силу периферийности урбанистической тематики в

России, Оттокар был вынужден опираться и на некоторые теоретические выводы своих западных коллег, нередко подвергая их, однако, суровой критике. Целостная концепция средневекового западноевропейского города Н.П. Оттокаром разработана не была, хотя в своих отдельных трудах он оставил суждения, позволившие нам реконструировать его «общие идеи» относительно рассматриваемого феномена. Город представал перед ним прежде всего как социально-политическое явление, при изучении которого необходимо уделять пристальное внимание институтам и структурам. Пережив период относительного «затухания» городской жизни в раннее средневековье, город, по мысли Н.П. Оттокара, возродился в X–XI вв. Причем, в различных европейских регионах процесс этого «возрождения», а затем и развития городской жизни отличался известным своеобразием: очевидные отличия имело городское развитие в заальпийском регионе и в итальянских землях. Если для Италии было характерно единство города и его округа, то для региона за Альпами город был отделен от своего окружения и ограничен экономическими функциями. При этом Н.П. Оттокар настаивал, что даже во Франции обретение городом самоуправления нельзя свести к понятию «коммунальной революции»: этот процесс происходил в различной форме, и каждый случай требует от ученого особого рассмотрения.

Однако основным центром притяжения творческих сил историка все же являлась история Флоренции конца XIII в. Задумав изучение данного сюжета еще в период подготовки к профессорскому званию и не считая возможным согласиться с выводами Г. Сальвемини, Н.П. Оттокар постарался реконструировать историю борьбы флорентийских элит в эпоху Дуэченто вне распространенного классового подхода. Опираясь на результаты просопографического анализа, он пришел к выводу, что для Флоренции конца XIII века было характерно наличие во главе общества олигархической верхушки, которая являлась залогом стабильности общественной организации, причиной же социальных взрывов была не «классовая борьба», а стремление народных масс к осуществлению своих конституционных прав.

Для итальянских историков концепция Н.П. Оттокара стала «классической», повлияв на их подходы к пониманию прошлого не только Флоренции, но и других итальянских городов. В то же время, отечественная историография практически не восприняла его идеи, продолжая рассматривать средневековый город с позиций марксизма, для которого первичными оказывались именно исторические схемы, против которых столь настойчиво выступал Н.П. Оттокар, а не исторические факты. Учитывая тот факт, что современная отечественная медиевистика ищет новые возможности для объяснения становления и развития европейских городов, выводы петербургского историка могут оказаться для нее востребованными и полезными.

Корректно сейчас, в завершение исследования, поставить вопрос о том, насколько знания, полученные нами о жизненном пути Н.П. Оттокара, могут прояснить наши знания о его научной судьбе. Мы можем утверждать, что наши выводы в этом вопросе опираются на анализ как научной карьеры, так и концепции, сопоставление результатов которого дает возможность сделать несколько выводов. На первый взгляд, творчество историка средневековых городов проходит в условиях «чистой науки», поскольку перед нами персонаж, который редко выносит на общественный суд свою политическую позицию, почти не пишет публицистики, и даже в своих лекциях сторонится экзальтации, апелляции к современности, показного эффекта, делая ставку на глубину проникновения в исторический материал, последовательность анализа, постоянную опору на исторические источники. Позиция эта оказывается принципиальной, последовательной, выдержанной на протяжении всей жизни. Но к этой картине важно добавить несколько штрихов, которые если и не изменят ее полностью, то позволят увидеть более сложной, чем она кажется при поверхностном рассмотрении. Во-первых, сама возможность такой позиции является результатом не только однократного выбора Н.П. Оттокара, но и его последовательных усилий в этом направлении: отъезд из России связан не с тем, что он подвергался каким-либо прямым репрессиям, а, надо думать, был вызван изменившимся характером отношения к науке, когда занимать позицию

«невмешательства» становилось все более невозможным – тонко настроенный на следование «чистой» науке Н.П. Оттокар должен был понять это раньше многих своих коллег, более вовлеченных в общественно-политическую жизнь эпохи. Точно так же устройство на работу во Флорентийский университет было тесно связано с выверенной позицией, подразумевавшей лояльность новому режиму, но в то же время лояльность эта не была такой, чтобы Н.П. Оттокар потерял свои академические позиции после его падения. Во-вторых, последовательная идейная борьба историка против необоснованных генерализаций в исторической науке не превратила его в сторонника архаических описательных («эрудитских») методов – напротив, его исследования оказываются созвучны современности, в частности, теориям, исследующим элиты. Таким образом, историк Н.П. Оттокар такой же сын своего времени, как и многие другие историки-эмигранты (М.И. Ростовцев, Г.В. Вернадский), более явно заявлявшие свою политическую позицию.

Мы надеемся, что наше исследование внесет вклад и в понимание более общего вопроса о том, «как пишут историки», хотя и прекрасно осознаем, что мы только прикоснулись и ни в коем случае не разгадали полностью тайну научного творчества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. Список использованных источников

Неопубликованные источники

Архив Российской Академии наук (РАН)

Ф. 1609. Флоровский Антоний Васильевич

Оп. 2. Д. 351.

Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ РАН)

Ф. 726. «Гревс Иван Михайлович, (1860-1941), историк-медиевист, профессор Ленинградского государственного университета».

Оп. 1. Д. 131, 143, 161, 211.

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ)

Ф. 254. «Добиаш-Рождественская О. А.». Д. 223.

Ф. 263. «Дризен Н.В.». Д. 231.

Ф. 585. «Платонов С.Ф.». Д. 1866.

Российский государственный исторический архив (РГИА)

Ф. 733. «Департамент народного просвещения».

Оп. 156. Д. 108.

Оп. 155. Д. 132, 436.

Государственный архив Пермского края (ГАПК)

Ф. Р-180 «Пермский государственный университет Министерства образования РФ /г. Пермь/».

Оп. 1. Д. 55, 98а, 222, 521, 522, 522а, 527а, 532, 533, 535а, 662, 1025, 1028, 1082;

Оп. 2. Д. 62, 105, 147, 196, 257,

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)

Ф. А-2307 «Главное управление научных и музейных учреждений (Главнаука) Наркомата Просвещения РСФСР; Сектор науки Наркомата Просвещения РСФСР»
Оп. 2. Д. 533.

Центральный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб)

Ф. 14. «Императорский Петроградский университет. Петроград. 1819–1918».
Оп. 1. Д. 10205.
Оп. 3. Д. 39677.

Личный архив А.И. Ключева

Письмо Энрико Фаини Артему Ключеву от 29.08.2014 г.
La lettera di Antoinette Ottokar a Liev Karsavin, 6–XI/1927.

Archivio centrale di Stato, Rome

MPI B. 346 Ottokar Nicola
PS 1925 B. 13
PS 1923 B. 35

Archivio del'Istituto storico toscano della Resistenza e dell'età contemporanea

Archivio Gaetano Salvemini, scatola 85, 122
Fondo di Tristano Codignola. Lettera di Nicola Ottokar

Archivio Storico e Deposito, Università degli studi di Firenze, Firenze

Fascicolo Ottokar Nicola
Annuario per l'anno accademico, 1924–925
Annuario per l'anno accademico, 1925–926

Archivio personale di Enzo Ottokar

Письма С.Ф. Ольденбурга Н.П. Оттокару

Archivio storico arcivescovile di Firenze

Atto di battesimo di Nicola Ottokar, № 79

Biblioteca comunale di Santarcangelo di Romagna (RN)

Fondo «G. Volpe», Carteggi, Le lettere di Nicola Ottokar

Biblioteca Riccardiana

Carteggio Rodolico, Le lettere di Nicola Ottokar

Centro Archivistico Scuola Normale Superiore

Fondo La Nuova Italia, Archivio vecchio, Carteggio, fascicolo Ottokar Nicola

Fondo Ernesto Codignola, Le lettere di Nicola Ottokar

Fondo Ernesto Sestan, Le lettere di Nicola Ottokar

Fondo Piero Silva, Le lettere di Nicola Ottokar

Istituto della Enciclopedia italiana, Archivio storico

Fondo EI, 1925-1939, sezione II. Attività scientifica e redazionale, 1925-1939, s. 5, fasc. 1005, Ottokar Nicola

Fondo EI, 1925-1939, sezione II. Attività scientifica e redazionale, 1925-1939, s. 9 fasc. 1909 Ottokar Nicola

Fondazione Biblioteca Benedetto Croce

Archivio di B. Croce, Carteggio per anno e corrispondente, 1928

Fondazione Giovanni Gentile

4141, Nicola Ottokar

Fondi storici, Galleria Nazionale d'Arte Moderna e Contemporanea

Fondo di Ugo Ojietti

Rare Book & Manuscript Library, Columbia University in the City of New York

Weidle papers

Письма Николая Оттокара Владимиру Вейдле

Vernadsky Papers

Письма Николая Оттокара Георгию Вернадскому

Письма Сергея Волкобруна Георгию Вернадскому

Письма Петра Остроухова Георгию Вернадскому

Enciclopedia italiana

Опубликованные источники

1. А.В. Амфитеатров и В.И. Иванов. Переписка / Предисл. и публ. Дж. Малмстада // Минувшее: исторический альманах. М.: Прогресс: Феникс, 1997. Вып. 22. С. 475–538.
2. Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники, 1889–1927. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 966 с.
3. Академик С.Ф. Платонов: Переписка с историками: В 2 т. / Отв. ред. С.О. Шмидт. М.: Наука, 2003. Т. 1: Письма С.Ф. Платонова, 1883–1930. 386 с.
4. Анциферов Н.П. Из дум о былом: Воспоминания / Вступ. ст., сост., примеч. и аннотир. указатель имен А.И. Добкина. М.: Феникс; Культурная инициатива, 1992. 512 с.
5. Анциферов Н.П. Отчизна моей души. Воспоминания о путешествиях в Италию / Публ. М.С. Анциферова; сост., подг. текста, вступ. ст. Д.С. Московской; науч. ред. М.Г. Талалая. М.: Старая Басманная, 2016. 202 с.
6. Анциферов Н.П. «Такова наша жизнь в письмах»: Письма родным и друзьям (1900–1950-е годы) / Отв. Ред.-сост., предисл. Д.С. Московской. М.: НЛО, 2021. 640 с.
7. Бенуа А.Н. Дневник 1916–1918 годов. М.: Захаров, 2006. 768 с.

8. Вейдле В.В. Воспоминания / Публ. и коммент. И. Дороченкова // Диаспора: новые материалы / Отв. ред. О. Коростелев. СПб.: Феникс, 2002. Вып. 2. С. 24–153.1
9. Вейдле В.В. Воспоминания / Публ. и коммент. И. Дороченкова // Диаспора: новые материалы / Отв. ред. О. Коростелев. СПб.: Феникс, 2002. Вып. 3. С. 7–159.
10. Вернадский Г.В. Из воспоминаний // Вопросы истории. 1995. № 1. С. 128–149.
11. Галчева Т.Н., Голубович И.В. «Понемногу приспосаблиюсь к «независящим обстоятельствам». П.М. Бицilli и семья Флоровских в первые годы эмиграции. София: Издательство «Солнце», 2015. 320 с.
12. Ганчиков Л. О путях русского духа / Перевод и науч. ред. М.Г. Талалая. М.: Индрик, 2019. 264 с.
13. Гревс И.М. К теории и практике "экскурсий", как орудия научного изучения истории в университетах. СПб.: Сенат. тип., 1910. 48 с.
14. Гревс И.М. Научные прогулки по историческим центрам Италии // Научное слово. 1905. Кн. I. С. 61–89.
15. Гревс И.М. Научные прогулки по историческим центрам Италии // Научное слово. 1903. Кн. 4. С. 50–81.
16. Гревс И.М. Отзыв о книге П.М. Бицilli «Салимбене (Очерки итальянской жизни XIII века). Одесса, 1913 г. // Подг. текста, публ. и коммент. А.И. Ключева, А.В. Свешникова // СВ. 2014. Вып. 75. С. 394–405.
17. Гревс И.М. «Страничка из научной автобиографии И.М. Гревса». Средневековая история в Петербурге в первую четверть XX века // Подг. текста, предисл., примеч. Е.В. Бамбизовой, А.В. Свешникова // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. М., 2008. Вып. 22. С. 274–308.
18. Греков Б.Д. Письма (1905–1952 гг.) / Сост. В.Г. Бухерт. М.: Памятники исторической мысли, 2019. 504 с.
19. Ермишин О.Т. П.П. Сувчинский, его издательские проекты и переписка с современниками // Философские науки. 2017. № 11. С. 128–146.

20. Иванова Л. Воспоминания. Неизданные письма Вяч. Иванова / Публ. Д.В. Иванова // Минувшее: исторический альманах. М.: Прогресс: Феникс, 1991. Вып. 3. С. 45–77.
21. Из личного дела профессора Пермского университета Н.П. Оттокара / Сост., предисл. и комментарии А.И. Ключева // Европа: международный альманах. Тюмень, 2010. Вып. IX. С. 155–158.
22. Ключев А.И. К истории личных и профессиональных отношений Николая Оттокара и Джоаккино Вольпе // СВ. 2020. № 81 (1). С. 146–160.
23. Ключев А.И. Об этой книге более обстоятельно будут говорить и обсуждать... знатоки истории флорентийской коммуны». Письмо Н.П. Оттокара Б. Кроче. 1928 г. // Исторический архив. 2017. № 6. С. 176–180.
24. Ключев А.И. «Я... никогда не смогу забыть то, что ты сделал для меня». Письма известного русского историка-эмигранта Николая Оттокара классику итальянской историографии Гаэтано Сальвемини // Вестник архивиста. 2018. № 2. С. 591–603.
25. Н.П. Оттокар // Академик С.Ф. Платонов: Переписка с историками: В 2 т. / Отв. ред. С.О. Шмидт. М.: Наука, 2003. Т. 1. С. 238–239.
26. Оттокар Н.П. Балет // НЭС. СПб.: Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон, 1912. Т. IV. Стлб. 838–843.
27. Оттокар Н.П. Болонья // НЭС. СПб.: Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон, 1912. Т. VIII. Стлб. 395–399.
28. Оттокар Н.П. К истории взаимоотношения церкви и города в итальянском средневековье (Opera ecclesiae во Флоренции и ее роль в процессе перехода церквей в заведывание коммуны) // ЖМНП. 1909. Т. XXIII. С. 1–23.
29. Оттокар Н.П. Коммуны средневековые // НЭС. СПб.: Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон, 1915. Т. XXIII. Стлб. 383–388.
30. Оттокар Н.П. Культурные центры старой Италии. I. Венеция // Хождения по Руси и за рубеж. Экскурсионный вестник. 1915. № 4. С. 62–90.
31. Оттокар Н.П. Лангобардское право // НЭС. СПб.: Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон, 1915. Т. XXIV. Стлб. 870–871.

32. Оттокар Н.П. Лангобарды // НЭС. СПб.: Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон, 1915. Т. XXIV. Стлб. 871–873.
33. Оттокар Н.П. Опыты по истории французских городов в средние века. Пермь: Типография губернского земства, 1919. 258 с.
34. Оттокар Н.П. Русский балет в Париже // Слово. 1909. 13 июня. С. 5.
35. Оттокар Н.П. Флорентийский дом в XIV–XV столетии. Рец. на кн.: Schiaparelli. La casa fiorentina ei suoi nei secoli XIV e XV. Firenze, 1908. V. 1. // Историческое обозрение. 1909. Т. XV. С. 23–32.
36. Оттокар Н.П. Флоренция. Очерки флорентийской истории и культуры (введение) / Сокр. перевод М.Г. Талалая // Русские в Италии: Культурное наследие эмиграции. Международная научная конференция / Сост., науч. ред. М.Г. Талалая. М.: Русский путь, 2006. С. 405–406.
37. Оттокар Н.П. Цехи и коммуна во Флоренции в XIII–XIV вв. // К 25-летию учено-педагогической деятельности И.М. Гревса. Сборник статей его учеников. СПб.: Общественная польза, 1911. С. 241–271.
38. Письма Г.П. Федотова и письма различных лиц к нему. М. Издательство «Тэтис Паблишн», 2008. 504 с.
39. Письма Н.П. Оттокара к Вяч. Иванову / Публ. и прим. С. Гардзонио // Вестник истории, литературы, искусства. 2006. Т. 3. С. 510–531.
40. Письмо В.В. Вейдле И.М. Гревсу 1920 г. / Полг. к публ., предисл. и коммент. А.В. Свешников // Археографический ежегодник. 1999. М.: Наука, 2000. С. 365–367.
41. Платонова Н.Н. Дневник (1889–1921) / Подг. текста В.В. Андреевой, А.Н. Одинокова, И.П. Потехиной, Е.А. Ростовцева, П.А. Трибунского; коммент. Т.Н. Жуковской, В.И. Мусаева, П.А. Трибунского; вступ. Ст. Е.А. Ростовцева, А.Н. Цамутали. Рязань: б.и., 2021. 881 с.
42. Русская историческая мысль. Из эпистолярного наследия Л.П. Карсавина, письма И.М. Гревсу (1906–1916). М.: ИНИОН РАН, 1994. 172 с.
43. Справочная книжка ПВЖК на 1910–1911 уч. г. СПб., 1910. С. 42.
44. Справочная книжка ПВЖК на 1914–1915 уч. г. СПб., 1914. С. 44.

45. Справочная книжка ПВЖК на 1915–1916 уч. г. СПб., 1915. С. 44–45.
46. Человек с открытым сердцем: Автобиографическое и эпистолярное наследие Ивана Михайловича Гревса (1860–1941) / Автор-составитель О.Б. Вахромеева. СПб.: Б.и., 2004. 372 с.
47. Archivio italo-russo II / A cura di D. Rizzi e A. Shishkin. Salerno: [s.e.], 2002. 471 с.
48. Archivio italo-russo III / A cura di D. Rizzi e A. Shishkin. Salerno: [s.e.], 2002. 574 с.
49. Archivio italo-russo IX. Ol'ga Resnevič Signorelli e l'emigrazione russa: corrispondenze / A cura di E. Garetto, A. d'Amelia, K. Kumpan e D. Rizzi. Salerno: [s.e.], 2012. 491 с.
50. Barbadoro B., Ottokar N. Problemi di storia del Comune di Firenze // ASI. 1937. Vol. 95. № 1. P. 88–98.
51. Corso di storia medioevale: dalle Lezioni di N. O. / raccolto da D. Fabroni e L. Barocas; (Gruppo universitario fascista, Firenze. Anno accademico 1935-36, XIV). Firenze: Casa Ed. Poligraf. Universitaria C. Cya, 1936. 109 p.
52. Corso di storia medioevale (facoltà Lettere) delle Lezioni di N. O. / Raccolto da Ettore Falconi, Anno accademico 1939–40. Firenze: S.A. Ed. Universitaria, 1940, 268 p.
53. Corso di storia medioevale: dalle lezioni del Chiar.mo prof. Ottokar / Raccolto da A.M. Catelani. Anno accademico 1942–43. Firenze: Soc. An. Ed. Universitaria, 1943. 756 p.
54. Corso di storia medioevale: Dalle Lezioni di N. O. / Raccolte da Giovanni Grazzini. Firenze: Ed. Universitaria, 1947. 76 p.
55. Corso di storia medioevale: dalle Lezioni di N. O.: appunti redatti da D. Frosini riordinati e ampliati da Sergio Gensini. Parte 1., Firenze dalle origini alla Signoria dei Medici. Parte 2., Critica alle fonti narrative. Anno accademico 1952–53. Firenze: Cam, Copisteria A Macchina, 1953. 184 p.
56. Ottokar N. A proposito della presunta riforma costituzionale adottata il 6 luglio dell'anno 1295 a Firenze // ASI. 1933. S. VII. Vol. XIX. №. 2. P. 173–179.

57. Ottokar N. Agen. Storia // EI. Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 1929. Vol. I. P. 853–854.
58. Ottokar N. Aiguesmortes // EI. Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 1929. Vol. II. P. 27–28.
59. Ottokar N. Amiens. Storia // EI. Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 1929. Vol. II. P. 971–974.
60. Ottokar N. Anzilotti Antonio // Leonardo. 1925. № 1. P. 12–13.
61. Ottokar N. Ardašev, Pavel // EI. Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 1929. Vol. IV. P. 134.
62. Ottokar N. Arras. Storia // EI. Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 1929. Vol. IV. P. 575–577.
63. Ottokar N. Avvertenza // Villari P. I primi due secoli della storia di Firenze: ricerche / 3-a ed. con avvertenza di N. Ottokar. Firenze: G. C. Sansoni, 1945. P. V–VIII.
64. Ottokar N. Beauvais. Storia // EI. Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 1930. Vol. VI. P. 456–457.
65. Ottokar N. Breve storia della Russia: linee generali. Bari: Laterza, 1936. 423 p.
66. Ottokar N. Breve storia della Russia: linee generali. Bari: G. Laterza e Figli, 1945. 421 p.
67. Ottokar N. Cambrai. Storia // EI. Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 1930. Vol. VIII. P. 513–515.
68. Ottokar N. Compendio di storia della Russia. Firenze: Vallecchi editore, 1950. 254 p.
69. Ottokar N. Comune // EI. Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 1934. Vol. XXI. P. 15–26.
70. Ottokar N. Dioniso e i culti pre-dionisiaci // Il Convegno. 1933/1934. An. XV. № 8–12. P. 363–364.
71. Ottokar N. Di Giotto di Bondone senese, omonimo contemporaneo di Giorro, pittore fiorentino // Rivista d'Arte. 1934. XVI. P. 95–97.

72. Ottokar N. I comuni Cittadini del Medioevo. Firenze: La Nuova Italia, 1936. 47 p.
73. Ottokar N. Il Comune // Firenze / A cura di Jolanda de Blasi. Firenze: Sansoni, 1944. P. 47–61.
74. Ottokar N. Il Comune di Firenze alla fine del Dugento. Firenze: Vallecchi, 1926. 289 p.
75. Ottokar N. Il Comune di Firenze alla fine del Dugento / Intr. Di Ernesto Sestan. 2 ed. riv. e corretta. Torino: Einaudi, 1962. XVIII, 223 p.
76. Ottokar N. Il problema della formazione comunale // Questioni di storia medioevale / A cura di Ettore Rota. Como: Dott. Carlo Marzorati editore, 1945. Fascicolo II. P. 217–245.
77. Ottokar N. Il problema della formazione comunale // Problemi storici e orientamenti storiografici / A cura di E. Rota. Como: Tipografia Emo Cavalieri, 1942. Vol. I. P. 217–238.
78. Ottokar N. Firenze: cenni di storia e di cultura fiorentina. Firenze: La Nuova Italia, 1940. 92 p.
79. Ottokar N. Firenze: cenni di storia e di cultura fiorentina. Firenze: La Nuova Italia, 1945. 96 p.
80. Ottokar N. Gli scioperati a Firenze nell'300 // Studi storici in onore di Gioacchino Volpe: per il suo 80. compleanno: 2 v. Firenze: G.C. Sansoni editore, 1958. Vol. II. P. 703–707.
81. Ottokar N. L'Istituzione del Priorato di Firenze // ASI. 1924. LXXXII. P. 5–71.
82. Ottokar N. Laon. Storia // EI. Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 1933. Vol. XX. P. 521–522.
83. Ottokar N. La storia di Firenze di Roberto Davidsohn (Firenze ai tempi di Dante) // Italia letteraria. 1929. Ottobre. P. 105–111.
84. Ottokar N. Le città francesi nel Medio evo: saggi storici. Firenze: Vallecchi editore. 1927. VIII, 233 p.

85. Ottokar N. Lilla. Storia // EI. Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 1934. Vol. XXI. P. 146–147.
86. Ottokar N. Lion. Storia // EI. Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 1934. Vol. XXI. P. 225–229.
87. Ottokar N. Luchaire, Achille // EI. Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 1934. Vol. XXI. P. 581.
88. Ottokar N. Luigi VI // EI. Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 1934. Vol. XXI. P. 616
89. Ottokar N. Luigi VII // EI. Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 1934. Vol. XXI. P. 616–617.
90. Ottokar N. Luigi VIII // EI. Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 1934. Vol. XXI. P. 617.
91. Ottokar N. Luigi IX // EI. Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 1934. Vol. XXI. P. 617–618.
92. Ottokar N. Luigi X // EI. Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 1934. Vol. XXI. P. 618.
93. Ottokar N. Luigi XI // EI. Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 1934. Vol. XXI. P. 618–620.
94. Ottokar N. Magnati o grandi // EI. Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 1934. Vol. XXI. P. 916.
95. Ottokar N. Pittori e contratti d'apprendimento presso pittori a Firenze alla fine del Dugento // Rivista d'Arte. 1937. XIX. Fasc. I. P. 55–57.
96. Ottokar N. Popolo // EI. Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 1935. Vol. XXVII. P. 930–931.
97. Ottokar N. [Rec. a] Giorgio Falco, La polemica sul Medio Evo. I. – (Biblioteca della Società Storica Subalpina, CXLIII), Torino, 1933. L. 25 // Pan: rassegna di lettere, arte e musica. 1934. Anno II. № 10. P. 280–284.
98. Ottokar N. Roberto Davidsohn (necrologo) // Rivista storica italiana. 1937. Vol. II. Fasc. IV. P. 158–159.

99. Ottokar N. Russia // EI. Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 1936. Vol. XXVII. P. 288–308.
100. Ottokar N. The Medieval city-communes. Florence: Tyszkiewicz private press, 1933. 70 p.
101. Ottokar N. Siena. Cenni di storia e cultura senesi. Firenze: La Nuova Italia, 1944. 34 p.
102. Ottokar N. Studi comunali e fiorentini. Firenze: La Nuova Italia, 1948. XX, 182 p.
103. Ottokar N. Venice: Sketches of Venetian history and culture. Firenze: Ed. La Nuova Italia, 1945. 47 p.
104. Ottokar N. Venezia: Cenni di cultura e di storia veneziane. Firenze: Tip. S. Tyszkiewicz, 1938. 79 p.
105. Ottokar N. Venezia: cenni di storia e di cultura veneziane. Firenze: La Nuova Italia, 1941. 43 p.
106. Gaetano Salvemini. Carteggio. 1921–1926 / A cura di E. Tagliacozzo. Roma: Laterza, 1985. 565 p.
107. Salvemini G. Memorie e soliloqui. Diario 1922–1923 / a cura di Roberto Pertici; introduzione di Roberto Vivarelli. Bologna: Il Mulino, 2001. 422 p.
108. Storia medioevale: dalle lezioni del Prof. N. Ottokar // Raccolte dalla studentessa G.M. Ghimenti. Firenze: Universitaria editrice, 1946. 124 p.
109. *. Венеция // НЭС. СПб.: Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон, 1912. Т. X. Стлб. 128–135.

II. Научно-исследовательская литература

1. Аксенов А.И. Генеалогия и просопография // Восточная Европа в древности и средневековье: проблемы источниковедения: XVII чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто: IV чтения памяти доктора исторических наук Александра Александровича Зимина, Москва, 19–22 апреля 2005 г.: тезисы докладов, Ч. 2. М.: Ин-т истории СССР, 2005. С. 165–168.

2. Алеврас Н.Н., Гришина Н.В. Диссертационная культура российских историков XIX – начала XX вв.: замысел и источники исследовательского проекта // Мир историка: историографический сборник / под ред. В.П. Корзун, А.В. Якуба. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. Вып. 6. С. 9–21.

3. Алеврас Н.Н., Гришина Н.В. Российская диссертационная культура XIX – начала XX веков в восприятии современников. К вопросу о национальных особенностях // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. М., 2011. Вып. 36. С. 221–247

4. Алексеева О.В. Классические теоретические основы исследования политических элит // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. № 6. С. 224–227.

5. Аллахвердян А. Причины и масштабы утечки научных кадров из России (на материалах статистики науки) // Люди мира: Русское научное зарубежье / Под ред. Д. Баюка. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. С. 453–478.

6. Алпатов М.А. Политические идеи французской буржуазной историографии XIX века. М.; Л.: Изд-во и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР в М., 1949. 407 с.

7. Антощенко А.В. Das Seminar: немецкие корни и русская крона (о применении немецкого опыта «семинариев» московскими профессорами во второй половине XIX в.) // «Быть русским по духу европейцем по образованию»: университеты Российской империи в общеобразовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII-начала XX в. / отв. сост. А.Ю. Андреев. М.: РОССПЭН, 2009. С. 263–278.

8. Антощенко А.В., Свешников А.В. Исторический семинарий как место знания // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом / Отв. ред. А.Н. Дмитриев. М.: Изд. дом Высш. шк. Экономики, 2012. С. 138–160.

9. Антощенко А.В., Свешников А.В. Конфликт без скандала в университетской среде // Мир Клио: в 2 т. М.: ИВИ РАН, 2007. Т. 2. С. 115–134

10. Арутюнян Ю.И. Человек средний – человек типичный – человек идеальный: историки русского зарубежья о западном средневековье // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2008. Т. 178. С. 8–14.
11. Ашин Г. Курс истории элитологии. М.: МГИМО(У), 2003. 302 с.
12. Бадрутдинова М., Галимуллина Г. Трагедия изобретателя // Татарский мир. 2010. № 4. С. 13.
13. Бамбизова К.В. Историческая концепция Ивана Михайловича Гревса – основоположника петербургской школы медиевистики: дис. ... канд. ист. наук Томск, 2008. 259 с.
14. Баткин Л.М. Гвельфы и гибеллины во Флоренции XIII в. // СВ. Вып. XVI. М., 1959. С. 23–48.
15. Баткин Л.М. Данте и его время. Поэт и политика. М.: Наука, 1965. 198 с.
16. Баткин Л.М. Данте и его время. Поэт и политика // Баткин Л.М. Его его. Избранные труды в шести томах. М.: Новый хронограф, 2015. Т. 1. Люди и проблемы итальянского Возрождения. С. 647–830.
17. Баткин Л.М. Период городских коммун // История Италии: в 3-х Т. / Под ред. С.Д. Сказкина, Л.А. Котельниковой, В.И. Рутенбурга. М.: Наука, 1970. Т. 1. С. 200–272.
18. Баткин Л.М. Подготовка и создание Приората во Флоренции // Исторические науки. 1961. № 2. С. 203–218.
19. Баткин Л.М. Социально-политическая борьба во Флоренции в конце XIII – начале XIV веков и идеология Данте: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Харьков, 1958. 20 с.
20. Баткин Л.М. Флорентийские гранды и поправки 6 июля 1295 г. к «Установлениям правосудия» // СВ. М., 1961. Вып. 20. С. 75–97.
21. Баткин Л.М. Хроника Дино Компаньи или притча Данте Алигьери? // СВ. М., 1960. Вып. 17. С. 374–387.

22. Бахтин М.В. Кризис европейской культуры начала XX века и историческое познание // Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В.Г. Белинского. Гуманитарные науки. 2012. № 27. С. 165–169.
23. Белов Г. фон Городской строй и городская жизнь средневековой Германии / предисл. Д.М. Петрушевского. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1912. LXVIII, 224 с.
24. Биккель Л. Авторский знак профессора Преображенского. URL: <http://dp.perm.ru/article.php?id=4371> (дата обращения: 31.10.2014).
25. Бицилли П.М. Салимбене. Очерки итальянской жизни XIII века // Бицилли П.М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад / сост. Ф.Б. Успенский, отв. ред. М.А. Юсим. М.: Языки славянских культур, 2006. 233–525.
26. Бокарева О.Б. Создание вспомогательных исторических дисциплин в европейской науке Нового времени (Л. Валла, Ж. Мабильон, Б. Монфокон, А. Муратори) // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 8. С. 11–18.
27. Бондаренко И.М. Английский город в средние века. Критическая оценка главнейших теорий происхождения городской организации на основании данных по истории возникновения городов в Англии. Одесса: "Экон." тип., 1904. VI, 240 с.
28. Брагина Л.М. Италия в Средние века и ранее Новое время. V–XVII в. Изд. 2-е, стереот. М.: РГГУ, 2017. 448 с.
29. Братухина Л.В. Владимир Васильевич Вейдле: пермская нота в судьбе ученого // Мировая литература в контексте культуры. 2018. № 7 (13). С. 188–200.
30. Бузескул В.П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века / Отв. ред. И.В. Тункина. М.: «Индрик», 2008. 832 с.
31. Булучевская Е.А. Особенности русской эмиграции в Италию в начале 1920-х гг. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2016. № 3 (39). С. 20–29.

32. Булучевская Е.А. Социальное положение русских эмигрантов в Италии (1918–1939) // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2016. № 5. С. 37–41.
33. Булучевская Е.А. Эмиграция деятелей русской культуры в Италию (1918–1939): к вопросу о статистике и типологизации // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2016. № 3. С. 43–46.
34. Вайнштейн О.Л. Историография средних веков в связи с развитием исторической мысли от начала средних веков до наших дней. М.; Л.: Соцэгиз, 1940. 375 с.
35. Вайнштейн О.Л. История советской медиевистики. 1917–1966. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1968. 424 с.
36. Васильева Н.Е., Кертман Л.Е., Шустов С.Г. Первый на Урале. Пермский государственный университет. 1916–1986. Пермь: Кн. изд-во, 1987. 234 с.
37. Вахромеева О.Б. Духовное единение. К изучению творческой биографии И.М. Гревса. СПб.: Издательский Центр «Академия», 2005. 165 с.
38. Вахромеева О.Б. Преподавание наук на Высших женских (Бестужевских) курсах (1878–1918). М: Политическая энциклопедия, 2018. 903 с.
39. Вебер М. Критические исследования в области наук о культуре // Избранное. М.: Прогресс, 1990. С. 416–493.
40. Виллани Дж. Новая хроника, или История Флоренции. М.: Наука, 1997. 551 с.
41. Виппер Р.Ю. Кризис исторической науки. Казань: Гос. изд-во, 1921. 37 с.
42. Володин К.С. Гаэтано Моска и Вильфредо Парето: обзор теории // Про пинс. Современные политические процессы. 2012. № 1. С. 35–41.
43. Волошина В.Ю. Вырванные из родной почвы: социальная адаптация российских ученых-эмигрантов в 1920–1930-е годы. М.: Форум, 2013. 437 с.
44. Волошина В.Ю. Ученый в эмиграции: проблемы социальной адаптации ученых-эмигрантов сквозь призму «социальной истории». Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. 219 с.

45. Вульфиус А.Н. Рец.: Оттокар Н.П. Опыты по истории французских городов в средние века. Пермь, 1919 // Книга и революция: ежемесячный критик-библиографический журнал. 1921. № 1. С. 49–51.
46. Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994. 702 с.
47. Гай-Воронская А.Л. Биографический метод и его эвристические возможности в социологических исследованиях // Философия и социальные науки: научный журнал. 2008. № 1. С. 47–51.
48. Гардзонио С. Оттокар Николай Петрович // Русское присутствие в Италии в первой половине XX века / ред.-сост. А. д'Амелия и Д. Рицци. М.: РОССПЭН, 2019. С. 496–497.
49. Гардзонио С., Сульпассо Б. Осколки русской Италии: Исследования и материалы. Кн. 1 / Науч. ред. О.А. Коростелевой, М.А. Васильевой. М.: Викмо-М [и др.], 2011. 456 с.
50. Гвиччардини Фр. История Италии: в 2 т. / Пер. в ит. М.А. Юсима. М.: Канон+ РОИИ «Реабилитация», 2018. Т. 1–2. 744 + 696 с.
51. Гизо Ф. История цивилизации в Европе / Пер. с фр. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2007. 329 с.
52. Гинзбург К. Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю // Гинзбург К. Мифы – эмблемы – приметы / Пер. с ит., послесл. С.Л. Козлова. М.: НЛО, 2004. С. 287–320.
53. Голенищев-Кутузов И.Н. Творчество Данте и мировая культура. М.: Наука, 1971. 551 с.
54. Голубева И.А. И.М. Гревс и Н.П. Анциферов: от Италии к Петербургу // Историографический сборник. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2008. Вып. 23. С. 24–34.
55. Горфункель А.Х. Рец.: Каганович Б.С. Русские медиевисты первой половины XX века. СПб.: Гиперион, 244 с. // СВ. 2010. Т. 71. № 3–4. С. 436–446.
56. Горфункель А.Х. Плоды безответственности и невежества. Человек с открытым сердцем: автобиографическое и эпистолярное наследие Ивана

Михайловича Гревса (1860–1941) / Автор-составитель О.Б. Вахромеева. СПб., 2004. 372 с. // СВ. 2006. № 67. С. 326–340.

57. Гревс И.М. Кровавая свадьба Буондельмонте. Жизнь итальянского города в XIII в. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1925. 142 с.

58. Григорькин В.А. Новое концептуальное направление исследования культурного наследия // Известия Алтайского госуниверситета. 2007. № 4/2. С. 43–45.

59. Григорькин В.А. Формирование российского типа предпринимателя-буржуа на примере Д.Е. Бенардаки: дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2008. 167 с.

60. Гришина Н.В. «Анахронизм наших печальных ней»: российская диссертационная система на рубеже 1910–1920-х годов // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI веков: сборник статей / Под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной, Ю.В. Красновой. Челябинск: Энциклопедия, 2011. С. 172–180.

61. Гришина Н.В. От «оставленных для подготовки к профессорскому званию» к советским аспирантам: трансформация системы воспроизводства научных кадров в 1860–1920-е гг. // Мир историка: историографический сборник / Отв. ред. В.П. Корзун, С.П. Бычков. Омск: Изд.-во Ом. гос. ун-та, 2014. Вып. 9. С. 122–145.

62. Гришина Н.В. Проблема сохранения ценностей научного Сообщества в коммеморативных практиках отечественных историков 1920-х гг. // Историк в историческом и историографическом времени: Материалы Международного форума, посвященного 100-летию со дня рождения профессора А.С. Шофмана; Казань, 13–15 ноября 2013 г. / Сост. и отв. ред. Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинцев. Казань: Яз, 2013. С. 343–346.

63. Гуковский М.А. Итальянское Возрождение: в 2 Т. Л.: Издательство Ленинградского государственного Ордена Ленина университета, 1947. Т. I: Италия с 1250 по 1380 гг. 340 с.

64. Гуковский М.А. Итальянское Возрождение. 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. А.Н. Немилова, А.С. Кантор-Гуковской. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. 618 с.

65. Гутнова Е.В. Историография истории средних веков. М.: «Высшая школа», 1974. 400 с.
66. Дворниченко А.Ю. Русский историк Георгий Вернадский. Путешествия в мире людей, идей и событий. СПб.: Евразия, 2017. 724 с.
67. Дживелегов А.К. Средневековые города в Западной Европе. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1902. 248 с.
68. Дмитриев А.Н. Заграничная подготовка будущих российских профессоров накануне Первой мировой войны // Профессорско-преподавательский конкурс российских университетов. 1884–1917 гг.: Исследования и документы // Под науч. ред. Н.В. Грибовский, С.Ф. Фоминых. Томск: Издательство Томского университета, 2012. С. 65–75.
69. Дмитриев А.Н. Национализация науки и фактор эмиграции: русские гуманитарии в Германии (1920–1930-е гг.) // *Ab Imperio*. 2003. № 2. С. 211–256.
70. Дмитриева М.И. Сиенская коммуна в XII–XIV вв.: особенности развития итальянского города в эпоху средневековья: учебно-методическое пособие. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013. 54 с.
71. Дубровский И.В. Оттокар и другие // Дубровский И.В. Очерки социальной истории средних веков. М.: Издательский дом «Регнум», 2010. С. 97–131.
72. Дубровский И.В. Работать историком // Дубровский И.В. Очерки социальной истории средних веков. М.: Издательский дом «Регнум», 2010. С. 71–96.
73. Дубьева Л.В. Профессор всеобщей истории Юрьевского университета 1904–1912 гг. А.А. Васильев // Биографика. I. Русские деятели в Эстонии XX века / Сост. и отв. ред. С. Исаков. Тарту: ТУ, 2005. С. 79–103.
74. Дюма Ж. Об изучении элит в современной историографии // ФЕ 2001. М., 2001. С. 126–137.
75. Еманов А.Г. Возникновение города в Европе и за пределами Европы. Опыт компаративного анализа концепций урбанизации // Европа: международный альманах. Тюмень, 2008. Вып. VIII. С. 14–31.

76. Емельянов Ю.Н. История в изгнании: историческая периодика русской эмиграции (1920–1940-е годы). М.: Русская панорама, 2008. 493 с.
77. Ермичев А.А. Как поссорились два ученых мужа // Вопросы философии. 2003. № 2. С. 124–134.
78. Зайцев Б.К. Странное путешествие / Сост. С. Федянина. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 413 с.
79. Захаров О.И. Открывая Америку. М.: ИПО «У Никитских ворот», 2019. 216 с.
80. Захаров О.И. Стратегии интеграции русских историков-эмигрантов в американское научное сообщество на примере М.И. Ростовцева // Мир историка: историографический сборник. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2013. Вып. 8. С. 38–54.
81. Зевелёв А.И. Историографическое исследование: учебное пособие для студентов ВУЗов, обучающихся по специальности «История». М.: Высшая школа, 1987. 159 с.
82. Зомбарт В. Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека; Художественная промышленность и культура / Пер. с нем. М: ТЕРРА-Книжный клуб, 2009. 576 с.
83. Иванов А.Е. Российские императорские университеты под управлением Министерства народного просвещения (1880-е годы – начало XX века) // Расписание перемен: Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы). М.: НЛО, 2012. С. 28–87.
84. Иванов А.Е. Ученое достоинство в Российской Империи. XVIII – начало XX века. Подготовка и научная аттестация профессоров и преподавателей в высшей школе. М.: Новый хронограф, 2016. 648 с.
85. Иванов А.Е. Ученые степени в Российской империи. XVIII в. – 1917 г. М.: ИРИ РАН, 1994. 195 с.
86. Иванов К.А. Средневековый город и его обитатели. СПб.: Петербургский учебный магазин, 1909. Изд. 3-е. 130 с.

87. История исторического знания: Пособие для вузов / Л.П. Репина, В.В. Зверева, М.Ю. Парамонова. М., 2004. 288 с.
88. Итиуридзе Л.А. Основные проблемы теории «правлящего класса» Гаэтано Моски // Вестник РУДН. Серия Социология. 2001. № 2. С. 30–36.
89. Каганович Б.С. Вокруг «Очерков из истории римского землевладения» И.М. Гревса // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI–XVII вв.) // Под ред. В.И. Рутенбурга, И.П. Медведева. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1990. С. 198–216.
90. Каганович Б.С. Петербургская школа медиевистов в конце XIX – начале XX в.: автореф. дис. ...канд. ист. наук. Л., 1986. 14 с.
91. Каганович Б.С. Русские медиевисты первой половины XX века. СПб.: Гиперион, 2007. 241 с.
92. Кара-Мурза А.А. Интеллектуальные портреты: Очерки о русских политических мыслителях XIX–XX вв. М.: ИФ РАН, 2006. 178 с.
93. Кара-Мурза А.А. Проблема «саморазрушения цивилизации» в работах мыслителей русского серебряного века // Россия в архитектуре глобального мира: цивилизационное измерение / Отв. ред. А.В. Смирнов. М.: Языки славянской культуры (ЯСК): Знак, 2015. С. 113–165.
94. Кара-Мурза А.А. Флоренция Владимира Вейдле (Опыт философского краеведения) // Философские науки. 2015. № 7. С. 45–52.
95. Кареев Н.И. Французская революция в марксистской историографии в России / вступл. и публ. Д.А. Ростиславлева // Великая французская революция и Россия. М.: Прогресс, 1989. С. 197–209.
96. Кареев Н.И. Отчет о русской исторической науке за 50 лет (1876–1926) / Публ. В.П. Золотарева, пер. с фр. А.Н. Лобовикова и В.П. Золотарева // Отечественная история. 1994. № 2. С. 136–154.
97. Карсавин Л.П. Философия истории. СПб.: АО "Комплект", 1993. 350 с.

98. Клементьев А.К. Николай Петрович Оттокар (Путь русского историка: Санкт-Петербург – Пермь – Петроград – Флоренция) // Исторические записки / Отв. ред. Б.В. Ананьич. М.: Наука, 2004. Вып. 7. С. 323–338.

99. Клементьев А.К. Николай Петрович Оттокар (русский исследователь политического устройства средневековой Европы) // Зарубежная Россия. 1917–1945. СПб.: Лики России, 2004. С. 97–104.

100. Клементьев А.К., Клементьева В.А. Три университета Николая Петровича Оттокара: Санкт-Петербург – Петроград – Пермь – Флоренция // Русские в Италии: Культурное наследие эмиграции. Международная научная конференция / Сост., науч. ред. М.Г. Талалая. М.: Русский путь, 2006. С. 377–404.

101. Клименко П. Рец.: Н.П. Оттокар. Опыты по истории французских городов в средние века. Записки Пермского Университета. Т. 1. Стр. 258. Пермь, 1919 // Україна. 1926. № 4. С. 143–144.

102. Ключев А.И. Из истории одной книги. Н.П. Оттокар и его книга «Флорентийская коммуна в конце Дудженто» в контексте эпохи // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. М., 2011. Вып. 34. С. 249–270.

103. Ключев А.И. Неизвестный известный медиевист. Размышления над страницами книги «Николай Оттокар-историк-медиевист» // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2011. Вып. 37. С. 366–375.

104. Ключев А.И. Н.П. Оттокар в коммуникативном пространстве Пермского университета // Мир историка: историографический сборник Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2009. Вып. 5. С. 256–275.

105. Ключев А.И. О стратегии написания исторической диссертации: «Опыты...» Н.П. Оттокара // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII – начала XX века. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 23–25.

106. Ключев А.И. Опыт исторических экскурсий Николая Оттокара // Всеобщая история и историческая наука в XX – начале XXI века: сборник статей и сообщений: В 2 т. / Сост. и отв. ред. Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинцев. Казань: Издательство Казанского университета, 2020. Т. 1 С. 181–184.

107. Ключев А.И. Пермский период жизни Николая Петровича Оттокара // Европа: международный альманах. Тюмень, 2010. Вып. IX. С. 52–66.

108. Ключев А.И. «Русский по происхождению, флорентиец по принуждению»: Н.П. Оттокар в Италии // Русское научное наследие за рубежами России: Материалы научной конференции 24–25 октября 2013 г. / Отв. ред. С.И. Михальченко. Брянск: РИО БГУ, 2013. С. 39–52.

109. Ключев А.И. «Русский след» в истории Италии: к истории создания «Enciclopedia italiana» // Мавродинские чтения–2018. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения профессора Владимира Васильевича Мавродина / Под ред. А.Ю. Дворниченко. СПб; Нестор-История, 2018. С. 580–583.

110. Ключев А.И., Метель О.В. Этапы становления институциональной структуры советской исторической науки (конец 1910-х – 1930-е гг. // Груздинская В.С., Ключев А.И., Метель О.В. Очерки истории институциональной структуры советской исторической науки 1920–1930-х гг. Омск: Полиграфический центр КАН, 2018. С. 10–22.

111. Ключев А.И., Свешников А.В. Миграция или эмиграция: о причинах географической мобильности советских медиевистов в 1920–1930-е гг. // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. Вып. 45. М., 2013. С. 131–143.

112. Ключев А.И., Свешников А.В. Новое издание воспоминаний Николая Петровича Анциферова // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. 2017. № 59. С. 352–357.

113. Ключев А.И., Свешников А.В. Представители петербургской школы медиевистики в Пермском университете в 1916–1922 гг. // Санкт-Петербургский университет в XVIII–XX вв.: европейские традиции и российский контекст: Труды международной научной конференции. 23–25 июня 2009 г. / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко, И.Л. Тихонов. СПб.: Ист. фак. Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2009. С. 350–364.

114. Ковалев М.В. Имперская идея в учебных нарративах русской эмиграции 1920–1930-х гг. // Электронный научно-образовательный журнал

«История». 2014. Выпуск 4 (27). URL: <http://history.jes.su/s207987840000732-4-1> (дата обращения: 03.08.2016).

115. Ковалев М.В. Русский историки-эмигранты в Праге (1920–1940 гг.). Саратов: Сарат. гос. техн. ун-т, 2012. 405 с.

116. Комолова Н.П. Профессор Флорентийского университета Н.П. Оттокар // Россия и Италия / Отв. ред. Н.П. Комолова. М.: Наука, 2003. Вып. 5: Русская эмиграция в Италии в XX веке. С. 157–165.

117. Комолова Н.П. Русская эмиграция в Италии в начале XX века (1905–1914 гг.) // Россия и Италия. М.: Наука, 1998. Вып. 3. XX век. С. 283–306.

118. Комолова Н.П. Страницы итальянской истории по Н.П. Оттокару // Комолова Н.П. Италия в русской культуре Серебряного века: времена и судьбы. М.: Наука, 2005. С. 396–403.

119. Компаньи Дино. Хроника событий, случивших в его время / Пер. с итал., статья, примечания М.А. Юсима. М.: «Канон+» РОИИ «Реабилитация», 2015. 303 с.

120. Кондрашев К.С. Антагонизм разных типов элит: на примере идей В. Парето // Наука и современность. 2010. № 5–2. С. 17–19.

121. Корзун В.П. Отечественная историческая наука на рубеже XIX–XX веков: «кризис» или расцвет? // Очерки истории отечественной исторической науки XX века / Под ред. В.П. Корзун. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2005. С. 11–33 и др.

122. Корзун В.П. Профессорская культура в провинции (элемент устойчивости) // Культура и интеллигенция сибирской провинции в XX веке: теория, история, практика. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2000. С. 208–211.

123. Косминский Е.А. Историография средних веков. V в. – середина XIX в. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1963. 430 с.

124. Косминский Е.А. Средние века и Новое время // Общественные науки СССР. 1917–1927 / Под ред. В.П. Волгина, Г.О. Гордона, И.К. Луппола. М.: Работник просвещения, 1928. С. 107–115.

125. Костицын В.И. Ректоры Пермского университета. 1919–2006. Изд. 2-е, перераб. и доп. Пермь: Пермский гос. ун-т, 2006. 352 с.
126. Котельникова Л.А. Феодализм и город в Италии в VIII–XV веках: по материалам центральных и северных областей. М.: Наука, 1987. 252 с.
127. Краснова И.А. История издания флорентийских семейных книг в XVIII–XX вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. 2017. Т. XXXVI. № 36. С. 284–285.
128. Краснова И.А. Основное социальное противоречие коммунального общества Флоренции XIII–XIV вв.: историографические версии // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2014. № 1. С. 144–148.
129. Краснова И.А. Флорентийское общество во второй половине XIII–XIV в.: гранды и пополаны, «добрые» купцы и рыцари. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 494 с.
130. Краснова И.А., Величко Л.Н. Борьба политических фракций или файда: истоки возникновения партий гвельфов и гибеллинов во Флоренции // Гуманитарные и юридические исследования. 2014. № 1. С. 18–25.
131. Краснова Ю.В. Университет как коммуникативное пространство (на примере столичных университетов России конца XIX – начала XX в.) // Мир историка: историографический сборник. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2008. Вып. 4. С. 285–303.
132. Крих С.Б. Упадок древнего мира в творчестве М.И. Ростовцева. Омск: Изд-во ИП Загурский С.Б., 2006. 251 с.
133. Кроче Б. Теория и история историографии / Пер с ит. И.М. Заславской. М.: Шк. "Языки рус. культуры": Кошелев, 1998. 191 с.
134. Кудаярова М.К. Основоположники концепций элитизма о взаимоотношении элиты и народа // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2012. № 4. С. 74–76.
135. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории: в 2-х т. М.: РОССПЭН, 2010. Т. 1. 408 с.

136. Латыпов Б.Н. Институт Итальянской энциклопедии (Треккани): история и опыт подготовки энциклопедических изданий // Вопросы энциклопедии. 2020. № 2. С. 20–24.

137. Лахман Р. Капиталисты поневоле: конфликт элит и экономические преобразования в Европе раннего Нового времени / Пер. с англ. А. Лазарева. М.: Территория будущего, 2010. 454 с.

138. Логунова Л.Ю. Биографический метод в исследовании личности: методология и архитектура // Вестник КемГУ. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2016. № 1. С. 17–22.

139. Лопухов Б.Р. Послевоенный кризис и установление фашистской диктатуры // История Италии: в 3 Т. М.: Наука, 1971. Т. 3. С. 5–87.

140. Лоскутова М.В. Географическая мобильность профессоров и преподавателей российских университетов второй половины XIX в.: постановка проблемы и предварительные результаты исследования // «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – начала XX в.: сб. ст. / Отв. Сост. А.Ю. Андреев. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. С. 183–221.

141. Майер Г.В., Фоминых С.Ф. Томский период в жизни академика Н.Н. Семёнова. URL: <http://www.tsu.ru/university/tsutoday/semenov.php> (дата обращения: 02.08.2016).

142. Макиавелли Н. История Флоренции / Пер. Н.Я. Рыковой. Общ. ред., послесл. и комм. В.И. Рутенбурга. 2-е изд. М.: Наука, 1987. 446 с.

143. Матвеев С.Р. Свобода и порядок: либеральный консерватизм Франсуа Гизо. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. 230 с.

144. Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX века: Курс лекций: В 2 кн. Томск: ТГУ, 2001. Вып. 1. Кризис историзма. 206 с.

145. Морозов А.А. Историки западноевропейского средневековья в исторической науке российской эмиграции (к постановке вопроса) // Вестник Омского университета. 2001. № 3. С. 63–66.

146. Морозов А.А. Некоторые вопросы методологии истории средневекового города в работах Н.П. Оттокара // Вестник Омского университета. 1999. № 4. С. 77–80.

147. Морозов А.А. Проблема становления средневекового города в трактовке Н.П. Оттокара // Социальные институты в истории: ретроспекция и реальность: материалы межвузовской региональной научной конференции. Омск: Изд-во ОмГУ, 2001. С. 19–23.

148. Морозов А.А. Русская медиевистика в эмиграции (Л.П. Карсавин, П.М. Бицилли, Н.П. Оттокар): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2001. 17 с.

149. Морозов А.А. Социальные институты в составе культуры: методологический аспект (в связи с работами П.М. Бицилли и Н.П. Оттокара) // Социальные институты в истории: ретроспекция и реальность: материалы V межвузовской региональной научной конференции. 1–2 ноября 2001 г. Омск: Изд. ОмГУ, 2003. С. 51–55.

150. Митрофанов В.В. О несостоявшихся лекциях С.Ф. Платонова в Пермском университете // Вестник Пермского университета. История. 2017. № 2 (37). С. 166–171.

151. Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2000. 295 с.

152. Мягков Г.П. «Русская историческая школа»: методологические и идейно-политические позиции. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1988. 198 с.

153. Нестерова Т.П. Джованни Джентиле и реформа высшего образования в Италии в 1920-е гг. // Европа: Международный альманах. Тюмень, 2010. Вып. IX. С. 67–72.

154. Нюркаева А.З. Исследования проблем древности, средневековья и славяноведения в Пермском университете (к 75-летию университета) // Античность Европы / Под ред. И.Л. Маяк, А.З. Нюркаевой. Пермь: ПГУ, 1992. С. 121–139.

155. Обухов Л.А. Власть и профессура (из истории Пермского университета 1917–1931 гг.) // Вестник Пермского университета. История. 2011. № 2. С. 145–153.

156. Обухов Л.А. Пермский университет в условиях военной диктатуры адмирала А.В. Колчака // Гражданская война на востоке России (ноябрь 1917 – декабрь 1922 г.): сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием, (18–20 ноября 2019 г.) / Отв. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск: Издательство СО РАН, 2019. С. 290–298.

157. Обухов Л.А. Прикамье в годы гражданской войны. URL: <http://www.permgani.ru/publikatsii/konferentsii/grazhdanskaya-vojna-na-vostoke-rossii/l-a-obuhov-prikame-v-gody-grazhdanskoj-vojny.html> (дата обращения: 30.10.2014).

158. Огурцов А.П. Биографический метод // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2010. Т. 1. С. 266–267.

159. Огурцов А.П. Т. Кун: между агиографией и просопографией // Философия науки. 2004. Т. 10. № 1. С. 3–48.

160. Оттокар Николай Петрович. URL: <http://bioslovhist.history.spbu.ru/component/fabrik/details/1/914-ottokar.html> (дата обращения: 27.07.2016).

161. Осипова Е.В. Социология Вильфредо Парето: Политический аспект. СПб.: Алетейя, 2004. 159 с.

162. Очерки истории исторической науки в СССР: в 4 т. / Под ред. М. Н. Тихомирова. М.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1955–1966. Т. 3. 830 с.

163. Панеях В.М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб.: Буланин, 2000. 444 с.

164. Парето В. Компендиум по общей социологии. Изд. 2-е. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2008. 511 с.

165. Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М.: Наука, 1992. 398 с.

166. Пермский государственный университет им. А.М. Горького: Исторический очерк 1916–1966 / Общ. ред. Ф.С. Горового. Пермь: Пермское книжное издательство, 1966. 294 с.
167. Пермь / Ред.-сост. М.Г. Гуревич. Пермь: Кн.изд-во, 1957. 501 с.
168. Петрова М.С. Просопография как специальная историческая дисциплина (на примере авторов Поздней Античности Макробия Феодосия и Марциана Капеллы). СПб.: Алетейя, 2004. 230 с.
169. Пиренн А. Средневековые города Бельгии / Пер. с фр. Е.А. Косминского. СПб.: Издательская группа «Евразия», 2001. 512 с.
170. Пиренн А. Средневековые города и возрождение торговли / Пер. с англ. С.И. Архангельского. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского государственного педагогического университета, 2009. 191 с.
171. Покидченко М.Г. СИСМОНДИ (Sismondi) Жан Шарль Леонар Симонд де // Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс] URL: <https://bigenc.ru/economics/text/3666361> (дата обращения: 25.12.2019).
172. Покровский М.Н. Общественные наука в России за четыре года // Наука в советской России. М.: Гос. изд-во, 1922. С. 3–16.
173. Полховская Е.Ю. Основные теоретические и методологические подходы к истории европейского города в отечественной медиевистике XX века: дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2002. 217 с.
174. Полховская Е.Ю. Становление отечественной средневековой урбанистики // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2007. № 1 (137). С. 41–44.
175. Попова Т.Н. Біцїллі Петро Михайлович. 1879–1953 // Одеські історики. Енциклопедичне видання. Том. 1 (початок XIX – середина XX ст.). Одеса: Друкарський дім, 2009. С. 49–52.
176. Попова Т.Н. Историография в лицах, проблемах, дисциплинах. Из истории Новороссийского университета. Одесса: Астропринт, 2007. 533 с.
177. Потехина И.П. Портал «Биографика СПбГУ» и новые возможности в изучении петербургской медиевистики // СВ. 2018. Т. 79. № 3. С. 180–195.

178. Пропп О.В. О политических взглядах пермской профессуры в годы гражданской войны. URL: <http://www.permgani.ru/publikatsii/konferentsii/grazhdanskaya-vojna-na-vostoke-rossii/o-v-propp-o-politicheskikh-vzglyadah-permskoj-professury-v-gody-grazhdanskoj-vojny.html> (дата обращения: 30.10.2014).

179. Рамазанов С.П. Кризис в Российской историографии начала XX века: в 2 частях. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1991. Ч. 1.: Постановка и попытка решения проблемы. 143 с.

180. Рахманов А.Б. Вильфредо Парето: известный и непознанный классик социологии // Личность. Культура. Общество. 2002. Т. IV. № 1–2. С. 182–189.

181. Рахманов А.Б. Гаэтано Моска – отец элитологии // Личность. Культура. Общество. 2001. Т. III. № 3. С. 141–148.

182. Репина Л.П. Интеллектуальная история в человеческом измерении // Человек второго плана в истории. Ростов н/Д: Логос, 2006. Вып. 3. С. 5–20.

183. Репина Л.П. Историческая биография и «новая биографическая история» // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. М., 2001. Спец. вып. Историческая биография и персональная история. С. 5–11.

184. Репина Л.Р. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 560 с.

185. Ризалити Р. Русские люди в Тоскане // Ризалити Р. Русская Тоскана / Под ред. М.Г. Талалая, пер. М.Г. Талалая. СПб.: Алетейя, 2012. С. 32–38.

186. Рихтер Я.А., Рихтер Т.Я. «Теперь работа, прежде всего работа особенно нужна для России...» (А.А. Рихтер в 1917–1923 годы в Пермском университете) // Историко-биологические исследования. 2020. Т. 12. № 1. С. 9–34.

187. Ростовцев Е.А. Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: Политическая энциклопедия, 2017. 903 с.

188. Рутенбург В.И. История средневековой Италии в трудах русских ученых XIX – начала XX в. // СВ. Вып. 25. М., 1964. С. 264–271.

189. Рутенбург В.И. Русские медиевисты об Италии // Объединение Италии: 100 лет борьбы за независимость и демократию. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. С. 155–165.

190. Садретдинов Г.К. Анри Пиренн о переходе от античности к средним векам // Садретдинов Г.К. Историографические этюды. Омск: Омск. гос. ун-т, 2003 С. 79–188.

191. Сванидзе А.А. Средневековые города Западной Европы: некоторые общие проблемы // Город в средневековой цивилизации Западной Европы: в 4-х т. Т. 1: Феномен средневекового урбанизма. М., 1999. С. 9–41.

192. Свешников А.В. В Париж в поисках себя // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. М., 2004. Вып. 11. С. 376.

193. Свешников А.В. «Вот Вам история нашей истории»: К проблеме типологии научных скандалов второй половины XIX – начала XX в. // Мир историка: Историографический сборник. Омск: Изд. Ом. гос. ун-та, 2005. Вып. 1. С. 231–261.

194. Свешников А.В. Иван Михайлович Гревс (1860–1941) // Портреты историков. Время и судьбы. М.: Унив. кн.; Иерусалим: Gesharim, 2004. Т. 3. С. 336–360.

195. Свешников А.В. Иван Михайлович Гревс и петербургская школа медиевистов начала XX в. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 415 с.

196. Свешников А.В. Итальянские путешествия русских историков начала XX века // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. М., 2005. Вып. 14. С. 190–206.

197. Свешников А.В. Как поссорился Лев Платонович с Иваном Михайловичем (История одного профессорского конфликта) // Новое литературное обозрение. 2009. № 96. С. 42–72.

198. Свешников А.В. Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. 406 с.

199. Свешников А.В. Правительственная политика в сфере зарубежных командировок русских ученых второй половины XIX – начала XX века // Расписание перемен: Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы). М.: НЛО, 2012. С. 849–887.

200. Свешников А.В. Медиевистика и модерн. О восприятии влияния внешних факторов на развитие исторической науки в русской историографии начала XX века // Преемственность и разрывы в интеллектуальной истории. Материалы научной конференции. М.: Ин-т всеобщ. истории РАН, 2000. С. 210–214.

201. Свешников А.В. Социальный статус и поведенческие стратегии «дореволюционных аспирантов-историков» // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI веков: сборник статей / Под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной, Ю.В. Красновой. Челябинск: Энциклопедия, 2011. С. 165–171.

202. Селунская Н.А. Италия, народ, коммуна в тоталитарном дискурсе медиевализма: Джоакинно Вольпе и В.И. Рутенбург // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2012. Вып. 39. С. 240–255.

203. Селянинова Г.Д. Г.В. Вернадский в Пермском университете: 1917–1918 гг. // Вестник Пермского университета. История. 2012. № 2 (19). С. 115–124.

204. Селянинова Г.Д. Деятельность общества исторических, философских и социальных наук при Пермском университете в 1918 году // Гражданская война на Востоке России: новые подходы, открытия, находки. Материалы научной конференции в Челябинске 19-20 апреля 2002 г. М.: Посев, 2003. С. 113–119.

205. Селянинова Г.Д. Общество исторических, философских и социальных наук при Пермском университете в 1917–1918 годах // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. М., 2008. Вып. 25/2. С. 233–270.

206. Сизинцева Л.И. Гуманитарные экскурсии нач. XX века. От памяти к истории, от истории к памяти // Международный журнал исследований культуры. 2015. № 2. С. 36–46.

207. Сковиков А. К. Гаэтано Моска об акторах политического управления и власти // PolitBook. 2012. № 4. С. 104–115.

208. Сорокина М.Ю. Российское научное зарубежье: новая экспериментальная площадка отечественной гуманитаристики? // Советская гуманитаристика. Мечты и прагматика в 1920–1950-е гг. / Отв. ред. Е.А. Долгова. М.: РГГУ, 2020. С. 14–30.

209. Стам С.М. Коммунальное движение // Советская историческая энциклопедия: в 16 т. / Под ред. Е.М. Жукова. М.: Советская энциклопедия, 1965. Т. 7. С. 577–580.

210. Стам С.М. Об одном реакционном течении в современной французской историографии средневекового города и о проблеме городского патрициата // СВ. М., 1964. Вып. 25. С. 299–310.

211. Стам С.М. Экономическое и социально развитие раннего города (Тулуза XI–XIII веков). Саратов, 1969. 429 с.

212. Степанов Б.Е. Знание о прошлом в теории экскурсии И.М. Гревса и Н.П. Анциферова // Феномен прошлого / Под ред. И.М. Савельева, А.В. Полетаев. М.: Издательский дом ГУ–ВШЭ, 2005. С. 419–475.

213. Степанов Б.Е. Навстречу прошлому: экскурсионная практика и философия памяти в творчестве И.М. Гревса и Н.П. Анциферова // Отечественные записки. 2008. № 43. С. 311–339.

214. Степанова Л. Ещё раз о «серебряном веке»: как у нас исследуют культурные влияния // Вопросы литературы. 2006. № 2. С. 328–354.

215. Стоклицкая-Терешкович В.В. Основные проблемы истории средневекового города. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960. 349 с.

216. Талалай М.Г. Профессор Николай Оттокар: русская академическая традиция и историческая науки в Италии // Гуманитарная наука в России и перелом 1917 года: экзистенциальное измерение / Ред. О.А. Довгополова, А.А. Каменских. СПб.: Алетейя, 2017. С. 135–147.

217. Талалай М.Г. Российский некрополь в Италии. М.: ООО «Старая Басманная», 2014. 906 с.
218. Таньшина Н.П. Франсуа Гизо. Политическая биография. М.: МПГУ, 2016. 362 с.
219. Тимченко В.В. Место знати и рыцарства в городской среде Флоренции XIII–XV вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2013. 22 с.
220. Трёльч Э. Историзм и его проблемы. М.: Юрист, 1994. 719 с.
221. Трубникова Н.В. Историческое движение Анналов. Институциональные основы: традиции и новации: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2007. 49 с.
222. Тьерри О. Городские коммуны во Франции в средние века / Пер. с фр., предисл. Н.И. Кареева. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 248 с.
223. Тьерри О. Избранные сочинения // Пер. с фр., ред. и предисл. О.Л. Вайнштейна. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. XXVI, 438 с.
224. Уваров П.Ю., Попова Г.А. Почему социальные системы западноевропейского средневекового города? // Городские сообщества Западной Европы в Средние века. М.: Индрик, 2018. С. 11–33.
225. Филатов Г.С. Усиление империалистических тенденций фашистской Италии // История Италии: в 3-х Т. М.: Наука, 1971. Т. 3. С. 88–143.
226. Фролов Э.Д. Русская наука об античности. Историографические очерки. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2006. 608 с.
227. Хайдаров Т.Ф. Средневековый Данциг в немецкой историографии: XIX – 30-е годы XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2008. 22 с.
228. Хряков А.В. Происхождение средневекового города: развитие отечественной медиевистики в свете одной проблемы // Исторический ежегодник. 1997. Омск: Изд. Ом. гос. ун-та, 1998. С. 76–83.
229. Цемш Н.С. Проблема происхождения французского города в научной литературе // Россия и Запад. Пг.: Accademia, 1923. Вып. 1. С. 168–183.

230. Цыганков Д.А. Профессор В.И. Герье и его ученики. М.: РОССПЭН, 2010. 503 с.

231. Шевцова З.И., Гапонов В.В. Страницы жизни лейб-медика семьи Николая II Владимира Николаевича Деревенко. URL: <http://tksu.ru/kasoprs/Lists/IV/Attachments/36/%D0%A8%D0%B5%D0%B2%D1%86%D0%BE%D0%B2%D0%B0%20%D0%97.%D0%98.%20%D0%92%D1%8B%D1%81%D1%82%D1%83%D0%BF%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5.pdf> (дата обращения: 02.08.2016).

232. Шилов А.В., Шумилов Е.Н. Пермская губернская ученая архивная комиссии (ПУАК). URL: <http://enc.permculture.ru/showObject.do?object=1803701032&idParentObject=1804113850> (дата обращения: 02.08.2016).

233. Уваров П.Ю. Читают ли российских историков за границей // Знание-сила: научно-популярный журнал. URL: <http://znanie-sila.ru/magazine/05-2011/chitayut-li-rossijskih-istorikov-za-granitsej> (дата обращения: 01.08.2014).

234. Юсим М.А. Франческо Гвиччардини – от «Истории Флоренции» к «Истории Италии» // Новая и новейшая история. 2018. № 4. С. 3–14.

235. Юсим М.А. Хроника флорентийских смут на пороге Нового времени (Дино Компаньи) // Электронный научно-образовательный журнал "История". 2016. № 6 (50). С. 7.

236. Яковлев М.В. «На Адриатику широкое окно». Размышления о книге: Комолова Н.П. «Италия в русской культуре Серебряного века: времена и судьбы» // Культурология. 2006. № 4. С. 147–159.

237. Ямпольская А.В. "Хроника" Дино Компаньи: автор и его персонажи // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. 2007. № 3 (9). С. 121–139.

238. Ястребицкая А.Л. Европейский город (Средние века – раннее Новое Время). Введение в современную урбанистику. М.: ИНИОН, 1993. 272 с.

239. Ястребицкая А.Л. Оттокар Николай Петрович // Культурология. XX век: Энциклопедия: в 2 т. / Гл. ред. и сост. С.Я. Левит. СПб.: Унив. кн., 1999. Т. 2. С. 111–112.
240. Ястребицкая А.Л. Средневековая культура и город в новой исторической науке. М.: Фирма «Интерпракс"», 1995. 411 с.
241. Afzelius A. Johan Plesner (6 april 1896 – 10 september 1938) // Acta Jutlandica. 1939. XI. 2. P. 17–22.
242. Artifoni E. Salvemini e il Medioevo: storici italiani tra Otto e Novecento. Napoli: Liguori, 1990. 266 p.
243. Becker M. Florentine essays. Selected Writings by M.B. Becker // Coll. by J. Banker & C. Lansing. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2002. P. 106; Blanshei S. Politics and justice in late medieval Bologna. Leiden; Brill; Biggleswade, 2010. VIII, 312 p.
244. Blanshei S.R. Politics and Justice in Late Medieval Bologna. Leiden: Brill; Biggleswade, 2010. VIII, 671 p.
245. Bloch M. Rec.: Johan Plesner. L'emigration de la campagne à la ville libre de Florence au XIIIe siècle. Copenhagen, 1934 // Le Moyen age. Revue trimestrielle d'histoire et ed philology. 1936. № 3. P. 194–195.
246. Cammarosano P., Pinto G., Zorzi. A. I primi secoli della storia di Firenze: a proposito dei volumi: Firenze nell'età romanica di Enrico Faini; Popolani e magnati di Silvia Diacciati; Il Comune di Firenze tra Due e Trecento di Piero Gualtieri // Annali di storia di Firenze. 2011. № 6. P. 221–242
247. Capitini A. Perugia: punti di vista per una interpretazione. Firenze: La Nuova Italia, 1947. 26 p.
248. Cavaterra A. La rivoluzione culturale di Giovanni Gentile. La nascita della Enciclopedia italiana / Pref. G. Parlati. Siena: Cantagalli, 2014. 223 p.
249. Cavina P. Gaetano Salvemini e Gioacchino Volpe: dalla storia medievale alla storia contemporanea. Pisa: Edizioni della Normale, 2008. 277 p.

250. Cherubini G. Gaetano Salvemini – Testimonianza // L'Università degli Studi di Firenze fra istituzioni e cultura nel decennale della scomparsa di Giovanni Spadolini / A cura di S. Rogari. Firenze: Firenze university press, 2005. P. 54–61.
251. Cherubini G. Sergio Gensini e il centro di studi sulla civiltà del tardo medioevo // L'Italia alla fine del Medioevo. I caratteri originali nel quadro europeo / a cura di Fr. Salvestrini. Firenze: Firenze University press, 2006. Vol. I. P. 469–472.
252. Cohn S.K. Creating the Florentine State: Peasants and Rebellion, 1348–1434. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. XIII, 308 p.
253. Cohn S.K. Lust for Liberty: The politics of Social Revolt in Medieval Europe, 1200–1425: Italy, France, and Flanders. Cambridge, Mass.; London: Harvard University Press, 2006. X, 376 p.
254. Coss P. The aristocracy in England and Tuscany, 1000-1250. Oxford; New York, NY: Oxford University Press, 2020. 499 p.
255. Croce B. Rec.: Ottokar N. Il Comune di Firenze alla fine del Duecento. Firenze, 1926 // La Critica. Rivista di Letteratura, Storia e Filosofia. 1927. № 25. P. 238–241.
256. Croce B. Storia della storiografia italiana nel secolo decimonono: 1–2 vol. Bari: Laterza, 1921. Vol. 2. 272 p.
257. D'Addario A. Nicola Ottokar (1884–1957) // Archivio storico italiano. 1957. Vol. 115. Disp. III. P. 379–381.
258. Davidsohn R. Forschungen zur älteren Geschichte von Florenz. Berlino: Mittler und Sohn, 1896–1908. Vol. 1–4.
259. Davidsohn R. Geschichte von Florenz. Berlino: E.S. Mittler & Sohn, 1896–1927. Vol. 1–7
260. Diacciati S. Popolani e magnati: società e politica nella Firenze del Duecento / present. di J.-Cl. Maire Vigueur. Spoleto: Fondazione Centro italiano di studi sull'Alto Medioevo, 2011. XXXII, 466 p.
261. English E. Society, Elite Families, and Politics in Late Medieval Italian Cities // A companion to the Medieval World / Ed. by C. Lansing, E. English. Chichester: Wiley-Blackwell, 2009. P. 185–208.

262. Erdmann K.D. Toward a Global Community of Historians. The International Congresses and the International Committee of Historical Sciences 1898–2000. New York; Oxford: Berghahn Books, 2005. XVI, 430 p.
263. Espinas G. Rec.: Ottokar N. Le città francesi nel medio evo // *Annales d'histoire économique et sociale*. 1929. Vol. 1. № 1. P. 111–113.
264. Faini E. Firenze nell'età romanica (1000–1211): l'espansione urbana, lo sviluppo istituzionale, il rapporto con il territorio. Firenze: Olschki, 2010. XXXVII, 441 p.
265. Gaetano Salvemini (1873–1957). Ancora un riferimento, Atti del Convegno di studi, Roma 2007 // A cura di G. Pescosolido. Manduria; Bari; Roma: Lacaita, 2010. P. 13–28.
266. Gaetano Salvemini: l'uomo, il politico, lo storico / A cura di M. Grazzo. Calimera: Kurumuny, 2007. 140 p.
267. Gelzer M. Die Nobilität der römischen Republik. Berlin; Leipzig: B.G. Teubner, 1912. VI + 120 p.
268. Green L. Historiography // *Medieval Italy: an encyclopedia* / Ed. C. Kleinhenz. New York: Routledge, 2003. Vol. 1. P. 1024–1026.
269. Gualtieri P. Il Comune di Firenze tra Due e Trecento. Partecipazione politica e assetto istituzionale. Firenze: Leo S. Olschki editore, 2009. XV, 324 p.
270. Grunzweig A. Rec.: Ottokar N. Il Comune di Firenze alla fine del Duecento. Firenze, Valecchi, 1926. // *Revue belge de philologie et d'histoire*. 1928. Vol. 7. № 3. P. 1131–1138.
271. Italy in the central Middle Ages: 1000–1300 / Ed. by D. Abulafia. Oxford: Oxford University Press, 2004. XIV, 299 p.
272. Kent F.W. «Be rather loved than feared»: class relations in Quattrocento Florence // *Society and Individual in Renaissance Florence* / Ed. by W.J. Connell. Berkeley; London: University of California Press, 2002. P. 13–50.
273. Killinger Ch. Gaetano Salvemini: a biography. Westport: Conn.: Praeger, 2002. XX, 348 p.

274. Landogna P. Rec.: Ottokar N. Il Comune di Firenze alla fine del Dugento. Firenze, 1926 // Nuova Rivista Storica. 1926. fasc. I. P. 599–601.
275. Lansing C. The Florentine magnates: lineage and faction in a medieval commune. Princeton, N.J.; Oxford: Princeton University Press, 1991. XIV, 265 p.
276. Magnati e popolani nell'Italia comunale: quindicesimo convegno di studi: Pistoia, 15–18 maggio 1995. Pistoia: presso la sede del Centro, 1997. X, 472 p.
277. Marrassini P. Una Facoltà improduttiva: Lettere fra cultura e politica // L'Università degli Studi di Firenze, 1924–2004. Firenze: L.S. Olschki, 2004. P. 49–164.
278. Marrou H.-I. Tristesse se l'historien // Vingtième siècle. Revue d'histoire. 1995. № 45. Janvier – mars. P. 109–132.
279. Maturi W. Rec.: Ottokar N. Le città francesi nel Medio nel Medio Evo. Firenze, 1927 // Nuova Rivista Storica. 1928. fasc. IV. P. 651–652.
280. Medici D., Parenti P., Raveggi S., Tarassi M. Ghibellini, guelfi e popolo grasso: i denetori del potere politica a Firenze nella seconda metà del Dugento. Firenze: La Nuova Italia, 1978. XXI, 365 p.
281. Mucciarelli R. Magnati e popolani: un conflitto nell'Italia dei comuni (secoli 13.–14.). Milano: Bruno Mondadori, 2009. 189 p.
282. Nails D. The People of Plato: A Prosopography of Plato and Other Socratics. Indianapolis, IN; Cambridge: Hackett Pub, 2002. XLVIII, 414 p.
283. Najemy J. A History of Florence. 1200–1575. Oxford: Blackwell, 2006. XI, 515 p.
284. Najemy J.M. Corporatism and consensus in Florentine electoral politics 1280–1400. Chapel Hill: North Carolina U.P., 1982. 344 p.
285. Nicola Ottokar storico del medioevo. Da Pietroburgo a Firenze / A cura di L. Pubblici, R. Risaliti; presentazione di G. Cherubini. Firenze: Leo S. Olschki editore, 2008. 146 p.
286. Pieri P. Rec.: Nicola Ottokar. Il Comune di Firenze alla fine del Dugento. Firenze, Valecchi, 1926, pp. 292 // Archivio storico italiano. 1927. Vol. VIII. P. 90–96.
287. Plesner J. L'Émigration de la champagne à la ville libre de Florence au XIIIe siècle. Copenhagen: Gyldendal, 1934. 240 p.

288. Poggioli R. Tre poeti russi // Il Convegno. 1930. № 3–4. 25 aprile. P. 81–87.
289. Proste A. Seignobos revisit  / A. Proste // Vingti me Si cle. Revue d'histoire. 1994. Vol. 43. № 1. P. 100–118.
290. Pubblici L. Nicola Ottokar e la storia della Russia. L'eurasismo nella riflessione storica di un medievista *eterodoso* // Annali dell'Istituto Orientale. 2021. (nella stampa).
291. Ragionieri E. Gaetano Salvemini storico e politico // Belfagor. 1950. № 5. P. 514–536.
292. Raveggi S., Tarassi M., Parenti P., Medici D. Ghibellini, guelfi e popolo grasso: i detentori del potere politico a Firenze nella seconda meta del Duecento. Firenze: La Nuova Italia, 1978. XXI, 365 p.
293. Ricciardelli F. The Politics of Exclusion in Early Renaissance Florence. Turnhout: Brepols, 2007. XIV, 294 p.
294. Robert Davidsohn. Giornalista, storico e spirit libero // Lasciato Davidsohn [Электронный ресурс] URL: <http://wwwext.comune.fi.it/comune/biblioteche/davidsohn/dav05bis.htm#Giornalista> (data обращения: 15.01.2020).
295. Rogari S. Il «Cesare Alfieri» da Istituto a Facolt  di Scienze Politiche // L'Universit  degli Studi di Firenze, 1924–2004. Firenze: Olschki, 2004. P. 677–739.
296. Rubinstein N. La lotta contro i magnate. II. Le origini della legge sul “sodamento”. Firenze: Olschki, 1939. 57 p.
297. Salvadori M. Gaetano Salvemini. Torino: Piccola biblioteca Einaudi, 1963. 264 p.
298. Salvemini G. Magnati e Popolani in Firenze dal 1280 al 1295. Firenze: Tip. G. Carnesecchi e Figli, 1899. 432 p.
299. Sestan E. Nicola Ottokar // Rivista storica italiana. 1959. Fasc. I. P. 178–184.
300. Nicola Ottokar // Scritti vari. Vol. 1–5. Firenze: Le Lettere, 1991. Vol. III. Storiografia dell'Otto e Novecento / A cura di G. Pinto. P. 345–354.

301. Sestan E. Salvemini storico e maestro // Rivista storica italiana. 1958. Anno LXX. Fasc. I. P. 5–43.
302. Storia d'Italia / Diretta da Giuseppe Galasso. Torino: UTET, 1981. Vol. 4. Comuni e signorie: istituzioni, società e lotte per l'egemonia / Capitani O. ed altri. XIX, 693 p.
303. Tabacco G. La città italiana fra germanesimo e latinità nella medievistica ottocentesca // Italia e Germania. Immagini, modelli, miti fra due popoli nell'Ottocento // A cura di R. Elze, P. Schiera. Bologna; Mulino, 1988. P. 23–42.
304. Tanzini L. Ildefonso di San Luigi // Storia di Firenze. Il portale per la storia della città [Электронный ресурс] URL: <https://www.storiadifirenze.org/?storici=ildefonso-di-san-luigi> (дата обращения: 25.12.2019).
305. Tanzini L. Robert Davidsohn // Storia di Firenze. Il portale per la storia della città [Электронный ресурс] URL: <https://www.storiadifirenze.org/?storici=davidsohn-robert> (дата обращения: 10.10.2018).
306. Tanzini L. Pasquale Villari // Storia di Firenze. Il portale per la storia della città [Электронный ресурс] URL: <https://www.storiadifirenze.org/?storici=villari-pasquale> (дата обращения: 15.11.2018).
307. The New Cambridge Medieval History. Vol. V: c. 1198 – c. 1300 // Ed. by D. Abulafia. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 1070 p.
308. Villari P. I primi due secoli della storia di Firenze. Nuova ed. interamente riveduta dall'Autore Firenze: Sansoni, 1905. XV + 527 p.
309. Zorzi A. La trasformazione di un quadro politico: ricerche su politica e giustizia a Firenze dal commune allo Stato territorial. Firenze: Firenze University press, 2008. XI, 301 p.

Список условных обозначений и сокращений

ACS – Archivio centrale di Stato, Rome

AS – Archivio storico

CASNS – Centro Archivistico Scuola Normale Superiore

IE – Enciclopedia italiana di scienze, lettere ed arti

IEI – Istituto della Enciclopedia Italiana

АРАН – Архив Российской Академии наук

ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив г. Санкт-Петербурга

ГАПК – Государственный архив Пермского края

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки

СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук

НЛО – Новое литературное обозрение

НЭС – Новый энциклопедический словарь

СВ – Средние века

БСЭ – Большая советская энциклопедия